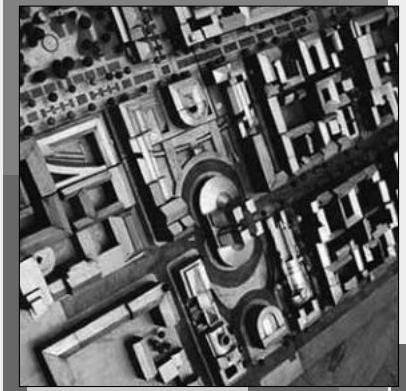
ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ







ОДЕССКИЙ АЛЬМАНАХ

36

ОДЕССА, 2009

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 36 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. — Одесса: "Печатный дом", 2009. — 320 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.
Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.
Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0
© Авторство художественных текстов, 2009

От редакции

Первого апреля Одесса укрепляется в статусе Столицы юмора, к чему с присущим нам скепсисом и самоиронией всерьез относиться трудно, но все же приходится. Если уж и вспоминать в эти дни о Королях Смеха, Законодателях Высокого Стиля сатиры и юмора, то прежде всего, – об уникальной плеяде молодых писателей, поэтов, журналистов, которые в первые десятилетия 20 века блистали талантом среди себе подобных на собраниях литературных и театральных клубов, кружков, объединений.

Одним из них был "Коллектив поэтов", нашедший в разоренном 1920 году приют в доме на улице Дворянской – между Садовой и Нежинской. О его заседаниях – состязаниях в мастерстве – рассказывает Нина Гернет. Ее рассказы и воспоминания передал нашему альманаху сын Эрик Гернет. Среди самых ярких фигур, запомнившихся мемуаристке, – молодой Илья Ильф: "Худой, высокий... обыкновенно садился на низкий подоконник, за спиной всех"...

Любопытно, что Н. Гернет цитирует те же ранние стихи Ильфа, что и его дочь, размышления которой об отце и его творчестве свидетельствует о том, что Александра Ильинична унаследовала не только отчество и фамилию, но и талант.

И еще один мемуарист представлен в этом номере – член литературного объединения "Потоки Октября", которым руководил Эдуард Багрицкий. Язвительные остроумцы Ильф и Петров спустя годы вывели своего одесского знакомца Осипа Сиркеса в образе поэта-многостаночника Никифора Ляписа-Трубецкого, автора поэмы о Гаврииле, который кем только не служил... А между тем впоследствии Сиркес под поэтическим псевдонимом Осип Колычев написал слова ко многим знаменитым песням из репертуара Ансамбля им. Александрова. Среди них – и "Непобедимая и легендарная", под которую маршировали во время армейской службы многие наши читатели.

Постоянный автор альманаха Алена Яворская подготовила публикацию воспоминаний нашего земляка, среди которых – и заметки о далекой молодости в послереволюционной Одессе. Они заканчиваются на ностальгической ноте: "Ах, как крепко мы были слиты и спаяны в те дни!..".

Поздравляем!

Михаилу Михайловичу Жванецкому – достойному продолжателю высоких традиций Одесской литературной школы – исполнилось 75 лет.

Поздравляем Юбиляра и вместе с наилучшими пожеланиями выражаем ему благодарность за новые рассказы, публикуемые в этой книге альманаха.

Олег ГУБАРЬ

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ним общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", уже 12 лет плодотворно работает на отечественном рынке недвижимости. Предлагаем вниманию читателей продолжение монографии, посвященной целостной истории градостроительства Южной Пальмиры. Столь масштабного исследования по заявленной проблематике до настоящего времени еще не было.



Отвод мест под частные постройки и заведения Обстоятельства застройки

Самый первый реестр отвода мест частным лицам под застройку от 15 сентября 1794 г. опубликован в третьем томе "Записок Одесского Императорского общества истории и древностей".[1] Однако есть все основания сомневаться в том, что осенью 1794-го действительно могли быть произведены какие-либо постройки. Препятствовали не только вышеупомянутые негативные обстоятельства, но и неблагоприятный сезон. Зимой не строили, разве что заготовляли строительные материалы. Тем более что зима с 1794-го на 1795-й год выдалась особенно суровой.[2]

В этом отношении крайне любопытен документ, любезно предоставленный мне в копии московским историком А.К. Афанасьевым, работающим с личным архивом генерал-аншефа князя А.А. Прозоровского. 22 августа 1796 г., ровно через два года после официальной закладки города, Прозоровский получил подписанный "директором над крепостными строениями по южной границе" инженером полковником Францем де Воланом открытый лист на два места в Одессе под застройку домами. "Открытый лист" сопровождается следующей "Нотой [...] о построении в Одессе на его сиятельства назначенном месте, каких нужно материалов к будущему лету заготовить", очень четко рисующей сезонный характер строительства:

"1-е. Заблаговременно по теперешнему зимнему времени заготовить камню пиленого и бутового; на сие надобно подрядить подрядчика, набить камня и вывезти оный на показанное место; пиленый камень — каждая штука длиною в аршин, а толщиною и шириною от 7-ми до 8-ми вершков; подрядить можно: пиленый — от каждой тысячи с доставкою на место по ста пятидесяти рублей, а бутового сажень с доставкою — по четыре рубли. Камень заготовляется на урочище Куяльник, от Одессы расстоянием в 7-ми и 9-ти верстах.

2-е. Извести для работы и штукатурки купить можно в Одессе, оная продается по теперешнему зимнему времени девяносто копеек и рубль четверть.

3. Для каменной работы класть стены; теперешним зимним временем подрядить подрядчика класть стену его мастеровыми, подносчиками, кроме материалов; стены кладутся обыкновенно в казенных и партикулярных работах толщиною в один аршин на глине, по краям на два вершка для швов класть известь. Подрядчика подрядить можно от квадратной сажени по шести рублей. Если ж теперешним зимним временем не подрядишь, то на будущее лето, когда начнутся казенные и партикулярные работы, тогда дороже.

4-е. Для возки воды, песку и других домашних экстренностей прислать собственных своих пять пар волов с исправными фурами, упряжью и людьми.

5-е. Для возки воды купить бочек три и сливки оной перерезов три, продаются каждая штука по три рубля.

6-е. На смазку колес на фурах потребно на все лето возового дегтю до пятидесяти ведер: каждое зимним временем по одному рублю пятьдесят копеек, а летом по два рубля ведро.

7-е. Для риштованья на увязку лесов и прочих по дому надобностей нужно канату десять пудов: в Одессе пуд по четыре рубля.

8-е. Какой по смете против плану нужен будет лес; в Одессе есть продажный у вольных продавцов: кроква трехсаженная по одному рублю, доска трехсаженная толщиною в вершок, а шириною 6 вершков — один рубль пятьдесят копеек, латвина трехсаженная — пятьдесят пять копеек, шелеванка трехсаженная — шестьдесят копеек, драньхорошая, тысяча — по пятидесяти рублей, а похуже — сорок пять рублей; но все сии цены состоят зимою, а летом дороже.

9-е. На балки соснового лесу подрядить можно подешевле в Херсоне и доставить Черным морем до Одессы казенными плотами; цены бывают

разные — по лесу. Другая есть водяная коммуникация по Днестру, из Галиции до Маяк, препровождают казенные леса; но там лес еловый, непрочный и старого более заготовления. Ежели князь Александр Александрович (Прозоровский. — **О. Г.**) пожелает оттуда подрядить, то для выгоды цен попросить поставщика казенных лесов в Одессе, комиссионера господина Заппе. Оный с своими плотами препроводит до Маяк. А оттуда можно на нанятых подводах — в Одессу; Маяки от Одессы — сорок пять верст.

10-е. Для петель дверных и прочего купить можно железа в Одессе, а другие мелкие припасы железные в Херсоне, и доставить можно помощью его сиятельства князя Григория Семеновича (Волконского. — **О. Г.**); из железа могут поделать в Одессе кузнецы его сиятельства.

11-е. Так как нужен будет при магазинах для жительства и дом какой ни на есть, то подрядить для окон стекла дешевле в Польше, и доставить в Дубоссары, а оттуда доставят в Слободзею и Одессу от его сиятельства князя Григория Семеновича; а для печей кирпич жженый можно купить в Одессе тысячу от 18 до 20-ти рублей.

12-е. На поделку дверей, рам к окнам плотников нанять в Одессе вольных; они ж могут крыть крышу и прочие поделки; нанимают в месяц от 23-х до 25-ти рублей, а на первый случай плотников можно дать из дому его сиятельства князя Григория Семеновича, им в день платить по 20 коп.

13. Для копания фундамента и прочей по дому работы надобно железных лопаток 15, деревянных 15, топоров 15, ломов железных десять.

14. Если в доме штукатурные будут потолки, то для штукатурки купить алебастру хорошего в Херсоне, доставить можно в Одессу помощью князя Григория Семеновича; алебастр есть и в Одессе, в горе сысканный, но непрочный для штукатурки.

15. На первый случай от стороны его сиятельства князя Григория Семеновича дается бутового камня 40 сажень, который состоит от Одессы в 4 верстах; для перевозки оного на место нанять подводы.

16. Для досмотру и подряду всех сих вещей знающего по домашней экономии или домостроительству прислать офицера.

А вышеописанные вещи или материалы непременно изготовить заблаговременно, мая к 1-му числу, и ежели все заготовлено будет, то кроме штукатурки и окончить можно все строением одним летом".

Документ дает полное представление о раннем домостроительстве, включая типологию застройки. Маленькие и относительно небольшие здания строили буквально в течение нескольких теплых месяцев. Разу-

меется, если был заготовлен материал и договорены исполнители. Подряды нельзя назвать дешевыми. Многие стройматериалы приходится доставлять издалека. Ощущается дефицит и в гужевом транспорте: Прозоровскому рекомендуют прислать собственных волов, фуры и фурщиков. Тем не менее, уже в первый строительный сезон 1795 г. явно наработан положительный опыт. Главный воинский начальник края князь Г.С. Волконский, как видим, откровенно использует служебное положение (что было в порядке вещей) и готов помочь коллеге: скажем, упомянутые плотники с оплатой в два гривенника поденно определенно нижние чины, его подчиненные. Он имеет возможность практически за казенный кошт доставлять лес и проч. Из контекста ясно, что собственный дом Волконского, который находился в III квартале Военного форштата (начало нечетной стороны улицы Ришельевской), уже отстроен и оканчивается внутренней отделкой. Об использовании солдат-мастеровых — каменщиков, плотников, чернорабочих — для разнообразных нужд пишет и К.Н. Смольянинов.[3] О военном укладе нарождающейся Одессы и "военном самоуправстве" при практическом отсутствии института городского самоуправления пишет В.А. Яковлев[4] и другие исследователи.

К слову, Прозоровский, несмотря на поддержку высшего регионального воинского начальника, так и не построился в Одессе. Почему? Да потому что в ноябре 1796 г. скончалась императрица, и "одесский проект" был временно заморожен. Многие потенциальные застройщики в это момент не видели перспектив и отказались от своих намерений. Этот факт раз за разом прослеживается в архивных документах: скажем, отведенные в 1795 г. места вторично отводятся другим претендентам уже после улучшения ситуации, в 1802 г.[5] Что касается Прозоровского, то он нисколько не пострадал после одесской потери: в 1800-е годы владел в Екатеринославской губернии огромными поместьями, завел 500 шленских и 100 испанских овец, производил на экспорт шерсть и готовую ткань.[6]

Из материалов, опубликованных А. Орловым[7], видно, что, скажем, греческие переселенцы получали заимообразно с августа 1795 г. от 350 до 1.500 рублей на домостроительство, в том числе промышленное. При этом они давали письменные обязательства завершить постройку на местах, отведенных "цейхмейстером майором Шароем", до конца октября того же года. Выдача ссуд продолжалась до начала 1796 г., и, следовательно, сооружение зданий представителями этой категории поселенцев осуществлялось как в августе-октябре 1795-го, так и весной-осенью 1796-го. Тот же А. Орлов уточняет сообщение К. Смольянинова о строительстве 16-ти ка-

зенных каменных флигелей (то есть "арнаутских казарм") для переселенцев из Архипелага.[8] Они сооружены по подряду именитым гражданином Евтеем Кленовым в конце 1795 г. (подробности будут рассмотрены ниже, в разделе, посвященном Арнаутской Слободке).

Хотя упоминавшиеся журналы инженерной команды и не сохранились, однако конкретные ссылки на эти журналы довольно часто встречаются в делах ОСК, в особенности касающихся отвода новых и передачи незастроенных участков другим лицам. Таких дел в фонде 59 немало (1804-1808, 1810, 1812-1822 гг. и др.). Лакуны в значительной степени восполняются "Журналами Одесского строительного комитета" разных лет, хранящимися в фонде 2. Документы эти свидетельствуют, в частности, о том, что реестр раздачи мест уже в 1795 г. существенно откорректирован по сравнению с первичным, от 15 сентября 1794 г. Так, например, еще в магистратском деле об отводе[9] значится место в 36-м квартале, перешедшее в 1803 г. к одному владельцу от другого, получившего оное от Одесской инженерной команды в 1795 г. В том же деле — аналогичная ситуация, но речь идет о местах в 31-м и 33-м кварталах.[10]

В "отводных делах" ОСК довольно много подобных ссылок. 18 сентября 1805 г. жена умершего дворянина Василия Власто Катерина просит под застройку место № 312, на Военном форштате, в XXI квартале. По справке ОСК, оное место было отведено в 1795 г. инженерной командой оберпровиантмейстеру Григорию Зимину. Согласно существующей процедуре, на место (улица Екатерининская, нечетная сторона, меж Большой и Малой Арнаутскими) отправляется городской архитектор Ф. Франполли и фиксирует, что оно до настоящего времени не застроено. Посему Комитет передает его просительнице.[11] 5 июня 1805 г. дворянин Феодосий Капелете (Канелете) купил дом у губернского секретаря Панаиота Панатора (Панедора) на Военном форштате, в XXXVI квартале, № 330, 331. По журналу инженерной команды, в 1795 г. оно отведено указанному продавцу, тогда еще подпоручику[12] — по четной стороне улицы Базарной, меж Екатерининской и Базарным переулком.

Еще более показательно упоминание об отводе места именитому гражданину Евтею Кленову, одному из самых ярких представителей городского гражданства нарождающейся Одессы. Он, естественно, числится в ведомости от 15 сентября 1794 г. как получивший место на Военном форштате, в VIII квартале, № 58. Это середина нечетной стороны Ришельевской, меж Дерибасовской и Греческой. В архивном деле 1807 г., однако, значится, что место сие, где ныне "дом со службами", отведено инженер-

ной командой в 1795 г.[13] Все это говорит о том, что первичная ведомость 1794 г. не привела к немедленному отводу мест. Или, по крайней мере, не все эти места были тотчас же отмежеваны инженерной командой: то есть они отчасти отводились лишь на плане (застройщикам выдавалась выкопировка с генерального плана отведенных им и смежных мест с указанием владельцев оных), но не в натуре.

Первичные "открытые листы" вручались с обязательством непременной застройки безвозмездно отводимого участка в трехлетний срок. Вот один из таких стандартных документов:

"Открытый лист.

В сходственность ее императорского величества указа, всемилостивейше мне данного мая в 27-й день сего 1794-го года, по прошению поляка Семена Островского дано в городе Гаджибее одно место для построения дома, означенное на высочайше опробованном плане на Военном форштате, в X квартале, под № 80-м, длиною двадцать две с половиною, шириною по улице и в дворе по пятнадцати сажень; по смежности с оным с одной стороны — № 79, поляка Желтовского, с другой — 130, артиллерии штык-юнкера Шостака, да за двором — № 77, артиллерии подпоручика Горголия; а дабы выполнить высочайшую волю, то непременно каждый получивший место должен построить дом, который и с местом тогда уже имеет право продать, заложить и во всякой крепости укрепить, а если через три года от ниже писанного числа дом построен не будет, то данное место будет взято в казенное ведомство; при сем объявляется, что получивший одно или несколько мест в городе обязан исправлять все должности гражданские по установленным законам с того времени, как о сем от главного начальства объявлено будет. Дан сей в Аджибее августа 30 дня 1794-го года.

Ее императорского величества всемилостивейшей государыни моей вице-адмирал, командующий Черноморским гребным флотом, над строениями Военной гавани, Купеческой пристани и города Гаджибея главный начальник, Черноморского гренадерского корпуса шеф и орденов Святого Александра Невского, военного Святого великомученика и победоносца Георгия 2-го класса и Святого равноапостольного князя Владимира 2-й степени и мальтийского креста кавалер Жозеф де Рибас.

В Экспедиции строения военной гавани и города Гаджибея в журнал под № 119 записан, и скопировка с генерального плана дана октября 1 дня 1794 года. Инженер-капитан и кавалер Федор Кейзер. Секретарь Андрей Дементьев".[14]

Лишь после того, как факт наличия постройки фиксировался, земля и строения поступали в собственность застройщика, ему выдавались владельческие документы. Только теперь он мог продать, заложить, подарить, передать свою недвижимость в наследство, но не прежде. Таким образом, незастроенное место официально продаже не подлежало. Реально же, конечно, пустопорожние места под разными предлогами переходили из рук в руки, нередко по три-четыре и более раза. До поры до времени администрация глядела на эту вакханалию сквозь пальцы, обеспокоенная лишь тем, чтобы пустоши любым путем застраивались, и город рос.

Типичный пример. Ротмистр Димитрий Гулдарий построил дом на месте, "с давних пор им занятом", на Военном форштате, в XXXIII квартале, № 297, на углу Успенской и Ришельевской улиц. Отведено оно в 1795 г. инженерной командой мещанину Даниле Романовскому, и Гулдарий формальных прав на него не имел — попросту говоря, захватил самовольно. Однако в 1816-м архитектор Фраполли фиксирует наличие планового дома, построенного Гулдарием "на собственный капитал", и тот постфактум получает владельческие документы.[15] Подобных примеров — бесчисленное множество.

До учреждения ОСК частные здания и сооружения нередко возводились без всякого плана, по произволу застройщиков и подрядчиков. Особого надзора и контроля по существу не было. Даже в центральной части нарождающегося города строились примитивные землянки или так называемые "верховые избы", утопающие в грязи низкие домики, магазины, лавки, салотопные бараки, сараи, ледники, ворота и заборы из мелкого бутового камня, стремительно ветшающие и уродующие юную Одессу.

В октябре 1805 г. городовой архитектор Франческо Фраполли рапортует одному из руководителей ОСК инженеру полковнику Е.Х. Ферстеру: "Усмотрев, что некоторые здешние жители строятся без планов и совсем противу правил, мне начальством предначертанных, по долгу звания своего известил я о том здешнюю полицию, с тем, чтоб она в таком обстоятельстве к прекращению такого зла предприняла надлежащие меры — а как доныне по многочисленным моим словесным и письменным извещениям она ничего не учинила, для избежания от начальства по тому предмету выговора о том злоупотреблении имею честь доложить вашему высокоблагородию".[16]

Ферстер отреагировал немедленно: "Писать со стороны Комитета по сему в полицию с тем, ежели Господин архитектор требует в рассуждении к правильной постройке домов помощь от оной, то неупустительно ей тот-

час давать, а между тем запретить начавшим строить без плану строенье [...]".[17] Однако и значительно позже землянки вблизи центра — обычное явление. Так, в "отводном деле" 1808 г.[18] находим информацию о том, что "одесский мещанин, евреин Зелик Кауфман" получил в наследство от умершего тестя Сруля Янкелевича место с землянкой близ Карантинной балки, а тот, в свою очередь, купил оные 25 октября 1800 г. у нежинского купца Ивана Лагутки. Речь идет о противоправных с точки зрения ОСК маклерских сделках. Но поскольку некая видимость законности присутствует, и Кауфман намерен строить плановый дом, то ему это дозволяется, и вручается утвержденный план. Следует уточнить: речь идет о планах, составленных чиновниками ОСК "по правилам архитектуры", но еще не связанных напрямую с высочайше утвержденными образцовыми фасадами, непременное использование которых практиковалось с 1810 г.

Случалось и так, что кто-то претендовал на незастроенное либо не по плану застроенное и брошенное место: обыкновенно в качестве претендентов выступали соседи. Скажем, в 1810-м иностранец Батисто Рубо просит место на Военном форштате, в XII квартале, под № 93. Это середина квартала по улице Польской, меж Греческой и Полицейской. Фраполли является, чтобы освидетельствовать оный участок, и находит там: с улицы — каменный забор высотой в одну сажень, во дворе — старый и ветхий каменный сарай, крытый дранью, длиной в три сажени и 2 аршина. А "порожнего места остается 26 саженей 1 аршин".[19]

В подобных случаях поступали следующим образом. Присяжные оценщики (о них и об оценке недвижимости в целом речь пойдет в отдельном разделе) обследовали место и оценивали реально существующие строения. Если бывший владелец оказывался налицо, то получал оценочные деньги от нового владельца, если же отсутствовал или не был установлен, то оценочная сумма хранилась в ОСК до соответствующего запроса и распоряжений. В эти годы, во избежание затяжки строительных работ, ОСК отводил места лишь на один год на прежних условиях, то есть застройщик становился полноправным владельцем исключительно по окончании здания или сооружения. Если же отвод производился осенью, то довольно часто, сообразуясь с предыдущим опытом, отсчет годового срока назначали с 1 апреля будущего года. Впоследствии срок застройки отведенных участков увеличили до двух лет.

Таким же образом ОСК надзирал и за работой подрядчиков по сооружению казенных построек. Между последними и Комитетом нередко возникали разногласия по поводу оговоренных и не оговоренных контрактом

видов и сущности работ, приводившие к долгим тяжбам и нескончаемой бюрократической переписке. Поэтому с контрактов делалось несколько экземпляров списков, один из которых вручался Ферстеру — как главному контролирующему лицу, а другой — Фраполли, как непосредственному надзирателю. В частности, в середине 1800-х этот городской архитектор следил за сооружением двух крупнейших общественных зданий — Городского театра и Городового госпиталя, и "по должности его имел бдительное смотрение за работою, чтобы строение прочно и точно по словам контрактов производимо было; ежели же встретится что противное со стороны рабочих или подрядчиков, доносить тотчас г. полковнику и кавалеру Ферстеру".[20]

Примечания

[1] Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1853. — Т. 3. — С. 590-594.

[2] Смольянинов К.Н. История Одессы. — Одесса, 1853. — С. 41.

[3] Там же, С. 37.

[4] Яковлев В.А. К истории заселения Хаджибея, 1789-1795: К столетию завоевания Хаджибея. — Одесса, 1889. — С. 51-52.

[5] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 93-96.

[6] Дружинина Е.И. Южная Украина, 1800-1825 гг. — М., 1970. — С. 207.

[7] Орлов А. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. — Одесса, 1885. — С. 10-11.

[8] Там же, с. 12, 20.

[9] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 10.

[10] Там же, л. 70-71,151.

[11] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 57.

[12] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 265.

[13] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 95-97.

[14] Там же, оп. 2, д. 13, л. 295-296.

[15] Там же, оп. 1, д. 96, л. 169-172.

[16] Там же, оп. 2, д. 13, л. 293.

[17] Там же.

[18] Там же, оп. 1, д. 27, л. 174-175.

[19] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 331.

[20] Там же, д. 257, л. 170.

Продолжение следует

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК

Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение (Наркевичи, Кичи, Андреевские и Никитины)

К 150-летию со дня рождения М.Ф. Кич-Маразли
и 200-летию со дня рождения Э.К. Андреевского

Изучая в течение ряда лет биографию городского головы, мецената и общественного деятеля Одессы Григория Григорьевича Маразли (1831-1907) и его родственного окружения, удалось существенно расширить знания о нем самом и его ближайших родственниках[1]. При этом одной из наименее известных страниц в биографии Маразли была и, пожалуй, остается личность его супруги Марии Фердинандовны Кич, урожденной Наркевич, со дня рождения которой в 2009 г. исполняется 150 лет. С ее происхождением связано много легенд и слухов — относительно обстоятельств жизни, эмиграции из Одессы и так далее, порой самых фантастических. Пожалуй, мало можно встретить персон, о которых было бы такое обилие противоречивых сведений. Мария Фердинандовна не была крупным общественным деятелем своего времени, и интерес авторов к ней объясняется именно благодаря ее второму замужеству, с Г.Г. Маразли. Принадлежа по рождению и первому замужеству к видным представителям одесского общества и одновременно к землевладельцам Херсонской губернии, она играла определенную роль в различных светских мероприятиях и принимала участие в благотворительной деятельности. Но таких фигур десятки. Однако ее замужество с Маразли выдвинуло Марию Фердинандовну из рядов местного светского общества и породило повышенный, пристальный интерес к ее персоне на долгие годы, возобновление которого связано с возрождением в 1990-х годах интереса к Маразли.



Фотография М.Ф. Кич в одесской газете

В связи с ней в памяти всплывает торговля пирожками после революции, подчеркивающая ее падение по сравнение с предыдущей блестящей

жизнью, а также отъезд из Одессы на присланном за ней греческим королем крейсере. Казалось бы, что может быть еще фантастичней?! Однако же, к немалому удивлению авторов, жизнь преподнесла новые сюрпризы!

Так, в изданной в 2002 г. под редакцией Д. Цезарани книге "Port Jews: Jewish Communities in Cosmopolitan Maritime Trading Centres, 1550-1950" ("Портовые евреи: Еврейские общины в космополитических приморских торговых центрах, 1550-1950") в одной из глав исследовательница Мария Василику (Maria Vassilikou) утверждает, что Мария Фердинандовна была еврейской актрисой![2]

Летом 2007 г. на сайте Института иудаики Украины (г. Киев) были размещены воспоминания "Литин после 1917 г.", подготовленные к публикации Е.Ю. Дыниной (близ городка Литина Подольской губернии находилось имение Марии Фердинандовны, где она действительно проживала). В этой публикации подробно описано, что в 1919 г. Мария Фердинандовна являлась организатором, и более того, предводителем еврейского погрома в г. Литине![3]

Едва ли в истории Одессы найдется женщина, чья биография так разнится в источниках, доходя до возможнейших крайностей в ту или иную сторону, и интерес к которой не иссякает уже больше ста лет! Мы постарались описать ее судьбу с точки зрения исторических фактов и найденных документов. Данная публикация является частью материала для готовящейся книги о М.Ф. Маразли и ее родственниках.

М.Ф. Маразли, родившаяся в семье потомственных дворян Херсонской губернии Наркевичей, состояла в родственных отношениях со многими известными дворянскими семьями нашего края. Это Курдимановы, Ганские, Флоринские, князья Абамелики и многие другие. С этими семьями связано становление молодой Херсонской губернии. Наконец, две сестры Марии Фердинандовны вышли замуж за людей, оставивших весьма заметный след в истории Одессы и Херсонской губернии. Вера Фердинандовна Наркевич (ум. после 1913) вышла замуж за Константина Эрастовича Андреевского (1855/1856-1935), известного одесского общественного деятеля, товарища городского головы Одессы (1902-1907), сына знаменитого доктора Эраста Степановича Андреевского. Генриетта Фердинандовна Наркевич (ум. 1898) вышла замуж за Федора Платоновича Никитина (1845-1911), известного земского деятеля и председателя Херсонской губернской земской управы (1884-1894). Впоследствии он занимал должность директора лесного департамента министерства земледелия и государственных имуществ (1894-1904) и товарища министра Главного управления землеустройства и земледелия (1904-1907). К.Э. Андреевский и Ф.П. Никитин также были дворянами и землевладельцами Херсонской губернии, а семья Андреев-

ских проживала в Одессе. Следующее поколение рода также было связано с Одессой — Глеб Федорович Никитин (1878-1953) являлся гласным Одесской городской думы (1905) и мировым судьей по Одесскому уезду (1916).

Первый вопрос связан с датой и местом рождения Марии Фердинандовны.

В метрике о ее бракосочетании с Григорием Григорьевичем Маразли[4] в 1903 г. был указан возраст невесты — 45 лет, что позволяло датировать ее рождение 1858 или 1859 годом. Метрическая запись о ее рождении и крещении пока не обнаружена, и узнать точную дату ее рождения позволили следующие обстоятельства.

Изучая судьбу детей Марии Фердинандовны, удалось установить, что сын Филипп Павлович Кич и дочь Екатерина Павловна Иванова-Луцевина эмигрировали во Францию, скончались там и были похоронены в Ницце соответственно в 1943 и 1963 гг.[5] При этом единственные сведения о судьбе Марии Фердинандовны в эмиграции содержались в книге греческого профессора Константина Папулидиса о Г.Г. Маразли, изданной в 1989 г.: "Γρηγὸριοζ Γ. Μαρασλὴζ (1831–1907). Η Ζωὴ και το Εργο το: Συμβολὴ στη δραστηριὸτητα τον ελληνισμοὺ τηζ Ρωσὶαζ" ("Григориос Г. Маразлис (1831-1907). Его жизнь и дела..."). К слову, это была первая книга, целиком посвященная Маразли, изданная в новейшее время. Там на основании греческих источников сообщалось, что М.Ф. Маразли, проживая в бедственном положении в Греции, скончалась после 1935 г. в Афинах.[6]

Получив же сведения о кончине во Франции детей Марии Фердинандовны, а также их супругов и ближайших родственников, авторами было выдвинуто предположение, что, возможно, она сама также эмигрировала во Францию, поближе к детям, и скончалась там. Для выяснения этого факта последовало очередное письмо к известному исследователю российских зарубежных некрополей Ивану Ивановичу Грезину, проживающему в Швейцарии, который в числе прочих собрал материалы по Русскому православному кладбищу Кокад в Ницце (одна из известнейших его работ — некрополь кладбища Сент-Женевьев-де-Буа в Париже). Через некоторое время Иван Иванович прислал письмо[7], в котором сообщил, что Мария Фердинандовна Маразли действительно была похоронена на Русском православном кладбищу Кокад в Ницце* вместе со своими детьми и сообщил даты ее жизни, приведенные на надгробии: "*20.08.1859-25.03.1945*"!

* Из ближайшего родственного окружения на кладбище Кокад в Ницце был также похоронен ее племянник Глеб Федорович Никитин (1878-1953), гласный Одесской городской думы, и супруга другого племянника, Эраста Константиновича Андреевского, Тамара Николаевна, урожд. Беннет.

Эти сведения позволяют ответить сразу на ряд вопросов: установить точную дату ее рождения, ранее известную лишь приблизительно, а также точную дату и место погребения.

Местом рождения М.Ф. Наркевич могут быть сразу несколько населенных пунктов. Могла она родиться в Одессе — Наркевичи некогда имели здесь недвижимость. Также могла она родиться в имении ее отца в селе Чуйково (Александровка) Ананьевского уезда Херсонской губернии или в одном из нескольких имений ее матери — в деревне Катериновка и сельце Елизаветовка Тираспольского уезда. Могла она родиться в Умани (место дислокации Ингерманландского гусарского полка, в котором служил ее отец на момент ее рождения).

Второй проблемный вопрос был связан с происхождением Марии Фердинандовны. Долгое время бытовала версия о ее незнатном происхождении. В результате поисков было установлено (благодаря помощи М.Ю. Линниченко), что Мария Фердинандовна происходила и была связана родственными узами со многими семьями дворян-землевладельцев Херсонской губернии, в разное время проживавших в Одессе или находившихся здесь на службе. Так, в формулярном списке ее первого супруга Павла Николаевича Кича за 1885 г.[8] в графе "Холост или женат, на ком" было указано: "Женат *на дочери полковника* Марии Фердинандовне Наркевич". Таким образом, следует раз и навсегда закрыть вопрос о ее происхождении и социальном положении. Располагающий копией "Дела о дворянстве рода Наркевичей" из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА) М.Ю. Линниченко летом 2005 г. сообщил авторам настоящей книги имеющиеся в его распоряжении сведения об этой семье.

Далее мы рассмотрим семьи, связанные ближайшим родством с Марией Фердинандовной, и расскажем о ней самой.

Наркевичи

Дедом Марии Фердинандовны был *Франц Станиславович Наркевич* (1784 — после 1844), потомок польских шляхтичей. В некоторых документах, например, в прошении об отводе ему земельного участка в Одессе в 1828 г., он фигурирует как Франц Степанович.

В "Деле о дворянстве рода Наркевичей" приведены его формулярный и семейный списки, на основании которых можно высчитать дату его рождения — 1784 год (согласно документов, ему было 36 лет в 1820 г. и 57

лет в 1841 г.), а также приведены сведения о его военной карьере: "в службе лейб-гвардии Конном полку юнкером 802* мая 8-го выпущен в Смоленский драгунский полк прапорщиком 806 сентября 11. был в походах: 805 августа с 11 по 15-е, октября до австрийских границ, а с того числа следовал через Галицию и Шлезию в Моравию ноября 20 в сражении с французами при М. Аустерлиц, откуда обратно через Венгрию и Галицию в российские пределы 806 апреля по 1-е, 807 августа с 13 в Бессарабии и Молдавии 809 апреля 19 будучи при генерал-лейтенанте за сей в должности адъютанта находился за Дунаем при Мачине, в домовых отпусках и штрафах не бывал, к повышению аттестовался достойным, а 1810-го года февраля 2-го по высочайшему его императорского величества приказу за болезнию уволен от службы подпоручиком".[9]

Его имя можно встретить в истории Смоленского полка, изданной к его двухсотлетию в 1908 г., среди офицеров, когда-либо служивших в этом полку: 11 сентября 1806 г. Франц Станиславович Наркевич из юнкеров лейб-гвардии Конного полка поступил в Смоленский драгунский полк.[10] Таким образом, Ф.С. Наркевич служил в лейб-гвардии перед своим приходом в Смоленский полк. То есть он поступил юнкером в лейб-гвардии Конный полк, отслужил положенный срок и был произведен в офицеры, с одновременным поступлением в Смоленский полк. Это был обычный способ получения офицерского чина в то время.[11] Уже через три с половиной года после поступления в Смоленский драгунский полк, 2 февраля 1810 г., Ф.С. Наркевич был уволен от службы с чином подпоручика.[12]

Судя по всему, на службу он больше не вернулся, так как в более поздних документах он фигурирует как отставной подпоручик.

Впервые мы встречаем упоминание о Франце Станиславовиче Наркевиче в Одессе в 1815 г., когда через пять лет после своей отставки он вступил здесь в брак. Так, 7 января 1815 г. в Соборной Преображенской церкви Одессы состоялось его бракосочетание (причем это было первое венчание в этой церкви в 1815 г.): "по учинении в силу указа троекратного обыска венчал отставного поручика Франца Наркевича с девицею *Верою Александровой дочерью* первым браком. Брак совершал протоиерей Иоанн Воронич"[13]. Поручителями при венчании выступили надворные советники Карповский (фамилия читается не очень разборчиво) и Николай Даревский**. К сожалению, как в этом случае, так и в большинстве других, записи в метрической книге Преображенской Соборной церкви за 1815 г. не

* "802" — 1802 год, и далее аналогично.

** Даревский Николай. На 1831 г. коллежский советник, владелец хутора.

указывают фамилии невест! Установить фамилиию помог другой источник. В деле под несколько странным названием "Книга записей свидетельств о бракосочетании в Одесском губернском соборе 1814-1816 гг.", а фактически являющимся "Книгой для записей свидетельств о бракосочетавшихся в Одесском Преображенском соборе с 1814 года генваря, 1-го дня", приводятся свидетельства, не имеется ли препятствий желающим вступить в законный брак перечисленным в книге лицам. Первая же запись за 1815 г. — "1815-го года генваря 7-го дня" содержит подписи пяти свидетелей в том, что желающий "вступить в законный брак отставной поручик Франц Станиславов сын Наркевич с девицею *Верою Александровною дочерью Баллю*..." оба ранее в брак не вступали и препятствий к его заключению не имеют.[14] Отметим, что в Одессе была довольно известна семья Бален-де-Балю (Белен-де-Балю, Баллен-де-Баллю), но их родство с вышеупомянутой В.А. Баллю в настоящее время не прослеживается.

Но здесь кроется еще одна загадка! Сын Франца Станиславовича от первого брака *Фердинанд Францевич Наркевич* родился 31 марта и был крещен 23 апреля 1824 г. в Одесском костеле. При этом его матерью указана не Вера Александровна Баллю, на которой Ф.С. Наркевич женился в 1815 г., а некая Фидосия (Феодосия)! Так, в "Списке с метрического свидетельства" о крещении Ф.Ф. Наркевича, заверенного Могилевской римско-католической духовной консисторией, указано, что "Фердинанд рожден 31 марта от законновенчаных и благородных родителей Франца и Фидоси (так!) Наркевичев".[15]

Второй ребенок, дочь *Александра Францевна*, родилась 23 февраля 1829 г., и на следующий день, 24 февраля, была крещена в Покровской церкви Одессы: "У отставного поручика Франца Наркевича православного исповедания и законной жены его Веры того же исповедания родилась дочь Александра".[16] Восприемницей при ее крещении записана некая подполковница Александра Карловна, фамилия которой в метрической книге не указана. С большой долей вероятности можно утверждать, что дети Ф.С. Наркевича родились в Одессе.

Интересно, что Фердинанд Францевич был крещен по католическому обряду, а его сводная сестра Александра Францевна — по православному (самое интересное, что в метрике о ее крещении указано, что оба родителя — православные!). По законам того времени, если один из родителей был православным, ребенка крестили в православной вере. Таким образом, можно утверждать, что на момент рождения Фердинанда (1824 г.) его

отец был католиком. Вторая жена Ф.С. Наркевича была православной. Сам же он в период между 1824-1829 гг. или же перешел из католицизма в православие, или сообщил о себе неверные данные при крещении дочери, которые и были внесены в метрическую книгу (кстати, он был не отставным поручиком, как указано в метрической книге, а подпоручиком), или же ошибка была допущена церковным служителем, что тоже не редкость. Дальнейшая судьба Александры Францевны Наркевич неизвестна, кроме того, что в 1841 г. вместе с отцом и братом она была признана в дворянском достоинстве.

Франц Станиславович Наркевич подал прошение в Херсонское дворянское депутатское собрание, и 20 сентября 1841 г. за свои военные заслуги вместе с детьми от обоих браков Фердинандом и Александрой был признан собранием в дворянском достоинстве, они внесены во 2-ю часть дворянской родословной книги Херсонской губернии[17] (при этом в его послужном списке за 1820 г. было указано, что он "как по формулярному списку значится из дворян").

Также в деле о дворянстве указано, что "В посемейном же семействе [так] просителя списке значится так: из потомственных дворян, вдов подпоручик Франц Станиславов сын Наркевич, 57 лет дети его сын Фердинанд 17 и Александра 12 лет".

В Одессе Ф.С. Наркевичу принадлежал дом. 22 апреля 1828 г. отставной подпоручик Франц Станиславович Наркевич подал прошение в Одесский строительный комитет, где просил, указывая, что проживает в Одессе, "отвести мне под собственный мой дом, состоящий на военном форштате в XVI квартале под № 135 и 137-м земли 25 т. десятин из пустопорожних участков, где таковые окажутся"[18]. Участок 137, указанный в прошении, находился на углу Канатной и Почтовой (Жуковского) улиц, 135 — следующий за ним участок по Канатной улице. На плане Одессы 1826 г. видно, что оставалась незастроенной смежная часть 135 и 137 участков, где, вероятно, и был построен дом Наркевича.

Вероятно, постройка дома серьезно подорвала благосостояние семьи, и уже в сентябре 1829 г. Ф.С. Наркевичу пришлось заложить только что построенный дом (обычно постройка дома осуществлялась в сроки, не позднее, чем за год): "по прошению отставного подпоручика Франца Станиславовича Наркевича Одесский городской магистрат выдал ему оценочное свидетельство на его дом, состоящий в Одессе на военном форштате в XVI квартале под №№ 135 и 137, оцененный в несгораемых материалах в 20 тысяч 20 рублей ассигнациями сроком на два года".[19] Исходя из до-

вольно большой суммы оценки дома, можно заключить, это был довольно большой, дорогой и основательно построенный дом. Ф.С. Наркевичу не удалось его выкупить, и новой владелицей дома стала представительница известной одесской семьи Екатерина Александровна Орлай*. Однако и ей оказалось не под силу содержать дом, и уже в апреле 1834 г. он был выставлен в наем и одновременно на продажу (хотя числился за Е.А. Орлай еще в 1843 г.). В газете за апрель 1834 г. сообщалось: "отдается в наем и продается дом г-жи Орлай, прежде бывший Наркевича и находящийся против сада г-жи Сикар**. При сем доме находятся два маленьких садика и все принадлежности хозяйства <...>".[20]

Франц Станиславович был помещиком *села Чуйково*, также имеющего название *Александровка*. В документах оно так и именовалось: Чуйково Александровка тож. Село относилось к Ольвиопольскому, а позднее (1830-е годы) — к Ананьевскому уезду Херсонской губернии. Согласно источников, найденных в одесском архиве, следует, что церковь в этом селе была построена в 1811 г. (деревянная, а позднее, в 1829 г., — каменная): "Дворянской слободы Александровки вновь намеревающей к выстроению Покровской церкви сосуды и книги к священнослужению и матиряли имеются. Прихожане — молдованской и малороссийской породы люды (в окружности слободы Флориновки)".[21] В хранящихся в Одесском областном архиве метрических книгах приходов Ольвиопольского уезда за 1811 г.[22] и 1812 г.[23] среди прочих находится метрическая книга церкви Покрова Пресвятой Богородицы *селения дворянского* (*дворянской слободы*) *Александровки*. Это село было владельческим, но не одного помещика, а нескольких, и поэтому называлось "дворянским". Изначально это селение принадлежало надворному советнику Павлу Чуйку, откуда произошло одно из его названий, а затем — молдавским дворянам. Такое же село Николаевка дворянская было в Ольвиопольском уезде на левобережье Буга. По мнению авторитетного исследователя А.В. Пивовара (г. Киев), они могли заселяться в одно и то же время — в конце XVIII века.[24] В вышеуказанных метрических книгах ни Наркевичи, ни их крепостные не упомянуты, что позволяет предположить, что на тот момент они не являлись помещиками этого села.

По "Ведомости церквей Ананьевского уезда за 1838 г." поручик (так в источнике, на самом же деле — подпоручик) Франц Станиславович

* Орлай Екатерина Александровна (Ивановна?) (ум. в октябре 1846). С июня 1842 г. — член Одесского женского благотворительного общества. Умерла незамужней.

** Сикар (Сикард) Лаура Михайловна (Лаура-Мария), урожд. де Тиш (1797/98-1864). Вдова известного негоцианта и писателя Карла Яковлевича Сикара (1773-1830).

Наркевич числился помещиком *села Александровки*, проживая там же, очевидно, с женой (отмечено только — одна особа женского пола). За ним числилось 6 дворов крестьян (30 мужского и 27 женского пола).[25]

В "Метрической книге Покровской церкви села Александровки о браках за 1841-1846 гг." присутствуют записи, например, за январь 1844 г., о бракосочетании "*хутора Наркевича помещика Франца Станиславовича Наркевича* крестьянина...".[26]

В деле о дворянстве рода Наркевичей указано, что вдовствующий подпоручик Ф.С. Наркевич постоянно проживает с семейством в имении, "за ним состоит Ананьевского уезда *в селении Чуйковой она же Александровка* крестьян 26 душ и земли — 400 десятин".

В метрической книге Покровской церкви с. Александровки за 1863 г. фигурируют "слободы Наркевичевой свободный сельский обыватель", а также "селения Александровки свободный сельский обыватель".[27]

"Справочная книга Херсонской епархии" сообщает, что в селе *Александровка* (*Большая Чуйковка, Чуйкова*) Ананьевского уезда имеется построенная в 1829 г. прихожанами однопрестольная каменная церковь в честь Покрова Святой Богородицы.[28]

Где же находилось землевладение Наркевичей? На первый взгляд, определить его местоположение непросто, ведь и в XIX веке, и сейчас в нашем регионе находится несколько Александровок (а в целом по Херсонской губернии их десятки). Из Куяльницкого лимана берет свое начало речка Большой Куяльник, вытянувшись почти по прямой линии на много километров (протекает по территории Котовского, Ананьевского, Ширяевского и Ивановского районов Одесской области). В долине этой реки и расположилась та самая Александровка, не поменявшая свое название и в XXI веке. Сейчас это Ширяевский район Одесской области, почти на границе с Ананьевским районом. Александровка расположена в 122 километрах от Одессы.

"Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении", изданный в 1896 г., приводит название сразу нескольких населенных пунктов, расположенных в непосредственной близи друг от друга и связанных с владениями Наркевичей и их наследников: Александровка (Большая Чуйковка, Чуйкова), Александровка (Наркевичева, Панковка), Малая Чуйкова (Кича) в Ананьевском уезде[29], а также хутор Екатериновка (Наркевича), Никитина, деревня Фердинандовка и хутор Фердинандовский в Тираспольском уезде Херсонской губернии[30].

В 1841 и 1843 гг. Ф.С. Наркевич выступил восприемником сыновей своих ближайших соседей — владельца деревни Флориновки отставного поручика Александра Степановича Флоринского (1802 — до 1856) и его супруги Любови Петровны, урожд. Курдимановой (род. ок. 1808):

В метрической книге Ананьевского уезда сел. Александровки Покровской церкви под № 14 состоит следующий акт: 24 марта 1841 года родился и 27 апреля крещен Сергей, сын Ананьевского уезда слободы Флориновки помещика отставного поручика Александра Стефанова Флоринского и законной жены его Любови Петровны, оба православного исповедания. Восприемниками были *хутора Франца Станиславича, помещик отставной поручик Франц Станиславов Наркевич* и помещица Елена Николаева дочь Логинова;

В метрической книге Ананьевского уезда сел. Александровки Покровской церкви под № 32 состоит следующий акт: 5 декабря 1843 года родился и 7 декабря крещен Платон, сын Ананьевского уезда слободы Флориновки помещика отставного поручика Александра Стефанова Флоринского и законной жены его Любови Петровны, оба православного исповедания. Восприемниками были *села Александровки помещик отставной подпоручик Франц Станиславов Наркевич* и слободы Каприцы помещица 12 класса Ефросинья Федорова Унтилова.[31]

Несколько позднее, в 1850-х годах, на младшей сестре Любови Петровны Флоринской, урожд. Курдимановой, Екатерине, женился сын Франца Станиславовича Фердинанд.

По семейным воспоминаниям директора Одесского художественного музея Натальи Сергеевны Полищук, ее прабабушка Антонина (Нина) Сергеевна Флоринская, дочь вышеупомянутого Сергея Александровича, по приезду в Одессу в 1880-х годах во время учебы в Институте благородных девиц проживала в доме своей тетки Марии Фердинандовны Кич, урожд. Наркевич.[32] Благодаря последним изысканиям мы можем точно установить их родство: А.С. Флоринская (в замужестве Скопинская) приходится М.Ф. Кич двоюродной племянницей по линии Курдимановых.

Последнее известное нам упоминание о Ф.С. Наркевиче относится к январю 1844 г. — в метрической книге Покровской церкви села Александровки за 1844 г. есть запись о бракосочетании "хутора Наркевича помещика Франца Станиславовича Наркевича крестьянина...". По терминологии тех лет это означает, что на тот момент Ф.С. Наркевич был еще жив.[33]

Фердинанд Францевич Наркевич, как и его отец, избрал военную карьеру, что неудивительно. Как отмечалось в изданном в 1849 г. "Военно-статистическом обозрении Российской империи" по Херсонской губер-

нии: "Дети здешних дворянских фамилий... многие поступают на службу в квартирующие в губернии кавалерийские полки".[34]

К сожалению, несмотря на многократные попытки различных специалистов и исследователей отыскать его послужной список в Российском государственном военно-историческом архиве, он так и не был обнаружен. Наиболее вероятно, что он утрачен (так, полковой архив Ингерманландского полка сгорел в 1870 г. в г. Волчанске Харьковской губ.) или же вообще не был передан в архив при его формировании, так как исчез в годы революции и гражданской войны, и основные этапы службы мы пока может узнать только из справочников.

В возрасте 21 года 12 сентября 1845 г. он был произведен из юнкеров в офицеры.[35]

В газете "Русский инвалид" за 19 сентября 1845 г. сообщалось:

"*ВЫСОЧАЙШИЙ ПРИКАЗ*

По военному ведомству

Его императорское величество в присутствии своем в г. Елисаветграде, сентября 3-го дня 1845 года, соизволил отдать следующий приказ.

Производятся: за отличие по службе. <...> Со старшинством со 2-го сентября сего года: в корнеты.

По кавалерии. <...> Гусарских полков <...> Генерал-адъютанта князя Васильчикова [полка]: *из юнкеров*: *Наркевич*,* *<...> в тот же полк*".[36]

Таким образом, Ф.Ф. Наркевич повторил начальную военную карьеру своего отца, — отслужив положенный срок юнкером, был произведен в офицеры. Необходимо отметить, что производство Наркевича в офицерский чин состоялось во время смотров и учений близ Елисаветграда, на которых присутствовал прибывший сюда в конце августа император Николай I (здесь он пробыл около двух недель).

В полку Фердинанд Францевич прослужил до января 1859 г., причем за это время полк несколько раз менял свои наименования, с 1840 по 1857 годы именуясь по фамилиям своих шефов: Гусарский генерала-адъютанта князя Васильчикова полк (январь 1840-1850), Гусарский его королевского высочества принца Фридриха-Карла Прусского полк (май 1850-1857). 19 марта 1857 г. полку было возвращено название Ахтырский, с 1864 г. —

* В публикуемых в "Русском инвалиде" высочайших приказах о назначениях, перемещениях и выбытиях со службы не указываются имена и отчества, а только фамилии, чины и военные подразделения. В том, что приведенная выше запись относится именно к нашему Ф.Ф. Наркевичу, убеждают два факта: во-первых, в "Русском инвалиде" за август-октябрь 1845 г. другие Наркевичи не упомянуты, а во-вторых, генерал-адъютанта князя Васильчикова полк был переименован в Ахтырский гусарский, откуда, по не вызывающим сомнения сведениям, он перевелся впоследствии в гусарский Ингерманландский полк.

12-й гусарский Ахтырский его королевского высочества принца Фридриха Карла Прусского полк.

Историю Ахтырского полка в период, когда в нем служил Ф.Ф. Наркевич, можно проследить по книге Александра Михаленко "И жили дружною семьею солдат, корнет и генерал" (страницы полковой истории 12-го Гусарского Ахтырского генерала Дениса Давыдова, Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полка):

"В 1843 году боевой командир Ахтырского полка князь И.В. Васильчиков, с которым полк участвовал в походах 1807, 1812 и 1813 годов, был назначен шефом полка. Ахтырцы стали именоваться — Гусарским генерала-адъютанта князя Васильчикова полком.

С июня 1848 года и до апреля 1850 года Ахтырский полк в составе 5-го корпуса совершил поход в Дунайские княжества, где вместе с австрийской армией участвовал в подавлении народного восстания. Самое крупное сражение этой кампании произошло у Дебречина, здесь ахтырцы в лихой атаке разгромили авангард венгров и на плечах повстанцев ворвались в город.

С 15 мая 1850 года, вследствие назначения нового шефа Ахтырский полк стал называться Гусарским его королевского высочества принца Фридриха-Карла Прусского полком. В 1851 году ахтырцы праздновали 200-летний юбилей полка...

В июне 1853 года ахтырцы вновь на Дунайском театре военных действий. В течение этого и следующего года они принимают участие в ряде мелких военных действий — стычек и набегов у Четати, Журжи и Кэлэраша. В период событий Крымской войны, когда против России выступила целая коалиция — Турция, Франция, Англия и Сардинское королевство, — Ахтырский полк простоял в Бессарабии, не принимая непосредственного участия в боевых действиях. И только 14 марта 1854 года один из дивизионов полка участвовал в деле против башибузуков. В 1856 году гусары наконец-то вернулись к себе в Ахтырку.

С 1864 года в результате очередной реорганизации армии всем кавалерийским полкам присвоили порядковые номера, которые совпадали с номером дивизии. Ахтырский гусарский полк состоял в 12-й кавалерийской дивизии, таким образом, в турецкую войну 1877-1878 годов полк именовался 12-й гусарский Ахтырский полк".[37]

В газете "Русский инвалид" за январь 1859 г. (эти же сведения были указаны в изданной в 1904 г. к двухсотлетию Ингерманландского полка полковой истории) сообщалось, что 8 января 1859 г. в чине штабс-ротмистра Ф.Ф. Наркевич из Ахтырского гусарского полка был переведен в гу-

сарский Ингерманландский великого герцога Саксен-Веймарского полк[38] (с 1864 по 1882 гг. — 10-й гусарский Ингерманландский великого герцога Саксен-Веймарского полк). Столь сложное название полка объяснялось традицией тех лет. В 1841 г. император Николай I назначил своего племянника, наследного принца (впоследствии великого герцога) Саксен-Веймарского Карла-Александра шефом полка. Как написано в полковой истории: "Его высочество был назначен шефом Ингерманландско гусарского полка, который с *30-го марта 1841 г.*, утратив свое коренное наименование, принял имя шефа и стал называться *Гусарским наследного гросс-герцога Саксен-Веймарского полком*.

Это новое полковое имя на десятки лет заменило вековое и впоследствии настолько укоренилось, что и в настоящее время встречаются старые кавалеристы, беседующие *о Веймарских гусарах*, забывая их коренное имя Ингерманландских гусар".[39]

Как отмечает современный исследователь истории полка А. Бондаренко, "В 1858 году полк стал именоваться Ингерманландский гусарский великого герцога Саксен-Веймарского. В дальнейшей более чем двадцатилетней истории полка ничего особенно примечательного не происходило: различные смотры (кстати, проводивший в 1872 году высочайший смотр император Александр II указал в приказе касательно Ингерманландского полка: "...в полку этом много лихости и стройности"), периодические смены командиров, неизбежные передислокации, некоторые изменения в штатах, организации, обмундировании... В войне 1877-1878 годов полк не участвовал, хотя и были проведены мобилизационные мероприятия, и гусары были переброшены в Крым охранять Черноморское побережье, на которое, в общем-то, тогда никто особо и не претендовал...".[40]

В полковой истории Ингерманландского полка приведен любопытный эпизод, относящийся к 1862 г., и непосредственно связанный с Ф.Ф. Наркевичем:

"В конце марта 1862 г. все эскадроны собрались к с. Маньковке "по случаю полкового кампамента", продолжавшегося долее обыкновенного, — почти до половины августа месяца. Вслед за этим полк покинул с. Маньковку и выступил на новые квартиры, так как после перемещения штаба дивизии в г. Елисаветград полку был назначен квартирный район в пос. Новая Прага и окрестных селениях.

Веймарские гусары быстро освоились с новою обстановкою и в короткое время сблизились с местными жителями. Офицерское собрание стало центром не только полковой жизни, но и жизни окрестных помещиков.

Ф.Ф. барон фон-Торнау как радушный хозяин властно завел порядки, бывшие в с. Маньковке, и "гусарские" танцевальные вечера вскоре получили широкую известность.

Знакомства и поездки к помещикам привели, однако, через несколько месяцев к неприятному происшествию, которое закончилось для полка весьма печально... Один из молодых офицеров увлекся дочерью помещика и, пользуясь взаимной симпатией, пожелал жениться; хотя он ей и не замедлил сделать предложение, но родители наотрез отказали. Вследствие этого с согласия невесты решено было обвенчаться уходом. Все спешили оказать посильное содействие: соседний помещик предложил совершить венчание в церкви его имения, что и было подготовлено; командир полка дал на это разрешение, снабдил офицера на необходимые расходы деньгами, дал свой экипаж с четверкою лошадей и, так как погода была холодная, то дал и шубу своей жены для невесты. О времени прибытия похитителей счастливый жених своевременно уведомил невесту запискою...

Казалось, что все было прекрасно рассчитано и основательно предусмотрено. Однако досадный случай нарушил все планы и дал делу неожиданный оборот.

По неосмотрительности посланного, записка жениха была перехвачена матерью невесты. Родители немедленно же приняли меры, чтобы воспрепятствовать "умыканию". Толпа мужиков, вооруженная дубинами, была посажена в засаду на пути следования свадебного кортежа. Как только экипаж подъехал к этому месту, — мужики внезапно выскочили на дорогу, ударили по головам лошадей, они упали. Жениха и шаферов схватили. Последние сопротивления, видимо, не оказали, а поэтому в мгновение ока очутились запертыми в пустой избе, которая охранялась к тому же сторожами.

Ф.Ф. барон фон-Торнау, узнав о неудачном набеге своих гусар, тотчас же поехал их выручать. *Командир полка на всякий случай захватил с собой и полкового ремонтера, майора Наркевича, который мог быть очень полезен, так как обладал геркулесовою силою. Он совершенно свободно сокрушал, например, подковы.*

Приехав к помещику, командир полка имел неприятное объяснение с матерью невесты. Помещица встретила их упреками и бранью, не останавливаясь даже и перед угрозами. *Ф.Ф. барон фон-Торнау на последнее спокойно заметил, что его спутник, майор Наркевич, свободно ломает подковы...* Видя, что с помещицей толку не добиться, командир полка приступил к делу — освободил запертых гусар и уехал с ними из негостеприимного дома.

Разозленный помещик, выказавший первым самоуправство, поспешил подать жалобу по начальству. Произведенное следствие выяснило, что командир полка действительно принимал участие в "свадебном" деле, но вина его не соответствует жалобным описаниям помещика. Несмотря на это, веймарским гусарам стало ясно, что такое неожиданное внимание начальства ничего хорошего предвещать не может и что уход любимого командира уже предрешен.

И действительно, вскоре это и свершилось. 4-го февраля 1863 г. полковник барон фон-Торнау был произведен в генерал-майоры с назначением состоять при 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Полагаем, что такое отрешение от командования полком показывает, что лихой командир лишь отчасти был зачислен в число "опальных".

Тем же высочайшим приказом командиром был назначен "Ахтырского гусарского его королевского высочества принца Фридриха Карла Прусского полка полковник Болеслав Сергеевич Энгельфельд".[41]

В вышеуказанном эпизоде майор Наркевич фигурирует как полковой ремонтер. Полковой ремонтер — это чин, занимавшийся ремонтом (то есть подбором) лошадей в кавалерийском полку. На момент своей кончины Ф.Ф. Наркевич был уже бригадным ремонтером, то есть выполнял те же функции в кавалерийской бригаде. Попасть в полковые ремонтеры издавна в русской армии считалось большой удачей жизни, хотя и требовало известного знания лошадиных статей и повадок коннозаводчиков и барышников. Как сообщает "Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII — начала XX века", "Ремонтер — офицер, командированный воинской частью для конского ремонта. На покупку лошадей ремонтеры гвардейских кирасирских полков в кон. XIX в. получали по 300 руб. на лошадь, для легкой гвардейской кавалерии — 203-207 руб., для армейских кавалерийских полков — по 125 руб. Ремонтер покупал лошадей по своему усмотрению, где найдет выгодным, безотчетно, на коммерческой основе. Кроме того, отпускались деньги на провод лошадей от места покупки до ремонтного депо, на наем помещения и прислуги. Экономия и разница в покупных и казенных ценах составляли доход ремонтера. Ремонтеры выбирались, в целях гарантии от убытков казны, из богатых людей, были бывалыми и бойкими и, имея при себе большие казенные суммы, отличались разгулом, пристрастием к большой карточной игре, вокруг них на конских ярмарках собирались толпы любителей легкой наживы, различных прихлебателей".[42]

О качестве лошадей Ингерманландского полка (то есть результате непосредственных трудов Ф.Ф. Наркевича) свидетельствует эпизод, зафиксиро-

ванный в полковой истории незадолго до похищения невесты, в 1861 г.: "12-го июля все эскадроны собрались в с. Маньковку и 20-го числа выступили к Елисаветграду, где был назначен дивизионный сбор. Сбор продолжался с 1-го по 29-е августа, то есть четыре недели, причем в конце сбора полку привелось быть и на высочайшем смотру. 17-го августа император Александр II, присутствуя на двухстороннем маневре, изволил произвести полку и смотр. Полк представился блистательно. Государь милостиво говорил с командиром полка. Его величество обратил внимание, между прочим, на жеребца под офицером в замке за полком. Жеребец был саловой масти, с шелковистым белым хвостом и такой же гривой, — приведен с завода графа Браницкого. Государь пожелал приобрести красавца-жеребца. Командир полка поспешил, конечно, исполнить высочайшее желание и уступил его".[43]

Имя Фердинанда Францевича Наркевича можно встретить и в адрес-календарях Херсонской губернии. Например, в 1865 г. он в чине майора указан гласным Ананьевского земского уездного собрания от землевладельцев[44] (при этом его фамилия была ошибочно указана как Накревич).

Дислокация гусарского Ингерманландского полка в период, когда в нем служил Наркевич, была следующей[45]: в 1859-1862 полк находился в окрестностях Умани, выезжая на сборы в Елисаветград; 1863: Умань — Елисаветград — Тарутин (Аккерманского уезда), Могилев на Днестре — Меджибож [Межибужье Летичевского уезда Подольской губернии]; 1864: Новая Прага — Екатеринославль, Купянск — Валки (Харьковская губ.); 1865 — Валки; 1866-1875: Чугуев — Волчанск; с 1875 — постоянно в Чугуеве; 1877-78 — поход в Крым; 1879 — Чугуев.

1 августа 1867 г. Ф.Ф. Наркевич получил повышение в чине — был произведен в подполковники, находясь на службе в резервном эскадроне того же полка.[46] Через пять лет, 1 января 1872 г., он был произведен в полковники.[47] В этом же чине Фердинанд Францевич скончался 14 апреля 1879 г. в своем имении в селе Чуйково (Александровка), что было зафиксировано в "Сенатских объявлениях по казенным, правительственным и судебным делам" на 1879 г.: "вызываются наследники по Ананьевскому судебному мировому округу 3-го участка, бригадного ремонтира, полковника Фердинанда Францевича Наркевича, умершего 14.04.1879 года в селе Чуйково (Александровка тож), Ананьевского уезда, заключающегося в 360 дес. земли, при селе Чуйково, с находящейся на оной строениями".[48] 22 мая 1879 г. он был исключен из списков Ингерманландского полка умершим.[49]

Таким образом, Фердинанд Францевич Наркевич прослужил в Ингерманланскому полку двадцать лет! За время службы он был награжден ор-

денами Св. Станислава 3 ст. (1862), Св. Анны 3 ст. (1865), Св. Станислава 2 ст. (1870).[50]

Менее чем за год до кончины Фердинанд Францевич Наркевич приезжал в Одессу, где 14 октября 1878 г. в портовой церкви Всех Святых и Святого Николая он крестил своего внука Эраста Константиновича Андреевского[51] (ум. 1954 в Бельгии).

С кончиной Ф.Ф. Наркевича, имевшего только дочерей, род дворян Наркевичей Херсонской губернии пресекся.

Фердинанд Францевич Наркевич был женат на *Екатерине Петровне Курдимановой.*

Продолжение следует

Примечания

[1] Решетов С., Ижик Л. Городской голова Одессы: К 175-летию со дня рождения Г.Г. Маразли. Городской голова Одессы // ДНК: инф.-аналит. журнал, Одесса, 2006, № 19 (4), с. 30-32; Решетов С.Г., Ижик Л.В. Городской голова Одессы Г.Г. Маразли и его родственное окружение // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2007, — Вып. 19, с. 65-82; То же // Дерибасовская — Ришельевская: одесский альманах. — Одесса, 2007. — Кн. 31, с. 6-31.

[2] Port Jews: Jewish Communities in Cosmopolitan Maritime Trading Centres, 1550-1950. / Ed. David Cesaran London and Portland, 2002. — P. 165.

[3] Провинциальные истории. Литин после 1917 г. Публ. Е.Ю. Дыниной // Веб-сайт института иудаики, г. Киев http://judaica.kiev.ua/mnemosina/mnemo-hyst1.htm

[4] Запись о бракосочетании Г.Г. Маразли и М.Ф. Кич в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1903 год//Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 37 (Херсонская духовная консистория), оп. 13, д. 584, л. 43 об.-44. Опубликовано: Григорий Григорьевич Маразли, меценат и коллекционер. Сб. статей. — Одесса, 1995. — с. 228.

[5] Материалы для некрополя Русского кладбища Кокад в Ницце, собранные И.И. Грезиным, 1996-2001 (архив И.И. Грезина, Швейцария).

[6] Παπουλὶδης Κ.Κ. Γρηγὸριζ Γ. Μαρασλὴζ (1831-1907) Η Ζωὴ και το Ἐργο: του: Συμβολὴ στη δραστηριὸτητα του ελληνισμοὺ της Ρωσιαζ. — Θεσσαλονικη, 1989. — Σ. 106.

[7] Письмо И.И. Грезина от 11 июля 2007 г. (архив С.Г. Решетова).

[8] Формулярный список о службе председателя Одесского коммерческого суда коллежского советника Павла Николаевича Кича (составлен 8 июня 1885 года) // Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург (далее — РГИА), ф. 1343, оп. 23, д. 3496. Сообщено М.Ю. Линниченко.

[9] Дело о дворянстве рода Наркевичей Херсонской губернии (1841 г.) // РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 469. Сообщено М.Ю. Линниченко.

[10] Годунов В.И., Королев А.Н. История 3-го Уланского Смоленского императора Александра III полка 1708-1908 г. — Либава, 1908. [Приложение]. — с. 49. Сообщено А.В. Левченко.

[11] Сообщено А.В. Левченко.

[12] Годунов В.И., Королев А.Н. Указ. соч. — с. 49. Сообщено А.В. Левченко.

[13] Запись о бракосочетании Франца Наркевича и девицы Веры Александровны в метрической книге Одесской Соборной Преображенской церкви за 1815 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 179, л. 26. Сообщено С.А. Желясковым.

[14] Книга записей свидетельств о бракосочетании в одесском губернском соборе 1814-1816 гг. // ГАОО, ф. 37, оп. 2а, д. 722, л. 43. Сообщено С.А. Желясковым.

[15] Дело о дворянстве рода Наркевичей.

[16] Запись о рождении и крещении А.Ф. Наркевич в метрической книге Покровской церкви г. Одессы за 1829 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 59, л. 10 об.; копия — в деле о дворянстве рода Наркевичей (РГИА).

[17] Дело о дворянстве рода Наркевичей.

[18] По прошению отставного подпоручика Франца Степанова сына Наркевича об отводе ему 25-десятинного земельного участка городской земли // ГАОО, ф. 59 (Одесский строительный комитет), оп. 3, д. 116, л. 1.

[19] Одесский вестник. — 1829.— 19 сент.

[20] Одесский вестник. — 1834.— 18 апр.

[21] Ведомости Ольвиопольского духовного правления за 1811 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 20 и 21; то же за 1812 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 2а, д. 86. Сообщено А.В. Пивоваром.

[22] Метрики приходов городов Новомиргорода, Одессы с округой, единоверческих и некоторых других церквей за 1800-1838 гг. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 78а. Сообщено А.В. Пивоваром.

[23] Метрическая книга Херсонской губернии (1811 г.) [По описи ГАОО, а фактически — метрическая книга приходов Ольвиопольского уезда за 1812 год] // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 149 (1812 г.), л. 298-301. Сообщено А.В. Пивоваром.

[24] Сообщено А.В. Пивоваром.

[25] Ведомость церквей Ананьевского уезда за 1838 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 1а, д. 292, л. 429об. Сообщено А.В. Пивоваром.

[26] Метрическая книга с. Александровки Покровской церкви о браках за 1841-1846 гг. // ГАОО, ф. 37, оп. 15, д. 16, л. 31 об.-32.

[27] Метрическая книга Покровской церкви с. Александровки Ананьевского уезда за 1863 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 1434, л. 612 об.

[28] Справочная книга Херсонской епархии. Одесса, 1906. — с. 612-613.

[29] Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении. Херсон, 1896. — с. 113-115.

[30] Там же, с. 351, 378, 379, 380.

[31] Дело о дворянстве рода Флоринских (1857 г.) // РГИА, ф. 1343, оп. 31, д. 1270. Сообщено М.Ю. Линниченко.

[32] Полищук Н. Во мне болит все человеческое // Дерибасовская — Ришельевская: одесский альманах. — Одесса, 2004. — Кн. 17. — с. 196.

[33] Метрическая книга с. Александровки Покровской церкви о браках за 1841-1846 гг. // ГАОО, ф. 37, оп. 15, д. 16, л. 31 об.-32.

[34] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 1. Херсонская губерния. СПб., 1849. — с. 99.

[35] Список полковникам по старшинству. Исправлено по 1-е марта 1874. — с. 597.

[36] Русский инвалид. — 1845. — 19 сент. — № 209.

[37] Михаленко А.П. ...И жили дружною семьею солдат, корнет и генерал. М., 2001 — с. 27-30.

[38] Геништа В.И., Борисевич А.Т. История 30-го Драгунского Ингерманландского полка. 1704-1904 гг. Ч. 1. — Приложение 7. — СПб., 1904. — с. 65. Сообщено А.В. Левченко, М.Ю. Линниченко и И.Г. Лильп; Русский инвалид. 1859. — 12 янв. — № 9. Сообщено А.В. Лебединской.

[39] Геништа В.И., Борисевич А.Т. Указ. соч., Ч. 2. СПб., 1906. — с. 92-93.

[40] Бондаренко А. Они последними оставили Москву. 10-й гусарский Ингерманландский полк // Красная звезда. — 2006 — 2 авг.
Веб-сайт http://www.redstar.ru/2006/08/02_08/5_01.html

[41] Геништа В. И., Борисевич А. Т. Указ. соч., Ч. 2. СПб., 1906. — с. 222-224. Сообщено М.Ю. Линниченко.

[42] Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII — начала XX века. М., 2003. — с. 658.

[43] Геништа В.И., Борисевич А.Т. Указ. соч., Ч. 2. СПб., 1906. — с. 221-222.

[44] Адрес-календарь Херсонской губернии на 1866 год. — с.29.

[45] Геништа В.И., Борисевич А.Т. Указ. соч., Ч. 1. СПб., 1904. Сообщено А.В. Левченко и М.Ю. Линниченко.

[46] Список подполковникам по старшинству. СПб., 1868. — с. 591. Сообщено И.Г. Лильп.

[47] Список полковникам по старшинству. Исправлено по 1-е марта 1874. — с. 597.

[48] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам на 1879 г. — № 8195. — Разряд. III. — Ст. 363. Сообщено А.В. Лебединской.

[49] Геништа В.И., Борисевич А.Т. Указ. соч. СПб., 1904. Сообщено А.В. Левченко и М.Ю. Линниченко.

[50] Список подполковникам по старшинству. СПб., 1868. — с. 591; список полковникам по старшинству. Исправлено по 1-е марта 1874. — с. 597.

[51] Метрика о крещении в деле студента Имп. Московского университета Э.К. Андреевского // Центральный исторический архив Москвы, ф. 418, оп. 310, д. 26, л. 7. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

Дмитрий УРСУ

Одесские годы Йосифа Клаузнера

К 50-летию со дня смерти



1903 г.

Выдающийся ученый-востоковед и общественный деятель Йосиф Гедалия Клаузнер (1874-1958) принадлежит к той части деятелей еврейской культуры, жизнь и творчество которых тесно связаны с Одессой. Здесь он прожил 12 лет отрочества и ранней юности (1885-1897), затем, после учебы в Германии и недолгого пребывания в Варшаве, еще 12 лет (1907-1919). Во второй период Клаузнер вырос здесь в крупного ученого — историка, литературоведа, лингвиста, последовательного борца за возрождение языка иврит и самобытной культуры своего народа, за создание в Палестине национального еврейского государства. И если в науке Клаузнер достиг вершин, став одним из основателей новой востоковедной дисциплины — библеистики, и создав классические труды о жизни героев Библии — Иисуса из Назарета, апостола Павла и других, то в политике он всегда оставался на вторых и третьих ролях, не имея, видимо, той удачи и не обладая такой харизмой, как Жаботинский, Бен Гурион или Голда Меир. Поэтому и не встретим его имени ни в книге Г.М. Сакера, ни на страницах пухлого труда А.И. Солженицына "200 лет вместе", ни в книге М.Г. Соколянского "Конечно в Одессе".[1]

В советские времена имя Й. Клаузнера как сиониста и последовательного противника социализма было предано забвению. Впервые о его научной и преподавательской деятельности в стенах одесского Новороссийского университета упомянуто в 1994 году в статье автора настоящих

[1] Сакер Г.М. История Израиля: Т. 2: От возникновения сионизма до создания Государства Израиль. — Иерусалим, 1994; Солженицын А.И. Двести лет вместе: В 2 т. — М., 2001; Соколянский М.Г. Конечно в Одессе: малая родина Владимира Жаботинского. — Одесса. 2005.

строк на страницах украинского востоковедного журнала.[2] О его сионистских взглядах и общественной работе в Одессе, по понятным причинам, речь не шла. Напротив, в опубликованной в 1998 г. книге немецкого автора ничего не говорилось об ученых занятиях Клаузнера, его педагогической и культурно-просветительской деятельности.[3] Автор сосредоточил свое внимание лишь на сионизме Клаузнера. Краткие сведения о пребывании Клаузнера в Одессе можно найти в увлекательной книге И. Котлера, вышедшей в Иерусалиме в 1996 году.[4] Следует упомянуть, наконец, и о том, что Клаузнер нашел свое художественное воплощение в автобиографической книге израильского писателя Амоса Оза, приходящегося ему двоюродным внуком.[5]

Из краткого обзора публикаций по теме явствует, что биография Клаузнера вообще и его одесская жизнь в частности не нашли своего достойного отражения в нашей научной литературе. Между тем о нем имеется обширная библиография, как изданная на иврите в Израиле, где он провел вторую часть жизни, так и на английском, немецком и французском языках. Но везде Одесса и одесский период представлены скупо, иногда — с фактическими ошибками. Задача настоящей работы — на основе архивных материалов представить одесские годы в биографии Клаузнера в их полноте и многообразии. Впервые в научный оборот на русском языке вводятся мемуары Клаузнера "Дорогой возрождения и освобождения", вышедшие на иврите в Тель-Авиве в 1955 году*.

Необходимо заметить, что многие относящиеся к теме документы, хранившиеся в Государственном архиве Одесской области (далее сокращенно ГАОО), частично уничтожены. Невозможно сказать, когда это произошло: то ли во время революции и гражданской войны, то ли при оккупации Одессы в годы второй мировой войны. Так, в фонде 16 "Одесская городская управа", исчезли документы 108-й описи "Еврейский отдел".

[2] Урсу Д.П. З історії сходознавства на Півдні України // Східний світ. — 1994. — № 1-2. — С. 140-141.

[3] Hausmann G. Universität und stadtlische Gesellschaft in Odessa, 1865-1917. — Stuttgart, 1998. — S. 458-459.

[4] Котлер И. Очерки по истории евреев Одессы. — Иерусалим, 1996. — С. 173. Автор ошибается, когда пишет, что в 1917 г. Клаузнера пригласили преподавать в одесский Новороссийский университет. В действительности он был приглашен на Высшие женские курсы. Подробнее см. ниже по тексту статьи.

5 Оз А. Рассказ о любви и темноте. Глава 16 // Мигдаль — Times. — 2006. — № 6. — С. 28-30. См. также: Мисюк А. По законам жанра, любви и темноты // Морія. — 2006. — № 6. — С. 247-250.

* Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность Мирьям Полевой (Хайфа) и Инне Закс (Одесса) за возможность ознакомиться с воспоминаниями Клаузнера.

В других фондах отсутствуют многие дела, иногда весьма обширные: в фонде 2 "Канцелярия Одесского градоначальника" в 7-й описи "Стол обществ и собраний за 1906-1917 годы" пропали документы о разрешении собраний за 1907 год (212 листов), а за 1909 год — три дела на 716, 165 и 244 листах. Одним словом, уничтожена ценная документация объемом в многие тысячи листов. В фондах 10 и 13, где собраны материалы одесской цензуры, тоже недостает многих документов. Так, в деле наложения ареста на брошюру Жаботинского "Бунд и сионизм" похищены как сама брошюра, так и относящиеся к ней бумаги. В другом деле, касающемся конфискации брошюры "Совратители Израиля" (1911 год), само издание в наличии, но отсутствует мотивировка ее запрета, как и перевод на русский язык. Подобных примеров можно найти немало. Более того, печатные издания Клаузнера и его единомышленников далеко не все сохранились даже в крупнейших одесских библиотеках. Так что с полным основанием можно сказать, что фактический материал для настоящей работы собирался буквально по крупицам.

Ранние годы жизни Клаузнера в общих чертах известны и приведены в авторитетных энциклопедиях.[6] Он родился в зажиточной еврейской семье в местечке Олькеники Виленской губернии (ныне Литва). В семье, по архивным данным, было четверо детей: сыновья Иосель (Йосиф) и Бецалел (Цаль), дочери Дора и Фаня, которые, кстати сказать, позднее в Одессе были все членами еврейского культурного общества.[7] Когда мальчику Иоселю исполнилось 11 лет, семья переехала в Одессу. Он поступил учиться в местную ешиву, о которой следует сказать подробнее, ибо здесь будущий ученый усвоил основы еврейской культуры и этики, в совершенстве овладел древнееврейским языком, на котором, и только на нем, выступал перед общественностью. Хотя прекрасно владел и русским, и немецким языками. Добавим, что Клаузнер тут не только учился, но и позже преподавал историю Израиля.

Одесская ешива, носившая официальное название Одесское высшее по еврейской науке учебное заведение "Ешибот", была основана в 1866 г. для подготовки раввинов. Она постепенно совершенствовала свой устав (в архиве сохранились уставы 1891 г. и 1909 г.), менялась и ее программа. Цель училища, говорилось в §1 устава, "заключается в доставлении моло-

[6] Еврейская энциклопедия. — СПб, б. г. — Т. IX. — С. 542; Encyclopaedia Judaica. — Jerusalem, s. d. — Vol. 10. — P. 1093-1096; http://www.bautz.de/bbkl/k/klausner; http://en.wikipedia. org/wiki/joseph klausner.

[7] ГАОО, ф. 2, оп. 7, д. 265, л. 27, 40.

дым людям возможности приобрести подробнейшие сведения в Талмуде и источниках еврейских религиозных законов для подготовления себя к раввинскому званию; общеобразовательные предметы преподаются в нем в объеме 6-классных прогимназий, но без древних языков (имеются в виду древнегреческий и латинский)". На прохождение полного курса обучения полагалось шесть лет. В §31 устава перечислены изучаемые предметы: русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, физика, естествознание, география, всеобщая история и немецкий язык. Последние два года обучения учащиеся усиленно штудировали древнееврейский язык, историю евреев и еврейской литературы, Библию, этику, богослужение и халдейский (арамейский) язык. Учащихся было немного, общим числом 30 чел. Ешибот владел собственным зданием на Базарной улице и библиотекой в 1755 названий, почти тысяча из которых — на иврите.[8]

Училище обладало весьма квалифицированными преподавателями, особенно по общенаучным предметам, почти все они окончили Императорский Новороссийский университет в Одессе. Что касается специальных предметов, то хотя их некоторое время вели такие светила еврейской учености, как Х.Н. Бялик, Х. Черновиц, Й. Клаузнер, на них дипломированных специалистов не находилось, что вызывало постоянные нарекания властей. В 1911 г. администрация училища обратилась с письмом к попечителю учебного округа с просьбой разрешить некоторые добавления к уставу и допустить к чтению еврейских предметов лиц, обладающих специальными познаниями, но без университетского образования. В письме сказано, что преподавание общих предметов в школе "поставлено вполне удовлетворительно и ведется в большей части людьми, получившими высшее образование". Однако из-за формальных причин возникли трудности с преподаванием еврейских предметов: "По закону требуется от каждого преподавателя ценз по специальности избранного предмета. Для удостоверения же специальных знаний по еврейским предметам нет компетентного учреждения".[9] Жалоба осталась без последствий, и проблема аттестации части преподавательского корпуса Ешибота не решалась вплоть до его исчезновения в годы гражданской войны. Тем не менее, можно предположить, что попечитель учебного округа таки дал свое молчаливое согласие.

[8] ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 1304, л. 8-15; д. 1621, л. 2 об. Устав, списки учредителей и учителей ешивы на 1915 г. опубликованы. См.: Евреи Одессы и Юга Украины: история в документах / Авт. и сост. Л.Г. Белоусова, Т.Е. Волкова. — Одесса, 2002. — Кн. 1. — С. 104-106.

[9] ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 1401, л. 1-2.

После окончания учебы в ешиве Йосиф решил не идти в раввины, а продолжить образование за границей. Он уехал в Германию и поступил в прославленный Гейдельбергский университет, где получил солидную востоковедную подготовку. О своей учебе Клаузнер рассказал в рукописном документе, обнаруженном нами в архиве и ранее не публиковавшемся. Он состоит из обращения и двух частей — автобиографии (*curriculum vitae*) и списка научных трудов. Ввиду краткости документ печатается полностью, за исключением библиографии, о которой речь пойдет ниже. Документ подписан и датирован следующим образом: доктор философии Йосиф Львович Клаузнер, Одесса, 19 июня 1919 г., ул. Ремесленная, 9.

Вот этот текст:

"*В историко-филологический факультет Новороссийского университета.*

Ввиду слияния Одесских высших женских курсов с Новороссийским университетом считаю необходимым, как занимающий кафедру истории Востока на ОВЖК, представить некоторые данные о научной и педагогической деятельности и о главных моих научных трудах.

I. Curriculum vitae

Родился в 1874 г. В 1896 г. поступил на философский факультет Гейдельбергского университета, где изучал, главным образом, семитические языки (еврейский, арабский, эфиопский, сирийский и ассирийский) и особенно ассирийскую клинопись под руководством известного ассиролога Бецольда, философию под руководством Куно Фишера и Пауля Гензеля, историю под руководством Эриха Маркса. В 1902 г. удостоился диплома доктора философии summa cum laude (первой степени). Моя докторская работа по семитологии (см. ниже) удостоилась весьма одобрительного отзыва со стороны корифеев востоковедения Эмиля Шюрфа, Жозефа Галеви и других. Начиная с 1903 г. редактирую научно-литературный журнал на древнееврейском языке "Haschiloach". В 1906 г. был избран доцентом по кафедре истории Израиля на Курсах Лесгафта. Начиная с 1916 г. читаю лекции по истории Востока на Еврейских педагогических курсах. В 1917 г. был избран преподавателем истории Востока на Высших женских курсах".[10]

После окончания университета Клаузнер пять лет (1902-1907) прожил в Варшаве, где сначала сотрудничал в издаваемом Ахад-га-Амом журнале "Ха-Шилоах" ("Послание"), а затем, когда редакция перемести-

[10] ГАОО, ф. 45, оп. 19, д. 111, л. 41.

лась в Краков, его редактировал. Современный автор подчеркивает высокий научный уровень журнала, привлекший в качестве авторов виднейших европейских интеллектуалов Восточной Европы: "В истории иврит-ской культуры этот журнал занимает особое место — многие писатели, писавшие на иврите, именно в нем начинали свой творческий путь".[11] Клаузнер здесь опубликовал ряд содержательных исследований по древней истории стран Ближнего Востока, в частности: "Книга Баруха" — перевод с эфиопского с обширным введением; "Шестиколонная надпись Санхереба" — ассирийский текст с транскрипцией, переводом, введением и многочисленными приложениями; "Рассказ Билькис, царицы Савской" — перевод с арабского с введением и примечаниями. В 1904 г. в Берлине увидела свет его докторская диссертация на немецком языке "Die messianischen Vorstellungen des Judischen Volkes in Zeitalter des Tannaiten". К этому времени начинается и его педагогическая работа: стал читать лекции по ранней истории Востока на вечерних курсах Лесгафта.

В 1907 г. в жизни Клаузнера происходят существенные перемены. Во-первых, он переезжает в Одессу, где быстро становится одним из лидеров сионистского движения. Во-вторых, он получает приглашение сотрудничать в "Еврейской энциклопедии" издательства Брокгауза и Ефрона и после поездки в Петербург готовит серию статей о персонажах Библии и эллинистической Палестине. В-третьих, он начинает читать курс лекций по истории Израиля в своей *alma mater* — одесской ешиве. В этом же году происходит еще одно немаловажное событие: выходит указ Сената о полном запрете сионистских организаций и их деятельности на территории Российской империи, что делает одесских сионистов объектом полицейских преследований и репрессий.

К этому времени Одесса превратилась в один из крупнейших мировых центров сионизма, что обусловлено концентрацией в ней еврейского населения (200 тыс. чел., или треть всех горожан), значительным экономическим и культурным потенциалом, наличием большого числа национальных школ и развитого издательского дела. Относительно последнего можно прямо утверждать, что никогда, ни прежде, ни после 1911-1912 годов, в Одессе не издавалось так много литературы на иврите. Об этом свидетельствуют официальные статистические данные: в 1911 г. на еврейском языке выпущено 52 издания общим тиражом в 234 тыс. экземпляров, в том числе 12 номеров ежемесячного журнала "Ха-шилоах" (его по-прež-

[11] Луз Э. Пересекающиеся параллели: Религия и национальная идея в эпоху формирования сионистского движения в Восточной Европе. — Иерусалим, 1991. — С. 157-158.

нему редактировал Клаузнер). В следующем году книг, брошюр и журналов напечатано больше (355 наименований), хотя их тираж вырос незначительно (243 тыс. экз.). Для сравнения скажем, что на украинском (малороссийском) языке было выпущено только два издания мизерным тиражом в 470 экз.[12]

Впрочем, обилие изданий еще не свидетельствует о свободе печати. Цензура, как и прежде, не пропускала мало-мальски нелояльные или, по ее мнению, подрывные издания. Архивные материалы пестрят словами — "о наложении ареста", "конфискации", "уничтожении" книг и брошюр разных авторов, в том числе евреев. Мы уже упоминали о брошюре Жаботинского "Бунд и сионизм". Вот еще несколько примеров: суд постановил уничтожить брошюру на древнееврейском языке "Для народа. Письмо к еврейским родителям" (1913 г.), в 1911 г. решено привлечь к суду издателей М. Бурышкина и Х.Н. Бялика, выпустивших брошюру Х. Черновица "Совратители Израиля", саму брошюру конфисковать. В другом архивном фонде хранятся циркуляры Главного управления по делам печати: запретить сборник стихов Бальмонта, перевод книги Ницше "Ecce Homo", уничтожить скандальную книгу Арцыбашева, сборник "Памяти Карла Маркса", наложить арест на газету "Шолом-Алейхем", на журнал "Полярная звезда" за статью Бердяева и т. д. и т. п.[13]

Несколько слов о еврейских школах в Одессе. Только местное отделение Общества по распространению просвещения между евреями в России (сокращенно ОПЕ) содержало на свои средства 13 училищ с общим числом учащихся более двух тысяч (на ноябрь 1914 г.). Сюда следует добавить три вечерних курса, а также педагогические курсы для учителей-евреев Одесского учебного округа, куда входили Бессарабская, Херсонская и Таврическая губернии.[14] Всего же, по подсчетам И. Котлера, в Одессе функционировали 89 учебных заведений, не считая двухсот начальных и школ-хедеров. Приведя эти данные, автор восклицает: "Поистине, Одесса была одним из крупнейших в России центров еврейского образования!".[15] Добавим: и в мире.

Клаузнер, вернувшись в Одессу, с головой включился в общественно-политическую и культурную жизнь еврейской общины, никогда не разделяя эти две сферы деятельности. Сионистом он был, можно сказать, из пе-

[12] ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 60, л. 21, 72; д. 106, л. 39 об.

[13] ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 87, л. 148; ф. 13, оп. 1, д. 307; затем дела 230, 282, 300, 329 и др.

[14] ГАОО, ф. 442, оп. 1, д. 24, л. 129 об; д. 26, л. 53.

[15] ГАОО, ф. 2, оп. 7, д. 243, л. 2; Котлер И. Ук. соч. — С. 172.

ленок, еще до зарождения международного сионизма во главе с Т. Герцлем. Он был делегатом Базельского и всех последующих международных конгрессов. Еще в 17-летнем возрасте он стал самым юным членом общества по распространению древнееврейского языка; оставался пламенным пропагандистом и защитником иврита всю оставшуюся жизнь. Понимание им в одесские годы задач и целей сионизма полностью совпадало с воззрениями Жаботинского, который, несмотря на молодость, оставался лидером их группы (до его выезда за границу в 1914 г.). Последнему принадлежит популярное изложение Базельской программы, под которым двумя руками мог бы подписаться и Клаузнер. Особое внимание они уделяли третьему пункту программы "Подъем национального сознания", где главная роль в пробуждении чувства идентичности уделялась школе. Перед ней ставились три задачи: ее национализация, распространение и развитие древнееврейского языка и литературы на нем, распространение знаний по еврейской истории.[16] И если верно деление раннего сионизма на три течения — религиозное, политическое и культурное[17], то Клаузнера можно с полным основанием отнести к последнему. Он, конечно, не был чужд идей социальной справедливости, но считал социализм Маркса и Бернштейна роковым проклятием еврейского народа, бремя которого тот несет со времен Иисуса из Назарета и до наших дней. Он последовательно боролся против химеры коммунистического рабства, кто бы ни проповедовал его среди евреев — Бунд, социал-демократы или "Поалей Цион". Клаузнер считал естественными и незыблемыми институты семьи, частной собственности, права, государства, религии, но без крайностей и фанатизма. Его здоровый консерватизм и просвещенный национализм опирались на идеи верховенства права, на высо-



С супругой, 1908 г.

[16] Жаботинский В.Е. Что такое Базельская программа? — Вильна, 1908. — С. 11-12.

[17] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб, 1900. — Т. 59. — С. 151.

кие нравственные ценности в отношениях между людьми, нациями, государствами.

Именно этике Клаузнер отводил главную роль в формировании нового человека, человека будущего Эрец Исраэля. Отвергая моральный релятивизм, он проповедовал вечные общечеловеческие истины добра, правды, красоты, мира. В публичной лекции, прочитанной в Одессе в октябре 1915 г., а затем опубликованной под заглавием "Сущность еврейской этики", он рассуждает о различных нравственных категориях, в частности, о добре и зле, и приходит к выводу, что зло несет в себе зародыш собственной гибели. "Месть есть справедливое, закономерно-неизбежное воздаяние, — говорил Клаузнер. — Боги эллинов — боги природы, а Бог Израиля — бог Истории. А в истории нет мести, а есть последствия. Последствия неизбежные, неминуемые, непредотвратимые. *Есть мировая справедливость, которой безнаказанно нарушать нельзя* (подч. мной. — **Д. У.**). Не потому, что Бог мстит за преступления, — от Всевышнего исходит одно лишь добро, — а потому что зло скрывает в себе источник самоуничтожения".[18] И эти вещие слова были произнесены в разгар чудовищной по своим последствиям первой мировой войны. Слова мудреца, хотя Клаузнеру к этому времени едва минуло сорок лет.

Главной задачей в одесский период жизни Клаузнер сделал распространение иврита и замену им в качестве разговорного языка евреев языка идиш или, как тогда выражались, жаргона. В его канонической биографии сказано, что еще в годы учебы в ешиве он с увлечением читал издаваемые на иврите журналы "Ха-мелиц" и "Ха-цфира", откуда узнавал о событиях в мире и о борьбе евреев за свои права. Однако круг его чтения не ограничивался еврейской литературой, он с увлечением изучал Пушкина, Толстого, Достоевского, Шиллера, Гете. Все его научное творчество наглядно свидетельствует об обширных познаниях в разных областях науки и о большой эрудиции.[19] Ученик Одесского ешибота не мог знать, что спустя четыре десятилетия станет президентом Академии еврейского языка на обетованной земле Израиля.

Между тем только что вернувшийся в Одессу молодой доктор философии Йосиф Лейбов Клаузнер, жительствующий по улице Базарной, 57, уже 1 июня 1907 г. подает, в числе других лиц, прошение градоначальнику о разрешении зарегистрировать Общество "Иврия". В представленном

[18] Клаузнер И. Сущность еврейской этики. (Лекция 24.X.1915). — Одесса, 1916. — С. 22.

[19] Клаузнер И. Когда нация борется за свою свободу: Сб. статей. — Иерусалим, 1978. — С. V.

уставе цели этой организации обозначены следующим образом: распространение среди евреев знания древнееврейской речи, издание книг и открытие библиотек. Кроме того, общество намеревалось устраивать публичные лекции, чтения как на русском, так и на жаргоне (то есть идише).[20]

Не получив удовлетворительного ответа, в начале апреля следующего года беспокойный доктор философии, а также инженер М. Усышкин и трое одесских купцов просят разрешить новую организацию под названием Еврейское общественное собрание в Одессе. Ее задачи выписаны нарочито аполитично, например, исполнять для своих членов и гостей музыкальные и драматические произведения, устраивать литературные вечера, иметь библиотеку, для чего приобретать книги, газеты, другие периодические издания. К уставу дано многозначительное примечание, имеющее целью успокоить власть предержащих: "Государственные вопросы и современная политика <...> к обсуждению <...> ни под каким видом не могут быть допущены". Градоначальник, прежде чем ответить, запросил компетентные органы (жандармов и охранку) о политической благонадежности названных в заявлении учредителей. Охранка ответила: "М. Усышкин состоит председателем комитета утвержденного Общества воспомоществования еврейским земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине. Самуил Барбаш состоит членом и казначеем того же комитета. Иосель Клаузнер состоит членом того же Общества, в пользу которого прочел 20 сего апреля, в зале "Унион", публичную лекцию о еврейском поэте Х.Н. Бялике. Сведений о преступной деятельности названных лиц <...> не имеется". Еще короче был ответ жандармов, которые ничего не знали о принадлежности названных лиц к сионистам. Тем не менее Еврейское общественное собрание тоже не было разрешено.[21]

Неудачей закончилась и попытка осенью того же года открыть отделение Общества любителей еврейского языка "Агудас Ховвей Сфас Эйвор", легально действовавшего в столице империи под председательством влиятельного барона Г.О. Гинзбурга. Местным властям была представлена копия утвержденного МВД устава, в котором говорилось: "Общество имеет целью способствовать расширению среди евреев знания еврейского

[20] ГАОО, ф. 2, оп. 7, д. 179, л. 1-2.

[21] ГАОО, ф. 2, оп. 7, д. 243, л. 1-9, 11-23. М.М. Усышкин (1863-1941) — основатель общества "Бней-Цион" (1882, Москва), участник I Сионистского конгресса. "Бней-Цион" ("Сыновья Сиона") — палестинофилы, прилагали усилия к созданию земледельческих поселений в Палестине. Позже примкнули к сионистам. После переезда в Одессу руководил местным отделением "Ховевей Цион" ("Любящие Сион"). С 1923 г. руководил Еврейским национальным фондом в Палестине.

(древнееврейского) языка и развитию еврейской литературы. Район деятельности — вся Россия. Для достижения этой цели Общество: заботится о правильной постановке преподавания древнееврейского языка в хедерах, общественных (талмуд-торах, ешиботах) и частных еврейских учебных заведениях; заботится о доставлении возможности обучения этому языку еврейским детям несостоятельных родителей и еврейским воспитанникам общих учебных заведений; содействует устройству образцовых хедеров, еврейских библиотек, школ и учебных курсов для изучения еврейского языка и снабжает учащихся необходимыми учебными пособиями и книгами". Однако под надуманным предлогом организационное заседание Общества было запрещено, и его отделение в Одессе не было открыто.[22]

Вторая попытка, предпринятая в 1912 г., увенчалась успехом. Одесского градоначальника, собственно говоря, на этот раз не спрашивали: просто из Петербурга ему пришло уведомление о том, что в Одессе открыто отделение Общества любителей еврейского языка, председателем правления которого является Усышкин, а его заместителем Иосель Лейбов Клаузнер. Уже в апреле Общество провело публичную лекцию на тему: "Древнееврейский язык как элемент воспитания в еврейских школах на Востоке (Сирия и Палестина)". Беседа велась в дидактических целях на древнееврейском (библейском) языке. Доклад сделал доктор философии И.О. Рабин, о котором, к сожалению, кроме имени, ничего не известно.

В мае была прочитана лекция Х.Н. Бялика "30-летие литературной деятельности Бен-Ами". В сентябре перед членами Общества выступил доктор философии Й.Л. Клаузнер о литературном творчестве поэта Л.О. Гордона (по случаю 20-летней годовщины со дня смерти). В конце года состоялся музыкальный вечер, перед которым о внутренней связи между языком и музыкой говорил П. Миньковский. Летом, правда, имел место досадный случай — градоначальник запретил проведение на даче Усышкина встречи для чествования учителей иврита со всего учебного округа (80 чел.), которые закончили в Одессе переподготовку на педагогических курсах.[23]

В архивном деле, где собраны материалы Общества любителей еврейского языка, имеются еще два любопытных документа. Один из них составлен в местном жандармском управлении и дает краткие характерис-

[22] ГАОО, ф. 2, оп. 7, д. 265, л. 3-6. Текст устава см. л. 21-24.

[23] Там же. — л. 13-31, 49. Х.Н. Бялик (1873-1934) — поэт, публицист, переводчик. С 1900 г. до 1921 г. проживал в Одессе. Участник трех международных сионистских конгрессов. Принимал активное участие в деятельности одесских еврейских культурно-просветительских организаций. С 1924 г. до смерти проживал в Тель-Авиве. Его творчеству Клаузнер посвятил брошюру, вышедшую в Одессе в 1917 г.

тики политической благонадежности руководителей названной организации. О Клаузнере сказано следующее: "Доктор И.Л. Клаузнер участвовал в качестве делегата от сионистов г. Одессы на IX Сионистском конгрессе и V съезде русских сионистов, происходивших в гор. Гамбурге с 13 по 17 декабря 1909 г.". Далее следует: "М.М. Усышкин тоже был делегатом этих съездов". И добавлено: "Видный деятель и руководитель [сионистов] как в России, так и за границей".

Второй документ — это два списка членов Общества, один датирован 1 ноября 1912 г. и составлен по алфавиту. Он насчитывает 245 чел., среди них братья Клаузнеры — Иосель, проживающий на ул. Ремесленной, 9, и Бецалел с ул. Базарной, 52. Кроме известного нам Йосифа Клаузнера зафиксирован еще один доктор философии — М.Х. Гликсон. Другой список уже без даты написан иным почерком. Он составлен не в алфавитном порядке, а по степени активности членов Общества: на первом месте Усышкин, далее Клаузнер, Барбаш. Среди первых также Бялик с домашним адресом, и впервые в архивных материалах появляется Жаботинский, без инициалов и домашнего адреса. Видимо, к работе этой организации, сугубо просветительской, он особого интереса не проявлял.[24]

Зато за год до составления списков Жаботинский, как и Клаузнер, вел ожесточенную борьбу за руководство одесским отделением старейшей в России и самой массовой еврейской организацией — Общества для распространения просвещения между евреями в России (сокращенно ОПЕ). Она была открыта еще в 1863 г., а закрыта уже при большевиках в 1929 г. Столь долгое существование объясняется просто: при всех режимах ОПЕ способствовала растворению евреев в массе русского населения, а ее руководство, прямо или косвенно, поддерживало ассимиляторские устремления властей. Важнейшей задачей еврейской школы, утверждал Жаботинский на одном собрании, является "воспитание прочной связи с еврейством, опирающееся на тщательном изучении его истории, исторического языка (то есть иврита. — **Д. У.**), образцов письменности и Библии". Именно поэтому ОПЕ интересовало сионистов: через эту организацию можно было перестроить систему школьного образования еврейских детей. В своей борьбе против русификации сионисты не смогли "завоевать об-

[24] Там же. — л. 38-39 об., 40-47, 54. М.Х. Гликсон (1878-1937) — журналист. Докторскую степень получил в Марбургском университете у знаменитого философа Германа Когена (1842-1918). У этого профессора в 1912 г. три месяца учился Б. Пастернак; отношения с мэтром у него не сложились, и он покинул университет, оставив замечательное стихотворение "Марбург". Гликсон выезжал из Одессы в Палестину на одном корабле с Клаузнером. После 1922 г. главный редактор газеты "Гаарец".

щину" и, начиная с первого съезда в Минске в 1902 г., поставили себе задачу "завоевать школу". Эту идею сформулировал и горячо отстаивал старший соратник Клаузнера Ахад-ха-Ам, которого он сменил на посту редактора журнала "Ха-шилоах" и кому он посвятил ряд литературоведческих трудов, напечатанных в Одессе.

Настоящий бой между сторонниками гебраизации школы и консервативно-клерикальным большинством разгорелся на отчетно-выборном собрании ОПЕ в декабре 1911 года. На нем присутствовало невиданно большое число членов — 1059 (можно сказать в шутку, пол-Одессы) и затянулось оно до 4 часов следующего дня, так и не избрав нового состава правления. Оппозицию старому руководству возглавляет Жаботинский, который вновь предлагает резолюцию о языке и истории в еврейской школе. В кратком протокольном изложении его речь звучит следующим образом: "Вопрос о количестве часов, отводимым еврейским предметам, есть вопрос не педагогический, а общественный". Против увеличения школьных часов на иврит и еврейскую историю выступил Крейцер, сказавший, что требования сионистов реакционны. И вот почему: будущность еврейского народа, вопреки утверждениям оппозиции, отнюдь не связаны с судьбой древнееврейского языка. Затем он сказал такую глупость, что сегодня читать без улыбки нельзя: "Этот язык давно уже умер и воскресить его невозможно". Другой оратор занялся прорусской демагогией: "Мы в России не чужие, она наша родина, и ее язык — наш язык". Выступая в прениях, Клаузнер поддержал предложения Жаботинского (его речь протокол, к сожалению, не зафиксировал).[25]

Поскольку на этом собрании правления ОПЕ избрать не удалось, борьба сионистов против консервативных сил, куда входили и автономисты, и клерикалы, и социалисты всех мастей, выступавшие против возрождения иврита, продолжалась. В архиве сохранились предвыборные афиши и тех, и других. В одной из них члены ОПЕ призывались голосовать за Бялика и Жаботинского — в члены правления, а за Клаузнера и Пена — в кандидаты [в члены] правления. Другая афиша звала голосовать против сионистов и переизбрать председателем представителя большинства М.Г. Моргулиса. Здесь, в частности, ставился такой вопрос: "Сионисты желают все дело [образования евреев в Одессе] забрать в свои руки.

[25] ГАОО, ф. 442, оп. 1, д. 18, л. 163-167. Ахад-Гаам (по новому правописанию Ахад-ха-Ам). Под этим псевдонимом писал А.Г. Гинцберг (1856-1927) — публицист, журналист, один из идеологов русского сионизма. В 1896-1903 гг. владел в Варшаве издательством "Ахиасаф", издававшего литературу на иврите; до 1902 г. был главным редактором общественно-литературного журнала "Хашилоах", на этом посту его сменил Клаузнер.

Но какое у них на это право? Что они сделали для еврейского просвещения в Одессе? Где их просветительские учреждения и школы?". Голосование в новое правление ОПЕ было произведено лишь 15 апреля 1912 г., его результаты таковы: Моргулис — 816 голосов, Бялик — 540, Жаботинский — 508, Клаузнер — 468.[26]

Сопротивление сионистскому пониманию путей освобождения еврейского народа и возрождения его культуры шло не только в рядах ОПЕ, но и вне его, нередко с ведома и по инициативе властей. Известно, что поначалу, при проявлении первых признаков сионизма в Одессе, градоначальник в донесении МВД выказывал позитивные чувства, надеясь, что как обращение к мертвому языку и глубоким древностям, так и смутные мечты о переселении в далекую Палестину отвлекут еврейскую молодежь от вредоносных идей анархизма и социализма.[27] Период неопределенности и колебания властей закончился в 1907 г., когда сионизм официально был занесен в разряд опасных движений и запрещен. С этого времени за ним велось неослабное наблюдение, сопровождавшееся полицейскими карательными мерами. Одновременно усиливается идеологическая борьба черносотенных и монархических организаций с помощью антисемитских газет, митингов, демонстраций.[28] Об этом имеется ряд публикаций.

Однако мимо внимания историков остался факт появления монархической организации среди самих евреев. Трудно предположить, чтобы эта "пятая колонна" возникла спонтанно, сама собой; однако документами, обличающими местную администрацию, мы не располагаем. Итак, в начале февраля 1910 г. одесскому градоначальнику поступает заявление от учредителя религиозного общества старозаконных евреев литинского мещанина М.А. Кениса (больше о нем ничего не известно). В длинной, витиевато составленной преамбуле он просит разрешить создание Общества евреев, молящихся Богу за Царя и Правительство (везде с заглавной буквы!) под длинным названием "Мисполилим Бишлоймотел Малхис" (сокращенно МБМ), и очень кратко объясняет его задачи: воспитывать в духе любви к Самодержавному Русскому Царю и Отечеству подрастающее

[26] ГАОО, ф. 442, оп. 1, д. 20, л. 110-111, 122-122 об. М.Г. Моргулис скончался 1 июня 1912 г.; избирательная эпопея разгорелась с новой силой, но уже в отсутствии Жаботинского.

[27] Локшин А. В поисках modus vivendi: Сионистское движение и царское правительство в конце XIX — начале XX вв. // Российский сионизм: история и культура: Материалы научной конференции. — М., 2002. — С. 76-84.

[28] См. подробнее: Музичко О. "Справа Бейліса" у сприйнятті громадськості Одеси (за матеріалами преси) // Одесса и еврейская цивилизация: Сб. материалов IV Международ. науч. конференций: Катастрофа, сопротивление, победа. — Одесса, 2006.

поколение, чтобы оно стало таким же консервативным, покорным и тихим, какими были старые евреи.

Спустя месяц генерал-майор Толмачев, одесский градоначальник, дает МВД свой положительный отзыв: "Нахожу учреждение этого Общества желательным ввиду того, что оно, с одной стороны, будет оказывать помощь бедному еврейскому населению, а с другой, предоставит возможность консервативной части еврейского населения воспитывать подрастающее еврейское население в религиозном и патриотическом духе, в противовес крайнему левому направлению большей части евреев Одессы <...>". К большому удивлению господина градоначальника МВД не утвердило устав такой полезной для властей организации по чисто формальному признаку, усмотрев в ее будущей работе смешение разных функций — воспитательной и благотворительной. И лишь спустя год, после повторного ходатайства, петербургские чины утвердили устав МБМ. Приведем наиболее интересные мысли из него. В §1 говорится, что "Общество имеет целью проповедовать в Одессе среди своих единоверцев идею веры в Бога и глубокой преданности САМОДЕРЖАВНОМУ Русскому ЦАРЮ <...>. §2. Для достижения этой патриотической цели Общество заботится о религиозности, патриотизме и консерватизме членов Общества, не принадлежащих к каким-либо противным Государству партиям, а также о воспитании детей в духе беспредельной любви к САМОДЕРЖАВНОМУ нашему Русскому ЦАРЮ, Правительству и любви к родителям своим, а также образования детей членов в таком же духе патриотизма, религиозности и нравственности".[29] Как-то странно слышать в этом опусе о нравственности, если любовь к родителям в шкале о моральных ценностях поставлена ниже, чем любовь к... правительству. Впрочем, о выполнении столь похвальных, с точки зрения охранки и полиции, целей и о практических результатах деятельности этого аналога "Союза Михаила Архангела" архивы, увы, умалчивают. Видимо, не было о чем докладывать кукловодам.

Вернемся, впрочем, к теме пропаганды иврита среди подрастающего поколения. По мысли Клаузнера и других "культурных сионистов", гебраизировать следовало не только школьников, но и студентов, как обучавшихся в Одессе (их в 1910-1911 учебном году насчитывалось более 500 чел. в университете и около 300 на женских курсах), так и за ее пределами. Особенно интенсивно эта работа проводилась в заграничных вузах. Большинство студентов из России обучалось в немецкоязычных универ-

[29] ГАОО, ф. 2, оп. 7, д. 382. В этом деле отсутствуют материалы о реальной деятельности Общества и его дальнейшей судьбе.

ситетах: в Берлине — 541, Кенигсберге — 231, Берне — 468, Бреслау — 111, Страсбурге — 121. Всего в Германии насчитывалось более 1700 студентов-евреев российского происхождения, среди них немало одесситов. Для работы с ними на совещании в Базеле в 1910 г. был создан Союз студентов-сионистов из России "Техавер" ("Товарищ"). В качестве главных направлений его деятельности были признаны: "гебраизация студенческих масс" и подготовка будущих специалистов к работе в Палестине.[30]

Еще одним из культурно-просветительских проектов одесских сионистов, где активно проявил себя доктор философии Клаузнер, было Еврейское литературное общество (сокращено ЕЛО). История этой организации изучена недостаточно: И. Котлер считает, что она была основана в 1908 г. и закрыта в 1911 г.[31] Между тем, по данным архива, устав ЕЛО был утвержден Одесским городским по делам об обществах присутствием только 13 марта 1913 г., а правление было избрано 3 апреля; пик же его деятельности пришелся на первую половину 1914 года. Список членов ЕЛО, датированный 15 марта 1914 г., насчитывает 706 фамилий, среди них, как было выше сказано, четверо братьев и сестер Клаузнеров, а также такие известные в Одессе лица, как доктор медицины Гешелин Исаак Соломонович и присяжный поверенный, будущий большевистский комиссар Хмельницкий Исаак Абрамович. В правление Общества, насчитывавшее 12 человек, входили кроме И. Клаузнера Бялик (председатель) и Гиммельфарб (товарищ председателя).

Устав ЕЛО составлен по канонам того времени: в §1 говорится о целях организации, а в §2 — о путях и способах их достижения. Цель сформулирована нарочито расплывчато: "содействовать изучению и развитию научной и изящной еврейской литературы на древнееврейском, разговорно-еврейском и других языках". То, что иврит не признается главным и единственным языком евреев, очевидно, есть уступка оппонентам, а также стремление расширить количественный состав организации. Далее в уставе перечисляются направления предполагаемой работы: организация бесед, докладов и лекций, спектаклей, концертов, литературных вечеров.

[30] Еврейский студент. — 1915. — № 1. — С. 3, 20; Одесские новости. — 1914. — 19 мая. Среди заграничных студентов было много неимущих из Одессы. В делах еврейских благотворительных организаций полно слезных просьб об оказании материальной помощи. Вот студент Парижской академии художеств живописует свое бедственное положение, вот заявления студентов Берлинского, Льежского, Бернского университетов. Вот еще один несчастный: сдал 19 экзаменов удовлетворительно и весьма удовлетворительно, но дальше учиться в полуголодном состоянии не может (ГАОО, ф. 42, оп. 1, д. 16, л. 194; д. 18, л. 120, 132, 146 и др.).

[31] Котлер И. Ук. соч. — С. 93-94.

Кроме того, ЕЛО собиралось издавать журналы, газеты, книги, создавать библиотеки, музеи, организовать "с разрешения начальства" курсы для изучения еврейской литературы, истории и еврейских языков.[32]

По сведениям, приводимым И. Котлером, ЕЛО проводило свои заседания и собрания в просветительском клубе "Беседа". Здесь с лекциями и докладами выступали поэты Х.Н. Бялик и Ш. Фруг, писатель И.Х. Равницкий. Клаузнер говорил по темам своих многолетних научных изысканий: "Общий взгляд на историю еврейской литературы" и "Закат еврейского профетизма". Об одном его выступлении, состоявшемся в мае 1914 г., подробно рассказала ведущая местная газета. В этой речи рядом с возрождением иврита он впервые поставил новую перспективную задачу — создание еврейского университета в Палестине. Тема, по которой выступал Клаузнер, звучала несколько расплывчато: "Культурная проблема палестинского еврейства", но он сумел наполнить ее конкретным содержанием. С оптимизмом говорил он об успехах школьного дела на иврите, приведя много статистических данных. То, что сионисты выступают против школ на идиш, не было случайностью. Это было, подчеркнул оратор, борьбой за культуру: "Без национального языка не может быть речи об единой национальной культуре. Более того, без единого национального языка и единой нации быть не может".

Далее Клаузнер предсказал скорое основание еврейского университета в Палестине и пророчески очертил его всемирно-историческое значение. Проектируемый в Иерусалиме университет, говорил докладчик, станет крупнейшим рассадником еврейской культуры. Затем оратор поднялся до глобальных теоретических обобщений: "Так как он [университет] будет объединителем еврейского с общечеловеческим, то он разрешит главную проблему современного еврейства: живет ли еврейский народ духовно лишь процентами с его древнего творчества или же он творит и теперь культурные ценности, которые идут в общую сокровищницу современного человечества?". В этих словах великое и трагическое слились воедино. Вопрос можно переиначить: так кто такие евреи? Это народ-рантье, достижения которого в далеком прошлом, а ныне питающийся жалкими крохами с этого духовного капитала, или народ-творец, спустя две тысячи лет восстановивший преемственность своей культуры и языка и творящий нарав-

[32] ГАОО, ф. 2, оп. 7, д. 265, л. 15-32. Собственно говоря, комиссаром юстиции Советской Украины был не Исаак Абрамович, а его сын Юрий, недоучившийся студент юридического факультета Новороссийского университета. Однако слава сына, скончавшегося совсем юным, позже перешла на отца, которого в Одессе считали "комиссаром", "старым большевиком" и даже "профессором".

не с самыми передовыми народами мира новые духовные и материальные ценности? В таком ракурсе главную дилемму еврейства не ставил никто.

Закончил свой доклад Клаузнер оптимистично, предсказав новому университету великое будущее: "И так как Еврейский нерусский университет будет западным по форме и по изучаемым в нем дисциплинам и восточным по местонахождению и по духу, то он несомненно станет, как вся Новая Палестина вообще, великим синтезом Востока и Запада".[33] Предвидения Клаузнера сбылись полностью, не знал он лишь одного: одним из первых профессоров этого университета будет он сам.

Общественная и культурно-просветительская деятельность Клаузнера в одесские годы была неразрывно связана с его научной и педагогической работой. Основное направление его научных публикаций — история еврейской литературы и литературоведение, история древней Палестины по оригинальным источникам, Библия и раннее христианство, общая история еврейского народа, лингвистика. Будучи необычайно трудолюбивым, обладая высочайшей лингвистической культурой и знанием многих языков, живых и мертвых, и, наконец, имея писательский талант, Клаузнер за свою жизнь опубликовал столько книг, брошюр и статей, что из них можно составить целую научную библиотеку. Многие труды начинались в Одессе в виде статей или небольших брошюр, затем разрастались в крупные, иногда многотомные исследования. Дебютировал он в 1893 г. статьей о развитии древнееврейского языка, которая вместе с другими публикациями составила первую книгу "Sefat Eber — Salah Chajah", вышедшую в 1896 г. В этом же году выходит книга по литературоведению "Ruhot Menashevot". В 1900 г. в Бердичеве опубликована на русском языке книга "Новоеврейская литература", вторым изданием в Одессе в 1912 г., позже переведенная на иврит (Иерусалим, 1920) и на немецкий язык (Берлин, 1921). Курс лекций по истории Израиля, читанных в Одесской ешиве, был опубликован в 1909 г., в том же году вышла книга о новых течениях в еврейской литературе, а в 1911 г. тоже в Одессе на русском языке опубликована книга "Происхождение и характер древнееврейской литературы". В своей автобиографии 1919 года Клаузнер перечислил 9 монографий и 5 статей в "Еврейской энциклопедии".[34]

[33] Одесские новости. — 1914. — 13 мая. Нелишне будет вспомнить, что добровольные пожертвования на строительство университета в Иерусалиме собирались и в России уже с 1910 г. (Еврейская неделя. — 1910. — № 5. — С. 26).

[34] ГАОО, ф. 45, оп. 19, д. 111, л. 41 об.; Еврейская энциклопедия. — Т. IX. — С. 542; Encyclopaedia Judaica. — Vol. 10. — P. 1093-1096.

Именно со статей в "Еврейской энциклопедии" Клаузнер начинает разрабатывать раннюю историю христианства, которая поставила его в мировые классики новой дисциплины — библеистики.

В одесские годы Клаузнер начинает исследовать и тему жизни, деяний и поучений Иисуса из Назарета, которая стала главной в последующие десятилетия и сделала его лучшим в мире знатоком и авторитетом. В 1908-1913 гг. выходит в Берлине его книга "Iesus Nazarenus", которая позже в дополненном и переработанном виде была напечатана на иврите в Иерусалиме, переведена затем на английский, немецкий и другие языки. К этому же направлению относится и фундаментальная работа "Иисус и апостол Павел", также переведенная на иностранные языки.[35]

Всего за несколько лет интенсивной научной и общественной деятельности в Одессе Клаузнер приобрел заслуженную репутацию крупного ученого-востоковеда, знатока древних языков, ранней истории христианства, Библии, а также талантливого литературного критика. Вместе с этим он стал известен как прекрасный лектор, опытный педагог. От такого преподавателя не отказался бы ни один университет Европы. Надо полагать, что и сам Клаузнер мечтал применить свои знания и способности именно на университетской кафедре, тем более что в Одессе тогда функционировали два высших учебных заведения, имевшие в своем составе историко-филологические факультеты с обязательным курсом истории Древнего Востока.

Первым из этих вузов был Императорский Новороссийский университет, открытый в 1865 г., вторым были основанные в 1906 г. Одесские высшие женские курсы (сокращенно ОВЖК). Высшие курсы добились в 1915 г. признания вузом первого разряда (высший уровень аккредитации), а это означало, что их выпускники получали государственные дипломы и такие же права, что и императорские университеты. Между тем история Востока на историческом отделении ОВЖК читалась неудовлетворительно и с большими перерывами. Так, в весеннем полугодии 1915-1916 учебного года историю Востока читал специалист по Западной Европе проф. Е.Н. Щепкин, но из-за учебной перегрузки он отказался от этого курса.[36] Положение было явно ненормальным, чреватое для администрации крупными неприятностями.

Несколько лучше обстояло дело в Новороссийском университете: здесь в феврале 1915 г. был принят на работу приват-доцентом О.Л. Ко-

[35] Аверинцев С.С. Иисус Христос // Мифы народов мира: Энциклопедия. 2-е изд. — М., 1986. — Т. 1. — С. 500. См. также: Comte F. Les grandes figures de la Bible. — P., 1992. — P. 127-131.

[36] ГАОО, ф. 45, оп. 19, д. 1437, л. 1; оп. 334; оп. 3, д. 7657, л. 11-12, 43, 99-100.

цейовский, выпускник Восточного факультета Петербургского университета, ученик акад. Б.А. Тураева. Однако молодой преподаватель был занят подготовкой магистерской диссертации, а потом взял академический отпуск для ее защиты. Так что курс истории Востока и в университете оказался вакантным.[37]

Таким образом, объективно сложились благоприятные условия для приглашения такого известного и авторитетного востоковеда, как Клаузнер в один из одесских вузов. Вместе с тем нелишне отметить и некоторые моменты, препятствующие такому развитию событий. Во-первых, против был латентный антисемитизм царской администрации и части реакционной профессуры. Во-вторых, Россия не признавала иностранных дипломов и научных степеней, хотя в обязательном порядке отправляла своих будущих профессоров доучиваться в европейских университетах, тем самым молчаливо признавая их превосходство. Как бы то ни было, вопрос о приглашении Клаузнера мог бы положительно решиться лишь в случае решительного изменения политического строя России.

Это произошло в результате февральской революции 1917 года. В своих мемуарах Клаузнер рассказывает, что уже через два дня после свержения царя к нему пришел проф. Щепкин, бывший тогда деканом историко-филологического факультета ОВЖК, и от имени руководства предложил ему кафедру истории Древнего Востока с чтением обязательного курса.[38] Однако весенний семестр учебного года приближался к концу, да и Клаузнер, с радостью принявший приглашение, вскоре тяжело заболел и, как он вспоминает, несколько месяцев находился между жизнью и смертью.

Подтверждение словам Клаузнера (с некоторыми частными уточнениями) мы находим в архивных документах. В первый день нового учебного года, 1 сентября 1917 г., состоялось заседание ученого совета историко-филологического факультета ОВЖК, где присутствовали профессора Ланге (директор курсов), Варнеке, Попруженко, Доброклонский. Состояние с преподаванием истории Востока было признано ненормальным и принято следующее решение: "Войти в переговоры с отдельными знатоками древней истории в Одессе, специально с доктором Клаузнером, относительно чтения им курса истории Древнего Востока". Вполне вероятно, что именно после этого заседания декан Щепкин и посетил Клаузнера

[37] ГАОО, ф. 45, оп. 1, д. 877, л. 22; оп. 4, д. 2713, л. 39-40; ф. Р-1359, оп. 1, д. 22, л. 44 об.

[38] Клаузнер И. Дархей ликрат ха-Техийа ве-хе-Геулла (Дорогой возрождения и освобождения). — Тель-Авив — Иерусалим, 1955. — С. 155.

с приглашением от имени ученого совета факультета. Уже на следующем заседании, 28 сентября, Щепкин доложил совету "об ученых трудах и степенях доктора Гейдельбергского университета, доктора Клаузнера". Видимо, мнение совета было благоприятным, так как было постановлено: "пригласить доктора Клаузнера пока сторонним преподавателем на чтение истории Востока (Ассирия и Вавилония) при одном часе [в неделю]".[39] Характерно, что в годовом отчете ОВЖК как большое достижение было отмечено: "приглашен доктор Клаузнер для усиления преподавания по всеобщей истории".[40] В весеннем семестре доктор Клаузнер имел уже по два учебных часа в неделю.[41]

Вернемся, однако, немного назад и послушаем, как вспоминал эти события сам Клаузнер 30 лет спустя, когда писал свои мемуары: "На первом занятии присутствовали все профессора Высших курсов в торжественном облачении. Две студентки-сионистки выступили и сказали, что они горды видеть здесь на кафедре человека, который был для молодого поколения учителем литературы и истории, и чьи публикации и лекции учили еврейскую молодежь жить в соответствии с великими еврейскими идеалами. Одна из выступавших барышень была красавицей классического образца <...>. Она пришла в великолепном белом одеянии с букетом белых лилий в руках, и после прекрасной речи на иврите с приятным сефардским акцентом, который был большой новинкой в то время, протянула мне цветы, которые как будто символизировали и чистоту ее духа, и красоту ее тела".

С первого дня у нового преподавателя сложились отличные отношения как с коллегами, так и со студентками. Среди преподавателей факультета было 35 христиан, в том числе один выкрест, и теперь единственный еврей — Клаузнер: "<...> профессора относились ко мне дружелюбно и уважительно, и так же я относился к ним. Ни разу не почувствовал между нами признаков антисемитизма <...>, никогда не чувствовал разделения между мною, единственным иудеем, и остальными профессорами-христианами. Некоторые из них весьма похвально отзывались о моих методах преподавания и проверки знаний, как я слышал из уст многих моих учениц".

Студентки ОВЖК, как пишет Клаузнер, на 40% состояли из евреек, остальные были христианками — русскими, польками, гречанками, армянками и грузинками; были среди них и чистокровные татарки. К его удивлению, знания по истории древней Палестины (он употребляет выра-

[39] ГАОО, ф. 334, оп. 3, д. 7539, л. 84-86.

[40] ГАОО, ф. 334, оп. 5, д. 17, л. 47.

[41] ГАОО, ф. 334, оп. 3, д. 7658, л. 2.

жение *Эрец Исраэль*) показывали не еврейки, а христианки: "Студентка, удивившая меня своими познаниями в истории Эрец Исраэль, была полькой, учительницей гимназии. За нею шла дочь православного священника и третьей — чисто русская девушка, дочь директора юнкерского военного училища".

Работа Клаузнера на Высших женских курсах, которые дважды вливались в Новороссийский университет, а затем отделялись (поэтому и появилось ошибочное утверждение, что он якобы с самого начала стал преподавать в университете), оставила в его памяти самые добрые воспоминания: "Все эти два с половиной года (март 1917 — ноябрь 1919), которые я работал на кафедре истории Древнего Востока до моего отъезда в Эрец Исраэль, я чувствовал себя окруженным самой приятной атмосферой в этом благородном университете, в дела и программы которого правительство не вмешивалось, и у которого была полная академическая автономия. Мои занятия включали историю Ассирии и Вавилонии, историю Египта, Тира и Сидона, а также историю Израиля от ее начала и до разрушения Второго Храма. История Первого Храма предполагала и практические занятия по принципам библейской критики. Как я уже говорил, эти занятия были обязательными, то есть студентки были обязаны посещать лекции по этому предмету, а затем сдать экзамены. За пять семестров я проэкзаменовал до трехсот студенток, большинство из которых были христианками <...>".[42]

О педагогической работе Клаузнера в годы гражданской войны, когда в Одессе неоднократно менялась власть, в источниках сохранились разрозненные данные. Так, на заседании ученого совета факультета 20 апреля 1918 г. ему было поручено экзаменовать студенток по истории Востока за весенний семестр в связи с бегством проф. Щепкина вместе с большевиками. Совет обсудил также заявление доктора Клаузнера "о необходимости читать историю Востока два часа в неделю. Постановили: принять к сведению и сообщить хозяйственному комитету". Имелось в виду, очевидно, согласиться с предложением Клаузнера и сообщить об этом в бухгалтерию ОВЖК для начисления ему жалования. На следующем заседании совета, состоявшемся спустя два месяца, были утверждены учебные планы факультета на будущий 1918-1919 учебный год. Доктор Клаузнер должен был читать историю Востока студенткам III и IV курсов исторического отделения. В начале сентября 1919 г. совет рассматривал "обозре-

[42] Клаузнер И. Ук. соч. — С. 155-156.



Титульный лист второго издания книги воспоминаний Йосифа Клаузнера "Дорогой возрождения и освобождения"

ние преподавания" (в тогдашней лексике — распределение учебной нагрузки) на 1919-1920 учебный год. Клаузнеру поручено читать историю Востока (Ассиро-Вавилония, Израиль, Финикия, Египет) по два часа в неделю студенткам-историчкам всех курсов.[43]

Между тем в Одессе с апреля по конец августа 1919 г. во второй раз установилась власть большевиков. Этим тяжелым дням Клаузнер посвятил две главы (16-ю и 17-ю) своих воспоминаний. Он не пожалел красок, описывая грабежи, насилия и беззакония, творимые красными комиссарами как по отношению к горожанам вообще, так и, в особенности, к евреям. По силе эмоционального воздействия на читателя эти главы сравнимы со знаменитым очерком И. Бунина "Окаянные дни".[44] Что касается высшей школы, то по решению нового органа управления Совета комиссаров вузов Одессы ОВЖК были присоединены к университету, поскольку большевики принципиально не признавали раздельное обучение юношей и девушек. 7 июня 1919 г. вышел указ о слиянии двух историко-филологических факультетов.[45] Однако он фактически остался на бумаге, поскольку начинались летние каникулы, а 24 августа красные войска покинули Одессу и все осталось по-прежнему.

В делах ОВЖК сохранилось собственноручно написанное заявление Клаузнера без даты, в котором он сообщает свои планы на будущий учебный год: "В 1919/1920 учебном году я желал бы читать следующее: 1) историю Востока (Ассиро-Вавилония, Израиль, Финикия, Египет) 2 часа в неделю. В понедельник и среду от 4 до 5 час. пополудни; 2) семинарии "Иудео-эллинский мир накануне христианства" 2 часа в неделю (подряд).

[43] ГАОО, ф. 334, оп. 3, д. 7539, л. 93-94, 96, 110.

[44] Клаузнер И. Ук. соч. — С. 158-169.

[45] ГАОО, ф. 334, оп. 3, д. 7678, л. 49-59; оп. 5, д. 21, л. 1.

В четверг от 4-6 час. И. Клаузнер".[46] Вызывает недоумение заключенная в скобки фраза Клаузнера о том, что в прошлом (то есть в 1918-1919) учебном году он не читал курс истории Востока. Думается, речь скорее идет о том, что курс был недочитан из-за военных событий.



Йосиф Клаузнер – профессор Еврейского университета Иерусалим

Последний документ с именем Клаузнера в одесском архиве – протокол заседания ученого совета факультета от 28 января/15 февраля 1920 г. В конце повестки дня члены совета обсудили кадровые перемены, происшедшие за последние месяцы, а именно заявления Коцейовского и Бицилли о временном прекращении ими преподавания. Было также зачитано заявление Клаузнера о прекращении им преподавания на ОВЖК ввиду отъезда в Иерусалим.[47] Почтенные ученые обсуждали вопросы *post factum* и *post mortem*: они не знали, что "временное отсутствие" превратится в постоянное, так как Бицилли уехал в эмиграцию, а Коцейовский умер. Верными были лишь слова о Клаузнере: он покинул Одессу и навсегда поселился в Иерусалиме, где спустя пять лет станет профессором новосозданного Еврейского университета.

Для Клаузнера отъезд из Одессы был актом гражданского мужества, верности принципам сионизма. Этим он доказал, что не относится к тем трусливым болтунам или, по выражению Голды Меир[48], "салонным сионистам", умевшим лишь красиво говорить патриотические речи о любви к Эрец Исраэлю, но боявшихся покинуть свои теплые норы ради тяжкого труда, лишений и опасностей на неизведанной земле.

И вот 20 декабря 1919 г., в дни большого еврейского праздника Хануки, к причалам Яффы подошел пароход "Руслан" с шестью сотнями репат-

[46] Там же, л. 35.

[47] ГАОО, ф. 334, оп. 3, д. 7539, л. 117 об.

[48] Меир Г. Моя жизнь. – Чимкент, 1997. – С. 69.

риантов из Одессы. Здесь были люди разных состояний, профессий, возрастов, все горевшие желанием начать возрождение своей многострадальной исторической родины. Среди них немало семей интеллектуалов — преподавателей, врачей, художников, артистов, писателей — цвет творческих профессий Одессы.[49] Вот на землю спускается многочисленный клан Клаузнеров — братья с женами, сестры с мужьями, детвора. Впереди шагает чернобородый человек 45-ти лет с веселыми глазами. Это — Иосиф Клаузнер, бывший приват-доцент Новороссийского университета, известный ученый-востоковед и общественный деятель. На новой земле он построит себе дом, взойдет на кафедру университета, о котором много лет назад пророчески возвестил, что тот станет синтезом Востока и Запада, станет президентом Академии языка иврит и увидит, как осуществится мечта его неспокойной жизни — язык предков, язык Библии станет государственным языком возрожденного спустя две тысячи лет Эрец Исраэля.



[49] Маор И. Сионистское движение в России. — Иерусалим, 1977. — С. 417;
Войскун Л. Яков Перемен — человек-феномен // Морія. — 2006. — № 6. — С. 36.

Василий БЕЛЯЕВ

Конец банды "Черная кошка"*
Записки сотрудника УГРО

* В этом выпуске Альманаха мы продолжаем публикацию воспоминаний В.Г. Беляева, начатую предыдущем номере. В течение многих лет консультировавший сотрудников уголовного розыска как один из опытнейших оперативников, Беляев никогда не занимался профессиональной литературной деятельностью. Тексты его просты и информативны, как донесения и сводки. И потому они лишь немного откорректированы, без малейшего искажения смысла.

Олег ГУБАРЬ

Двойник
1.

Вдвоем с товарищем Брагой мы дежурили по уголовному розыску. Сообщений о каких-либо преступлениях по городу Одессе не поступало. Телефон молчал, но отлучаться было нельзя. Мы сидели за столом и играли в домино.

Доиграть партию не удалось. Раздался тревожный звонок, и на том конце провода сообщили о вооруженном ограблении государственной страховой кассы. Я тут же дал тревогу — сигнализировал по кабинетам сотрудников и в гараж, дежурному шоферу. Служебная машина подъехала к парадной, и мы совместно с другими сотрудниками на ходу запрыгнули в открытый "шевроле". Через четыре минуты мы уже были возле страховой кассы, помещавшейся по улице Короленко (Софиевской. — **О. Г.**), в доме № 32.

На тротуаре напротив подъезда дома № 34 собралась толпа народа, сгрудившаяся вокруг убитого неизвестного гражданина. То был один из грабителей. В его руке был зажат пистолет.

Из подъезда страховой кассы работники как раз выносили кассира с разбитой головой. Его уложили в машину "скорой помощи" и отправили в больницу.

2.

Когда "скорая" отъехала, ко мне подошел стрелок ОГПУ в форменной одежде, Коваленко, который сообщил следующее. Он и кассир Ильин, как обычно, отправились за деньгами в государственный банк, помещавший-

ся по улице Пушкинской, № 10. Ильин получил деньги, и они вдвоем возвращались в страховую кассу для выплаты денег рабочим по больничным листам. Это была привычная процедура, и в день грабежа все шло своим чередом до того момента, пока они не подошли к страховой кассе.

На подходе Коваленко и Ильин увидели стоявшего в подъезде человека — стрелок указал на убитого грабителя. Они прошли по двору мимо, в парадную, поднялись по лестнице на второй этаж, и едва оказались в коридоре, как внезапно неизвестный гражданин подскочил к кассиру и рукояткой револьвера нанес ему удар по голове. Ильин свалился без сознания, выронив из рук портфель с деньгами. Грабитель подхватил портфель и бросился к ведущей во двор лестнице.

Коваленко несколько растерялся, а покуда расстегнул кобуру и достал пистолет, грабитель с портфелем был уже у выхода из коридора. Стрелок нажал на спусковой крючок, однако выстрела не последовало, ибо пистолет был на предохранителе. На ходу снимая предохранитель, Коваленко бросился к лестнице, а когда выскочил во двор, увидел, что грабитель уже подбежал к подъезду. Впопыхах дал выстрел — и промахнулся. Грабитель дважды выстрелил в ответ, тоже безрезультатно, выбежал из подъезда на улицу и помчался в направлении Преображенской (в те годы именовалась улицей 10-летия Рабоче-крестьянской Красной Армии, РККА. — **О. Г.**).

Когда Коваленко подбежал к подъезду, то подвергся нападению другого субъекта — стрелок снова указал на убитого грабителя. Тот выстрелил из подворотни, вынудив Коваленко укрыться за угол. Когда милиционер снова выглянул, грабителей в просвете подворотни уже не было видно. На улице Коваленко дважды стрелял по убегавшему бандиту, прикрывавшему отход своего напарника, но снова дал промах.

3.

На противоположной стороне улицы Короленко помещался военный трибунал, и возле парадной постоянно находился на посту часовой красноармеец. Увидев перестрелку сотрудника ОГПУ с неизвестными лицами, он вскинул винтовку, прицелился и выстрелил по убегающему грабителю. Тот сразу остановился, повернулся лицом к набегающему Коваленко и упал с зажатым в руке пистолетом. Стрелок обыскал убитого, но кроме пистолета марки браунинг ничего обнаружено не было.

Дактилоскопическая экспертиза показала, что убитый грабитель зарегистрирован соответствующими службами как уже неоднократно совер-

шавший подобные преступления, некто Жоржев, бежавший из мест заключения и, естественно, разыскиваемый.

Во время допроса стрелок ОГПУ Коваленко четко указал следующие приметы того грабителя, который скрылся с деньгами. Среднего роста. Шатен. 30-32-х лет. В очках с черной оправой. Небольшие усики. Коричневая шляпа. Коричневый клетчатый пиджак с четырьмя наружными "дутыми карманами". Той же ткани брюки-бриджи. Желтые краги и желтые ботинки.

Гардероб и в самом деле приметный.

Показательно, что по выздоровлении кассир Ильин полностью подтвердил показания Коваленко — как в отношении обстоятельств разбойного нападения, так и по поводу примет удравшего с его портфелем грабителя.

4.

Прошло две недели после ограбления страховой кассы. Вместе с инспектором розыска Каменеком мы шли по улице Подбельского (Коблевской. — **О. Г.**). Возле строящегося нового дома заметили на решетовании человека, соответствующего всем приметам, сообщенным кассиром Ильиным и стрелком Коваленко. Каменек предложил: "Давай-ка проверим его сами, не докладывая начальству. В крайнем случае, извинимся, если ошиблись".

Подошли к строительной площадке, и я закричал: "Товарищ, а, товарищ!". Замеченный нами неизвестный гражданин, как мы и предполагали, решил, что его окликнули по какому-то вопросу, связанному с работой. Он спустился вниз, приблизился к нам и тут же любезно спросил: "Чем могу вам услужить?". Каменек предъявил служебное удостоверение: "Мы сотрудники уголовного розыска. Прошу ваши документы". "Документы, — протяжно повторил гражданин, — документы при себе не ношу. Я здесь работаю инженером-строителем. А что вам угодно, и в чем меня, собственно, подозревают?"

Каменек ответил: мол, здесь не место для объяснений. Предложил пройти в управление розыска, которое располагалось недалеко. Человек, назвавшийся инженером-строителем, не возражал. Однако прибавил: "На это раз вы точно ошибаетесь". "Для того-то мы вас, товарищ инженер, и приглашаем в управление, — чтобы развеять свои безосновательные, быть может, подозрения".

Соблюдая предосторожность, мы повели подозрительного гражданина в розыск: Каменек шел рядом с ним, а я позади. Инженер явно волно-

вался, но причины могли быть вполне естественными, коль скоро человек еще никогда не задерживался и не привлекался.

В управлении инспектор Каменек в моем присутствии обстоятельно допросил инженера.

— Откуда вы прибыли в город Одессу и когда?

— Месяца полтора тому назад. Я приехал в Одессу из Иркутска.

— Где и когда вы приобрели костюм, краги, ботинки и шляпу, которые сейчас на вас?

— Вот этот костюм я купил в Иркутске накануне отъезда в Одессу. Краги и ботинки у меня около года, куплены тоже в Иркутске.

— Давно ли вы отпустили усы и когда начали носить очки?

— Усы я отпустил год тому назад, а очки начал носить еще в институте: врачи приписали.

— Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос: где вы провели весь день 27 ноября, начиная с утра? Есть ли у вас знакомые и друзья среди горожан?

— Ежедневно, кроме выходных дней, я с утра до вечера нахожусь на стройке, где вы меня и встретили, за исключением обеденного времени. На обед отлучаюсь с 12.00 до 13.30. Именно таков и был распорядок моего дня 27 ноября. Подтвердить это могут и рабочие. Знакомых и друзей в Одессе у меня нет.

5.

В этот момент, когда допрос подходил к концу, в кабинет без стука вошли стрелок Коваленко и кассир Ильин. Увидев инженера, они пораженно застыли, а затем перевели вопрошающие взгляды на инспектора Каменека, который было предложил им присесть. Однако кассир Ильин стремительно набросился на инженера, схватил его за отвороты костюма и заорал: "Подлец! Ты из-за денег чуть меня не убил!". Затем он свалился на подставленный мной стул, и пришел в себя, лишь проглотив стакан воды.

Показывая на инженера, я обратился к Ильину и Коваленко: "Видели ли вы этого человека где-либо ранее?". Оба уверенно ответили: "Да, этот человек — грабитель и убийца. Мы его хорошо приметили еще тогда, 27 ноября сего года, когда шли через подъезд в банк за деньгами. Он стоял тогда в подъезде. Был одет точно так же, как теперь. А когда возвращались из банка с деньгами, то в подъезде стоял его напарник, а этот находился во втором этаже, где и нанес удар по голове, схватил портфель с деньгами и, отстреливаясь, скрылся".

Сидящий на стуле ни живой ни мертвый инженер побледнел и стал клясться всем святым и убеждать всех присутствующих, что знать ничего не знает. "Вы глубоко ошибаетесь! Да я в жизни никогда такими делами не занимался! Спросите кого хотите! Я невиновен!" Наклонился и горько заплакал.

6.

Инженера заключили под стражу — как уверенно опознанного двумя свидетелями по делу о вооруженном ограблении государственной страховой кассы. Его обеденная отлучка была довольно продолжительной, не менее полутора часов. А рабочие не могли надежно и точно зафиксировать время и продолжительность отсутствия.

На протяжении двух месяцев задержанного периодически вызывали на допросы, однако он упрямо стоял на своем: "Виновным себя не признаю. Уверяю вас: потерпевшие ошибаются в своем опознании и обвинении". В его пользу говорили многие обстоятельства. Манеры, поведение, интеллигентность, эрудиция — все как-то не увязывалось с обликом дерзкого и умелого грабителя. Да и наведенные в Иркутске и других городах справки свидетельствовали о непричастности инженера к тяжкому преступлению: ни одного хотя бы мало-мальски компрометирующего факта.

Однажды, проходя по многолюдной Дерибасовской (она же — Ласаля, она же — Чкалова. — **О. Г.**), мы с сотрудником розыска Брагой как раз беседовали на эту тему. Несмотря на то, что Коваленко и Ильин уверенно опознали нападавшего, нас грызли сомнения. Ну, не похож был инженер на преступника. Опыт подсказывал: нами задержан невиновный человек, который из-за нас страдает. Кроме того, бросалась в глаза явная несуразность: неужто грабитель столь наивен, чтобы преспокойно разгуливать по городу в той самой броской приметной одежде, в которой только что совершено серьезное преступление?! Мы выдвигали друг другу то одни, то другие доводы и приходили к однозначному выводу о непричастности инженера к ограблению страховой кассы.

Так мы двигались среди людского водоворота, как вдруг Брага в буквальном смысле опешил: "Смотри!". Он указал на противоположную сторону улицы. Я глянул — и тоже обомлел. Наш арестованный инженер преспокойно шагал вдоль витрин магазинов.

Брага растерянно сказал: мол, только час назад он был в кабинете начальника розыска, и при нем инженера отвел в камеру солидный конвой,

и никак не может быть, чтобы он был отпущен, а тем более сбежал, а если бы и сбежал, то отчего ему тогда разгуливать по Дерибасовской?

Мы тут же перешли на противоположный тротуар и пошли навстречу нашему непредсказуемому инженеру. Самое занятное, что при нашем приближении тот никак не отреагировал — словно бы впервые нас видел. Я попросил его предъявить документы, одновременно предъявив свое служебное удостоверение, а Брага меня подстраховывал.

"Документов при мне нет", — ответил "инженер". "Тогда скажите, кто вы и откуда?" — "Я только сегодня приехал в Одессу для поступления на работу". Тут только, по голосу, я и определил, что это вовсе не наш инженер. В остальном они были настоящими близнецами-братьями. Повидавший виды Брага поразился не менее моего.

Предложили гражданину следовать за нами в управление уголовного розыска. Тот заволновался, но все же пошел рядом с Брагой, а я, соблюдая осторожность, пошел позади, предчувствуя, что мы поймали крупную рыбину. Когда прошли квартал, задержанный оглянулся. Видя, что я иду по его стопам, осмотрительно готовый к действиям, он обреченно зашагал дальше.

Когда пришли в управление, Брага остался в нашем кабинете с задержанным, а я доложил начальнику розыска о том, что нами доставлена "копия инженера". Начальник, который недавно отправил инженера в камеру под надзором двух конвоиров, воскликнул: "Да не мог он бежать! Немедленно приведите задержанного ко мне!". Вдвоем с Брагой мы привели "копию инженера".

Искренне удивленный начальник розыска поднялся из кресла, обошел письменный стол, покрутился вокруг задержанного, достал сделанную в розыске фотокарточку инженера и показал доставленному гражданину: "Узнаете себя? Это вы?". Тот внимательно поглядел на снимок и сказал: "Да, это я. Но интересно знать, кто, когда и где меня успел сфотографировать?". Начальник отозвался: "Не имеет значения, кто, когда и где вас запечатлел. Важно, что вы сами себя сразу узнали".

Глядя на неизвестного в упор, начальник розыска резко приказал Браге: "Выведите задержанного грабителя и убийцу!". Тот вышел из кабинета, не проронив ни слова. А начальник убежденно сказал: "Вот этот-то, верьте мне, точно грабитель... Товарищ Беляев, отправляйтесь в арестный дом, да доставьте-ка сюда вашего инженера. Здесь у нас очень интересная история вырисовывается".

Вместе с комендантом арестного дома мы проверили камеру, убедившись, что инженер, конечно, никуда не делся. Я и привел его к начальни-

ку розыска. Тот подошел к инженеру, спросил: "Что нового скажете?". "Ничего нового сказать не могу. Я ни в чем не виноват, а опознавшие во мне грабителя ошибаются". "Ладно, раз так... Товарищ Беляев, вызовите сейчас же потерпевших, а за арестованным инженером пусть конвоиры в соседнем кабинете присмотрят".

Вскоре второго задержанного, который назвался Диденко, предъявили для опознания кассиру Ильину и стрелку ОГПУ Коваленко. Те в один голос заявили, что перед ними тот самый субъект, который нанес удар кассиру и скрылся с похищенными деньгами. И пусть, мол, возвратит портфель, поскольку больные рабочие ждут компенсации. Задержанный Диденко в ответ на все эти заявления широко улыбнулся.

А далее начальник розыска, выходя из кабинета, пригласил с собой Ильина и Коваленко. Втроем они проследовали в другой кабинет, где находился инженер. Дорогой начальник обратился к потерпевшим: "Вот вы сейчас категорически заявили, что опознали задержанного Диденко? А что если вдруг он все же окажется невиновным?". Кассир и стрелок вопросительно уставились на него. Тем временем отворилась дверь кабинета, и перед ними предстал задержанный инженер.

Надо было видеть, как переглянулись Ильин и Коваленко. Перебивая друг друга, заговорили: "Они же одинаковые! Близнецы, что ли? Один из них наверняка грабитель! Но который? Надеемся на вас, товарищ начальник, уж вы установите!".

Тут инженеру был представлен его двойник, Диденко. Когда оба задержанных взглянули друг на друга, то были поражены сходством. Это казалось непостижимым. Проведший два месяца в камере инженер сам себе не верил, ему казалось, что он бредит. В этом бредовом состоянии принялся честить своего двойника и даже пытался наброситься на него с кулаками.

Грабитель Диденко воспринял ситуацию как-то по-хорошему, по-человечески. С достоинством поднялся и сказал: "Прошу прощения у моего... — он запнулся. — У моего коллеги". Потом обратился к инженеру: "Я и сам никогда не ожидал, что возможно такое сходство, такие совпадения, такие чудеса". Прибавил: "Я прошу вас, товарищ начальник, освободить невиновного гражданина инженера, моего двойника, который был лишен свободы из-за меня. Я не боялся совершать преступления, но сумею и безбоязненно ответить за вооруженный грабеж. Не желаю, чтоб кто-то другой пострадал по моей вине".

В этот момент в кабинет вошел товарищ Брага и подал начальнику розыска справку о дактилоскопической экспертизе задержанного Диденко.

В ней указывалось, что гражданин, назвавшийся Диденко, зарегистрирован в картотеке как грабитель по кличке Бывший.

Начальник уголовного розыска подошел к инженеру, почтительно подал ему руку: "Вы уж не обижайтесь на нас, уважаемый товарищ инженер! Два месяца под стражей — это, конечно, ужасно. Еще раз извините. Только подумайте сами: мы ведь законно вас содержали, на основании уверенного опознания, причем сразу двумя потерпевшими. Да и с алиби у вас были неясности. И наконец, кто мог знать о наличии у вас двойника? Кстати, этот ваш двойник оказался по-своему благородным. Тотчас повинился перед вами".

7.

Инженера освободили, и он не имел претензий к уголовному розыску. Что касается грабителя Диденко по кличке Бывший, то на допросах он показал следующее. В ноябре месяце они вдвоем с партнером Жоржевым проходили по улице Короленко, и возле дома № 32 заметили много людей, у которых узнали, что здесь размещается государственная страховая касса, в которой рабочим выдаются деньги по больничным листам. Смешавшись с толпой рабочих, они проникли в помещение кассы, ознакомились с расположением помещений, в частности, комнаты кассира во втором этаже, в которую вход вел со двора, а окошко кассы выходило в общий зал. В свою очередь, вход в общий зал второго этажа был с парадного подъезда.

Диденко и Жоржев решили проследить, когда именно кассир посещает банк, кто его сопровождает и прочие детали. В течение трехдневного наблюдения установили: кассир ходит в банк и назад пешком вместе с одним охранником ежедневно. Выходят они из кассы во двор, оттуда через подъезд на улицу — и тем же путем назад. Решили ограбить кассира — не убивать, а только оглушить, да так, чтобы он выронил портфель с деньгами.

Из замеченных деталей была очень важная: стрелок-охранник, сопровождавший кассира, всегда ходил с застегнутой кобурой, и можно было почти наверняка предположить, что пистолет на предохранителе. Вот и получалось, что если оглушить кассира, то пока охранник расстегнет кобуру, снимет предохранитель и прицелится, можно запросто успеть выскочить во двор. Но поскольку двор надо еще перебежать, то другой участник ограбления станет прикрывать отход первого, стреляя без намерения убить охранника, не прицеливаясь, а просто для страховки. Когда партнер с портфелем скроется, тогда прикрывающий будет иметь возможность уй-

ти через соседний проходной двор, выходящий на улицу Щепкина (Елисаветинская. — **О. Г.**). Роли распределились так, что первую скрипку играл Диденко, но, по стечению непредвиденных обстоятельств, погиб как раз Жоржев.

На четвертый день напарники подошли к подъезду дома № 32. Диденко направился во двор, а Жоржев остался на улице. Вскорости через подъезд прошли кассир и стрелок, причем оба обратили внимание на Диденко, которого видели и прежде, когда напарники еще вели наблюдение. Когда Ильин и Коваленко ушли в государственный банк, преступники ожидали их на улице, в толпе рабочих.

Через какое-то время кассир и стрелок показались из-за угла Преображенской. Заметив их, рабочие направились в дом страховой кассы, чтобы выстроиться в очередь. Тогда Диденко через дворовую парадную поднялся во второй этаж и притаился за входной дверью, а Жоржев занял позицию во дворе, у подъезда, откуда хорошо просматривался вход в ведущее в кассу парадное.

Кассир и стрелок прошли мимо Жоржева, вошли в парадное и поднялись по лестнице во второй этаж. Диденко мгновенно нанес кассиру удар по голове рукояткой револьвера, выхватил из его ослабевших рук портфель, и добежав до выхода из парадного, услышал выстрел, выстрелил в ответ, не целясь, и вбежал в подъезд. Пробегая мимо Жоржева, кинул: "Задержи стрелка". Сам выскочил на улицу, через соседний двор — на другую, и скрылся. Жоржева в тот день не видел, а на другой узнал, что тот убит солдатом, стоявшим на посту у трибунала, напротив дома страховой кассы.

Добравшись до перекрестка улиц Комсомольской (Старопортофранковская. — **О. Г.**) и Костецкой (Больничная, Генерала Ватутина. — **О. Г.**), Диденко вошел в заранее намеченную дворовую общественную уборную. Вынул из портфеля немного денег, положил в карман. К портфелю привязал веревку и опустил портфель на дно уборной. Конец веревки затянул в щель сидения толчка. Сам ушел за город, на станции Сортировочная сел в поезд и уехал. Вернулся в город через два месяца с целью забрать остальные деньги и снова уехать. И надо ж такому случиться: был задержан прямо на Дерибасовской. "Вот теперь точно не миновать мне Соловецких островов", — такими словами закончил свои показания Диденко по кличке Бывший.

Портфель с деньгами действительно оказался в указанном грабителем "потаенном месте", был извлечен и возвращен кассиру государственной страховой кассы Ильину. Диденко-Бывшего осудили к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в ссылке. Совместно с другими

осужденными преступниками он шел на этап. Родственники провожали этап за город.

Бывший, он же Диденко, и не думал падать духом. Даже запел песню собственного сочинения, да такую жалобную, что многие провожающие прослезились. А Бывший между тем продолжал тянуть:

"Соловки, да Соловки,
Путь, неблизкая дорога,
Сердце ноет, грудь болит,
А на душе тревога..."

Скоро провожающие родственники и знакомые осужденных проводили этап на окраину города и еще долго стояли, глядели вслед удаляющейся колонне.

Как сложилась дальнейшая судьба "Двойника", я не знаю. Помню, что шел тогда Диденко-Бывшему 32-й год.

История с буквой "К"

Доклад дежурного второго отделения милиции был сух и лаконичен. 28 января 1941 года в пять часов утра по улице Чижикова (Пантелеймоновская, Ново-Рыбная. — **О. Г.**), № 2, гражданкой Якубовской в помещении райвоенкомата найден труп ее супруга-охранника. При осмотре обнаружено, что на голове убитого имеются рубленые раны, нанесенные тяжелым острым предметом. Из кабинета интенданта Аркушенко похищен железный ящик-касса, в котором хранилось 18 тысяч рублей, полученных накануне в банке для выплаты зарплаты сотрудникам военкомата.

Меня вызвал к себе начальник отдела розыска П. (в рукописи фамилия неразборчива. — **О. Г.**): "Займетесь убийством охранника Якубовского. Поезжайте и осмотрите место убийства — там сейчас следователь прокуратуры и судебный медицинский эксперт. О своих выводах и мнении эксперта доложите мне в 23 часа". — "Слушаюсь".

Погода не благоприятствовала. Снег падал крупными хлопьями и тут же примерзал на мостовых и тротуарах, крепчал ветер. Улицы обезлюдели. Жизнь теплилась лишь подле самого железнодорожного вокзала.

Кутаясь в платок, потрясенная жена убитого Якубовского рассказала следующее. Муж еженощно охранял помещения райвоенкомата, который находился неподалеку от их квартиры. Ночевал он в комнате канцелярии, а смежные кабинеты начальника военкомата и интенданта Аркушенко закрывались на замки. Якубовский всегда брал с собой на службу домаш-

нюю собачонку. На рассвете ему вменялось в обязанность затопить печи. Топливо же он обычно заготавливал заранее, днем. Впрочем, иногда, довольно редко, он мог прийти за топливом утром, — когда не успевал заготовить его в предыдущий день.

"Сегодня утром, — продолжала Якубовская, — примерно часа в четыре утра, я услышала лай нашей собачонки. Подумала: вероятно, муж не успел заготовить топливо заранее, а потому пришел за ним. Стала дремать, но собачонка никак не хотела угомониться, все лаяла и лаяла, с полчаса. Меня это удивило, я оделась и вышла во двор. Собачонка не просто лаяла, а перебегала от дверей нашей квартиры к дверям военкомата. Встревоженная, я пошла вслед за ней. Дверь в военкомат была открыта. Вошла в коридор: дверь слева, в кабинет интенданта, тоже оказалась отворенной, как и дверь в канцелярию. В канцелярии горела свеча, при свете которой увидела лежащее за перегородкой окровавленное тело своего мужа. Со мной случилась истерика, я закричала, мне стало дурно. Когда пришла в себя, вокруг меня были соседи по квартире. Они и позвонили во второе отделение милиции, откуда прибыл сотрудник".

Осмотр места происшествия показал: дверь со двора открыта без взлома, без малейших повреждений. В коридоре, близ дверей, ведущих в канцелярию, на полу обнаружились две пуговицы, оторванные, что называется, с мясом, то есть с фрагментами ткани. Дверь в кабинет интенданта Аркушенко взломана — отчетливо видны вмятины, оставленные твердым предметом, судя по всему, ломиком. Со слов военкома, на месте не оказалось железного ящика-кассы с деньгами.

В помещении канцелярии за перегородкой-перилами лежал убитый сторож Якубовский. Возле письменного стола на полу был обнаружен бланк телеграммы, на котором указан адрес: "Улица Чижикова, № 2. Райвоенкому". Адрес отпечатан на пишущей машинке, и бумажная лента наклеена на бланк телеграммы. Сам бланк был абсолютно чист — никакого текста. Стало очевидно, что грабитель-убийца постучал в наружную дверь и предложил сторожу открыть дверь, чтобы тот принял телеграмму. В этом случае тот должен был расписаться в получении, а для этого пришлось пригласить "почтальона" в канцелярию. Кстати, ручка и чернила валялись на полу подле бланка телеграммы.

Выводы судмедэксперта были следующими. Якубовскому сначала нанесли удар по голове острым тяжелым предметом, и сторож правой рукой закрыл рану. Затем убийца нанес еще несколько ударов по голове, в результате чего отрубил пальцы правой руки Якубовского.

Пол и стены канцелярии были залиты кровью. Найденные пуговицы сторож явно сорвал левой рукой с одежды нападавшего.

Ночью шел снег. Оставленные преступником следы — от военкомата к улице — были припорошены. Тем не менее, они хорошо различались, и было видно, что доходили они до мостовой, где стояла автомашина. Следы грузовика вели в сторону улицы Белинского (часть Старопортофранковской улицы от нынешнего театра оперетты до парка имени Т.Г. Шевченко. — **О. Г.**), где и терялись.

В 23 часа я доложил начальнику розыска обо всех обстоятельствах преступления, в том числе о вещественных доказательствах — бланке телеграммы, пуговицах и проч. Выслушав доклад, начальник прямо спросил, какие действия я собираюсь предпринять.

"Я думаю, в первую очередь следует установить, кому принадлежит пишущая машинка, на которой отпечатан адрес, наклеенный на бланке телеграммы". "Почему вы думаете, что вам это удастся?" — удивился начальник розыска. Я показал ему бланк телеграммы: "Обратите внимание на букву "к" — она выскакивает из строки вверх в обоих случаях. Этот дефект и поможет найти владельца. Может статься, что это не частное лицо, а организация. Тогда негласно станем проверять сотрудников, не связан ли кто из них с работниками военкомата. Ведь совершенно ясно, что убийца отлично информирован о внутреннем распорядке: о наличии денег, месте их хранения, расположении помещений. Наконец, он точно знал о том, что сторож откроет дверь в случае, если будет доставлена телеграмма. Правда, об этом последнем обстоятельстве преступник мог дознаться и от разносчиков телеграмм. Кроме того, надо, конечно, побеседовать и с сотрудниками военкомата". Начальник розыска вполне одобрил мои действия.

Скажу откровенно, интендант Аркушенко как-то сразу вызвал у меня подозрения, или, может быть, скорее недоверие. Когда он явился в канцелярию и увидел убитого сторожа, изменился в лице, отреагировал не так, как другие сотрудники военкомата. Мне трудно сформулировать, но я интуитивно почувствовал что-то не то. Тут же пригласил его к нему же в кабинет, где задал несколько вопросов, может быть, несколько прямых и бесцеремонных.

Я сказал, например, что убийце или убийцам наверняка было известно, где именно хранится касса с деньгами и т. д., то есть вел к тому, что кто-то из сотрудников военкомата может быть связан с бандитами. И снова Аркушенко отреагировал не столько растерянно, как другие, сколько испуганно, пожалуй, даже виновато. Хотя я, конечно, понимал: подобная

реакция в принципе характерна для многих беспочвенно подозреваемых. И все-таки Аркушенко вызывал во мне изрядные сомнения.

Тем временем еще к вечеру разослали более тысячи своего рода запросов: под благовидным предлогом мы включили в работу пишущие машинки всех местных организаций и предприятий. Дефектная буква "к" рано или поздно должна была не только выскочить из строки, но и попасть в наше поле зрения. В течение недели поступило столько же ответов, которые тут же тщательно проверялись. Нашей заветной "к" все не было и не было. Но вот на исходе недели поступила бумага из конторы "Дормостстроя", на которой то и дело подпрыгивала дефектная "к".

Не ограничившись визуальным осмотром, мы передали бланк телеграммы и полученную бумагу на экспертизу. Ответ был однозначным: оба текста напечатаны на одной и той же машинке. Теперь оставалось установить, кто же, собственно говоря, печатал адрес на бланке телеграммы.

В конторе "Дормостстроя" у начальника спецчасти для проверки был взят список всех служащих с адресами. Аналогичный список сотрудников я взял и у райвоенкома. Началась повседневная рутинная работа. В ходе беседы с одной из сотрудниц военкомата выяснилось: за два дня до убийства сторожа к интенданту Аркушенко дважды заходил его знакомый — молодой человек примерно 25-27 лет. Тот же гражданин однажды заходил и прежде, месяца за два до преступления.

В то же время интендант Аркушенко на допросе заявил, что к нему на службу никто из знакомых никогда не приходил. Это усилило мои подозрения — мы его временно задержали и изолировали, чтобы лишить связи с подельниками, если наши подозрения оправданы.

Не дождавшись сына, в управление розыска пришла мать Аркушенко, спросила, отчего сына двое суток не отпускают. Я пригласил ее в кабинет и стал расспрашивать, с кем Аркушенко дружит, общается, у кого из приятелей и знакомых бывает. Женщина была откровенна: "Мой сын целыми днями занят на службе в райвоенкомате, малообщителен, редко куда ходит. Разве что у него иногда бывает приятель Виктор, который работает где-то шофером, а проживает во 2-м Куликовском переулке (в те годы именовался Октябрьским. — **О. Г.**), номера дома точно не помню, кажется, десятый". Мать Аркушенко я кое-как успокоил, сообщив ей, будто сын помогает нам в расследовании дела относительно убийства сторожа военкомата.

Итак, приятель Аркушенко был шофером. Мне пришло в голову проверить список сотрудников "Дормостстроя", что я немедленно и сделал. Ход оказался правильным: в их числе значился Виктор Субботин, прожи-

вающий во 2-м Куликовском переулке, № 10. О простом совпадении не могло быть и речи. Я тут же вскочил из-за стола и, прихватив с собой список сотрудников "Дормостстроя" и короткий протокол допроса матери интенданта Аркушенко, отправился докладывать начальнику розыска.

Увидев улыбку на моем лице, начальник и сам рассмеялся: "Что-то у вас, товарищ Беляев, шибко веселый вид. Видно, есть подвижки в деле по военкомату, докладывайте". Я положил на стол принесенные с собой красноречивые документы, лаконично доложился: "Сами видите, как не радоваться?". Начальник розыска и не думал скрывать своего удовлетворения: "Да, замечательно поработали. А я, признаться, сильно волновался, ждал неприятностей из штаба армии и по партийной линии. Обрадовали вы меня. Теперь действуйте и почаще мне докладывайте по существу дела".

Вернувшись в свой кабинет, я велел привести интенданта Аркушенко. Когда он был уже в кабинете, нарочито вежливо попросил его присесть и без обиняков заговорил: "Знаете, Аркушенко, я не стану задавать вам никаких вопросов, а с вашего позволения сам подробно расскажу, как было дело. Желаете?". Интендант молчал. "В таком случае я понимаю ваше молчание как знак согласия и начинаю мое повествование".

Затем я рассказал Аркушенко, что его знакомый Вктор Субботин, который проживает во 2-м Куликовском переулке и работает в "Дормостстрое" шофером, арестован. Тут я сделал паузу и спросил: "Следует ли мне продолжать, кем и как совершено убийство с ограблением? А может, дать вам бумагу, ручку, и вы сами все подробно и точно опишете? Тогда, по крайней мере, появится возможность сделать вам облегчение за чистосердечное признание...". Аркушенко опустил голову, заплакал, и погодя сказал: "Давайте бумагу, я все подробно опишу".

Часа через два интендант тяжело вздохнул, поднялся со стула, встал по-военному на вытяжку, доложил: "Вот, все я описал, как было". И протянул мне через стол написанное.

В протоколе Аркушенко сообщил следующее. 25 января в кабинет райвоенкомата, который занимал интендант, пришел его знакомый, Виктор Субботин, проживающий во 2-м Куликовском переулке, № 10. Из разговора Виктор узнал, что через два дня Аркушенко получает большую сумму денег на зарплату и другие расходы райвоенкомата.

Субботин сразу же предложил интенданту похитить деньги в ночное время — да так, чтобы и сторож не знал и не мог догадаться, когда и как они похищены. На вопрос Аркушенко, каким образом это можно устроить, Виктор ответил: "Ты ведь сам говорил мне, что сторож ночью открывает

дверь лишь в том случае, когда приносят телеграммы. Мало того, он ведь, надо полагать, сам ведет разносчика в канцелярию, где принимает телеграмму и расписывается. А твой кабинет находится возле самой входной двери. То есть пока сторож будет принимать телеграмму, можно успеть незаметно вынести из твоего кабинета кассу. Остается всего ничего: бланк телеграммы можно взять в любом почтовом отделении, текст я отпечатаю на ленточке у себя на работе, свою машину я оставлю на ходу на улице. Остается найти еще одного человека, который сыграет роль разносчика либо вынесет кассу, пока я в канцелярии стану заговаривать зубы сторожу. Потом тот закроет за мной дверь и не узнает, что касса похищена. Вот и получится, что привлекать станут как раз сторожа".

Выслушав доводы Субботина, Аркушенко спросил, кто же будет этим вторым лицом, участвующим в комбинации. Виктор ответил, что у него есть хороший друг по имени Сергей, и что если ему поручить более простую роль разносчика, то он наверняка согласится, — тем более куш весьма соблазнителен, а риск минимальный. Интендант одобрил план Субботина, и они договорились встретиться в квартире последнего, когда деньги окажутся в служебном кабинете Аркушенко.

27 января, получив с утра 18 тысяч рублей в банке, интендант положил их в железный ящик-кассу, а в полдень пришел Субботин, сказал, что Сергей согласился участвовать в похищении, что вечером они втроем должны собраться на квартире у Виктора. Бланк телеграммы с адресом им был уже заготовлен.

В 17 часов, оканчивая работу, Аркушенко вынул из ящика-кассы восемь тысяч рублей, рассовал по карманам, а остальные десять оставил на месте, для Виктора и Сергея. Таким путем он решил застраховаться, понимая, что Субботин может и не дать ему этой суммы, а поделить деньги поровну. Далее, согласно инструкции, он запер ящик-кассу на два разных ключа, один из которых вручил начальнику райвоенкомата. Второй ключ всегда хранился у него, а первый утром военком тоже возвращал интенданту.

Аркушенко запер дверь кабинета на английский замок и покидал помещение вместе с начальником, который, проходя мимо двери его кабинета, потянул на себя дверную ручку и убедился, что кабинет действительно заперт. В канцелярии уже находился сторож, принявший военкомат под охрану.

В 21 час Аркушенко явился во 2-й Куликовский переулок, № 10, к Субботину, где застал Виктора и его товарища, назвавшегося Сергеем. Посреди комнаты стоял небольшой круглый столик, на котором стояли бутылка

водки, бутылка вина и закуска. В ходе застолья Виктор спросил Сергея: "Ты взял маленький топорик, с помощью которого легче отогнуть дверь возле английского замка?". Сергей тут же продемонстрировал засунутый за пояс топорик, а Виктор показал долото: "Если не сумею долотом открыть, тогда воспользуюсь топориком. И вообще, не волнуйся, все будет в порядке".

Аркушенко стал прощаться, однако ни словом не обмолвился о том, что заранее взял свою львиную долю. Виктор и Сергей остались за столом. На улице возле дома интендант заметил полуторку "Дормостстроя", на которой шоферил Субботин.

Рано утром Аркушенко вызвали в райвоенкомат, где он застал начальника, работников розыска, где увидел окровавленное тело сторожа Якубовского. Разумеется, интендант перепугался, не понимая, как такое могло получиться: ведь и Виктор, и Сергей не какие-нибудь отпетые бандиты, а обыкновенные молодые люди, возможно, авантюрные, но не кровожадные.

Свою исповедь интендант закончил тем, что ни Виктора, ни Сергея до своего ареста он не видел, и куда они подевали кассу, ему неизвестно. Когда отдал нам свои письменные показания, снова заплакал, опустив голову.

Вечером с одним из сотрудников розыска мы поехали во 2-й Куликовский переулок на квартиру Виктора Субботина. Дверь к нему оказалась запертой, а соседи по общему коридору заявили, что его сегодня еще не было. Я попросил разрешения у соседки подождать возвращения Субботина в ее комнате.

В 23 часа мы услышали шаги, хозяйка, у которой мы находились, вышла в коридор, глянула, вернулась и сообщила: Виктор пришел и сейчас отпирает дверь в свою комнату. И как только Субботин вошел в комнату, мы моментально, не давая ему закрыть дверь, вошли вслед за ним и предъявили ордер на право обыска и ареста.

Виктор тотчас изменился в лице и присел у стоявшего посредине комнаты столика, на котором была разложена грязная посуда на три персоны и стояли пустые бутылки от водки и от вина. Все, как описал Аркушенко.

Я спросил Субботина: "С кем это вы гуляли? Да и со стола не прибрали... Видно, что вас было трое". "Да, — отозвался Виктор, — приходили знакомые, посидели немного". "А назовите-ка ваших знакомых". Субботин замялся: "Я знаю их по именам, а фамилии и адреса мне неизвестны".

Мы попросили его подняться и поднять вверх руки. Обыскали. Достали документы, деньги. Предложили снова присесть. Пригласили соседей понятыми. Во время обыска в комнате Субботина никаких уличающих его вещественных доказательств не обнаружилось. Повезли его в розыск.

Во время допроса он в совершенном преступлении не сознавался. Тогда в кабинет привели интенданта Аркушенко, который, увидев Субботина, сразу выпалил: "Виктор, можешь все подробно рассказать. Все равно я уже во всем сознался". Аркушенко увели.

Конечно, нас не менее интенданта интересовал вопрос, почему получилось так, что молодые люди пошли на убийство. Что это было: случайность или заранее спланированное зверство? Ведь Виктор и Сергей могли заранее и не сообщать Аркушенко о подлинных своих намерениях, — чтобы он не испугался и не отказался от осуществления преступного намерения.

Субботин детально объяснил, по какой причине произошло убийство, которое они действительно не планировали. Суть в том, что Сергей должен был передать Виктору находившийся у него за поясом топорик для вскрытия дверей кабинета интенданта. Разволновавшись, оба об этом позабыли. Когда Сергей беседовал со сторожем в канцелярии, Субботин отжимал дверь долотом. Дверь затрещала и поддалась. Видимо, сторож услышал треск. Виктор влетел в кабинет, схватил кассу, а выбежав в коридор, увидел, что сторож, навалившись на Сергея, старается выйти в коридор. Но тут "разносчик" выхватил из-за пояса топорик и стал отбиваться от сторожа. В этот момент Субботин с кассой выбежал на улицу, к своей машине-полуторке, стоящей "под седлом". Едва он расположился в кабине, явился сильно взволнованный Сергей, сказал, что, по-видимому, убил сторожа: тот так крепко его схватил, что невозможно было отцепиться, оторвал все пуговицы. Не помня себя, Сергей нанес ему несколько ударов топориком.

Приехали к Субботину, вошли в комнату, где пытались вскрыть запертый на два замка железный ящик. Но без шума это невозможно было сделать. Тогда, прихватив зубило, молоток, выехали за 2-ю Заставу, в степь, где и вскрыли кассу. Деньги забрали, а находившиеся в ящике документы военкомата оставили на месте, метрах в двухстах от дороги. С Заставы поехали на квартиру Сергея, где посчитали деньги. В наличии вместо 18-ти тысяч оказалось лишь 10 тысяч рублей. Похитителям стало понятно, что восемь тысяч Аркушенко взял с собой, уходя со службы домой.

Мы, естественно, стали расспрашивать Субботина о его партнере Сергее. Виктор сообщил: фамилия Сергея — Антипов, ему 24 года, проживает по улице Солнечной, в доме № 4, квартира его расположена во дворе, в парадной справа, во втором этаже. "Скажите, Субботин, а где находится топорик, которым Антипов наносил удары сторожу, и где одежда, в которой был Сергей во время ограбления?" — "Топорик Сергей забросил на антресоль в своей квартире, да и одежда должна быть у него дома".

...В четыре часа утра прибыли на квартиру Антипова. Дверь открыла его мать. "Где ваш сын Сергей?" — "Да спит он в смежной комнате". Работник розыска подошел к спящему Антипову, разбудил и предложил подняться и одеться. Тот спокойно поднялся, оделся и вышел в другую комнату, где я дожидался его вместе с дворником и матерью. Подал Сергею ордер на право обыска и ареста: "Ознакомьтесь".

Антипов прочел, положил его на стол и сказал: "Вот, мама, я окончил институт, а вместо диплома, который защищал, получил ордер на арест, и отправлюсь в тюрьму". Мать разрыдалась, причитая, что вот, мол, отдавала сыну все, чтоб поднять, вырастить, воспитать достойным человеком, а тот "отблагодарил", связался с теми, кто подтолкнул его к преступлению.

В ходе обыска на антресоли действительно обнаружились окровавленные топорик и одежда, часть похищенных денег. На допросе Антипов полностью подтвердил показания Субботина и Аркушенко. Изъятую одежду и топорик направили в судебную экспертизу, где установили, что кровь на них, безусловно, оставлена убитым сторожем Якубовским. Обнаруженные в коридоре военкомата пуговицы также прошли экспертизу, после чего подтвердилось, что они оторваны от фуфайки Сергея.

Следствие закончилось. Суд приговорил Антипова к десяти годам лишения свободы, а Субботина и Аркушенко — к восьми годам каждого. Кроме того, все осужденные были поражены в правах на пять лет.

Конец банды "Черная кошка"

Во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях, особенно в периоды междувластия, свирепствовали бандитские группировки. Отступления и наступления советских, немецких, румынских войск сопровождались мародерством, погромами, грабежами, зверскими убийствами. В оружии недостатка не было, уголовная среда интенсивно пополнялась дезертирами, бежавшими из тюрем и пересылок заключенными, всяким сбродом из "городских низов". Создавались условия, благоприятствующие грабежам и разбою.

Подобная же ситуация сложилась и в Одессе накануне ее освобождения. Разумеется, тут издавна сформировалась специфическая криминальная среда, со своими традициями, авторитетами, "кодексом" и др. Процветанию криминалитета способствовали разные обстоятельства, в том числе приморское положение, порт, обширность городских территорий, наличие протяженных подземных выработок-катакомб и проч.

В МВД все это учитывалось, а потому меня заранее назначили в Одессу как хорошо знающего город во всех отношениях. Вместе с передовыми частями Советской Армии я следовал туда, и мы буквально наступали на пятки откатывающемуся врагу. 3-го апреля 1944 года в 16 часов советские войска подошли к Одессе со стороны Лузановки, откуда город был виден как на ладони. Город, ставший мне родным, город-герой, был окутан дымом, а кое-где и пламенем.

Мы знали, с каким нетерпением одесситы, пережившие чудовищные зверства оккупации, ждут своих освободителей. Те апрельские дни выдались теплыми, согревающими. Казалось, сама природа вселяла оптимизм в наши сердца.

Из города доносились частые взрывы — это отступающие фашистские войска высаживали в воздух заводы, фабрики, отдельные здания, преимущественно те, в которых размещались административные или военные учреждения.

10 апреля Одессу полностью освободили. Наше вступление в город незабываемо — то был величайший праздник. Одесситы радостно приветствовали колонны советских воинов в запыленных гимнастерках, бушлатах, шинелях. Нас наперебой приглашали к себе на хлеб-соль, люди готовы были делиться последним, выносили, кто что мог.

Но в эти первые месяцы после освобождения Одесса ночная, "тихая", очень сильно отличалась от счастливой, напоенной солнцем дневной. Освещения не было совершенно, во многих местах громоздились руины зданий, кое-где, чуть ли не в центре города, оставались еще оборонительные сооружения — доты и дзоты. Горожане вообще отвыкли ходить по городу с наступлением сумерек, так как в период оккупации был введен комендантский час. Как было сказано, город захлестнула волна преступности, бандитизма. По ночам полновластными хозяевами улиц становились налетчики и убийцы.

Через десять дней после освобождения, 20 апреля 1944 года, одесситы с негодованием читали расклеенное во многих людных местах циничное объявление: "Граждане! Ваше хождение по городу — с 8-ми часов утра до 20-ти часов вечера, а с вечера до 8-ми часов утра — наше". Объявление подписала банда "Черная кошка".

Эта чрезвычайно опасная бандитская группировка стала проявлять себя с первого же дня освобождения Одессы, терроризируя горожан наглыми грабежами и кровавыми убийствами. Дошло до того, что люди нос боялись на улицу высунуть, — словно бы город по-прежнему оккупирован

врагами, и твое появление на улице может повлечь за собой насилье и даже смерть. Нередко кто-либо, рискнувший выйти на улицу после 20-ти часов, возвращался раздетым, а то и вовсе оставался валяться бесчувственным где-нибудь на задворках.

Для защиты горожан высылались военные патрули, которые, случалось, применяли боевое оружие. Бандиты понесли некоторые потери, что принудило их изменить тактику: ограбления и убийства они стали совершать и в дневное время, причем непредсказуемо, не придерживаясь какой-то четкой характерной линии или логики.

Серьезная оперативная работа позволила получить важные данные, касающиеся установления личности главаря банды "Черная кошка". Это был некто Бибергал, более известный под кличкой Дзюта. Мы также получили информацию о его приметах: молодой еще человек, 24-х лет, выше среднего роста, шатен. Было известно и то, что он отчаян, или, скорее, без тормозов, крайне опасен при задержании, всегда вооружен помимо огнестрельного оружия несколькими гранатами.

В период оккупации Дзюта совершал грабежи и убийства, в том числе и оккупантов, однако к подлинной борьбе с врагом это не имело ни малейшего отношения: нажива — единственное, что интересовало бандита. Хотя впоследствии этому зверюге стали приписывать мнимые партизанские подвиги.

Теперь — вероятно, весьма любопытный момент, связанный с выбором названия бандитской группировки, которое, конечно, не случайно. Разумеется, Дзюта не был интеллектуалом и не собирался изобретать название не только броское, рельефное, но и с подтекстом — "Черная кошка". Все обстоит гораздо проще. Дело в том, что во время оккупации он и его приспешники часто посещали одноименный трактир, в котором вечно обретались румыны, итальянцы, немцы, не самого, быть может, высокого полета, но такие, от которых все же можно было по договоренности или ненароком получить нужные бандитам сведения. В этом самом трактире Дзюта и сформировал свою банду жестокосердных неуловимых ночных грабителей и убийц.

Такие трактиры тогда именовали на румынский лад, бодегами (Бодега — знаменитый подвал для хранения вин и энотека в Хересе. — **О. Г.**), каковое название сохранилось в городском фольклоре до сей поры. "Черная кошка" находилась в том доме, где нынче помещается Клуб железнодорожников (ул. Троицкая, № 43. — **О. Г.**), а содержал трактир некто Станев, бандит в авторитете. Здесь было уютно и весело, выступал превосходный оркестр, профессиональные эстрадные и цирковые актеры, подавались

хорошие блюда и отменная выпивка. Заведение посещали самые шикарные, самые сногсшибательные кокотки, известные всей Одессе, — Анька по прозвищу Японка и Шурка по прозвищу Балерина.

Естественно, "Черную кошку" охотно посещали румынские, немецкие, итальянские офицеры, чиновники, коммерсанты. Через хозяина, по существу, игравшего роль наводчика, Дзюта узнавал адреса тех или иных перспективных на предмет ограбления "объектов". Приходилось, конечно, делиться со Станевым и его челядью, но дело было явно выгодное. Поэтому "Черная кошка" и ее главарь прямо или опосредованно, но доставляли немало хлопот и оккупационным властям.

...Однажды я находился в своем рабочем кабинете, занимаясь срочными текущими делами. Тут раздался телефонный звонок, и мне сообщили, что в Дурьяновском переулке (он же Прохоровский переулок, на Молдаванке; Людвиг Дурьян — коммерсант немецкого происхождения, известный производитель хлебобулочных, кондитерских изделий и владелец пивного завода в дореволюционной Одессе. — **О. Г.**) совершено убийство. Прибыв на место происшествия, мы увидели: дверь в квартиру, где совершено преступление, распахнута. В комнате возле стола лежал убитый хозяин, у его ног — жена, а левее — невестка. В ходе осмотра около дверей были обнаружены три гильзы от пистолета системы парабеллум. Повсюду валялись разбросанные вещи — понятно, что бандиты выбирали, что получше. В дворовом погребе нашли труп хозяйского сына, в пяти шагах от которого также обнаружилась гильза парабеллума.

Стали опрашивать соседей. Жительницы смежного двора показали, что находясь у подъезда своего дома, видели, как к соседнему дому № 4 подъехала автомашина "ЗИС", шофером которой был военнослужащий. В машине сидели четыре молодых человека в штатском...

(К несчастью, тут в мемуарах В.Г. Беляева — пропуск текста. Из контекста ясно, что лакуна небольшая. После описания данного преступления, совершенного бандой "Черная кошка", сразу следует описание следующего. — **О. Г.**)

...убиты одним выстрелом. То есть в тот момент, когда женщина держала ребенка у левой груди, бандит произвел выстрел, и пуля, пройдя через грудь малыша, вошла в грудь женщины.

Мы нашли свидетелей, которые сообщили приметы убийц. Стало понятно, что преступление совершено теми же лицами, которые зверствовали в Дурьяновском переулке.

Последствия этих двух кровавых, невероятно жестоких преступлений, были таковы, что мне позвонил начальник областного управления МВД

генерал Юхимович. Строго спросил: "Скажите, капитан, до каких пор жители Одессы будут страдать от террора банды?!". Тут же приказал: "В кратчайшие сроки ликвидировать бандитскую группу "Черная кошка". В помощь для участия в операции направляю к вам, товарищ Беляев, работников МВД. Срочно действуйте".

Мы и до этого звонка не бездействовали. У нас имелась серьезная зацепка — автомашина "ЗИС", причем явно принадлежавшая какой-то воинской части или штабу. Вскоре машину разыскали, и ее шофер, сержант Антонов, был задержан. Он сообщил, что неизвестные лица несколько раз подряжали его для перевозки вещей с квартиры на квартиру, назвал все известные ему адреса — откуда и куда. Описал он и приметы "нанимателей".

Затем Антонова усадили в крытую автомашину уголовного розыска и повезли, так сказать, по местам боевой славы. При этом, повторяя свои показания, он четко указывал посещаемые бандитами объекты, — чтоб уж было безоговорочно, наверняка. Посовещавшись, мы выбрали наиболее часто посещаемый грабителями объект, где решили выставить солидную засаду. Учитывая особую опасность и дерзость преступников, в засаде было оставлено пять сотрудников уголовного розыска.

На вторые сутки, около 14 часов, к объекту подъехала грузовая автомашина, тоже явно военная. Оттуда вышли трое бандитов, в том числе организатор банды, Бибергал-Дзюта, расплатились с шофером, сняли узлы и тюки с вещами, вошли с ними в парадное дома. Пользуясь тем, что руки грабителей заняты и что в парадном темно, оперативные сотрудники внезапно навалились и скрутили всех троих, обезоружили и в наручниках отправили в управление розыска.

Объект, о котором здесь шла речь, — это квартира гражданки Анастасии Моисеевой, которую частенько навещали бандиты, свозили сюда и хранили здесь награбленное добро. После захвата и отправки преступников мы произвели тщательнейший обыск, в ходе которого обнаружили и изъяли множество различных вещей, в том числе драгоценностей. В туалете, в бачке для слива воды, обнаружилось несколько пистолетов, патронов к ним и гранат. Кроме всего прочего, в кладовой хранилось немало дефицитных продовольственных товаров, также награбленных. Хозяйку Моисееву немедленно арестовали.

Допрос фундатора банды "Черная кошка" Дзюты дал такую информацию, которую и не предполагалось получить. Мы воспринимали его как отпетого бандита, бессовестного, хищного, нахрапистого, пожалуй, даже безрассудного до отваги. На поверку все оказалось куда сложнее.

Вернемся к мрачному этапу фашистской оккупации. Уже изрядно наследивший Дзюта ограбил и убил известного румынского адвоката. Подобное преступление, безусловно, наказывалось высшей мерой. Задержанный румынской полицией, бандит и был осужден к расстрелу. Апеллировать было бесполезно. В ожидании приговора Дзюта содержался в тюрьме. Как вдруг его привели к сотрудникам соответствующих служб и предложили сотрудничать: он помогает оккупационным властям выявлять коммунистов и евреев, за что ему не только даруют жизнь, но устраивают фиктивный побег из тюрьмы.

После того как осужденный к смерти бандит изъявил свое согласие, ему и в самом деле устроили побег. Но чтобы не вызвать никаких подозрений, бежал он вместе с другими арестованными и осужденными. Впрочем, устроители не пошли так далеко, чтоб действительно отпустить на волю всю группу: убедившись в том, что Дзюта скрылся, остальных беглецов задержала заведомо выставленная полицейская засада. При этом открыли стрельбу, смертельно ранив несколько человек.

Оказавшись на свободе, Дзюта набрал из уголовников значительную группу — 24 персоны! Хорошо вооруженные, матерые, они представляли огромную социальную опасность. Хронологически банда сложилась ближе к освобождению Одессы. А когда в город вошла Красная Армия, пользуясь тем, что власть не тотчас встала на ноги, "Черная кошка" начала совершать дерзкие грабежи, терроризируя население и вызывая недовольство этой властью. Такая задача тоже вменялась в обязанность Дзюте, которого оккупационные власти перед своим бегством готовы были терпеть.

Именно тогда главарю пришла в голову идея использовать для ограблений военный транспорт: как-то солидно, меньше подозрений, да и народ сердечно относится к военным. Так Дзюта, в частности, завербовал и сержанта Антонова — просто-напросто тормознул на одной из улиц его авто, посулил хорошие деньжата за перевозку вещей с места на место, тот и соблазнился. В результате при невольном соучастии военного шофера последовала новая серия ограблений и убийств. Так совместно с тремя другими бандитами главарь приехал в Дурьяновский переулок, причем адрес этот по ряду причин был намечен им не случайно.

С двумя подручными Дзюта вошел в дом, оставив для страховки с шофером "своего человека". Под угрозой оружия главарь предложил хозяину квартиры, его жене и невестке добровольно выдать деньги и ценности, однако глава семьи оказался не из робкого десятка, бросив в лицо незваным гостям: "Бандиты!". Дзюта тут же застрелил его, а когда женщины

подняли крик, он покончил и с ними. Грабители собрали все ценное, что нашли в квартире, и понесли в машину, а главарь направился во двор и спустился в подвальное помещение. Там он застал хозяйского сына, которого тоже застрелил. Из подвала также вынесли все хранившиеся там продовольственные продукты. Когда грузились, заметили сидевших у соседнего подъезда женщин и детей. Все награбленное отвезли на Разумовскую улицу (тогда — ул. Орджоникидзе. — **О. Г.**), к гражданке Моисеевой.

Далее Бибергал показал, что 19 апреля 1944 года в 17 часов он совместно с двумя другими своими подручными совершил ограбление и убийство на 7-й станции Больше-Фонтанской дороги (Люстдорфская дорога. — **О. Г.**). В момент явления незваных гостей хозяйка дома держала на руках ребенка. После того как бандит потребовал у нее выдать ценности, женщина истерически закричала, Дзюта выстрелил, смертельно поразив обоих. Собрав кое-какую одежду, грабители уехали. Следующее ограбление обошлось без жертв, похищенное привезли к дому Моисеевой, где и наткнулись на засаду сотрудников уголовного розыска.

Из показаний Дзюты следовало, что на свободе оставалось еще трое матерых бандита из банды "Черная кошка". Он же под давлением обстоятельств сообщил их приметы и предполагаемые места появления. Один из наиболее перспективных адресов находился в Авчинниковском переулке (ныне — переулок Нечипоренко. — **О. Г.**). Операцию по задержанию опаснейших рецидивистов я поручил оперуполномоченному уголовного розыска лейтенанту Лескову. Вместе с двумя оперативниками они организовали засаду в одной из подворотен этого узкого переулка, примыкающего к проспекту. Обстоятельства способствовали удачному захвату, ибо в переулке негде было укрыться: он не только узок, но и совершенно лишен растительности.

Оперативники терпеливо ждали, когда трое грабителей поравняются с подворотней. Дождавшись, Лесков приказал произвести задержание, сотрудники угрозыска неожиданно выскочили в переулок, подняли оружие и скомандовали: "Руки вверх!". Бандиты растерялись и подчинились. Лейтенант велел задержанным вывернуть руки за спину и следовать в областное управление уголовного розыска. Неопытный Лесков как-то упустил из виду то обстоятельство, что рецидивистов надо было хорошенько обыскать прямо на месте задержания.

Когда задержанных вводили в парадное управления, часовой посторонился, пропуская их. Первым позади шел Лесков, который в этот миг опустил пистолет. Тогда один из поднимавшихся по ступенькам бандитов вы-

хватил из-за пояса пистолет и выстрелил в живот лейтенанту, фактически в упор. После чего все трое задержанных рванули напролом, смели конвоиров, выбежали на улицу и попытались скрыться.

В этот самый момент к дому как раз подъезжал начальник управления милиции полковник Кузменко. Тотчас разобравшись в происходящем, он выхватил оружие и метко выстрелил по убегающему с пистолетом в руках бандиту. Тот повалился на мостовую, а два его подельника немедленно подняли руки.

Срочно доставленный в больницу, лейтенант Лесков скончался во время операции. Так сама ликвидация банды "Черная кошка" привела к еще одной непоправимой утрате.

История "Черной кошки" со временем обросла невероятными легендами, причем с неким романтическим оттенком. Сказания подобного рода тиражировались в криминальной среде даже в недавние 1960-е годы. Хотя Бибергал-Дзюта и его "команда" — просто банда головорезов: безжалостных нелюдей. И пусть вся эта "романтика" остается на совести тех, кто в нее верит.

Убийство оперуполномоченного Гуревича

13 ноября 1945 года дверной звонок всполошил все мое семейство в 4 часа 30 минут. Я автоматически оделся, вышел в прихожую и отпер дверь. Дежурный шофер управления розыска доложил: "Товарищ капитан Беляев! Вас срочно вызывают по поводу чрезвычайного происшествия". Сообщил жене, что вызывают, вероятно, на целые сутки, что ее не особенно удивило, — в те годы такое случалось нередко. На улице стоял плотный туман, шофер сигналил фарами. Выехали к месту происшествия, на перекресток улицы Чижикова (Пантелеймоновская. — **О. Г.**) и Колхозного (Резницкий. — **О. Г.**) переулка.

На месте находились: дежурный по городу, следователь прокуратуры и медицинский эксперт. Дежурный комендант управления милиции коротко рассказал об убийстве уполномоченного 3-го отделения милиции Гуревича, тело которого обнаружили на тротуаре в пяти шагах от дома. Гуревич возвращался со службы домой по улице Чижикова, где и был убит.

При осмотре места происшествия и тела зафиксировано следующее. Убитый лежал лицом к тротуару, кисть левой руки прижата к груди. Одет в шинель, поверх которой — портупея с пустой кобурой к пистолету ТТ, в карманах — личные документы, разут, шапка находилась в полуметре

от тела. Медицинский эксперт установил, что смерть наступила быстро: слева на груди входное пулевое отверстие, пуля застряла в позвоночнике. Убийца или убийцы забрали пистолет ТТ, портфель с разной перепиской, сняли кирзовые сапоги.

Отправив труп Гуревича в морг, я решил еще раз внимательно осмотреть место преступления. В пятнадцати шагах на мостовой обнаружил стреляную пистолетную гильзу. Подобные находки на улицах Одессы в то время вовсе не были редкостью, но эта оказалась явно "свежей", причем тоже от пистолета ТТ. То есть выходило, что в данный момент убийцы обладают сразу двумя такими пистолетами.

С чего начинать розыск опасных преступников? Прежде всего, установил, что денег у Гуревича с собой не было, по крайней мере, хоть сколько-нибудь существенной суммы. Тогда я рассудил так. Если убийцы сняли с убитого сапоги не для себя, а для продажи, открывается возможность изловить их на барахолках, рынках, через перекупщиков. Не теряя времени, дал соответствующие указания работникам уголовного розыска. Все силы были брошены на проверку мест стихийной реализации одежды и обуви, а таких мест в тот период было немало. Однако начали мы, конечно, с перекупщиков, и это дало свои результаты.

Уже в 10 часов утра в мой кабинет вошел один из работников розыска и доложил: "Товарищ капитан, мной задержан на рынке перекупщик вещей Коган, у которого изъяты кирзовые сапоги, купленные у неизвестного гражданина, приметы которого он сообщил". Сапоги эти тут же предъявили супруге убитого Гуревича, и она их уверенно опознала.

Известие об убийстве оперуполномоченного Гуревича быстро облетело весь город. Одесситы искренне желали помочь розыску преступников, последовал ряд обращений: нам сообщали подозрительные адреса, рассказывали о появлении подозрительных лиц и т. п. Сотрудники розыска проверяли полученную информацию, и во многих случаях она подтверждалась, — последовали аресты матерых рецидивистов. В частности, в 17 часов того же дня в уголовный розыск явился гражданин Гринберг, который заявил: в доме № 137 по улице Комсомольской (Старопортофранковская. — **О. Г.**) в подвальном помещении проживает гражданка Неденова, у которой со вчерашнего вечера крепко гуляют весьма подозрительные типы.

Людей не хватало, и мы отправились проверять указанный адрес вдвоем с другим сотрудником розыска. Когда вошли во двор и приблизились к подвалу Неденовой, услышали громкий разговор — наружная дверь ока-

залась открытой. Спустились в тамбур и распахнули вторую дверь. В комнате увидели пьянствовавших за столом троих мужчин и женщину. Направив в их сторону оружие, я резко скомандовал: "Руки вверх!". Двое из мужчин и женщина, знавшие меня в лицо, немедленно подчинились, но третий быстро выхватил из-за пояса завернутый в носовой платок пистолет ТТ и попытался его развернуть. Пришлось нанести удар по его руке рукояткой своего пистолета. Он выронил оружие под стол, умерил резвость и тоже подчинился: поднял руки вверх. Услышав шум, к подвалу подбежал дворник этого дома, которому было поручено вызвать работников милиции.

При обыске в квартире Неденовой обнаружился еще один пистолет ТТ и наган. Задержанных отправили в уголовный розыск, где они назвали себя. Пытавшийся оказать вооруженное сопротивление оказался бежавшим из мест заключения разыскиваемым бандитом Сергеем Пятковским. Второй — уголовником, зарегистрированным как грабитель под кличкой Шекель. Третий — также уголовником, известным под кличкой Изька Штымп. Плюс держательница притона Неденова.

Проверка номеров изъятого оружия показала, что один из пистолетов ТТ принадлежал убитому оперуполномоченному Гуревичу, другой — тоже в розыске как похищенный у военнослужащего, наконец, револьвер также разыскивался.

Задержанному перекупщику Когану предъявили для опознания всех троих схваченных рецидивистов. Коган сразу же опознал Пятковского как человека, у которого он приобрел сапоги убитого Гуревича. Обнаруженная на месте преступления стреляная гильза ТТ была исследована судебной экспертизой. Установлено, что убийство Гуревича совершено выстрелом из разыскиваемого пистолета ТТ, изъятого у преступника Пятковского. Однако на допросе ни один из задержанных в убийстве оперуполномоченного не сознался.

На следующий день в ходе допроса Изька Штымп заявил: "Я понимаю, в убийстве работника милиции мы изобличены — пистолет, сапоги, доказательств больше чем достаточно... Но я не желаю быть обвиненным в убийстве, поскольку его не совершал. Поэтому решил вам рассказать все, как оно было". Далее Штымп сообщил, что вечером накануне убийства он, Пятковский и Шекель пришли на квартиру Неденовой, проживающей в доме № 137 по Комсомольской улице, где изрядно выпили. Около двух часов ночи они все вместе, вчетвером, направились на вокзал станции Одесса-Главная в надежде прикупить

спиртное. Водки не нашли, а потому удовольствовались пивом, которое распили прямо на вокзале. Затем направились назад, в дом Неденовой, шли по улице Чижикова.

В половине четвертого или несколько раньше, не доходя Колхозного переулка, Пятковский остановил компанию, достал пистолет ТТ и направился на противоположную сторону улицы, по которой шел неизвестный человек. Приблизившись, Пятковский негромко сказал: "Руки вверх". Но неизвестный рук не поднял, Штымп с остальными находились на расстоянии 20-25 метров, видели, что тот замешкался, вероятно, пытался достать оружие. Пятковский же был намного ближе и точно знал: неизвестный достает оружие. А потому выстрелил. Он первым подошел к убитому, а затем подошли и Штымп с Шекелем и Неденовой. Пятковский вынул пистолет из кобуры убитого, оказавшегося в милицейской форме, снял кирзовые сапоги и забрал портфель с разными документами. Вчетвером пришли на квартиру Неденовой, просмотрели все бумаги, которые вместе с портфелем сожгли в печи. Пистолет ТТ Пятковский оставил у себя.

Около семи часов утра Пятковский взял сапоги убитого милиционера, обернул тряпкой и ушел куда-то продавать. Вскорости он вернулся с водкой и закуской. Вся "честная компания" снова загуляла, а в разгар веселья была арестована.

Тем временем на втором допросе Пятковский заявил: "Виновным в убийстве себя не признаю и ничего по делу не знаю. Что касается изъятого у меня оружия, я нашел его в сквере. Можете меня судить... Но только за незаконное ношение огнестрельного оружия".

Спрашиваю Пятковского: "Хотите услышать, кто является убийцей работника милиции Гуревича?". Пятковский: "Да, я хочу услышать, кто убил". "Хорошо, — говорю, — если хотите слышать, кто убийца, идите-ка за книжный шкаф, стойте там тихо и слушайте внимательно".

Тут же даю работнику розыска записку, в которой указано привести ко мне Изьку Штымпа. Штымпа привели в кабинет, он остановился, огляделся: кроме меня и еще двух сотрудников розыска — никого. Спрашиваю: "Скажите еще раз, кто убил милиционера Гуревича?". Изька: "Я вам говорил правду, Пятковский убил работника милиции". Пятковский никак не ожидал, что Штымп, его подручный по многим темным делам, сознается и выдаст. Убийца не выдержал, вышел из-за шкафа, разразился проклятиями, обозвал Изьку подлецом и провокатором, грозился отомстить. Поникшего Штымпа увели в камеру.

Пятковский остался в кабинете и на допросе смело заявил: "Не знаю, какие еще показания давал Изька Штымп, но я в убийстве оперуполномоченного изобличен. Признаю себя виновным и полностью подтверждаю показания Изьки Штымпа". Неденова и Шекель также подтвердили показания Изьки и Пятковского.

Сергея Пятковского осудили к высшей мере наказания — расстрелу, остальных соучастников — к различным срокам лишения свободы.



Собака Буцик

Собака Буцик.

Дворняга. Самостоятельный, умный, независимый.

Маленький, кривоногий, очень сексуальный, хотя, завидев кость, соскакивал с девушки и бежал к миске.

Он знал, что главное, — жизнь научила.

Жил у нас.

Но я его часто встречал в трамваях.

Он ехал в город, из города.

Соскакивал на нужной остановке, бежал домой.

Не лаял.

Свою территорию охранял.

Нашу нет.

У нас ел до отвала, но через час я встречал его в кафе.

Он выпрашивал милостыню: — Мадам, три дня без пищи...

Я шепнул: — Буцик! Ты же только что сожрал вчерашнюю кастрюлю борща...

Он мне сделал: — Тс-с-с...

Мадам! Я офицер... Я служил в органах. Уволен. Оклеветан. Опозорен детьми. Из-за дамы, мадам. Ее перевезли сюда, и я пешком из Алма-Аты, через Астрахань — в Крым, в Ялту. У нас встреча на набережной. Любовь, мадам... Только любовь может гнать офицера из органов в эту глушь... Три дня без пищи, мадам... Если бы вон ту косточку с котлеткой и вон с тем гарниром, я бы вас проводил, мадам. Здесь масса хулиганья, стаи бездомных, мадам. А в схватках я незаменим, вот он подтвердит.

Я кивнул.

— Дело не в росте. Я знаю приемы. Против ножа, против пистолета. Я б вам рассказал, мадам, что чувствуешь, когда идешь против троих... Я вижу, вы перешли к сладкому... Официант,

не убирайте мясное... Вон ту косточку, мадам, и я расскажу вам о себе. Меня переводили в Кремль на охрану первого лица. Вы понимаете: содержание, форма, витамины, три кинолога и я. Мы все выходим и идем по Красной площади... Обо мне делали фильм... Буцик-2. Сокращенное от Бронислав Кугенгейм — имею честь, мадам, — потомок графских кровей — ищо польска не сгинела — шпоры не ношу, хотя на лошади как влитой... Все бы сложилось, если б не коты... Эти мерзавцы так увертливы... Даже если ты его скрутил — у него в каждом месте коготь или клык. Я сторонник переговоров, мадам, но там же не с кем говорить. А эти издевательства. Эти оскорбления. И только, когда ты за решеткой. Эти сволочи всегда на свободе. Почему их не сажают на цепь? Как они так устроились? А в те редкие минуты, когда я за решеткой, он и начинает: и рожи, и оскорбления, и вызов на бой, причем к нему на дерево. И знает же, когда я голоден. А я голоден всегда, мадам, работа такая... Тут он и начинает. Садится жрать буквально там, где кончается цепь. Рассчитывает, сволочь, математически. И жрет, мадам, то, что ему вредно, — мозговую кость с кусками мяса... Давится, подонок, кашляет, ложится на мясо и отдыхает. Мразь — на мясе, на отварном, на глазах на моих. Можно тронуться умом, мадам. И нажравшись, навалявшись, укатывает кость... Я бы уже ее как-то носом достал... И он догадался... А когда я вырываюсь — его нет... Десятки кругов даю с переулками — нигде нет. Растворился. Как в будку посадят — он сидит напротив, но о врагах ни слова.

Могу проводить, мадам... Я езжу на всех видах транспорта, кроме такси... О! Вы так щедры... Вы заказали специально для меня... Блинчики с мясом... О! Мадам!.. Как подаешь?! Как подаешь, болван! Вниз! Вниз, на пол клади... Это для меня. Извините, мадам. За любовь!.. Вы бокал, я эту кость... За чувство. За расстояние. За образ любимой... За Крым, за эту волосатую грудь, под которой сердце офицера КГБ! За вас, мадам!

Буцик погиб в драке со стаей собак.

Похоронен на моей даче у забора с видом на Крым.

Собака Даша

Встал я утром.

Пришел я утром.

Собака Даша у нас страдает.

В будке, на цепи, на проволоке.

Молодая, длинноногая, ласковая, но печальная.

Ночами воет. Будит. Беспокоит.

Встал я утром. Пришел. Я утром пришел. Я к ней.

— Ты чего? — спросил я Дашу. — Воешь по ночам, — спросил я Дашу. — Я же молчу, хотя верчусь, храплю, страдаю. А ты воешь, Даша, — воешь. Ты чего?

— Душа болит.

— Вот не знал, что у собак душа.

— Но мы же воем.

— А мы хохочем.

— Я думала, что это лай?

— Нет, хохот. Это когда... Когда... Когда... Мы слышим не то, что видим. Мы начинаем хохотать. А вам кажется, что лаем. Но посмотри, я тебе и будку, и загончик, и еду.

— Нет, — сказала Даша. — Материально ничего. Но эти ночи... Ты когда-нибудь однажды ночью на цепи сидел?

— Боюсь, что да!

— В мои-то годы?

— Боюсь, что нет!

— Что же ты всего боишься, хозяин?

— Я каламбурю, пес.

— А я и туда не могу. И здесь не могу. Вот что ты сделал со мной. Мой хозяин.

— Снять ошейник?

— А я уже сбегàла. Музыка там. Кафе. Таких, как я, ханыг голодных...

— А я и не знал.

— А я вернулась... Я и сейчас из ошейника выдергиваюсь, смотри... А вот так одеваю...

— Значит, и сбегать не хочешь.

— Нет... Валяюсь и вою. Как луна по краю облака ударит серебром. Я не могу. Я не могу... Я не могууу...

— Ты выть мне перестань.

— А теперь прикинь — мне сколько? Около года уже.

— Это что, много?

— Да уже немало. Ты о детях что-нибудь слышал?

— Ха!

— Нас было шестеро. Нам было хорошо.

— Ну, вам и поесть было нечего.

— Зато все свои. Вот у тебя еды много, а свои есть?

— Ха...

— И меня ты вырвал, посадил на цепь. Налил миску и попрекаешь.

— Хочешь назад?

— Нет. И туда не хочу, и обратно. Конечно, здесь супы, уколы, прививки...

— Ты всем мешаешь.

— Ну выгони.

— Ты успокойся.

— Я спокойна.

— Завтра поведем знакомиться. Есть тут один. Полюбишь.

— Лучше его сюда?

— Нет... Он слишком дорогой. Так что сиди. Молчи. Нет. Нет... Молчи... Молчи...

Я вышел к сторожу и приказал потуже затянуть ошейник и от луны доской отгородить.

Фелиция

Наша кошка Фелиция, преданная, но мрачная красавица, принесла Наташе в постель половину мышки.

Я думаю, лучшую половину.

Она очень любит Наташу.

И не могла понять, отчего шум, гам, беготня.

Она шептала:

— Позвольте! Извините. Неужели после колбас, сосисок вам не хочется чего-то свеженького? Это же деликатес.

Все кричали:

— Забери! Унеси!

— Ох, — вздохнула Фелиция. — И как их понять, если они сами себя не понимают. Не хотите есть свежую, можете отварить.

— Убери немедленно, гадкая тварь!

— Да уберу, уберу! — шептала Фелиция. — Лично я предпочитаю живую дичь. Это еда аристократов. Это во-вторых. А во-первых, ты ее поймай! Подежурь с мое, погоняй по дому, а потом ори. Ничего не видела отвратительней хозяина с соленым огурцом во рту, в очках.

Дай пройти.

Дикари!

Тишка-Тихон-Тишка

Огромный черный грязный одесский кот.

И Фелиция — москвичка с белым носиком, белыми лапками, чистенькое, ароматное создание. Ее берут в Одессу на лето.

Тихон — местный бабник.

Кот со стальными нервами.

Даже присутствие чужого рыжего пса Аркадия его не волнует.

Он влюблен в холодильник.

Он спит, прижав лапкой дверцу.

Днем трется возле него, нежно мяучит:

— Давайте заглянем... На секундочку... Мы не будем ничего оттуда брать. Мы просто откроем, заглянем и закроем. Я забыл, что там. Я, кажется, туда что-то положил вчера. Кажется, сосиску. Да. Точно. Вспомнил. Я положил сосиску. Такую розовую. Приятную. Да. Точно. Мы сейчас откроем. Глянем — есть ли она там, и тут же

закроем. Мр-р-р-р... А-а-а... Ну кто здесь хозяйка? Наталья Валерьевна, на одну минутку... Кто там рычит? Фелиция? Не обращайте на нее внимания.

Фелиция с подоконника:

— Ну, мразь! А вы ему верите. Он туда сосиску положил? Эта жадина? Ненавижу. Эти одесситы — такие лжецы, предатели, хитрюги... Мы, русские... То есть вот у нас в Москве... Ну, конечно, холодно. Мы почти не выходим. И грязь, и снег. Не очистишься... Но мы все чистые. А этот — посмотрите на его зад. В паутине. И, смотрите, что с ним творится!

Где он был всю ночь?! Шерсть скаталась, плешь между ногами. Представляете — протер...

У нас с едой нет проблем. Потому что мы не жадные.

Вы посмотрите на него! Пш-ш-ш! Пошел вон!

Отвратительный мужик! И запах от него...

П-ш-ш! Пошел вон!

Я просила его кастрировать. Я в ногах валялась. Отрежьте ему. Я вот это его видеть не могу.

Всё! Выпустите меня! Я оттуда полюбуюсь на мучения этого лжеца.

Сосиску он положил!..

Не давайте ему ничего. Я сама видела — он спит с собаками! Вот пусть и жрет их кости!

Всё! Я пошла на концерт у моря! Там чудный мюзикл "Кошки". Сейчас я мелодию оттуда вспомню — "мр-р-р... я-я... мр-р-р...". Из-за этого мерзавца только про солдат — "он солдат, мама, на границе...". Нет... М-р-р... Тьфу... Вы все мне неприятны. На концерт, на концерт...

Маленькие домашние

* * *

Песик японский пекинес умер от инфаркта, когда перед ним внезапно открыли зонт.

Он увидел мир в черном цвете.

* * *

Купили попугая.

А в доме была кошка Санта-Барбара.

Персидская, очень добрая и спокойная.

Попугай скончался в клетке.

Она лежала наверху.

Он внутри скончался от инфаркта.

* * *

Другой попугай стучал клювом в зеркало, кричал: "Программа "Время"! — и хохотал: — Ха-ха!".

Скончался от инфаркта.

* * *

Можно ненавидеть друг друга. Можно входить в метро, не глядя друг на друга. Можно ехать в вагоне, уткнувшись в журнал.

Но стоит запищать десяточку голосков в корзинке у девушки.

Стоит заглянуть туда...

А там, прикрытые сеточкой, копошатся желтенькие, как солнышко, цыплятки.

И все перестанут думать о себе.

И все скажут: "Цып-цып-цып!".

И просветлеют.

И никто не спросит, куда их везут, чтоб тактично не испортить себе настроение.

* * *

У меня живет паук по имени Исаак.

Работяга.

Поставишь ведро — тут же привяжет к умывальнику. Письменный стол — к трубе. Сковородку — к газовой духовке. Меня привязывает к стулу и письменному столу: "Сиди, пиши, чего ты носишься!..".

Исаак... Хозяин!



Александра ИЛЬФ

"Только блеск и только сиянье..."

Илья Ильф и Евгений Петров достались читателям в виде соавторов, вернее — в виде *создателя* романов "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок". Представляется неразделимое целое — символ блестящего остроумия и убийственной сатиры. Представляется даже некая двойная звезда ИЛЬФ-ПЕТРОВ, сияющая на литературном небосводе.



Илья Ильф с другом, журналистом Вс. Чекризовым, в Жургазе
Начало 30-х годов
Публикуется впервые

В "Двойной автобиографии", написанной "в плане юмора" в июне 1929 года, писатели объясняют, каким образом соединились две "разрозненные части", и как постепенно выработался "единый литературный стиль и единый литературный вкус". Ильф и Петров вовсе не кокетничали, утверждая: "Очень трудно писать вдвоем. Надо думать, Гонкурам было легче. Все-таки они были братья. А мы даже не родственники. И даже не однолетки. И даже различных национальностей: в то время как один русский (загадочная славянская душа), другой еврей (загадочная еврейская душа)".

"Сочинять вдвоем было не вдвое легче, как это могло бы показаться в результате простого арифметического сложения, а в десять раз труднее, — объяснял Петров. — Это было не простое сложение сил, а непрерывная борьба двух сил, борьба изнурительная и в то же время плодотворная".

И все-таки Ильф и Петров были созданы друг для друга. Как говорили в старое время: "Браки свершаются на небесах".

Они проработали вместе десять лет. "В литературе это целая жизнь", — писал младший соавтор. "В четыре руки" они создали два романа, книгу очерков "Одноэтажная Америка", киносценарии, массу рассказов, очерков и фельетонов. Они писали вместе даже деловые письма и вместе ходили по редакциям и издательствам.

Соавторы шутливо сравнивали себя то с двумя пианистами, исполняющими одну пьесу на двух роялях, то с поющими дуэтом певцами. "Несмотря на такую согласованность действий, поступки авторов бывают иногда глубоко индивидуальными. Так, например, Илья Ильф женился в 1924, а Евгений Петров в 1929 году", — сказано в "Двойной автобиографии". Конечно, не только в этом заключается их "глубокая индивидуальность". Несмотря на "полное духовное слияние", каждый из них был яркой индивидуальностью — и как писатель, и как человек.

* * *



Поговорим об Ильфе.

Я не вправе назвать себя биографом Ильфа. Отца не стало, когда мне только-только исполнилось два года. Легенд, мифов и сказаний об Ильфе, которых постоянно требуют от меня журналисты, в доме у нас не водилось. Но я храню то, что есть, и постоянно ищу то, что может приблизить его к нам.

Как хорошо, что существуют мемуары его современников.

Редкий случай, когда о человеке не сказано *ни-че-го* дурного, — будто бы исполнилась просьба Ильфа: "Забудьте о плохом, помните обо мне только хорошее". Интересно, что и Валентин Катаев, и Юрий Олеша, занятые более всего собственными персонами, писали о нем тепло, даже трогательно.

Ильфа нет.

Что же все-таки осталось?

Остались его сочинения, записные книжки, письма.

Остались его мысли, чувства.

Остался свет угасшей звезды.

Каким он был?

Почему он был таким?

Как сказал бы Остап Бендер: "Ну что ж, давайте приступим. Господа присяжные заседатели, писатель Илья Ильф родился в 1897 году...".

Но лучше сказать так: у богуславского мещанина Арье Бениаминова Файнзильберга и его жены Миндли, проживавших в Одессе, в 1897 году родился третий сын, нареченный именем Иехиель-Лейб.

Ироническое примечание Ильфа: "Все равно про меня напишут: "Он родился в бедной еврейской семье".

Впрочем, счастливое детство можно опустить. В то время он еще не занимался литературой. Из "Двойной автобиографии" мы знаем, что шестилетний мальчик имел привычку лазить через забор на кладбище — рвать сирень. Из записей Евгения Петрова: "В детстве Ильфа дразнили: "Рыжий, красный, человек опасный".

Дальше идет "розоватое отрочество". На большой семейной фотографии — остриженный под нуль мальчик в блузе ремесленного училища. Лицо серьезное, широко открытые глаза доверчиво смотрят в объектив. Судя по аттестату, в 1913-м он успешно окончил полный курс учения в Одесской школе ремесленных учеников по слесарно-механическому отделению и при отличном поведении оказал отличные успехи. Ясно, что этим успехам не препятствовало чтение книг Жюля Верна, Майн-Рида и Марка Твена, а также выпусков "Этель Кинг — женщина-сыщик" и "Пещера Лейхтвейса".

Пропустим еще страницу. А вот и юность, начало жизни. Здесь уже можно остановиться. Ведь жил он не где-нибудь, а в Одессе... Читайте Бабеля, читайте Жаботинского, читайте Катаева, Славина и Паустовского, и вы поймете, что такое Одесса первой четверти прошлого века.

Семья Файнзильбергов живет на Старопортофранковской улице, напротив знаменитого Привоза, почти на границе не менее знаменитой "бабелевской" Молдаванки. Потом — на Малой Арнаутской, на Базарной, на Софиевской. Не слишком респектабельные места. Отец — скромный служащий Сибирского торгового банка, мать — в неустанных заботах о четырех сыновьях.

Двое старших — художники. Легенду о том, как отец-бухгалтер хотел пустить их по коммерческой стезе и как из этого ничего не вышло, я опускаю: она всем известна. Третий сынок (все звали его не Илья, а Иля, с ударением на первый слог) — молчаливый, застенчивый, но видно, что умненький. Он еще учится в своей ремесленной школе, а старший брат, Александр, уже обзавелся "итальянским" псевдонимом "Сандро Фазини" и успешно сотрудничает в одесских газетах и журна-

лах. По его стопам идет Михаил. "У меня два брата художники, — рассказывал Ильф живописцу А.М. Нюренбергу в середине 1930-х. — В нашем доме часто и много говорили о живописи, о цвете, о колорите, о французском искусстве. Говорили о Пикассо, Матиссе". Значит, было о чем послушать и на что посмотреть.

Но старшим не до него: они с головой ушли в искусство. Презирали младших. Не удостаивали разговора. "Я мало знал Илю юношей", — признавался Фазини уже после кончины Ильфа.

Юноша жил собственной жизнью. Учился жить.

Окончив училище в 1913 году, испробовал много профессий: "работал в чертежном бюро, на телефонной станции, на авиационном заводе и на фабрике ручных гранат" ("Двойная автобиография"). Он сводит знакомство с молодыми одесскими поэтами. Время тяжелое — война, революция. Ни топлива, ни продовольствия. Летом 1919-го призван в армию ("Все на борьбу с Деникиным!"). Он является на сборный пункт, сверкая стеклами пенсне и держа под мышкой роман Анатоля Франса "Боги жаждут" (революционная романтика!). Его зачисляют в "стеклянный батальон" — собрание белобилетчиков и близоруких. Он не чувствует себя героем и не стремится им стать: "Я знал страх смерти, но молчал, боялся молча и не просил помощи. Я помню себя лежащим в пшенице. Солнце палило в затылок, голову нельзя было повернуть, чтобы не увидеть того, чего так боишься. Мне было очень страшно, я узнал страх смерти, и мне стало страшно жить". В январе 1920-го Ильф демобилизован: "признан негодным вовсе по 36 статье".

"После этого был статистиком, редактором юмористического журнала "Синдетикон", в котором писал стихи под женским псевдонимом, бухгалтером и членом Президиума Одесского союза поэтов", — пишут соавторы в "Двойной автобиографии". Эти сведения не расцвечены, к сожалению, "показаниями" его современников. Однако в интервью, взятом в 1985 г. у известного харьковского художника Б.В. Косарева (1898-1994), мне удалось найти то, чего мы не знали. Вы скажете — мелкая подробность? Но для меня ценна каждая строчка каждого очевидца.

Вот что рассказывал Борис Косарев, художник-авангардист, в 1920-1921 годах рисовавший агитплакаты в Одесском бюро украинского отделения РОСТА: "В комнате, где работали художники, было ужасно холодно: буржуйки растапливали только для того, чтобы разогреть клеевую краску. Художник Сандро Фазини — родной брат Ильи Ильфа — от холода не мог держать кисть в щепотке и вставлял ее между указательным и средним пальцами. Пальцы у всех были распухшими от холода и голода. В РОСТА

часто заходил Илья, садился в углу, поджав под себя ногу, и читал, не отрываясь, какую-то толстенную книгу. Сандро сварливо кричал на него: "Ты чего пришел?" — "Дома холодно". — "А здесь тепло?". Но Илья продолжал упорно сидеть и читать. Что же он читал? Оказалось, Московское железнодорожное расписание с указанием всех дачных станций, стоянок, времени прибытия и отправления всех поездов и т. д. — огромный фолиант. Помните, у Пастернака сказано о железнодорожном расписании: "...оно грандиозней Святого Писанья"? Вот ведь совпадение!".

Ильфу 23 года. Он — совершенно сложившаяся личность.

Теперь о нем говорят воспоминания Валентина Катаева, Юрия Олеши, Льва Славина, Сергея Бондарина, Евгения Окса и других. О чем они?

С первых же минут разговора с Ильфом ощущалось его чувство собственного достоинства, невозмутимость. Его улыбка еле касалась углов рта. Кое-кому он казался англичанином. Может быть, даже лордом. К нему обращались на Вы, некоторым он разрешал звать себя по имени — Иля. Он сам устанавливал границу близости. Переступить ее не мог никто.

Поражали его суждения — оригинальные, без намека на банальность. Поражали начитанность, круг литературных пристрастий. Часто играли в игру "Что возьмем с собой на необитаемый остров?". С Диккенсом Ильф расстаться не хотел даже на необитаемом острове. Любил исторические романы Стивенсона и Конан Дойла. Молодые одесситы жадно листали иллюстрированные журналы, смакуя с одинаковым удовольствием и Бенуа, и Жироду, но Ильф требовал особого внимания к таким авторам, как Франсуа Вийон, Рабле, Стерн, Франс, Лесков. Увлекались поэзией Маяковского, Асеева, Пастернака.

Насквозь литературны ранние одесские письма Ильфа, пересыпанные именами Гомера, Пушкина, Банделло, художника Ропса, отсылками к Боккаччо и Горацию, а также скрытыми и явными цитатами из Асеева и Мандельштама. Непринужденно-вызывающе сообщает он приятельнице: "Я думаю о Вас в промежутках между кровосмешениями Катюля Мендеса, трагическими любвями Гамсуна и Ошибками и Тайнами Теодора Гофмана".

Ильф писал тогда белые стихи, которые называл "торгово-промышленной поэзией". В одной поэме была фраза: "Выньте лодочки рук из брюк". Другая поэма начиналась так: "На Вандименовой земле, / Что в самом низу географической карты, / Бидеино сердце познало любовь. / И вот души Биде стропила / Трещат под тяжестью любви... / Комнату своей жизни он оклеил мыслями о ней, / С солнца последние пятна очистил...". Его друг



приводит эти строки по памяти. Никто не видел их написанными или напечатанными.

"Стихи были странные, — высказался Олеша. — Рифм не было, не было размера. Стихотворение в прозе? Нет, это было более энергично и организованно. Я не помню его содержания, но помню, что оно состояло из мотивов города, и чувствовалось, что какие-то литературные настроения Запада, неизвестные нам, ему известны. <...> Уже в этих первых опытах проявилась особенность писательской манеры Ильфа формулировать, особенность, которая впоследствии приобрела такой блеск".

Как равный входит Ильф в "Коллектив поэтов", где главенствуют Катаев, Олеша, Багрицкий. "Уже тогда дружба с Ильфом льстила самолюбию каждого из нас, — напишет Сергей Бондарин. — Необыкновенным был этот молодой человек — тихий, но язвительный, особенный в повадках, в манере одеваться, входить в комнату, вступать в разговор, особенный и вместе с тем очень простой... со своим, уже выработанным вкусом...".

Из воспоминаний Н. Гернет: "Худой, высокий Ильф обыкновенно садился на низкий подоконник, за спинами всех. Медленно, отчетливо произносил он странные, ни на какие другие не похожие стихи, которые нравились мне именно этой странностью формы и поэтических образов: "...Комнату моей жизни / Я оклеил мыслями о ней...". Или: "А мы, в костюме Адама до грехопадения, / Прикрыв неприличие шевиотовой эманацией...".

Существуют его строчки — без рифмы, без размера и почти без знаков препинания:

Пусть не увижу неба
если скажу об том
чего не было
Во имя Бога и во имя пчел
Во имя желтых пчел,
во имя блеска
и во имя сияния

"Мы полюбили его, — расскажет потом Катаев, — но никак не могли определить, кто же он такой: поэт, прозаик, памфлетист, сатирик? Тогда еще не существовало понятия эссеист. Во всяком случае, было ясно, что он принадлежит к левым, даже, может быть, к кубофутуристам. Нечто маяковское всегда витало над ним. В нем чувствовался острый критический ум, тонкий вкус, и втайне мы его побаивались, хотя свои язвительные суждения он высказывал чрезвычайно редко, в форме коротких замечаний "с места", всегда очень верных, оригинальных и зачастую убийственных. Ему был свойственен афористический стиль. Однажды, сдавшись на наши просьбы, он прочитал несколько своих опусов. Как мы и предполагали, это было нечто среднее между белыми стихами, ритмической прозой, пейзажной импрессионистической словесной живописью и небольшими философскими отступлениями. В общем, нечто весьма своеобразное, ни на что не похожее, но очень пластическое и впечатляющее, ничего общего не имеющее с упражнениями провинциальных декадентов".

Забавная подробность тех лет. Однажды в "Коллектив поэтов" явился мальчик лет 12-13-ти. Громко и уверенно начал что-то читать. Кончил. Все помолчали. Потом кто-то из старших спросил, как он относится к Пушкину. Смысл ответа был такой, что Пушкин кончился и нам не указ. И вдруг из темного угла, от окна, где сидел Ильф, раздался спокойный, ровный голос:

— Пошел вон.

Мальчиком этим оказался Семен Кирсанов. Теперь слово ему: "Я пришел в "Коллектив поэтов", ошарашил заумью и через некоторое время нашел соратников. <...> Ильф тогда писал странные, необычные стихи. И когда я позже узнал стихи сюрреалистов, я понял, что он предвосхитил их".

По утверждению Славина, никто из друзей Ильфа не сомневался, что он будет крупным писателем. "Понимание людей, безупречное чувство формы, проницательность и глубина суждений говорили о его значительности как художника еще тогда, когда он не напечатал ни одной строки".

Завершая рассказ об одесском периоде, заложившем основы его таланта и характера, добавлю, что никто не мог состязаться с ним в остроумии. Как уверяет один из очевидцев, "сдавался сам Багрицкий с его ошеломительными сарказмами".

Что за человек был этот ранний Ильф?

На вопрос можно ответить двояко: замкнутый — и общительный, полный юмора — и грустный в самой своей веселости. Мягкий — и непреклонный, добрый — и беспощадный.

Ильф замечал многое, чего другие не замечали или не хотели замечать. При нем нельзя было лгать, ерничать, легко осуждать людей и вести себя похамски. Простое благородство его взглядов и поступков требовало от людей того же. Он мог сказать невеже: "Извинитесь. Скажите: Я больше не буду".

К высокопарной болтовне он питал отвращение. Банальности вызывали ядовитую насмешку. Пошлость он распознавал с первого взгляда, с первого слова. "Ни разу этот человек не сказал пошлости или общей мысли, — напишет Олеша. — Кое-чего он не договаривал, еще чего-то самого замечательного. И видя Ильфа, я думал, что гораздо важнее того, о чем человек может говорить, — это то, о чем человек молчит".

Таким он оставался всю свою недолгую жизнь.

Он умер, когда ему не было сорока.

В "Двойной автобиографии" сказано: "После подведения баланса выяснилось, что перевес оказался на литературной, а не бухгалтерской деятельности, и в 1923 году И. Ильф приехал в Москву, где и нашел свою, как видно окончательную, профессию — стал литератором, работал в газетах и юмористических журналах". Так оно и было. В начале января 1923 года Ильф покидает Одессу.

Перелистаем московские страницы. Он работает "литправщиком" в газете "Гудок". Рядом — Булгаков, Катаев, Олеша. Знакомство с Евгением Петровым. В 1927-м они берутся за "Двенадцать стульев". Дальше — роман "Золотой теленок", фельетоны, сценарии, водевили. Поездки в Европу, потом в Соединенные Штаты. Книга очерков "Одноэтажная Америка".

Воспоминаний много, выберу несколько.

Валентин Катаев: "В числе молодых, приехавших с юга в Москву за славой, оказался наш общий друг, человек во многих отношениях замечательный. Он был до кончиков ногтей продуктом западной, главным образом, французской культуры, ее новейшего искусства — живописи, скульптуры, поэзии. Каким-то образом ему уже был известен Аполлинер, о котором мы... еще не имели понятия. Во всем его облике было нечто неистребимо западное. Он одевался как все мы: во что бог послал. И тем не менее, он явно выделялся. Даже самая обыкновенная рыночная кепка приобретала на его голове парижский вид..."

Евгений Петров: "Я отчетливо вижу комнату, где делалась четвертая страница газеты "Гудок", так называемая четвертая полоса. Здесь в самом злющем роде обрабатывались рабкоровские заметки. У окна стояли два

стола, соединенные вместе. Тут работали четыре сотрудника. Ильф сидел слева. Это был чрезвычайно насмешливый двадцатишестилетний человек в пенсне с маленькими голыми толстыми стеклами. У него было немного асимметричное, твердое лицо с румянцем на скулах. Он сидел, вытянув перед собой ноги в остроносых красных башмаках, и быстро писал. Окончив очередную заметку, он минуту думал, потом вписывал заголовок и довольно небрежно бросал листок заведующему отделом, который сидел напротив. Ильф делал смешные и совершенно неожиданные заголовки. Запомнился мне такой: "И осел ушами шевелит". Заметка кончалась довольно мрачно — "Под суд!".

В комнате четвертой полосы царила атмосфера остроумия. Острили беспрерывно. Никто не мог избежать насмешек, даже Михаил Булгаков. "Ну, что вы все скопом напали на Мишу?.. Что вы хотите от него? — спрашивал Ильф. — Миша только-только, скрепя сердце, примирился с освобождением крестьян от крепостной зависимости, а вы хотите, чтобы он сразу стал бойцом социалистической революции!".

Лев Славин. "Мы с Ильфом работали когда-то в одной редакции, — вспоминал Лев Славин. — Редактором у нас был человек грубый и невежественный. Однажды после совещания, на котором редактор особенно блеснул этими своими качествами, Ильф сказал мне:

— Знаете, что он делает, когда остается один в кабинете? Он спускает с потолка трапецию, цепляется за нее хвостом и долго качается...".

Константин Паустовский: "Ильф был человеком неожиданным. Иной раз его высказывания казались чрезмерно резкими... Однажды он вызвал замешательство среди изощренных знатоков литературы, сказав, что Виктор Гюго по своей манере писать напоминает испорченную уборную. Бывают такие уборные, которые долго молчат, а потом вдруг сами по себе со страшным ревом спускают воду. Потом помолчат и опять спускают воду с тем же ревом".

Самые ценные воспоминания об Ильфе (я считаю их драгоценными) принадлежат, конечно, его близкому другу и соавтору — Евгению Петрову. Они проработали рука об руку почти десять лет.

"Как случилось, что мы с Ильфом стали писать вдвоем? Назвать это случайностью было бы слишком просто. Ильфа нет, и я никогда не узнаю, что думал он, когда мы начинали работать вместе. Я же испытывал по отношению к нему чувство огромного уважения, а иногда даже восхищения. Я был моложе его на пять лет, и хотя он был очень застенчив, писал мало и никогда не показывал написанного, я готов был признать его своим мэт-

ром. Его литературный вкус казался мне в то время безукоризненным, а смелость его мнений приводила меня в восторг".

Из записей Евг. Петрова об Ильфе:

Человек скрытный, застенчивый, на первый взгляд — заносчивый.

Ильф очень сердился, когда какая-то читательница выразила уверенность, что он зарабатывает 30 тысяч в месяц. Он никак не мог втолковать ей, что зарабатывает сравнительно немного и живет скромно.

Как Ильф читал — быстро перелистывал страницы, каким-то чутьем угадывая, что можно пропустить. Любил старые комплекты.

Увлечение этого глубоко мирного человека военно-морской литературой.

— Нет, нет, мы никогда не умрем на своих постелях.

Ильф обожал новые знакомства и даже напрашивался в гости, но поддерживал знакомство только тогда, когда убеждался, что человек интересный.

Новых знакомых, которые ему не нравились, он высмеивал.

Ильф любил входить в комнату с каким-нибудь торжественным заявлением:

— Женя, я совершил подлый поступок.

Старушка, которой он соврал, что он брат Ильфа.

Петрову запомнилось поразительное признание соавтора: "Меня всегда преследовала мысль, что я делаю что-то не то, что я самозванец. В глубине души у меня всегда гнездилась боязнь, что мне вдруг скажут: "Послушайте, какой вы к черту писатель: занимались бы каким-нибудь другим делом!".

Совсем недавно я нашла удивительную запись в дневниках Евгения Шварца "Позвонки минувших дней". Ленинградский драматург впервые увидел Ильфа на Первом съезде писателей в 1934 году: "Ильф, большой, толстогубый, в очках, был одним из немногих, объясняющих, нет, дающих Союзу (писателей. — **А. И.**) право на внимание, существование и прочее.

Это был писатель, существо особой породы. В нем угадывался цельный характер, внушающий уважение". И еще: "Уважали немногих. Ильфа и Петрова, Пастернака, отчасти Шкловского..." С каким чувством благодарности я прочла эти строки!

Виктор Ардов: "У Ильфа был юмор, который мы, литераторы, называем органическим. Мне всегда казалось, что Ильф придумывает смешное не для книг, а для самого себя, и только часть того, что он создавал, попадала в книги.

Мне очень хочется, чтобы вы поняли, какую прелесть придавал юмор Ильфа всему, что он говорил в обыденной жизни. Пищу для этого юмора иногда дают несоответствия, которые юморист находит в жизни. Например, знаменитая фраза "Командовать парадом буду я" стала чем-то вроде поговорки, а Ильф выхватил ее из серьезного контекста официальных документов и долгое время веселился, повторяя эту фразу. Затем декларация Бендера "Командовать парадом буду я" попала в роман "Золотой теленок". Смеяться стали читатели. А из официальных бумаг пришлось исключить эти четыре слова, ибо они сделались смешными буквально для всех. Остроумие, которым блистает в обоих романах Остап Бендер, — ведь это же остроумие самих Ильфа и Петрова".

Ардову запомнилась одна из многих острот Ильфа. В газетах тогда шла борьба с подхалимством, и Ильф заметил:

— Подхалимов сейчас отлучают от зада, как младенцев от груди.

А когда, закончив обсуждение материала, сотрудники журнала "Чудак" острили для собственного удовольствия, Ильф неизменно задавал вопрос: "Когда кончится этот пир остроумия?".

Из записей Евг. Петрова:

Ильф обожал детей. Постоянно повторял фразу, которую кричали дети при переезде в новый дом:

— Писатели приехали!

А потом, когда Ильфа везли на кладбище, дети орали:

— Писателя везут!

Разговор о том, что хорошо было бы погибнуть вместе во время какой-нибудь катастрофы. По крайней мере, оставшемуся в живых не пришлось бы страдать.

Болезнь Ильфа. Все убеждали Ильфа, что он здоров. И я убеждал. А он сердился. Он ненавидел фразу "Вы сегодня прекрасно выглядите". Он понимал и чувствовал, что все кончено.

— Бедный Женя! Я помешал Вам слушать симфонию.

Умирающий, он всех жалел.

Он прощался с миром мужественно и просто, как хороший и добрый человек, который за всю свою жизнь никому не причинил [зла].

Рассказывали, что за несколько дней до смерти, сидя в ресторане, Ильф поднял бокал и грустно сострил: "Шампанское марки "Ich sterbe". (Аллюзия: больной туберкулезом Чехов сказал доктору: "Ich sterbe", — выпил бокал шампанского и умер.)

* * *

Нелепо предполагать, что Ильф постоянно был полон творческой бодрости и горел "желанием немедленно подарить человечеству новое художественное произведение, как говорится, широкое полотно". Он любил гулять, наблюдать, ходить в кино и в гости, лежать на диване, читать "Историю морских сражений", а также беседовать по телефону.

"Как Ильф увиливал от работы. Я страдал, как Отелло", — вспоминал Евгений Петров. А соавтор жаловался Катаеву: "Валюн! Ваш брат меня мучит. Он требует, чтобы я работал. А я не хочу работать. Понимаете? Я не хочу работать. Я хочу гулять, а не работать".

Но именно в результате "гуляний" рождались точнейшие и тончайшие наблюдения над людьми и явлениями:

В окнах пейзажи. Написанные, они вызывали бы скуку.

Толстый бильярдист приехал в Гагры, провел весь день в бильярдной, стуча шарами, а к вечеру уехал, заявив:

— Я здесь не могу жить. Горы меня душат.

По звукам казалось, что веселятся эскадронные лошади. На самом деле это затейник вовлекал отдыхающих в "массовку".

Мы ехали в поезде по Крыму. Когда моя соседка увидела зеленую траву,

она так обрадовалась, как будто она была коровой, всю зиму проведшей в мрачном уединении хлева.

Сквозь лужи Большой Ордынки, поднимая громадный бурун, ехал на велосипеде человек в тулупе. Все дворники весело кричали ему вслед и махали метлами. Это был праздник весны.

Валентин Катаев вспоминал, как гуляли они с Ильфом как-то весной по Арбату и, проходя мимо зоологического магазина, заметили объявление, написанное химическим карандашом на листке из школьной тетрадки и наклеенное на стекло входной двери.

На листке значилось:

ПРИЛЕТЕЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ СКВОРЦЫ.

Ильф прочел вслух это объявление и заметил:

— Скажите-ка, не успели прилететь и уже поступили в продажу...

Ильф был человеком резкой и ясной мысли. Его характеристики беспощадны.

Если человек говорит: "Мне нужно освежить в памяти сюжет", это значит, что он ничего не читал.

От перемены мест сказуемых Лидин не меняется.

Лицо, не истощенное умственными упражнениями.

Вы шкура! Этим я хотел определить место, которое вы занимаете среди полутора миллиардов людей на земле.

Мазепа меняет фамилию на Сергей Грядущий. Глуп ты, Грядущий, вот что я тебе скажу.

К себе Ильф относился иронически:

Кто этот толстенький господинчик?

Мне обещали, что я буду летать, но я все время ездил в трамвае.

Писем я не получаю, телеграмм я не получаю, в гости ко мне не приезжают. Последний человек на земле.

"Я умру на пороге счастья, как раз за день до того, когда будут раздавать конфеты".

Нет, я не лучше других и не хуже.

Кому вы это говорите? Мне, прожившему большую неинтересную жизнь?

"Илья Арнольдович был застенчивым, молчаливым, шутил редко, но зло, и, как многие писатели, смешившие миллионы людей, — от Гоголя до Зощенко, — был скорее печальным" (Илья Эренбург).

Печальные мысли Ильф поверял дневникам. От самого себя скрывать нечего. В отличие от многих своих современников, Ильф чувствовал себя "чужим на празднике жизни".

"Это было в то странное время..." — писал он. Середина 1930-х. "Эпоха благоденствия" быстро превращалась в эпоху Большого террора. Присмотритесь к юмористическим (на первый взгляд) записям Ильфа 1936/37 года, и вы поймете. Была, была причина для грусти на фоне казенного оптимизма. "Умирать все равно будем под музыку Дунаевского и слова Лебедева-Кумача", — напишет он в записной книжке, а соавтору скажет: "Летит кирпич".

Ильф был человеком уязвимым и впечатлительным. Защитой был юмор, но он не всегда защищал от преступного равнодушия. Просто физически ощущаешь возмущение, нет, бешенство Ильфа, читая: "Шестилетняя девочка 22 дня блуждала по лесу, ела веточки и цветы. После первых дней ее перестали искать, успокоились. Мир не видал таких сволочей. Что значит, не нашли? Умерла? Но тело найти надо? Почему не привели розыскную собаку? Она нашла бы за несколько часов".

Это я хотел бы быть таким высокомерным, веселым. Он такой, каким я бы хотел быть. Счастливцем, идущим по самому краю планеты, беспрерывно лопочущим. Это я таким бы хотел быть, вздорным болтуном, гоняющимся за счастьем, которого наша солнечная система предложить не может.

Осадок. Всегда осадок. Приезжаешь к морю. Разочарование — оно могло бы быть больше. Они могли бы написать лучше. Откуда они знают, что могли.

Вот и еще год прошел в глупых раздорах с редакцией, а счастья все нет.

Я тоже хочу сидеть на мокрых садовых скамейках и вырезывать перочинным ножом сердца, пробитые аэропланными стрелами. На скамейках, где грустные девушки дожидаются счастья.

Ему хочется счастья, которого "наша солнечная система предложить не может". Что для него счастье? Успех? Деньги? Известность? Работа в газете "Правда"?

Это было бы слишком просто.

Того, чего ему хочется, *наша* солнечная система предложить не может.

Но *другой* солнечной системы нет.

"Ильф знал, что он умирает, — с горечью вспоминал его друг и соавтор. — Потому так грустны его последние записки. Он был застенчив и ужасно не любил выставлять себя напоказ.

— Вы знаете, Женя, — говорил он мне, — я принадлежу к тем людям, которые входят в двери последними".

Всего несколько последних ильфовских записей. От них сжимается сердце.

Я хотел бы, чтобы моя жизнь была спокойней, но, кажется, уже не выйдет. Лето кончилось, о чем разговаривать...

Кто измерит глубину моего отчаяния.

На площадке играют в теннис, из каменного винного сарая доносится джаз, там репетируют, небо облачно, и так мне грустно, как всегда, когда я думаю о случившейся беде.

Ветер, ветер, куда деваться!

Тяжело и нудно среди непуганых идиотов.

Такой грозный ледяной весенний вечер, что холодно и страшно делается на душе. Ужасно как мне не повезло.

По его записям видно, как мало он думал о себе, какой он был скромный, нетщеславный и какой необыкновенный.

Только *такой* человек мог *так* писать домой красавице-жене и обожаемой малютке из далеких Северо-Американских Штатов: "Дорогие мои дети, я так скучаю без вас, что даже боюсь об этом писать, легко могу перейти с прозы на стихи. Нежики мои, каждый день смотрю на ваши фотографии и что-то думаю про вас хорошее. <...> Сижу себе, думаю, что думаю — не знаю, что-то сердце болит, хочется домой. Милые мои дети, я о вас за это время много думал и надумал, что я без вас жить не могу. Обнимите меня крепко и ждите, я скоро приеду. Грустно мне ужасно. Чего я езжу уже так долго, не могу остановиться? Целую вас, мои дети. Любите меня тоже, пожалуйста".

Получилось не так весело, как хотелось бы?

Сменим тему.

Ничто человеческое не было чуждо Ильфу. Не станем делать его чугунным памятником непогрешимости, борцом с безнравственностью и т. д. К примеру, его ничуть не шокировала "ненормативная" (как нынче принято выражаться) лексика, с которой он познакомился еще в одесской юности, и в армии, и в других местах. Представьте, он даже употреблял эти слова и эти выражения!

Виктор Ардов: "Ильф говорил: "Я открыл такую закономерность. Если журналисты стоят в редакционном коридоре, курят и беседуют на приличную тему, никаких женщин рядом не бывает. Но стоит кому-нибудь сказать хоть одно непристойное слово, мимо непременно пробегает какая-нибудь машинисточка или секретарша... Если выразиться покрепче, тут уже появится женщина посолидней... А когда я, — говорил Ильф, — в коридоре газеты "Труд" разразился длиннейшим матерным монологом, открылась дверь и передо мной появилась руководительница международного рабочего движения Клара Цеткин".

На бегах. Среди глубоко интеллигентных лиц. И вдруг очень громко: Е. т. м.

Это уже говно, но еще не то, что нам нужно.

Конферансье в пивной. "А сейчас, граждане, мы предложим вам небольшую загадку. Какое слово состоит из трех букв, в том числе "Х" и "У"?" Возбужденная пивом аудитория радостно выкрикивает знакомое ей слово. "Ошибаетесь, — с лучезарной улыбкой говорит конферансье, — вовсе не ..., а "ухо". Рев восторга.

"Любовь к этим словам неистребима, — ядовито резюмировал Ильф. — Глубоко, на дюйм врезаны они в кору деревьев".

* * *

Все-таки разрешите закончить мажорной нотой — несколькими строчками Михаила Зощенко, написанными в 1938 году, в первую годовщину со дня смерти моего отца:

"Ильф был очень умный и тонкий человек.

Пожалуй, основное свойство его ума — это едкость, язвительность, в чем было иной раз немало горечи и сарказма".

Вот, собственно, и всё.
Можно написать больше.
Гораздо больше.
Но не нужно.
Вопрос все тот же.
Чем интересен Ильф?
Что в нем такого необыкновенного?
Сочинял не один, а вдвоем?
Но такие случаи литературе известны.
Писал весело, а сам был грустным?
А Гоголь?.. А Зощенко?..
Достойная личность...
Но разве мало достойных?
Порядочный.
Но мало ли порядочных?
Талантливый.
Но мало, что ли, талантливых?
Хороший вкус?
Нашли чем удивить!
Сатирик и юморист?
С каждым может случиться.

Он рано умер.
И это не редкость.
Был женат один-единственный раз, обожал свою жену.
И такое бывает.
Сохранилась их переписка — настоящий любовный роман!
Но сейчас любовных романов — хоть отбавляй!
Чем же этот далекий образ привлекает нас до сих пор?
Кто он такой?
Принц Юго-Запада?
Атос среди гвардейцев кардинала?
Нравственный камертон?
Единица благородства?
Единица таланта?
Единица юмора?
Никак не доформулируешь.
В нем была какая-то тайна, которую он унес с собой.
Он не просто писатель, автор рассказов, романов и фельетонов.
Он — личность.
Ему нельзя подражать.
(Можно, но не нужно.)
Имитации не требуются.
Таких, как он, больше не делают.
Это товар штучный.
"Штука" по-польски — "искусство".
Вот и думайте сами.

* * *

Звезда погасла, но живой свет все льется.
Он проносится сквозь холод сфер.
Пытаюсь уловить его
И вижу

Блеск и сиянье —
Нету
ничего больше, ничего иного,
только это,
только блеск
и только сиянье

Игорь БОЖКО

Избранные главы из романов

Глава из романа "Ватник"

Я родилась еще до первой империалистической войны. Отец мой бывший хагеул, а мать всю жизнь куролесила, и не знала покоя. Помимо меня, старухи, в семье нашей были еще всякие мои сестры и братья, но я их уже толком не помню. Мелькают в уме моем только чьи-то косы и ноги в сапогах, и звон хрустальных бокалов мелькает по углам красиво и торжественно, вперемежку с косами и сапогами. А вот одного моего брата я помню хорошо. Он был адмиралом, но потерял фуражку, и его разжаловали в рядовые. Он прекрасно играл на музыкальном инструменте... черном таком... ах да! вспомнила — на штуцермане. Хотя нет, Штуцерман это был мой первый муж. От него я родила тоже штуцермана. Такой игривый был мальчуган — волосики беленькие, ножки розовенькие, и писька всегда у него колышком торчала. Все детство торчала.

А второй мой муж был герой. Как сейчас помню — вошел он тогда с белыми хризантемами, стал на пороге и сказал: "Мадам, позвольте эти цветы вам в знак любви...". Он тогда не договорил, упал у моих ног и умер. У него оказалось простреленное сердце.

А третий мой муж, секретарь, однажды летом так отодрал меня на балконе у подружки моей Зоечки Кондаковой, прямо при гуляющем народе, который по улице гулял и видел все, и нам все аплодировали, и все мы были счастливы. Я стояла вот в такой позе, держалась руками за перила, а он сзади, и стал драть меня с таким восхищением, с таким восторгом, что я стала кричать, и все мы были счастливы. Потом он так же на балконе отодрал мою подружку Зоечку Кондакову, и она тоже кричала, и все кричали, а он драл и драл ее без перерыва, наверное, целый час. Потом он отодрал еще кого-то, я уже не помню кого, а потом меня снова стал драть, и я уже просто теряла сознание от экстаза. О, это было великолепно! Я хочу, чтоб об этом знали все. Все люди нашего города. Я так люблю наш город!

У моего брата адмирала были большие заслуги перед отечеством. А мать куролесила. У нее никаких заслуг не было. Зато она лично была знакома с самим... этим самым... ну, как же его звали... он еще в гражданскую саблею отрубил голову самому Керенскому... хотя нет, это Керенский отрубил ему голову и продал потом ее французам. Так вот, она лич-

но была знакома с его головой и даже кормила ее с ложечки, когда та простудилась.

— Ну, все! Хватит! Хватит мне здесь сказки рассказывать! — старший следователь, капитан Николай Георгиевич Носов, хлопнул ладонью по столу и добавил: — Я хочу знать правду. Прав-ду! — со слогом *ду* он еще раз хлопнул ладонью по столу, и на несколько секунд в кабинете повисла тишина. "Мертвая", как говорят в детективных романах.

— Срать я хотела на вашу правду, — произнесла старуха и закашлялась.

Капитан налил из графина стакан воды и поставил его перед старухой. Та с жадностью выпила воду, отерла губы рукавом кофты и спросила:

— Я могу продолжать?

— Продолжайте, — разрешил следователь.

— Во время гражданской войны я бросила свое молодое тело солдатам. Помню, у одного солдата борода росла прямо из-под глаз и из носа. Мне кажется, что он был крестьянин. От него пахло стружками. Потом, когда его убили революционные матросы, то в кармане его шинели я нашла маленький сухарик и съела его. Матросы драли меня по очереди. С каким-то таким революционным остервенением, с пафосом. А потом, когда приехал броневик, и на него вылез Ленин, они прекратили меня драть и стали слушать речь. Ленин тогда сказал, что Керенскому нужно саблей отрубить голову и продать ее французам, а вырученные деньги пустить на развитие революции. Матросы принялись подбрасывать Ленина на руках, и у него из кармана высыпалась мелочь. Я потом подобрала ее, но одна из монеток оказалась золотой, и Ленин тут же забрал ее у меня. Ленина я запомнила очень хорошо. Он был в ботинках и в очках, хотя видел вдаль на пять километров.

— Хватит мне вешать лапшу на уши! — закричал капитан и нажал потаенную кнопку под крышкой стола.

В кабинет вошел дежурный по отделению младший сержант Ковалев.

— Увести, — сказал ему Николай Георгиевич и отвернулся к окну.

— Встать! — глухо произнес Ковалев над ухом старухи, и та вздрогнула.

— У нас в доме всегда было очень много столового серебра. Ложки, вилки, подстаканники, вазы для фруктов. Ленин часто заходил к нам обедать, но ел всегда руками, не пользуясь ни ложкой, ни вилкой, ни столовым ножом. "Владимир Ильич, — говорила ему мать, — да возьмите же

ложку, ложкой же удобнее щи хлебать". А он ей отвечал: "Заткнись, мать!". И все вокруг начинали хохотать и хлопать в ладоши, а Ленин продолжал шутить и шалить дальше. Еще дальше. И еще. Пока всем не надоедало.

Тогда старшая моя сестра Люся садилась за пианино, и вся комната заполнялась чарующими звуками. Клавиша си бемоль второй октавы западала, но никто этого не замечал. Кроме Ленина. Ленин замечал все. Бывало, муха в воздухе летает-летает, а потом вдруг сядет на картину. А Ленин уже заметил ее действие. Но никому ничего не говорит. Только так красиво как-то провернет ладошкой в воздухе и многозначительно молчит. Или бок чешет. Или шею. Или щеку ногтями шкрябает. И звук от этого шкрябанья такой неприятный в воздухе стоит, что прямо хоть из квартиры беги. "Перестаньте шкрябаться, Владимир Ильич", — бывало, говорит мать. А Ленин назло ей еще яростнее революцию на щеке раздувает. Шкрябает, только свист стоит...

...и тут старший следователь Носов проснулся. Быстренько принял холодный душ, быстренько выпил чашку молока. Подпрыгнул на месте несколько раз. Присел, потом снова подпрыгнул и обиделся непонятно на кого.

Старуха седела в камере уже вторую неделю. Ей шили дело. А пришить не могли. Старуха уперлась, стояла на своем, все отрицала. Никакой зацепки у Носова не было. Но тут, как говорится, нашла коса на камень.

Глава из романа "Кадриль"

Гололед выдался такой скользкий, что скользило по улице все, будто бы ее намазали мылом. Студент Шор протер очки носовым платком и упал, поскользнувшись на гололеде. Но тут же вскочил, делая вид, что с ним ничего не случилось.

Навстречу ему шли две барышни и, завидев положение Шора, скромно хихикнули. И тут одна из них поскользнулась, и не упала только потому, что инстинктивно ухватилась за рукав Шоровой шинели и устояла на ногах.

— Извините, до гробовой доски не забуду, как все это произошло! — воскликнула она.

— И я не забуду! — воскликнул Шор. — Позвольте представиться, студент Шор! — воскликнул Шор.

Вот так он и познакомились с Полиной. Когда дело дошло до первого поцелуя, то Шор понял — нужно целовать сейчас или никогда.

— Целуйте, — затаенным шепотом произнесла Полина.

Шор облизал языком пересохшие губы, вытянул их трубочкой и приблизил эту трубочку к лицу Полины. Та вздрогнула ненароком. Шор тыкнул трубочкой Полине в глаз, и та стала поправлять направление поцелуя вниз, потом вправо, потом еще куда-то в сторону. И потом уже и сам Шор растерялся и вдруг заплакал навзрыд от избытка чувств, а Полина почему-то подумала, что он порченый. Возможно, какой-то непонятной болезнью, — и все ему простила.

Глава из романа "Голый голос"

Потерять легче, чем найти. Всю связку ключей потеряла она в снегу. И от парадного, и от двери от нижнего замка, и верхнего от кладовки от шкафа, и маленький ключик от собственного сердца. Это, конечно же, шутка. Ключик от сердца потерять невозможно, потому что он находится в самом сердце.

Так сказал писатель Андерсен, а писатель Гофман плюнул ему за это на сюртук и обозвал павлином.

Она стала на пороге дома и, чувствуя, что сейчас заплачет, горько разрыдалась. Писатель Андерсен стер плевок Гофмана большим клетчатым платком и приятным ласковым голосом спросил, почему она плачет. Она узнала его и припала к его груди, и рассказала о своем горе. "Только весной, когда растает снег, можно будет отыскать потерю", — сказал он ей, успокаивая ее. "Но мне же надо войти в дом, открыть дверь, открыть кладовочку и шкафчик. Ведь я же хочу есть, хочу пить, хочу спать..."

...и тут старший следователь открыл глаза. "Фу, какая херня снится, — подумал он. — Если рассказать кому в управлении, то подумают, что впал в маразм. А может быть, я и на самом деле впал в маразм?" От этой мысли мурашки побежали по спине Николая Георгиевича, и он закашлялся. Откашлявшись, посмотрел в окно, увидел пробегавшую по улице бездомную собаку, потер ладонью лоб и нащупал на лбу больное место. Больным местом оказался небольшой прыщик величиной с ячменное зерно, выросший за ночь, как-то незаметно и фальшиво.

"Джон ячменное зерно, — почему-то промелькнула в уме строчка из произведения писателя Гофмана. — Но и в воде не тонет Джон ячменное зерно... и с ними заодно", — выдал ум следователя еще одну хреновень. "Какая херня", — застонал он и еще раз закашлялся...

...а на дворе уже стояла весна. Цвели сады и пели лошади. Запах одеколона "Шипр" висел у парикмахерской за углом. За углом у булочной

спал на земле пьяный. Из его штанов вытекла лужа и как могла украсила окрестный пейзаж своим присутствием.

Она нашла все свои ключи, когда растаял снег. Но они оказались ей уже без надобности, потому что так случилось. Ведь все замки пришлось выковыривать и вставлять новые. А к новым замкам старые ключи, как известно, не походят.

"К новым замкам старые ключи не подходят", — записал к себе в записную книжечку — мысль — писатель Гофман, в надежде использовать ее в каком-нибудь своем произведении...

...следователь проснулся еще раз и, вставши с левой ноги, стал бриться. Конечно же, порезался. Отрезал себе кусок ноздри, а потом закашлялся. На работу пришел как огурчик бодрый, выспавшийся, красивый, как молодой матрос. А насчет ноздри автор немножко пошутил, потому что жить без хорошей шутки и скучно, и подозрительно. Идя в гости, заготовь по дороге несколько хороших шуток. Произнесешь их в гостях — и всем поднимешь упавшее настроение. А сам прослывешь человеком веселым, но недоразвитым. Так что выбирай свой путь в жизни так, чтоб было удобно, как в разношенном ботинке. Ноге удобно.

Глава из романа "Воробей"

Жизнь без слез. Жизнь без страданий. Она этого хотела. Но не могла добиться. Слезы и страдания волочились за ней, как волочится мусор за длинным платьем невесты, волочащимся своим хвостом по земле. Что за идиотское сравнение. Сравнение как сравнение. Другого не родилось. Родилось это. И пускай будет это.

Она много плакала. Порой даже рыдала. Просто так. Беспричинно. Но при этом вспоминая всякие фамилии на букву М. Матюхин шел за Манукяном, а Михоев сам по себе шел. Полное сумасшествие. Или же откорье. Она не могла понять. И винить было некого. Скорее всего, начинался обычный психоз Ю. Психопатия. Она осознавала, что психопатка. Но уже потом. Когда спадало. Когда Ю, а потом постепенно... нежно так, не торопясь... наслаждаясь. Ю, ю...

Юг. Юг сам по себе красив и прекрасен. Степь. Море. Базар...

Она выстрелила ему почему-то прямо в лоб, но пуля оказалась старой и кость не пробила. Но напугала его сильно. Да и сама она перепугалась, как лесная лань неожиданного звука. Она отскочила в сторону. Швырнула свой дамский однозарядный пистолет в распахнутое окно и бросилась

в его объятья. Еще не придя в себя, он схватил ее и поволок на кухню пить чай с пряниками и вишневым вареньем. На кухне она обварила себе палец кипятком, перевернула чашку с чаем и громко, как ломовая лошадь, — пукнула.

Да, бывает так в жизни и в литературе, что герои наших романов не только страдают от душевных ран, но еще и пукают когда надо и не надо. Конечно же, без этой глупой детали можно было бы и обойтись, но тогда картина была бы неполной.



Александр ДОРОШЕНКО

Моя невероятная страна[1]
Краткий конспект школьного курса русской литературы

Памяти Виктора Шкловского

"Кто виноват
В этих странностях был:
Пушкин,
Нужда,
Или что-то другое,
Но тараканов
Я не любил
И не любил я
Покоя"

Иосиф Уткин
Милое детство. 1926-1933

"Авраам родил Исаака,
Исаак родил Иакова,
Иаков родил..."

Рифма – дура,
штык – молодец!

Иосиф Виссарионович Суворов[2]

"Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо" –
развитие мысли
Иосифа Виссарионовича Суворова

Школа моя была на Молдаванке. Я жил на Михайловской, в школу шел по Дальницкой вверх до Степовой и потом по Прохоровской. По пу-

[1] Георгий Иванов

[2] Александр Дорошенко, следуя Вагричу Бахчаняну, который следовал Даниилу Хармсу, который следовал самому себе.

ти повторял "Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй", заданное на дом учить на память.

Мария Ивановна, наша русская училка,[3] была высока, худощава и плоска, как свернутый рулоном блинчик без масла.

Прическу имела в виде "волос, зачесанных назад", и на голове дульку.

Голос имела такой въедливый, что его невозможно было вынуть из ушей.

На уроках впадала в поэтический экстаз и закатывала глаза.

Когда в моменты этих поэтических откровений класс начинал смеяться, Марьванна, разлепив глазки, выпирала меня из класса.

Глазки у нее были маленькие, как ржавые буравчики.

Великую русскую литературу я проходил с заднего хода.

На дворе падал снег.

Я садился у раскаленной печи и читал то, что остальные проходили внутри класса. Я изучал это параллельно со всеми, но то ли немыслимая высота школьного коридора, то ли печь эта, еще старорежимная, стоявшая здесь колонной античного храма, во всю высоту стены, с чугунной короной по самому верху, или что-то еще, может быть, доносящийся Марьванын голос, — но вычитывал я в этих текстах иное...

И даже противоположное...

Так Пушкин на старом рисунке читал заехавшему в Михайловское другу рукопись Онегина, прислонившись задом к точно такой же печке.

Падал снег.

Завывала Марьванна.

Звучал пушкинский голос...

В России жили русские прогрессивные писатели и русский народ.

Народ бедствовал. Поэтому были народные герои, — Стенька Разин и Емельян Пугачев. Пушкин о своем народе написал: "Русский бунт, кровавый и беспощадный".

Он не добавил — бессмысленный. Любое возмущение имеет причину и имеет цель. Цели никогда не было. Была кровь. Если бы Пугачев взял Москву, он утопил бы ее в крови, сравнял с землей, и восставшие отправились бы назад, в свои дремучие села. Дальше либо выбирать но-

[3] Мария Ивановна Козлодуева, моя незабвенная училка российской словесности. Такую фамилию мог придумать только Островский. (*Прим. автора.*)

вого царя-батюшку, либо получить его извне. И все вернулось бы на свои места.

Разин персиянку-княжну утопил, потому что одна была персиянка, и ее не хватало на всех в лодке. Я знал с Молдаванки, как урки делят своих девушек поровну на всех.

Марьванна даже песню затягивала "Выплывают на просторе...".

Пугачев сидел в клетке, и клетку стерег сам Суворов. Это я узнал погодя сам, мы этого не проходили.

Шла и спотыкалась русская история.

Народ жил отдельно, и русские писатели жили отдельно.

В стране говорили на двух языках.

Был язык Пушкина, Грибоедова и Гоголя.

На этом языке писали Толстой и Чехов.

Это был мужской язык, потому что писателями были мужчины.

Но русский язык в сокровенной своей основе это язык женский. Это язык страшных невыносимых бед и неутоленных слез. Это язык птичьей радости, щебета, он прерывист и порывист. Так весело щебечет щегол в зеленых ветвях. Он сейчас вспорхнет и унесется в близлежащие пространства!

Щеглы и скворцы поют только по-русски!

Эта боль и щебет отозвались в голосах Пушкина и Мандельштама.

На Чехове русский литературный язык закончился.

Потому что упали на землю, в придорожную грязь и навоз, карты. Грязь была густо замешена на крови. Карты смешались, и когда их подняли, было трудно уже в них разобраться. Так Господь, разрушив Вавилон, перемешал языки строивших, и понятного всем языка не стало.

Языку начали учиться вновь.

Начали тасовать колоду.

Так родилась Мария Ивановна.

Родилась она из свирепой народной ненависти к барам, из ярости кровавого и беспощадного русского бунта, из тысячелетних лишений, горя и слез, из подневольного рабского труда и барского презрения, — родилась, когда все это перемешалось.

Раб это призвание. Свободу он понимает только как месть.

Платонов сказал — женщина никогда и ни в чем не виновата!

(Андрей Платонов никогда не видел Марьванны.)

Народ говорил по-своему.

Был язык русских народных песен. Это печальные песни, в них много слез. Только у евреев было так много горя.

"Катюша" — русская народная песня, созданная евреями.

В новых временах цыганско-еврейские мелодии стали русскими романсами, и наслушавшись их, пускали себе пулю в упрямые русские лбы русские офицеры, ставшие парижскими водилами таксомоторов.

На этом языке говорили русские святые, на нем в городе Миры Ликийские говорил свои гневные проповеди Николай, епископ этих Мир, он же Зарайский и Смоленский святой, наш русский Никола-угодник.

Все русские святые говорили только по-русски!

Это был язык ярмарок, базаров, дорог и придорожных харчевен. В языке народном был запах дегтя и лошадей, запах еды и сбруи. В нем оседала пыль бесконечных дорог в бескрайней стране. Русский мужик упрямо лазал по своей половине земного шара. Он даже заполз на чужую, но тогда там еще никого не было.

Гоголь на первой странице "Мертвых душ" описал разговор двух мужиков насчет колеса от чичиковской брички, доедет ли оно, если случится, до Москвы, или не доедет?! Эти наши народные разговоры удивительны по последствиям, — из них вполне может родиться Хабаров и дойти до Тихого океана, а может выплеснуться и кровавый погром.

В русском языке не ощутима грань между грубым ругательством и сокровенной лаской. Поэтому русский человек, может быть, как никто на земле сострадателен, но и примеры кровавой нашей жестокости хорошо известны миру.

В русском языке неплохо разбирался Владимир Даль, датчанин по отцу, и по матери полунемец-полуфранцуз, а лучшими лингвистами были академик И.А. Бодуэн де Куртенэ, из древнего французского рода, и, конечно, еврей Роман Якобсон.

Для народа барин был немцем, в смысле непонимания родной речи. "Немец" — это от слова "немой".

Был еще язык старообрядцев, язык протопопа Аввакума.

Он сказал: "Не нами положено, — лежи оно так вовек!". Народ думал примерно так же и копил злобу.

(Бог знает только язык Библии. По этой причине евреи выдумали себе ладино и идиш. Чтобы Бог понимал их только в молитве и в синагоге. А не в повседневной беготне за куском хлеба.

Богу с нами, русскими, трудно. Он нас не понимает. Он нашу речь не слышит, и видит только наши поступки.

А поступки наши, известно, какие поступки!)

Писатели русские и народ говорили на разных языках и совершенно о разном.

Собственно это было два разных народа.

Нижний народ был немытый и дурно пахнул.

Это литераторов отталкивало.

Но постепенно начинали привыкать.

Народ любил царя-батюшку, а всех этих бар ненавидел. Без разбору.

Потому что еще читать не умел и знать не мог, как русские литераторы о нем горевали и болевали.

Андрей Платонов сказал страшную вещь: "...невежество — чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле, где соли почвы взяты растениями и где ничего больше не вырастет...".

Нам повезло, мы начали позже других, и поля наши были ничем не тронуты.

В основе у нас были невежество и плохие переводы с французского.[4]

Начиналась русская литература Ломоносовым.

Чревата она была Великой Октябрьской революцией.

В самом Ломоносове чувствовалось что-то настоящее, от большевиков.

Он был из народа. И пешком пришел в столицу. Как ходоки к Ленину, но Ленина тогда еще в столице не было.

Была Великая Екатерина.

Носил парик.

Был патриот и иностранным напиткам предпочитал родную водку.

Немцы изумлялись его способности выпить.

Боролся с засильем инородцев, особенно с немцами. У него жена была немка. И любимая императрица тоже была немка.

[4] Не только французскую, но всю мировую литературу, включая античную классику, мы получили из французских рук, то есть в двойном переводе с оригинала. Включая всю английскую литературу и, к сожалению, моего любимого Лоренса Стерна — в плохом переводе с французского, — какая боль! (*Прим. автора.*)

Он говорил — Матушка!

Петр Вяземский о нем написал: "Ломоносов немцев ненавидел, но ум свой одел в немецкое платье". Ученые немцы были вредители, и Ломоносов выводил их на чистую воду.

В этом смысле был нашим первым русским университетом.

Державин был русского татарского происхождения.

Благословил Пушкина.

Его самого благословлять было некому.

Да и занят бывал Гаврила Романович. Мальчишкой, поручиком, поехал он как-то на ремонтерство[5] в провинциальный город и, сев там играть в карты, не вставал из-за карточного стола два года! Друзья в Питере отмазывали его, как могли.

Эта карточная страсть стала нашей поэтической традицией, и многое в творчестве наших писателей зависело от того, какая выпадет карта!

"Пушкин во время пребывания своего в Южной России куда-то ездил за несколько сот верст на бал, где надеялся увидеть предмет своей тогдашней любви. Приехал в город он до бала, сел понтировать и проиграл всю ночь до позднего утра, так что прогулял и все деньги свои, и бал, и любовь свою ".[6]

Но потом Державин карты бросил, а на жизнь зарабатывал хвалебными одами матушке-императрице. Писал от всего сердца, за что получал золотые табакерки в брильянтах. Однажды в такой табакерке было дадено ему сто рублей...

Интересно, сколько это выходит за строчку?

Грибоедов эти оды державинские в "Горе" вспомнил, — как трижды притворно падал дядя Фамусова, Максим Петрович, веселя государыню-матушку: "Упал он больно, встал здорово".

Честолюбив был Гаврила Романович сверх меры, даже за Пугачевым гонялся.

Пугачева, конечно, поймал Михельсон.

Само собой...

Первым в русской литературе неодобрительно отозвался о евреях.

Значит, в России уже появились евреи.

[5] Прикупка лошадей в конный полк. Лев Николаевич это потом использовал в "Войне и мире", когда послал Николая Ростова на ремонтерство и губернский бал. (*Прим. автора.*)

[6] Князь Петр Вяземский. Старая записная книжка.

Николай Карамзин тоже был из русских татар.

К себе относился как к прижизненному монументу.

Утопил бедную Лизу.

Как мог он дать ей в любимые человека с именем Эраст?!

"Реформатор языка, галлицист, эссеист, романист, поэт и историк, предшественник Пушкина по литературному стилю Николай Карамзин".[7]

В Пушкине основное — ритм, упругий, певучий ритм, основанный на первоначальном, забытом сочетании слов.

Стиль можно выработать, лучшим его образцам можно подражать, но мелодия и ритм приходят путем откровения.

Пушкинская речь звучит мелодией, и странно ведь, как много писалось в России с тех пор, как талантливо, но идут столетия, а голос его жив и неповторим.

Ритм проступает сквозь словесное мясо пушкинского текста, в нем есть спокойствие и величие моря, и неведомая нам сила. Но и равнодушие слышится в нем, — к нашим земным бедам и радостям.

Слишком высок для нас этот голос, идущий с небес!

Домой с небес!

Но может быть, мы виновны сами. Когда так бегаешь и суетишься, Господь не успевает тебя заметить!

Карамзин совершил путешествие по Европе. В те годы Стерново сентиментальное путешествие сильно сказалось на русских литераторах, на всех, от Пушкина до Гоголя и дальше, но Стернова легкая насмешливость и улыбка странно отозвались в России — оскалом мертвого черепа с крупными лошадиными зубами.

Нет, не волчьими, волчьи клыки это ярость нападения и возмущенный шелест высоких трав, раздвигаемых стремительной волчьей побежкой, — но была это монотонная и надоевшая до смерти жвачка нашей российской жизни!

Надоело до смерти и хуже смерти, и вот русский человек поджигал собственную избу и, не обернувшись глянуть, уходил, не выбирая пути, — в нашей стране это неважно, в ее пустых бесконечных пространствах любое направление впору, — была бы дорога!

К северу было холодно, на востоке лежал Камень, на юге была вольница, — выбирай!

[7] Владимир Набоков. Комментарии к "Евгению Онегину" Александра Пушкина".

Так возникла "История государства российского": "У Темных, у Грозных, у Окаянных / За шерстью не видно лица: / Иваны, Иваны и снова Иваны, / И нет тем Иванам конца".[8] Иваны сменились Петрами, но лучше не стало. Пушкин сказал: "В его "Истории" изящность, простота / Доказывают нам, без всякого пристрастья, / Необходимость самовластья / И прелести кнута".

Так возник Радищев, но так возникли и Мертвые российские души.

Воздушное Стерново путешествие обернулось под пером Карамзина утомительно скучной дребеденью.

Денис Иванович Фонвизин немцев не любил.

Русских тоже не жаловал. В "Недоросле" страх и оторопь берет от положительных героев — Стародума, Правдина и Милона. Симпатичны только отрицательные.

Вот дядя Тараса Скотинина, хмельной и на борзом иноходце, как-то "разбежался в каменны ворота". И хватил себя лбом о притолоку, а "протрезвясь, спросил только, целы ли ворота". Какова русская удаль! А г-жа Простакова изумительно разрешает заданную Митрофану задачу, сколько денег пришлось бы на каждого, найди он с двумя товарищами триста рублей: "Нашед деньги, ни с кем не делись". Это же классический ответ Буратино, насчет двух яблок, сколько у него останется, если Некто возьмет одно? Два, — ответил Буратино, — потому что этому Некто я как дам в нос!

И Митрофанушка со своим очаровательным сном: "Ночь всю такая дрянь в глаза лезла... то ты, матушка, то батюшка".

Они просты и наивны, но живы, и это первый в нашей литературе живой язык!

Именно с Фонвизина начались родовые схватки русской литературы, — ну никак не давались ей положительные герои.

Что-то есть в сокровенной основе нашей жизни, из-за чего отрицательные герои под пером русских литераторов и вопреки их намерениям всегда выходили очаровательными, — Павел Фамусов и полковник Сергей Скалозуб, прожигатель жизни Стива Облонский, проходимец Остап Бендер, завистник Николай Кавалеров...

И Грибоедов мучился этим, не говоря о Гоголе. Даже Юрия Олешу это достало в "Зависти".

[8] Николай Туроверов. 1947.

Жуковский писал баллады на французский манер из жизни неизвестных никому народов. Состоял при Пушкине и при императоре.

Иван Андреевич Крылов был мудр и нетороплив. Был тяжеловат, любил хорошо поесть и потом отдохнуть. Он был, как тогда говорили, очень покойный, уютный.

Батюшков о нем сказал: "Крылов ничего не читает, кроме "Всемирного путешественника", расходной книги и календаря, а его будут читать и внуки наши. Талант нелюбопытен...".

Талант благожелателен!

Так Пушкин относился к литературным современникам, — ему неудобно было за несоразмерность своего дарования!

Я не помню на Крылова ни одной эпиграммы, а время было язвительное сверх меры! Его любили и уважали все, даже очень не ладившие между собою.

Наклонив тяжелую голову, чуть прищуренными глазами он спокойно рассматривал человеческий мир. И, пожалуй, он действительно больше нас любил наших меньших братьев.

(С Крылова потом Гончаров списал Обломова.

"Обломовщина", — язвительно толковала нам Марьванна. Да вовсе не был ленив Обломов, он понять не мог: ради чего мы так суетимся?

Обратясь в броуновское движение, перестав различать человеческие лица, размытые страшной скоростью перемещений, кем стали мы?

И к этому следует уяснить, — русский писатель никогда не мог бы создать произведение с положительным героем немцем и отрицательным русским!)

Мои одноклассники, из евреев, читая басню "Вороне бог послал кусочек сыру. / На ель ворона взгромоздясь...", выговорить эту "Ворону" никак не могли.

Ворона — взгромоздясь, — как очаровательно!

"На ту беду..." — завывал Изя (а нынче Игорь) Берлин. Марьванна морщилась.

Бог в нашем школьном Крылове писался с маленькой буквы. Время было таким, как с горечью отметил Николай Эрдман, — не стало ни Бога, ни сыра.

В иносказательной форме клеймил царизм.

"...ох! басни — смерть моя! / Насмешки вечные над львами! над орлами! Кто что ни говори: / Хотя животные, а все-таки цари".

Царизм, не разобравшись, поставил Крылову памятник.
Первый в России литератору. В Летнем саду.

Вернемся к народу. Он этих памятников никогда не понимал. Конечно, если герою, это само собой. К примеру, Стенька Разин, или царь-батюшка.

В двадцать первом вышла разнарядка на памятники. Тогда множество поставили таких памятников народным героям. Ленину и кроме. В Самаре, в присланном списке, был Тимирязев.

Памятник ему поставили на коне, с саблей наголо.

Константин Батюшков воевал с двадцати лет, дважды был ранен и вошел победителем в Париж. Сам по себе, вне пушкинского влияния, он, как срубленное дерево, не дал ростков. "Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги".

Единственный, равноценный Пушкину, иной совершенно, кто мог изменить всю нашу жизнь: "Ни у кого — этих звуков изгибы... / И никогда — этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принес
Шум стихотворства и колокол братства
И гармонический проливень слез"[9]

Вторую половину жизни, свыше тридцати лет, пробыл в беспамятстве — в душевной болезни, и о себе заметил: "Нам Музы дорого таланты продают".

Пушкин был русского эфиопского происхождения.

Но воспитала его Арина Родионовна.

"Был белый арап и бросался на русских женщин". Почему же только на русских?!

"Прославленный кутила и повеса / С горячими арапскими глазами / На некрасивом и живом лице..."[10]

[9] Осип Мандельштам.
Батюшков был самым любимым поэтом юного Пушкина, именно гармония и точность привлекали его. По замечанию Набокова, "в Евгении Онегине еще звучит отголосок батюшковской легкости слога". (*Прим. автора.*)

[10] Довид Кнут.

Из растительности носил бакенбарды.

Царизм Пушкина боялся и травил.

Пушкин с царизмом боролся.

Александр Сергеевич Пушкин был известный поэт и писал гусиными перьями. Перо царапалось о бумагу, а с другого конца он его обгрызал. И тогда Пушкин, выйдя в болдинский двор на Михайловском[11], присматривал себе гуся покрупнее и пожирнее, потому что у такого гуся хорошие перья. И подкравшись сзади, Пушкин, выдрав у гуся перо, стремглав мчался к себе в кабинет, а за ним несся обиженный гусь. И если догонял, то некоторое время Пушкин писал стоя. В такой тяжелой обстановке развитого царизма приходилось поэту творить для народа.[12]

Эпоха делилась на друзей и недругов Пушкина. Других значимых событий в ней не было. По ссылкам литературным друзей было большинство.

Николай Павлович лично занимались судьбой Пушкина...

Марьванна Онегина ругала как лишнего человека, но имела на него надежду как на будущего декабриста.

В школьном курсе была такая последовательность: лишние люди, выходцы из народа, народовольцы и, наконец, революционеры. Это проходило красной нитью, и ею был сшит наш школьный курс русской литературы.[13]

Лишними были Онегин и Чацкий. Позже возник Печорин. Он был бабник, но это все из-за гнетущей атмосферы царизма, — не знал, к чему себя приложить!

Чайковский оперу написал об Онегине. Мы ходили ее всем классом в Оперный театр слушать. Чайковский имел любовную переписку с баронессой фон Мекк, но что-то там не заладилось. Мария Ивановна намекала на сословные предрассудки и царизм.

Пушкин непереводим.

Потому что в поэзии переводимо все, кроме поэзии.

[11] На всякий случай, — автор знает, где Болдино и где Михайловское!

[12] Следуя Хармсу.

[13] Вообще-то, вся эта идеологическая мура дореволюционного еще производства, как, например, понятие "красная нить" применительно к анализу литературного произведения. В советское время это было доведено до необходимого совершенства и стало непременном элементом школьной пропаганды, примером чему является книга некоего Бродского "Пособие для учителей средней школы", выпущенная Государственным учебно-педагогическим издательством Минпроса РСФСР в 1950 году, как отметил Владимир Набоков в "Комментарии к "Евгению Онегину" Александра Пушкина" (*Прим. автора.*)

Набоков перевел Онегина и для американцев написал к переводу обширный комментарий. О русской дворянской жизни и ее обстоятельствах. Это интересно только нам, русским. Как своя домашняя и уютная беседа.

Ну-ка, вспомните, почему девушки, собиравшие ягоды, должны были петь?!

От Пушкина осталось странное чувство — барский сад, усадьба с колоннами, ярко освещены окна старого дома и распахнуты в густой темный ночной сад. В окнах музыка и силуэты танцующих пар.

В каждой девичьей головке, которую я любил, чувствовался рисунок Пушкинской руки.

В "Капитанской дочке" главным героем был Пугачев. Но, с другой стороны, за Пугачевым охотился сам Суворов, гордость русского оружия.

Марьванна горевала, что разгромили Пугачева и подавили народ. Но надежду на будущее не теряла.

Народ еще проснется!

Как в воду глядела! Но это случилось уже в десятом классе.

Все же хорошо вышло, что Пугачева поймали не Суворов с Державиным, а Михельсон.

Пушкина народ любил, но читать пока не умел.

Поэтому безмолвствовал.

Связь между народом и Александром Сергеевичем обеспечивала Арина Родионовна. Здесь Марьванна читала "Выпьем с горя, где же кружка?".

Он был горящий светильник, а мы хотели немного погреться и радовались как дети, — и он сгорел.

Пушкина мы прошли быстро. Мы оставили его там, на берегу Черной речки, — по снегу пролилась кровь, и секунданты поднимают его легкое тело...

"...Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему"[14]

[14] Георгий Иванов.

Эти пушкинские личные дела — долги, полотняный завод, три сестры, позорное камер-юнкерство, вечная нехватка денег — стали частью живой жизни всех последующих поколений, как свои, собственные дела и беды! — как часть истории Родины, как очистительная "гроза двенадцатого года".

Были новые голоса, с иной и сильной мелодией, но музыка пушкинского голоса никогда уже не переставала звучать.

Если бы не она, нас, лучшего в нас, — никогда бы не было!

Радищев завелся примерно так, как заводится в доме моль, вроде бы ни от чего и ниоткуда. "Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй". Это по памяти. Мы это заучивали как пример патриотизма.

Вообще он задумал легкую вещь, свое "Путешествие", оно было даже слегка эротического плана, поскольку за основу Радищев имел Стерново "Сентиментальное путешествие".

Если перечесть Лоренса Стерна[15] и после него Радищева, тронуться можно мозгами.

Если это перечесть, то даже и без Стерна.

Что потом и случилось с Чаадаевым.

Был первый русский диссидент. Отсидел свое.

За ним шел Чаадаев. Последним в ряду диссидентов был Солженицын. Но русское правительство к этому времени стало хорошим, и Солженицын с ним примирился.

Национальность Радищева выяснить не удалось.

Умер от испуга.[16]

---

[15] Непременно в гениальном переводе Адриана Антоновича Франковского, подарившего нам и "Томаса Джонса". Он погиб в блокаду, в замерзающем и голодном Ленинграде, в 1942 году. Я люблю Стерна, потому что Франковский мне его подарил, переведя. На самом деле он не перевел, он именно создал для нас, русскоязычных, Лоренса Стерна. Когда перестало биться его сердце, может быть, это была одна из самых больших потерь самой страшной в истории человечества войны. Когда я пытаюсь представить, какой мир рухнул, когда от голода и холода погиб Адриан Антонович, какие знания и блестящие способности, неповторимые никогда, рухнули в небытие, я перестаю понимать суть и смысл человеческой истории, ее назначение, и все в ней кажется мне убого сиюминутным, лишенным смысла и умышленно преступным.
По сути, "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена" это одна из лучших и самых русских по характеру книг! (*Прим. автора.*)

[16] Отсидев шесть лет в Сибири (а дали десять, потому что Екатерине эта детская белиберда показалась опаснее Пугачева) и работая уже в Комиссии составления законов, он позволил себе какое-то либеральное высказывание, на что председатель комиссии граф Петр Завадовский пригрозил ему новой Сибирью. Испугавшись, он кончил жизнь самоубийством, выпив из склянки средство для чистки эполет, даже саму смерть свою превратив в подобие анекдота. (*Прим. автора.*)

Сергей Соболевский был язвительный тенор эпохи!

"Нет подлее до Алтая / Полевого Николая, / И глупее нет от Понта / Полевого Ксенофонта".

О современных литераторах отзывался благожелательно: "Идет обоз с Парнаса, / Везет навоз Пегаса".

Александр Грибоедов написал свое "Горе", чем сильно усложнил Марьванне жизнь. Она затруднялась определиться с положительным героем. Насчет отрицательных было просто, там все были отрицательные. Положительным мог быть только Чацкий. Пусть крикливый и суматошный, но зато обличительный, и толк из него все же есть. Или будет в дальнейшем.

По оценке Пушкина, Чацкий был человек очень неумный.

Сюжет "Горя" Грибоедову приснился. Будучи вдали от родины, в Персии, в 1821 году, и тоскуя по друзьям, Москве, по театру, он лег спать в саду и увидел сюжет своей великой пьесы.

Я, если б умел рисовать, как Суриков, или хотя бы как травоядный Репин, нарисовал бы сюжет, как покойно спит Александр Сергеевич, положив руку под голову и уютно подогнув ноги.

Фоном задника дан персидский ковер с густой зеленью восточного орнамента, а обитатели бессмертного Горя проходят чередой мимо скамьи, на которой отдыхает наша великая литература, и обсуждают его шепотом, чтобы не потревожить, что вот, мол, наконец-то сошел с ума, и насколько это было ожидаемо, а теперь очевидно:

(Антон Антоныч Загорецкий: "Да, он сошел с ума",

Графиня-внучка, засидевшаяся в девицах: "Представьте, я заметила сама... вот чудеса! вот ново!")

Миновав эту скамью, они сошли со сцены и вместе с нами, зрителями, отправились по нашим домам.

Так они пришли жить ко Льву Толстому в "Войну и мир".

Пришел Павел Афанасьевич Фамусов, — старая хлебосольная Москва: "Сергей Сергеич дорогой! / Кладите шляпу, сденьте шпагу; / Вот вам софа, раскиньтесь на покой".

Это ведь старый князь Илья Андреевич Ростов, растранжиривший в доброте сердца все состояние предков и оставивший сыну только одни долги.

Оттого он и сетует: "А все Кузнецкий мост, и вечные французы...".

Софья Павловна, дочь его, говорит о князе Болконском: "Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали? / Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?".

Это ведь Чацкого сделал Лев Николаевич своим героем, молодым князем Болконским, его язвительный голос звучит в салоне Анны Шерер, в начале "Войны и мира". Если бы Чацкий женился на Софье Павловне, он затравил бы ее, как это сделал Болконский с маленькой княгиней, своей погибшей родами женой. Он, доберись до Наташи Ростовой, погубил бы и ее непременно.

Поэтому Лев Николаевич по ходу письма сменил героя, а этого, не оправдавшего надежд, погубил в мучениях, что делал, к сожалению, со своими героями часто.

Анна Ахматова не могла простить ему гибели Анны Карениной.

Прототипом старого князя Болконского Толстой взял Стародума ("Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому... В то время... не умели еще чужим умом набивать пустую голову..."), и так в новых временах зазвучал русский Домострой. Потому что сегодняшняя грязь образуется из вчерашней пыли.

Это не был бал, тот незабвенный вечер у Фамусова, они в трауре были, а так, просто съезжались "домашние друзья потанцевать под фортопияно".

В тот вечер была сыграна в доме Фамусова вся наша история, бывшая и предстоящая, а Лев Толстой описанием этого вечера, перенеся его в салон Анны Шерер, начал "Войну и мир".

"Горе" вовсе не пьеса, это наш русский театр марионеток, и кукловодом в нем выступает сам Грибоедов. Сюжет этот вечен и конца он у нас не имеет!

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич, был отрицательный, и Марьванна скандировала: "Хрипун, удавленник, фагот, / Созвездие манёвров и мазурки".

А прочтя текст, выяснялось, что был полковник героем двенадцатого года (на службе с восемьсот девятого). В тринадцатом году, третьего августа, засели они с братом в траншею: "Ему дан с бантом, мне на шею". Значит, воевал полковник, отметил я возле печки, "банты" в России никому задаром не доставались, а ведь сама Марьванна с придыханием говорила: "Гроза двенадцатого года".

Здесь вновь возникал эротический сюжет, да и пора была, все же девятый класс школы.

Ах, эти ночи Софьи и Молчалина: "Возьмет он руку, к сердцу жмет, / Из глубины души вздохнет, / Ни слова вольного, и так вся ночь проходит, / Рука с рукой, и глаз с меня не сводит".

Но Лизанька, не удержавшись от смеха, разъяснила нам, шестнадцати-

летним, правду жизни: "Мне ваша тетушка на ум теперь пришла, / Как молодой француз сбежал у ней из дому. / Голубушка! хотела схоронить / Свою досаду, не сумела: / Забыла волосы чернить, / И через три дня поседела".

И добавила: "Грех не беда, молва не хороша".

Спасибо тебе, Лизанька, за мое сексуальное здоровье!

Потом эти платонические отношения развивал уже Чернышевский во снах Веры Павловны. У него опыт был, у Чернышевского. Был такой любовный треугольник — он сам, его жена, Ольга Сократовна, и весь Саратов, на что Грибоедов и указал, грозя загнать туда Софью: "В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!". Подумаешь, сколько того Саратова? — а Чернышевский в этом черпал вдохновение и ненависть к царизму.

Марьванна негодовала, как это Софья могла изменить положительному Чацкому? Да что там Марьванна, сам Пушкин затруднялся с определением характера Софьи, — не то, говорил, блядь, не то московская кузина.

Пушкин себе эти любовные ночи представить не мог.

Мы в классе тоже. Мы уже перешли в десятый...

Фамусов разъяснил о московских девицах: "К военным людям так и льнут, / А потому что патриотки".

Да, но Молчалин ведь был сугубо штатская канцелярская крыса!

Чацкий бежал и кричал (вместе с Марьванной): "Карету мне, карету!".

Кошка наша школьная, Василиса, пятицветная, с уникальным хвостом, завитым в крендель, как у лайки, греющаяся у моих ног, недовольно вздрагивала и переставала мурлыкать, кончик ее хвоста неодобрительно шевелился.

А это Марьванна объясняла, что Чацкому душно стало в царском режиме.

Осталось неясным, куда Чацкий в этой карете поехал.

Происхождением Грибоедов был безродный космополит и поклонялся золотому тельцу. Поэтому дружил с Фаддеем Булгариным.

Фаддей был известным козлом отпущения, был отрицательный персонаж светлой пушкинской эпохи.[17] Все современники на нем упражнялись.

Лицо Грибоедов имел голое. Со следами былых страстей.

[17] Подумать только, я вот размышлял, каким это образом безобидное животное, козел (жил-был у бабушки...), стало у нас эмоциональным определением законченного придурка и отморозка, а ведь это источник всего — Библия, — их два было там козла, в Храме, и одного приносили в жертву, а на другого Первосвященник возлагал все грехи народа Израиля и отпускал живым пастись на травку. Это и есть наш козел (отпущения) — полностью невменяемое существо! (*Прим. автора.*)

Жил, как писал, — свободно и свободно!

Литературных современников не жаловал: "И сочиняют — врут! И переводят — врут!". Был трагически одинок и горько посетовал: "Блажен, кто верует, Тепло ему на свете!".

Пасквиль написал на декабристов в Репетилове: "Шумим, братец, шумим...". И посулил им фельдфебеля в Вольтеры...

Жил дорогой и в дороге: Тифлис — Эривань — Тавриз — Тегеран...

В России было холодно, он стремился на юг, и страсти ему только что предстояли.

"Откуда вы? — спросил я их. — Из Тегерана. — Что вы везете? — Грибоеда".[18]

Ах, Александр Сергеевич, "у меня к вам влеченье, род недуга, любовь какая-то и страсть...".

Сколько живу — удивляюсь!

Марьванна меня спрашивает — так что же тебе не нравится в нашей русской литературе?[19]

"Гоголь был человеком с большим талантом, но с узким и темным умом".[20]

Писатель идет от Бога, путем откровения.

Есть пишущие от себя, но это не в счет, — от ума бывает только горе!

Николай Гоголь начинал с языка, остальное, люди и события, появлялись сами по себе, они были необходимы языку как приложение сил. Он шел от первоосновы, следуя Богу, создавшему язык, и к нему, дополнением, человека.

Вначале было Слово!

Мы — его скудоумный носитель, с испугом озирающийся в кромешной мгле.

Но только оно и есть во всем сущем — Слово! Растеряв его, мы останемся в пустоте!

Любая попытка трактовать образы Гоголя на основе нашего жизненного опыта есть несомненная глупость.

[18] Пушкин. "Путешествие в Арзрум". Эти несколько слов — гениальное произведение, полное трагедии и тоски! Эта форма гениально найдена, и она проговаривается, — Пушкин не встретил этот деревянный ящик, — он эту встречу выдумал! (*Прим. автора.*)

[19] Автор в те годы носил фамилию отца, Шапиро, а Дорошенко — это была мамина фамилия. (*Прим. автора.*)

[20] Лев Толстой.

Пасквили писал на великий русский народ. Потому что был из хохлов, они известно как любят москалей...

Бить жидов не призывал, это все неправда, но примеры, как это происходит при народном патриотизме, описывал.

Написал удивительную пьесу, лучшую из написанных в мире, "Женитьбу", совершенно лишенную сюжета. Мы ее не проходили, там не было за что социально зацепиться.

Идет, пошатываясь от горя, и мерзнет на ледяном ветру Акакий Акакиевич, лишенный шинели. Каким образом Марьванна усматривала в нем социальную несправедливость, я позабыл, — его ведь просто обобрал грабитель.

Были великие мастера на выдумки имен, от Фонвизина до Островского, даже Пушкин сочинил графа Нулина, но гоголевский Держиморда навсегда бессмертен!

В "Мертвых душах" получалось еще хуже, чем в "Горе". Там хоть Чацкий был хороший, а здесь и того не было. Разве что Чичиков, но во второй, положительной части. Марьванна нам разъяснила, что Гоголь ее писал, писал, и задохнулся в затхлом воздухе царизма.

Гоголь "Мертвые души" писал частично в Риме, частично в Париже.

Голоса Пушкина и Гоголя, — как волны, и на них, на глубокой и чистой воде, покачивается красавец-корабль великой русской литературы.

В имени этом всего шесть букв, легких, пружинистых, смеющихся, как клавиши музыкального инструмента, — Пушкин!

Шесть — наше сокровенное число, и так получился Гоголь!

А ведь шесть — это одно из тайных чисел еврейской каббалы.

Оба они вне библейских представлений о Добре и Зле!

Буквы пружинят в этом собранном звуке — Гоголь, — но цвет их иной, он мерцает темнотой и тайной.

Потом появился Тютчев и подтвердил число.

Что-то птичье есть в этом имени — Тютчев, — оно тоже смеется!

Меньше букв никак не получалось, не хватало для полного числа реального смысла, — так возникли и Фет и Блок.

Так возникла отдышка в чистом голосе русской поэзии.

Но когда стало на букву больше, все завершилось Толстым!

Семь — это сокровенное число древнего народа евреев.

Так заповедал Бог — Он назначил все сущее в полном числе — Семь!

Все декабристы были друзьями Пушкина.

Декабристы были далеки от народа.

Иногда приезжали в свои имения.

Во глубине сибирских руд...

Вышли они на Сенатскую площадь, постояли там, вдалеке от народа, но вот будить Герцена — никогда этого не прощу! Они нам дорого обошлись, эти ребята! Мы своих дедушек с бабушками знали хуже по именам, чем декабристов.

У Петра Яковлевича Чаадаева была блестящая лысина и даровой флигель на Басманной.

Лицо и голова были у него полностью голыми. Настолько, что чувство возникало некоторой неловкости, вроде как был в исподнем.

Возможно, — символ оборотной стороны России?!

Он тоже был русский татарин.

Как и Чайковский имел любовную историю, но в затхлой атмосфере царизма она не могла развиваться. Из-за этого царизма Гоголь, Чаадаев и Чайковский не смогли устроить личную судьбу. В смысле женитьбы.

Гоголь потом эту женитьбу описал.

Каждому, кто жил на земле, страдал и мучился, необходимо надо и самое время перечесть гоголевскую женитьбу!

Назначил России стать Западом, на что Грибоедов пожелал в сердцах: "Чтоб истребил господь нечистый этот дух / Пустого, рабского, слепого подражанья..." — и добавил: "Кто мог бы словом и примером / Нас удержать, как крепкою возжой, / От жалкой тошноты по стороне чужой".

Мы к этому времени уже сами вышли на запад, пройдя Дальний Восток. Наши пути всегда ни на что не похожи, и Козьма Прутков это определил так: если дадут тебе линованную бумагу, — пиши поперек!

Официально был признан сумасшедшим.

Фамусов о Чаадаеве заметил: "Монашеским известен поведеньем", — и добавил: "По матери пошел, по Анне Алексеевне; / Покойница с ума сходила восемь раз".

Ездил в Английский клуб и стоял там у колонны — денег на игру не было. Москвичи ему сильно удивлялись.

Первый наш денди. Это его англичане научили.

Домой приехав, писал, что так жить, как живут в России, невозможно! А брату письмо с требованием денег. За проданных крепостных.

От полного разорения и нищеты его спасла смерть.

С Чаадаева начались западники.

Позицию славянофилов исчерпывающе выразил еще Суворов: "Мы — русские, какой восторг!".

Это история про буриданова осла, так и умершего от голода между двумя связками сена, — и слева вкусно, и справа хорошо.

О народе выработался взгляд, что истина только в нем. Потому что этот народ — богоносец! Даже Толстой не удержался с Платоном Каратаевым.

Народ считал эту землю своей, а всех бар, вместе с их городами и книгами, лишними!

И ждал своего часа.

Федор Тютчев немцев не любил.

Отметил с гордостью: "Что русскому здраво, то немцу карачун".

Из такого взгляда вытекают некоторые характерные особенности нашего отечественного прогресса.

Жениться имел обыкновение на баронессах, но это по бедности.

Обладал фантастическим влиянием на женщин.

Пожилым имел поэтическую шевелюру из мало сохранившихся волос.

"Дайте Тютчеву стрекозу. / Догадайтесь почему..."[21]

Декабристам посвятил проникновенные строки: "Народ, чуждаясь вероломства, / Поносит ваши имена, / И ваша память для потомства, / Как труп в земле схоронена. / О, жертвы мысли безрассудной! / Вы уповали, может быть, / Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить".

О нашей молодости, о том, как и когда мы стали людьми, он сказал:

"Есть некий час всемирного молчанья,
И в оный час знамений и чудес,
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес"

Мне повезло поднять голову и задержать взгляд — был именно этот час!

Выйдя из ворот школы, по пути домой я видел этот вечер и запомнил его: крыши домов, силуэты труб, врезанных в эти крыши, на карнизе осторожную кошку, танец ветвей и листьев, и над всем этим пронзительной

[21] Осип Мандельштам.

нежности вечернюю тень, сгущающуюся постепенно, миллионами полутонов, и в каждом был отблеск счастья...

Мысль, отметил Тютчев, хороша, — пока молчишь!

Насколько был прав, провидец!

Лермонтов был из русских шотландцев.

Родину любил, но как-то странно. Только ночью и в экипаже...

На лице имел усики и был большой любитель женщин: "В Тамбове не видали люди / Такой высокой пышной груди".

Натолкнувшись случайно на эти бессмертные строки в "Тамбовской казначейше", я полностью перечел Лермонтова.

"Лермонтов хотел у Пушкина жену увезти. На Кавказ. Все смотрел на нее из-за колонны, смотрел... Вдруг устыдился своих желаний.

"Пушкин, — думает, — зеркало русской революции, а я — свинья".

Пошел, встал перед Пушкиным на колени и говорит:

— Пушкин, — говорит, — где твой кинжал? Вот грудь моя!

Пушкин очень смеялся".[22]

Лермонтовым открывается особая, чарующая тайнами глубина в русской и мировой литературе, но в такой глубине обитают и черви, и плесень!

Народ любил, у его бабушки крепостные были во множестве. Она Лермонтову деньги пересылала.

Офицеры гвардии делали тогда русскую литературу.

Державин имел бригадирский чин, что равносильно полному генералу.

Потом пошли чином помельче — Константин Батюшков, Сергей Неелов, Александр Грибоедов, Петр Чаадаев, Михаил Лермонтов...

Они были легкими людьми, эти гвардейские офицеры, — карточный стол — бальный танец — Бородинское поле — взятие Парижа...

Писали они в перерывах этих занятий.

Они говоруны салонные были, их заслушивались: "Что говорит! и говорит, как пишет!". Это о полковнике сорок пятого егерского полка Сергее Скалозубе:

"Позвольте расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.

[22] Н. Добрович-Майкова и В. Пятницкий. "Однажды Гоголь пришел к Пушкину". 1998 г.

На днях расшиблась в пух, —
Жоке не поддержал, считал он видно мух. —
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа".

К этому тексту необходимо надо чувствовать голос, поставленный командами на плацу, хрипловатый, раскатистый и насмешливый голос!

После Сергея Скалозуба таким фантастическим говоруном был Федор Тютчев.

Чаадаев был молчаливый говорун.

Булгарин тоже воевал, но со стороны Наполеона, — он был перебежчик. И как всякий перебежчик, был пламенный русский патриот. Были тому исторические и литературные примеры — так Иосиф Флавий, из евреев, стал пламенным древнеримским патриотом.

Эта военная литературная традиция изменилась на Льве Толстом, он был не гвардии, но артиллерии поручик. Это определило его литературный почерк и силу взгляда. И если бы Лев Николаевич не бросил службу, быть бы ему генералом!

Козьма Петрович Прутков был истинно русский человек.

Прямо в этом смысле на нем душа отдыхает.

Имел псевдоним и подписывался — Алексей Константинович Толстой, граф.

Заметил, что не так страшен был параноик и кровавый монстр царь Иван, как окружавшие и терпевшие его бояре.

Полустолетие спустя его двойной тезка и тоже пишущий граф не просто терпел, но панегирики писал советскому параноику и кровавому монстру. А окружавшие этого монстра бояре были еще страшнее.

Нас, мальчишек, Козьма Петрович предупредил еще в десятом классе: "Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны".

А я прошутил с женщинами большую и лучшую часть своей жизни!

В бессмертном своем проекте "О введении единомыслия в России" дал примечание: "Велеть всем редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, дозволяя себе только их повторение и развитие".

Нужны ли тут слова?!

Вертится и вертится русская рулетка, кровавое колесо нашей истории, и возвращается на свои круги, только шарик выпадает всегда черного цвета.

Насчет крепостных не знаю, он служилый был, Козьма Петрович, — из пробирной палаты.

Белинский был чисто русский, как и Чернышевский.

"В руках у этого педанта / Могильный заступ, не перо...".[23]

Испортил нам юность. Вместо русской литературы подсунул историю русского либерализма!

Марьванна говорила о нем, как об отличнике, с придыханием, и порывисто поднималась на цыпочки: "неистовый Виссарион".

(Иосиф Виссарионович стал ему идейным потомком!)

Пылал и освещал местность. Беспросветный мрак.

Но уже брезжило...

Чернышевский тоже был чисто русский, как и Белинский.

Объяснил "Что делать?".

Очарователен там третий сон Веры Павловны. Уже четвертый год находилась она в девственном замужестве(!), когда как-то ночью привиделась ей голая волосатая рука, и восемь раз подряд эта манящая рука высунулась из-за полога кровати. Тут она прозрела и сразу отправилась в спальню к мужу.

Этот сон потом привиделся Зигмунду Фрейду.

"Долго они щупали бока одному из себя" — таким был первый в русской литературе эротический сюжет! Поэтому секса у нас не было, но были сношения просто. Молча, в тишине и с сопением. Мы странным образом пошли здесь не за Пушкиным, а по Чернышевскому.

Самое бездарное и самое известное произведение русской литературы, роман "Что делать?", позволил Набокову в "Даре" уничтожить и увековечить как сам роман, так и его автора.

Все-таки страшно далеки были они от народа, декабристы!

От этого народа чем дальше, тем спокойнее!

Но разбудили Герцена!

А Герцен по национальности был незаконнорожденный. Его так и назвали, от немецкого слова "сердце", — дитя любви.

Был неразрывно связан с русской литературой.

[23] Евгений Баратынский.

"Снится однажды Герцену сон. Будто эмигрировал он в Лондон и живется ему там очень хорошо. Будто купил он собаку бульдожьей породы. До того злющий пес — сил нет: кого увидит, на того и бросается. И уж если достигнет, вцепится мертвой хваткой — все, можешь бежать, заказывать панихиду. И вдруг будто он уже не в Лондоне, а в Москве; идет по Тверскому бульвару, чудовище свое на поводке держит, а навстречу Лев Толстой... И надо же, тут на самом интересном месте пришли декабристы и разбудили!"[24]

Герцен начал звонить в колокол!

Русская интеллигенция проснулась, протерла глаза и пошла в народ.

Так возникло ерничанье, ложь и оплевывание всей русской истории. Основной задачей стала борьба с царизмом. Оставалось неясным, кто же собственно создал эту великую страну? Какими силами и как создал, если все в ней, генералы, губернаторы и чиновники, — были лжецы, взяточники и негодяи?!

Некрасов был игрок и охотник. Об этой красивой жизни сказал поэтически:

"Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды"

Когда не шла карта, скорбел о народе.

Спустил литературу русскую пониже, к народу лицом.

В этом смысле придал поэзии вид газетной передовицы, став духовным отцом Демьяна Бедного.

Тут появились разночинцы. Марьванна их называла выходцами из народа.

Я и говорю: — Выходцы бывают с того света.

Марьванна велела, чтобы отец пришел в школу.

Иван Тургенев в Россию приезжал охотиться.

Егерей принимал за русский народ, а охоту за основу русской национальной жизни.

[24] Добрович-Майкова и В. Пятницкий. "Однажды Гоголь пришел к Пушкину", 1998 г.

Борода у него была на манер жидовствующих, по официальному того времени определению.

В предках были татары. Ежели бы не татаро-монгольское нашествие, мы бы не досчитались половины своих литераторов!

Дружил с Луи Виардо.

Был склонен к внезапным порывам, чего-нибудь испугавшись. Тогда сразу же уезжал в Баден-Баден. Так случилось и в день дуэли со Львом Николаевичем.

Странно ведь, он несомненно талантлив, это всегда и все признавали, но верно отметили Набоков и Мандельштам[25], — все это осталось далеко позади — было и прошло, — к нему уже никто не придет, разве что цветы на могилу.

Ну тут Лев Николаевич пришел, и мы во многом разобрались.

"Старик невзрачный, роста небольшого,
с растрепанною ветром бородой,
проходит мимо скорыми шажками,
сердясь на оператора...

Но есть одно,
что мы никак вообразить не можем,
Я говорю о тех ночах, когда
Толстой творил; я говорю о чуде..."[26]

Борода у графа Толстого была косматая, неухоженная, со следами в ней сена.

Имел Ясную Поляну и Софью Андреевну.

Таежный русский медведь.

Громадный, тяжелый, неповоротливый! Вот у него в руках хрупкая наша судьба, и он рассматривает ее, осторожно наклонив тяжелую голову, стараясь не сломать...

Матерый человечище и зеркало русской революции, как его обозвал Ленин.

[25] "Тургенев был весь разрешенный и открытый с Баден-Баденом, "Вешними водами" и ленивыми разговорами. Но я знал, что такой спокойной жизни, как у Тургенева уже нет и нигде не бывает". Осип Мандельштам. Шум времени.

[26] В. Набоков. "Толстой". 1928.

Душой своей мы обязаны этим двум, легкому как пушинка Александру Пушкину и основательно-тяжелому Льву Николаевичу Толстому.

Он написал Отечественную Войну, гордостью осветившую нашу жизнь, а то, что попало на страницы многотомных историй, с картами и схемами, с миллионом цифр и имен, осталось смешным и жалким отражением "грозы двенадцатого года"!

Зимней ночью возвращается с войны Николай Ростов и торопит извозчика, узнавая родные кварталы, все ближе и ближе дом, он узнает каждый камень, и, наконец, дверную ручку дома. Выбегают из комнат поднятые его шагами родные и близкие, и последней, торопясь, спешит обнять его мать, радуясь и обижаясь, что вот все уже обнимают сына, а она, мать, последняя!

Каждый из нас, впервые прочтя эти строки, сам вернулся домой!

Сам, сбросив шинель на руки старому слуге, я бежал, перепрыгивая через ступеньки лестницы, и сердце опережало меня!

Я и сегодня еще не отдышался от этого бега!

Если бы Толстой не создал "Войну и мир", мы были бы иными, Россия была бы иной и, возможно, имела бы иную историю.

Только двум, Пушкину и Толстому, была свойственна природная релятивность морали.[27] Но они жаждали и искали Добра, а Гоголь, отчаянно карабкаясь, выбирался из Зла!

Он так и не выбрался! Смерть его, описанная потрясенными наблюдателями, была иным, — не смертью тела, предстоящей каждому, — его поглощала страшная пучина Зла!

Толстой был жесток. Он, задумывая роман, определил ряд убийств, их число и последовательность. Он убил маленькую княжну, чтобы освободить князя Андрея для Наташи Ростовой, потом убил князя Андрея, чтобы освободить Наташу для Пьера Безухова. Он подготовил и осуществил убийство Элен, для того чтобы наказать разврат и развязать руки Пьеру.

Он копался в крови и мучениях, чтобы выделить и оттенить зерно жизни. Мясник, он описал Аустерлиц, а потом Бородино, и убил массу людей, роясь в этих горах мяса, стоя по колено в крови, — и все это, чтобы подать поярче убогие рассуждения Платона Каратаева.

Это были спланированные убийства, он знал, что только так, идя через кровь и смерть, можно ощутить жизнь. И передать нам чувство живой жизни.

Потом убил Анну.

[27] Виктор Шкловский говорит о множественности нравственностей Толстого, но это ведь все равно что отсутствие всякой нравственности. (*Прим. автора.*)

Невозможно читать, как едет она к смерти, внимательно вглядываясь в случайных людей и незнакомые улицы. Будто сам едешь на казнь, и это тебе предстоит неизбежная встреча. Во все это время ярко горит свеча, освещая ей мир людей и высвечивая память, но только уродливое видится ей в случайных прохожих и попутчиках, и ничего отрадного, на чем могла бы она остановить взгляд, за что могла бы, судорожно ухватившись, задержаться на краю гибельной пропасти...

Это сам Толстой заботливо расчищает ей путь к гибели, убирая с пути любые возможные помехи!

"Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что... Зачем этот кондуктор побежал по жердочке, зачем они кричат, эти молодые люди в том вагоне? Зачем они говорят, зачем они смеются? Всё неправда, всё ложь, всё обман, всё зло!"

Но уже было поздно.

"И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла".

Интересно, сам Толстой успел разглядеть, что там было? Всю жизнь свою он вглядывался в этот предстоящий мрак, он подсылал туда, к последней черте, своих героев, он убивал их, медленно, и вглядывался в их умирающие глаза, пытаясь увидеть, что там!

Кондуктор на жердочке перекочевал в набоковское "Приглашение на казнь".

Сергей Довлатов сказал, что самая большая трагедия его жизни — гибель Анны Карениной.

Мало кто так понимал дикое состояние русского народа и грозящие России беды, как Лев Толстой. Он хорошо знал, что сказками, которые сочинял для народа, здесь ничего не исправишь.

Умер вовремя.

"Фет, безусловно, есть самое выдающееся наше поэтическое явление, из числа второстепенных". Это сказал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, у которого и фамилия, и имя были как бы двойными, основательными, он же был вице-губернатор.

Был страшно въедливый, и любимое мною творение Льва Николаевича обозвал романом из жизни мочеполовых органов.

О народе заметил: "Летел рой мужиков", — но направление полета не указал.

Лев Николаевич терпеть не мог Михаила Евграфовича.

Фет — это была девичья фамилия.

"Как снег вершин, / Как фунт конфет, / Исчезнул Фет / И стал Шеншин".[28]

Фет тачал сапоги. Или это Лев Николаевич сапоги, а Фет, наоборот, чемоданы, не помню. Или даже, насчет чемоданов, это, возможно, Менделеев упражнялся, у которого дочка была за Блоком?

Странно — в основе русской фамилии Менделеев лежит еврейское имя Мендель.

Фет по национальности частично был из евреев. Как, кстати, и Блок.

Евреи любят совращать инородцев, особенно русских аристократок. Хлебом не корми...

Борода у Фета была исконно русская, отложная и раздвоенная на конце, тип полицмейстерской, в которой Фет был именно что старый еврей. Даже есть много старых евреев меньше на евреев похожих, чем Фет.

Можно понять, как не любил Фет евреев.

Как и Блок, кстати.

Достоевский был из русских литовцев.

Крепостных не имел, и поэтому бар ненавидел.

Наша показная зарубежная гордость.

Он вышел со стороны Зла и оставил за собой широко распахнутую дверь.

У него были коротковатые ноги и козлиные копытца, как верно подметил кто-то из мемуаристов.

Ценил, как никто в литературе русской, евреев. Еще больше Гоголя. Толстой поэтому с удовольствием насчет самого Достоевского заметил — "есть в нем что-то еврейское" (из этой фразы Толстого видно, насколько он не любил Достоевского). Сам Достоевский, чувствуя этот свой недостаток, старался вообще изжить евреев.

Потом вместе с бородой эта традиция перешла к Солженицыну.

Евреи в ответ любили и любят Достоевского. Основные достоевоведы — из евреев.[29]

[28] Это Иван Тургенев, интересно, что рифму эту, фет-конфет, он стянул у Вагрича Бахчаняна. (*Прим. автора.*)

[29] Как и пушкиноведы, лермонтоведы, гоголеведы... Термин этот странный, характер его от кукловодов. Но первоначально специалисты по Пушкину назывались пушкинистами. Они полностью узурпировали Пушкина как собственность, и если бы он, внезапно явившись, выказал им несогласие с их взглядами, они бы с ним не согласились! (*Прим. автора.*)

Борода у Достоевского была вымученная, было в ней что-то искренне лживое.

"Однажды Ф.М. Достоевский, царство ему небесное, поймал на улице кота. Ему надо было живого кота для романа. Бедное животное пищало, визжало, хрипело и закрывало глаза, потом притворилось дохлым. Тут он его и отпустил. Обманщик укусил бедного в свою очередь писателя за ногу и скрылся. Так остался невоплощенным лучший роман Федора Михайловича, царство ему небесное. "Бедные животные". Про котов".[30]

Если бы Достоевскому везло в карты, он не стал бы литератором. Когда он думал о потерянных в казино капиталах, он руками своих героев жег крупными купюрами деньги в камине. От злобы и зависти к тем, кто их несправедливо имеет, такие громадные деньги.

В героях у него был еще не народ, но чуть выше. Разночинцы. Униженные и оскорбленные. Достоевский копался в промежности между барами и народом. Это стало модным. Первым там копаться начал Тургенев.

Достоевский своих немытых героев травил, топил и сбрасывал с моста.

Из таких героев чуть позже образовались деятели ВЧК, но большей частью сексоты. Не просто стукачи-любители, но убежденные в своем деле люди.

"Пушкин сидит у себя дома и думает: "Я гений — ладно. Гоголь тоже гений. Но ведь и Толстой гений, и Достоевский, царство ему небесное, гений! Когда же это кончится?

Тут все и кончилось".[31]

Антон Павлович.

Бородка у него была характерная, "под пенсне", безотказно впечатляющая фригидных дам, его основных почитательниц.

Жутких дам без всяких собачек.

Лев Шестов отметил: "Все, к чему прикасался Чехов, увядало".

Самое безотрадное явление русской литературы.

Как если бы умный и чуткий человек пришел и принес драгоценный дар любви, уважения и достоинства, и оказался бы среди обитателей палаты "номер Шесть", которую мы застенчиво именуем родиной.

Он ходит и в удивлении озирается, не понимая и не постигая, куда попал и что мы с собою творим, и взгляд его, умный и доброжелательный взгляд, полон печали и сострадания, а губы тихо шепчут: "Боже мой, как грустна наша Россия!".

[30] Добрович-Майкова и В. Пятницкий. "Однажды Гоголь пришел к Пушкину", 1998 г.

[31] Добрович-Майкова и В. Пятницкий. "Однажды Гоголь пришел к Пушкину", 1998 г.

Все наши палаты, перестроенные и перекрашенные неоднократно, чтобы было "как у людей", неизменно оказываются под Шестым номером, как будто им навсегда исчерпалась русская арифметика!

Чайка во фруктах.

"Вот в это самое время и явились: самый зловещий, какой только был от сотворения мира, Ворон и белая чайка, птица упадочная, непонятная, одинокая.

Ворон каркнул: "Never more" — и сгинул...

Зато чайка сделала совершенно головокружительную карьеру.

Девушки с надрывом, с поволокой в глазах, с неразгаданной тоской, девушки с орхидеями и с трагической улыбкой хрустели пальцами, скрещивали руки на худых коленях и говорили:

— Хочется сказки... Хочется ласки... Я — чайка.

Потом взяли и выдумали, что Комиссаржевская — чайка, и Гиппиус — чайка, и чуть ли не Максим Ковалевский — тоже чайка...

А по совести сказать, так более прожорливой, ненасытной и наглой птицы, чем эта самая белая чайка, и природа еще не создавала.

Однако поди ж ты... Лет семь-восемь спасения от чаек не было".[32]

Какие там семь-восемь, это и нас достало в шестидесятых годах!

Интересно, когда девушки эти стареют, грузнеют и сильно полнеют, они по-прежнему остаются чайками?

Женился на чайке-Книппер.

Что за фамилия, создатель?! — а к ней еще Меерович-Данченко. Чехов их обоих и получил. Как у Довлатова с Анной, это оскорбление моего литературного чувства.

Марьванна говорила, что Чехов запустил Чайку, и ее сменил Буревестник. Кроме бури он нес нам на крыльях неизбежное народное счастье.

Получалось "Чайка-Буревестник". Это отдавало рыбьим жиром, которым нас в детстве пользовали от простуды и всех остальных болезней сразу.

Пусть сильнее грянет Буря!

Куда уж сильнее!

О народе Чехов отозвался плохо. У нас в курсе этого не проходили, и Марьванна об этом не знала. Она Чехова подавала как предшественника Горького.

Потом Иван Бунин о народе отозвался еще хуже.

Об этом народе, чем меньше говорить, тем меньше брать греха на душу.

[32] Дон Аминадо. О птицах.

Он опоздал, Бунин, уже все завершилось в русской классической литературе, все патроны встали в ее обойму и все спицы в ее колеса, — напрасно он суетился и подпрыгивал, показывая Нобелевскую медаль как право на вход, — наши классики вообще ничего не слышали о таких медалях!

Бунина мы не проходили, он был эмигрантом.

С Куприна начиная, евреи полезли делать русскую литературу. Он так и говорил — лезут и лезут, а гонорары падают. О Бунине поэтому тоже отзывался плохо.

Куприна проходили — он из эмиграции вернулся.

Горький.

С его именем что-то напутано.

Не забуду мать родную, век свободы не видать!

"Явился тут самый главный — с косым воротом и безумством храбрых.

Откашлялся и нижегородским баском грянул: "Над седой равниной моря... / Гордо реет буревестник, / Черной молнии подобный...". Все так и ахнули.

И действительно, птица — первый сорт, и реет, и взмывает, и вообще дело делает".[33]

В воздухе пахло грозой. Марьванна предвидела появление Горького.

— Большому кораблю, — кричала она...

Я автоматически сказал: — Большую торпеду!

Вызванный в школу отец велел мне держать язык за зубами.

Горький собирал нэцкэ. На Капри. Ему моряки привозили из Японии.

Это была лучшая в мире коллекция нэцкэ!

На Капри было удобно скорбеть о народе. Потому что большое видится на расстоянии.

С Нобелевской не светило, гонорары упали, и он поехал к большевикам.

Благословил соцреализм и бригадный подряд в советской литературе.

Еще живым его превратили в чучело, набив соломой и поместив в хрестоматии.

Тут народ проснулся, но опоздал к разбору, — в стране вместо бар оказались большевики. Это были крепкие ребята, и многие из них были выходцами из народа.

Свой народ они хорошо знали.

[33] Дон Аминадо. О птицах.

Шел снег.

Печка была раскалена.

Снег падал в имении "Званка", и Гавриил Романович Державин, подойдя в халате к окну, видел перед собою замерзший лед реки и первые по снегу крестьянские дровни.

Стоял у окна и напевал под колокольчик: "Трень-брень, теле-пень, на нос варежку надень".

Снег падал в Михайловском и заносил дороги России.

Снег падал на Прохоровской улице, куда выходили окна моей школы. Уже не видны были трамвайные рельсы. Прохожие шли, как рождественские елки...

Я держал в руках томик Родной речи, смотрел на улицу, уже не видны были облезлые стены домов с той стороны Прохоровской и дыры асфальта.

Этот снег согревал странным предчувствием мне сердце.

Был канун Субботы, и мужики шли с вениками в нашу баню на Комитетской. Это полтора квартала вверх до Дуренского переулка и налево, по Банному переулку в самый его конец. В баню у нас ходили именно перед Субботой, в канун праздника.

Переулок был собственно Дурьяновский, от немца Дурьяна, вымостившего для города переулок брусчаткой, но мы это имя перевели на русский.

Мужики смеялись и перебрасывались словами, их речь была не слышна.

В стране царило безмолвие, снег заносил ее дороги.

Шумели и спорили голоса в моей Родной речи.

Шла молодость.

Строилась наша необыкновенная жизнь.

Мерцали рыжие глаза Василисы, доверчиво и требовательно она теребила меня лапкой, — в кошачьих глазах были насмешка и любовь всех предстоящих мне женщин, всех, ожидающих меня! Там были друзья — мои друзья, не знающие ничего обо мне, далекие от меня, в иных городах нашей громадной страны. И они, не знающие еще ничего, хранили в своих сердцах нашу предстоящую дружбу!

В кошачьих глазах была записана моя судьба, но я еще даже не начинал читать.

Женщины говорят по-женски.

Поэтому Судьба говорит только по-русски!

Чувство у меня странное, вот они все, российские литераторы, — они ведь из моей юности, когда впервые на литературы русской уроках читывала нам в самозабвении Пушкина стихи училка русской словесности, запрокидывала голову и руки заламывала, а сидел я на парте задней, где и просидел все десять незаметно потерянных лет, и думал о звонке, а под партою, под ногой моей легкокрылой, в нетерпении перекатывался баскетбольный мяч, — чтобы с первым звонком ринуться во двор, и рукой ощутить его упругую летучую тяжесть.

Но что-то запомнилось, что-то такое осталось в мальчишеской душе...

Музыка, легкая, как звенящий упругостью баскетбольный мяч...

"Подъезжая под Ижоры, / Я взглянул на небеса / И воспомнил ваши взоры, / Ваши синие глаза...".[34]

Три шага с мячом, — три удара о землю, и — взлет!

Упругий пушкинский голос выводил меня на завершающий бросок мяча в корзину.

В аттестате зрелости в графе "Русская литература" у меня стоит четверка. Все остальное — пятерки. Пятерки там были потому, что так хотелось маме, — а я очень любил свою красавицу маму!

Эта четверка есть значимое событие в истории русской литературы!

Все еще только предстояло!

Наша прекрасная, наша достойная, наша незабвенная жизнь.

Потому что свобода нужна только слабым.

Потому что любимым Бог посылает испытания вровень их силам.

Когда-то Он положил свое бремя на плечи народа евреев. И теперь у Него на земле уже не было никого другого, не было таких же сильных и храбрых.

Родина наша — Русская Речь!

Наш материнский язык — русский, — Маме-лошн!

[34] Ах, Александр Сергеевич, да если бы только эти несколько строчек нам осталась от всего Вашего творчества, то и тогда — мы бы знали, откуда мы родом, где лежит эта родина счастья, Вами созданная для каждого из нас! И что в них — небо под цвет глаз и Ижоры, я даже плохо знаю, где эти Ижоры, — но после этого сочетания обыденных слов и мыслей эти Ижоры — мне Родина. Как он находил эти сочетания слов, простых и известных, но так давно потерявших друг друга и вот встретившихся, и стало понятным, что мы ничего не знаем о словах языка, в котором родились и выросли. Это и есть поэзия, единственный наш путь к самим себе! (*Прим. автора.*)

Валерий ХАИТ

Юмор и непознанное
Глава из будущей книги — "Книги читателя"

Валерия Хаита многие помнят как капитана первой одесской (можно уже сказать, легендарной) команды КВН. Но это лишь одна сторона его деятельности, конечно, очень важная. Больше десяти лет В. Хаит редактирует журнал "Фонтан", составил книги "Одесский юмор" (в серии "Антология сатиры и юмора России XX века") и "Большой фонтан одесского юмора"... Но — и что не менее важно — он лирический поэт, прозаик. За книгу прозы он был удостоен премии им. К.Г. Паустовского.

В этом году Валерию Хаиту исполняется 70 лет. Поздравляя нашего постоянного автора, коллегу, друга с юбилеем, мы предлагаем вниманию читателей главку из новой книги, в которой он выступает в новом жанре, из "Книги читателя", которая — надеемся — появится на книжных полках в этом, юбилейном для автора 2009 году.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

В этой заметке я коснусь той стороны моих книжных интересов, которая особенно чревата скептическими усмешками со стороны моих возможных читателей. Прежде всего, тех из них, кто сам, боясь оказаться в смешном положении, исповедует только те взгляды, которые не выходят из общепринятых рамок. Ну, скажем, материалистических.

Многие годы, практически в течение всей своей жизни, я жадно интересовался астрономией, проблемами поиска жизни во вселенной, вообще космосом. Помню, какое невероятное впечатление произвела на меня вышедшая, кажется, в конце 60-х знаменитая книга выдающегося астрофизика Иосифа Шкловского "Вселенная, жизнь, разум". Я читал ее и наслаждался строгой логикой рассуждений ученого. Так вот, по логике его рассуждений, космос должен был кишеть жизнью. Помню, в частности, как он уверенно доказывал в книге, что планетные системы (а значит, и жизнь на них) возможны даже у так называемых двойных звезд. А его изящное предположение и попытка математического доказательства того, что спутники Марса искусственные!.. После прочтения книги было ощущение, что инопланетная жизнь вот-вот заявит о своем существовании — настолько жизнеутверждающим, причем в прямом смысле, был пафос автора. А поскольку этого так и не случилось, Иосиф Шкловский со временем пришел к прямо противоположной мысли — к убеждению, что мы одиноки во вселенной. Думаю, что великий астрофизик просто стал жертвой своей несокрушимой логики и абсолютной веры в то, что гармонию

мира возможно поверить исключительно алгеброй. Помнится, во время чтения меня даже немного смущал этот строгий, сугубо материалистический подход к такой таинственной и непостижимой вещи, как жизнь, ее происхождение и эволюция.

А десятилетием раньше, когда я был еще моложе и еще наивнее, такое же сильное впечатление произвела на меня книга великого русского фантаста Ивана Ефремова "Туманность Андромеды". Помните? Главного героя, кажется, звали Дар Ветер.

Сколько радости и надежд будила эта книга! Какой гармоничной и совершенной была жизнь в этом немыслимо далеком от Земли мире! Если мне не изменяет память, даже совершенная овальная форма знаменитой галактики тоже была результатом деятельности населяющих ее существ...

Но Иван Ефремов был не только фантастом. Как истинный большой писатель, он был еще и философом. По прошествии десятилетий после написания им романа о сбывшейся "в отдельно взятой галактике" мечты о коммунистическом будущем, он, как мне кажется, многое пересмотрел в своем мировоззрении. Во всяком случае, об этом говорит запомнившееся мне его позднее высказывание (цитирую по памяти): "Человек, задумывающийся о концах и началах, может позволить на своем лице выражение некоторой печали...".

Продолжая краткий рассказ о своем многолетнем интересе ко всему загадочному и непознанному, я готов признаться и в самых больших грехах, которые на этом пути встречаются. Да, господа, и НЛО, и Бермудский треугольник, и пустыня Наска, и полтергейст, и Ванга, и, и, и... Все это, как вы уже догадались, тоже было в круге моего жадного и не очень упорядоченного чтения. Пытаясь в своем представлении о мироздании хоть как-то свести концы с концами, ища во всем какой-то изначальный смысл, я читал и читал ...

В моей поэтической книге-дневнике "Круг" есть даже стихи на эту тему. Ну вот, скажем, такие.

* * *

О чем ты, радость моя, о чем ты?
Давай немножечко отвлечемся.

Давай немножечко помечтаем
О странном, о роковом, о тайном.

О том, чего мы понять не в силах,
Но что случалось и не забылось.

Чего как будто и быть не может,
Но что смущает и что тревожит.

И без чего здесь, под небесами,
Все ж не свести нам концы с концами...

Возвращаясь же к Иосифу Шкловскому, скажу о случае, к которому вполне можно применить определение "невероятный".

Но прежде упомяну, что в моих штудиях, связанных с интересом к непознанному, встречалась еще одна фамилия ученого, так же как Шкловский, интересовавшегося и изучавшего проблему множественности обитаемых миров. Звали его Николай Кардашев и, по-моему, был он не только учеником, но и постоянным оппонентом Шкловского.

Так вот представьте себе, что в один прекрасный день я вдруг узнаю, что в наш город в качестве консультантов снимающегося на Одесской киностудии фильма про космонавтов приехали члены-корреспонденты Академии наук Иосиф Шкловский и Николай Кардашев, а с ними тоже знаменитый ученый академик Роальд Сагдеев. Вот он, его величество случай! Немедленно к ним в гостиницу, и они сразу отметят, как я во всем этом разбираюсь и какие умные и серьезные вопросы задаю...

Встретиться с ними действительно не составило никакого труда. Они оказались давними поклонниками одесской команды КВН и были не прочь встретиться с ее капитаном. И все было бы хорошо, если бы, едва справившись с волнением, я вдруг не начал чуть ли не с порога задавать им свои "умные" вопросы. Ученые гости тут же поскучнели, как-то понимающе переглянулись и, извинившись, стали собираться на прогулку. Я напросился их сопровождать, шел попеременно рядом то с одним, то с другим, чего-то пытался выспросить, но, увы. Гости отшучивались, любовались Одессой и все ждали, когда я начну демонстрировать знаменитый одесский юмор. При этом сами шутили так, особенно Шкловский, что я чуть не падал. Когда мы вернулись в гостиницу, я свой любознательный пыл поубавил. А что касается одесского юмора, решил прочесть им недавно написанную вместе с Гариком Голубенко и Леней Сущенко начальную сцену нашей пьесы об Одессе "Старые дома". Я ее всегда таскал с собой и читал всем подряд, поскольку лишать себя радости немедленно-

го успеха как недавний КВНщик еще не научился. Тут уже астрофизики совсем расслабились, хохотали так, что били себя ладонями по коленям, причем реагировали на самые тонкие шутки, которыми мы особенно гордились. В награду за чтение кто-то из них (кажется, Кардашев) даже сжалился надо мной и сказал: "Да, вы тут спрашивали насчет жизни во вселенной... Не все так просто, молодой человек, не все так просто...".

А потом случилась еще одна неожиданная встреча. Как-то на одесской даче меня представили московскому гостю. Это был известный уфолог, то есть исследователь НЛО, выступавший в разных городах со своими лекциями, в прошлом моряк-подводник Владимир Ажажа. И опять мое КВНовское прошлое сыграло свою роль: он был рад со мной познакомиться. И опять мои давно готовые вопросы — а я читал все, что мне попадалось на тему "летающих тарелок", в том числе, конечно, и текст его знаменитой лекции, — вызвали у него некоторое смущение: одно дело, когда вопросы задают во время лекции, другое — когда просто так, в компании, во время застолья.

Но потом мы с Владимиром Георгиевичем действительно подружились, и я всегда поражался той искренней вере и упорству, с которыми он в течение многих лет занимался этими сомнительными с точки зрения официальной науки проблемами. Он выпустил много книг; некоторые из них стоят на моих полках с авторскими посвящениями. Книги его я читал очень внимательно, с огромным интересом, поражался обилию приводимых в них фактов и случаев контактов с НЛО, мастерству их статистической обработки. Но мне, помню, не хватало во всем этом мировоззренческой составляющей, так сказать, философии, попыток порассуждать обо всем этом на более широком фоне, вписать этот феномен в более широкий контекст знаний о жизни во Вселенной.

Шли годы, мой интерес ко всем этим загадочным проблемам то усиливался, то чуть ослабевал, но вовсе не исчезал никогда. Началась Перестройка, а с ней появилось огромное количество литературы на все эти темы. Я пытался читать книги Блаватской, Рудольфа Штайнера, Шри Ауробиндо, но, помню, лишь еще больше запутывался; к тому же тяжеловесный слог этих книг отбивал охоту к внимательному чтению.

И тут произошла Встреча. Я написал это слово с большой буквы не случайно. Многие читатели книг, особенно те, кто читает целенаправленно, знают об этом феномене: феномене Своевременного Появления Нужной Книги. Вот ты о чем-то думаешь, приходишь к каким-то выводам, задаешься новыми вопросами — и вдруг (вдруг ли?) на прилавке какого-нибудь книжного лотка обнаруживаешь нужную тебе именно в этот момент

жизни книгу. Нет, ты ее не искал, ты даже не догадывался о ее существовании, но вот твой взгляд скользнул по обложке, что-то тебя привлекло в названии, ты протягиваешь руку, листаешь, и вдруг горячая волна пронизывает тебя всего: вот оно! Именно эта книга и нужна была тебе сегодня! Без нее ты не мог бы жить и думать дальше!

Ну что, случалось с вами такое?

Со мной — не раз...

Хотя с книгой, о которой идет речь, было не совсем так. Сначала я обнаружил в "Новом мире" несколько поразивших меня своей мощью и красотой стихотворных и прозаических текстов. Автора звали Даниил Андреев. Там были и главы из написанной им во Владимирской тюрьме книги "Роза мира". Через короткое время я стал обладателем экземпляра полного издания "Розы", еще в мягкой обложке и мелким шрифтом. Со временем на мою заветную книжную полку встали все 4 тома собрания сочинений этого выдающегося мистика, философа и поэта.

Но вернусь к тому первому изданию "Розы мира". Я жадно набросился на книгу, инстинктивно предчувствуя, что увиденная автором во время его, как он пишет, "трансфизических странствий", картина мира пусть и поразительна, пусть и неправдоподобна, пусть и отлична от всего того, к чему мы привыкли в эпоху советского материализма, но она имеет все черты реальности, она цельна и гармонична, а потому невероятно убедительна. Это тоже не было простым чтением. Но сложность эта была связана не с туманностью слога, не с запутанностью авторских мыслей и утверждений, а с той плотностью философской прозы, в которой, как говорится, "словам тесно, а мыслям просторно".

Я помню, как, несмотря на фантастичность описываемого Даниилом Андреевым мира, верил в его истинность — настолько авторская интонация была искренней, настолько чувствовалась его заинтересованность в том, чтобы как можно более ясно и точно описать сложнейшую структуру открывшихся ему метафизических далей. Как он при этом заботился о читателе, о том, чтобы помочь ему воспринять все это. Как он следил за тем, чтобы вовремя отвечать на вопросы, возникающие по ходу чтения, как уважительно относился к читательской логике. Вот, скажем, я читаю очередную главу, и у меня возникает вопрос: "Стоп, стоп! А как же тут со свободой воли?..". Перелистываю страницу и вижу, что следующая главка так и называется — "Свобода воли".

"Роза мира" Даниила Андреева поразила меня еще вот чем. Многие люди владеют невероятными, или, как сейчас говорят, паранормальными

способностями. (Есть, конечно, и шарлатаны, выдающие себя за подобных.) Так вот, многие из этих "посвященных" тоже пишут книги. Книги эти, как правило, примитивные, написанные убогим слогом, — что делать, мистический дар не выбирает человека, так сказать, под себя, обладателем его может оказаться любой.

В случае с Даниилом Андреевым дар нашел того, кого и должен был найти — человека, который пришел на Землю, чтобы не только с помощью своего мистического дара постичь устройство мироздания, но и рассказать об этом другим, написав великую книгу, время которой, думаю, еще просто не пришло. Ее написал не убогий экстрасенс-фанатик, не знающий, что со своим даром делать, не заносчивый небожитель-мистик, подчиняющий себе доверчивых и жаждущих чуда поклонников, а выдающийся ученый-мыслитель, интеллигент, стоящий на уровне своего века, знаток мировых религий, кладезь исторических знаний, человек, находящийся в курсе современных научных концепций и открытий. Если к этому добавить, что он (не исключено, что и как сын известного писателя Леонида Андреева) обладал еще и ярким литературным талантом, то миссию свою на Земле он выполнил с блеском. Я помню, как в документальном фильме о Данииле Андрееве его жена Алла Александровна рассказывала, что уже будучи серьезно больным, буквально накануне смерти он перечитал принесенную ему впервые после машинки рукопись своей книги, улыбнулся и произнес: "А знаешь, эту книгу все-таки написал не сумасшедший...".

Хочу сказать, что для меня косвенным доказательством правдивости книги о тех или иных таинственных и необъяснимых вещах всегда была личность автора, ее, так сказать, масштаб. Здесь и широта знаний, и уровень культуры, и нравственное поведение, и способность к самоиронии, и просто юмор. Да-да, и юмор, который, будучи присущ тому или иному человеку, на мой взгляд, более других качеств приближает его к гармоничности, а попросту говоря, к норме. Всеми этими чертами в полной мере обладал Даниил Андреев. А ирония и самоирония возникали у него порою в самых сложных и неожиданных местах. Этим он снимал читательское напряжение и недоверие, как бы говорил: нет-нет, я нормальный, я все это на самом деле видел, я пишу только о том, что постиг лично, я знаю, как это трудно представить, не говоря уже о том, чтобы поверить в это. Потом, когда уже после "Розы мира" я прочитал воспоминания об Андрееве, книгу жены об их жизни, его переписку, то с радостью убедился, что он оказался именно таким — живым, естественным и вполне нормальным человеком. А значит, и великая книга его, запечатлевшая странствия по неизведанным мирам, безусловно правдива.

Продолжая эту тему, скажу, что недавно совершил еще одно поразительное открытие. Я обнаружил, что, оказывается, даже такой аналитически мыслящий человек, такой великий скептик и рационалист, как автор Шерлока Холмса Артур Конан Дойл тоже верил в мистику и спиритизм. Причем не обладая от природы мистическим даром, а значит, не имея личного опыта встреч с необъяснимым, он пришел к выводу о реальности подобных явлений именно путем своей склонности к анализу. Он присутствовал на многочисленных спиритических сеансах, вел своеобразную статистику невероятных случаев, анализировал, сопоставлял, словом, вовсю использовал свой знаменитый "метод дедукции". И пришел к неоспоримому для себя выводу — необъяснимые и таинственные явления существуют в реальности, жизнь не так проста и одномерна, как кажется на первый взгляд, смысл у нее, безусловно, есть, но путь к нему долог и открыт не каждому. Замечательный писатель настолько проникся всеми этими идеями, что последние десять лет своей жизни ездил по разным странам с лекциями об удивительных феноменах, составившими со временем целую книгу "Новые откровения", которую я с огромным интересом прочел в интернете.

Возвращаясь к теме, указанной в названии, я хочу поделиться тем, что обнаружил у такого выдающегося философа, мистика и религиозного мыслителя, как Владимир Соловьев. Его книги тоже были запрещены в СССР и появились лишь с началом Перестройки, но интерес к ним у меня возник опять же в связи с Даниилом Андреевым: Владимир Соловьев с юных лет был его кумиром. Правду говоря, мои попытки чтения книг Соловьева были не совсем удачны: все это требовало специальных знаний и оказалось для меня слишком сложным и не очень близким. Но я был вознагражден и примирен с этим, когда купил по случаю огромный соловьевский том "Стихотворения. Эстетика. Литературная критика". Выяснилось, что религиозный философ и мистик Владимир Соловьев, кроме того что был популярным в свое время поэтом, оказался еще и блестящим литературным критиком, знатоком и исследователем творчества Пушкина.

Так вот, в томе, где были собраны статьи этого мистического и религиозного писателя, даже своим внешним видом — длинные черные волосы, такая же борода, огненные глаза — напоминавшего то ли пророков, то ли религиозных фанатиков, я обнаружил примеры блестящего (без всяких скидок) литературного юмора, свидетельствующего о здоровой и гармоничной сути этого удивительного человека.

Вот что (и главное, как) писал Владимир Соловьев, скажем, о представителях поэтического направления, которое возглавлял Валерий Брюсов. Я выбрал фрагменты из статьи "Русские символисты"...

Цитаты взяты из первой части статьи, в которой рецензируется "ВЫП. 1-Й. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И А.Л. МИРОПОЛЬСКИЙ. МОСКВА. 1894 (44 стр.)".

"Эта тетрадка имеет несомненные достоинства: она не отягощает читателя своими размерами и отчасти увеселяет своим содержанием..."

Так начинает критик свою статью и далее пишет:

"Другого рода возражение имею я против следующего "заключения" г. Валерия Брюсова:

Золотистые феи
В атласном саду!
Когда я найду
Ледяные аллеи?
Влюбленных наяд
Серебристые всплески,
Где ревнивые доски
Вам путь заградят,
Непонятные вазы
Огнем озаря,
Застыла заря
Над полетом фантазий.
За мраком завес
Погребальные урны,
И не ждет свод лазурный
Обманчивых звезд.

Несмотря на "ледяные аллеи в атласном саду", сюжет этих стихов столько же ясен, сколько и предосудителен. Увлекаемый "полетом фантазий", автор засматривался в дощатые купальни, где купались лица женского пола, которых он называет "феями" и "наядами". Но можно ли пышными словами загладить поступки гнусные? И вот к чему в заключение приводит символизм! Будем надеяться, по крайней мере, что "ревнивые доски" оказались на высоте своего призвания. В противном случае, "золотистым феям" оставалось бы только окатить нескромного символиста из тех "непонятных ваз", которые в просторечии называются шайками и употребляются в купальнях для омовения ног".

"В предисловии г. В. Брюсов объясняет, что поэзия, которой он с товарищами служит, есть поэзия намеков. Следуя нашей относительно-научной методе, посмотрим, насколько в самом деле стихотворения русских символистов представляют собою поэзию намеков:

Струны ржавеют
Под мокрой рукой,
Грезы немеют
И кроются мглой.

Такою строфою начинается и повторением ее заканчивается маленькое стихотворение г. Миропольского, открывающее наш сборник. Здесь с преувеличенною ясностью указывается на тот грустный, хотя и мало интересный факт, что изображаемый автором гитарист страдает известным патологическим явлением. Ни поэзии, ни намеков тут нет. Первый стих "струны ржавеют" — содержит в себе еще другое указание, но опять-таки ясное указание, а не намек, — на малограмотность г. Миропольского.

Второе стихотворение: "Я жду", почти все состоит из повторения двух стихов: "Сердце звонкое бьется в груди" и "Милый друг, приходи, приходи!". Что тут неясного, какие тут намеки? Скорее, можно здесь заметить излишнее стремление к ясности, ибо поэт поясняет, что сердце бьется в груди, — чтобы кто-нибудь не подумал, что оно бьется в голове или в брюшной полости".

Иногда В. Соловьев писал под псевдонимом Власий Семенов.

"...Но по обвинению меня в злоумышленном искажении смысла стихотворений г. Брюсова и К°, я, Власий Семенов, имею объяснить, что если бы даже я был одушевлен самою адскою злобою, то все-таки мне было бы невозможно исказить смысл этих стихотворений — по совершенному отсутствию в них всякого смысла...

...Ну, пусть кто-нибудь попробует исказить смысл такого произведения:

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.
И прозрачные киоски
В звонко-звучной глубине

Вырастают точно блестки
При лазоревой луне,
Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне;
Звуки реют полусонно.
Звуки ластятся ко мне,
Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

Если я замечу, что обнаженному месяцу всходить при лазоревой луне не только неприлично, но и вовсе невозможно, так как месяц и луна суть только два названия для одного и того же предмета, то неужели и это будет "умышленным искажением смысла"?.."

"...Гг. символисты укоряют меня в том, что я увлекаюсь желанием позабавить публику; но они могут видеть, что это увлечение приводит меня только к простому воспроизведению их собственных перлов.

Должно заметить, что одно стихотворение в этом сборнике имеет несомненный и ясный смысл. Оно очень коротко,— всего одна строчка:

"О, укрой свои бледные ноги".

Для полной ясности следовало бы, пожалуй, прибавить: "ибо иначе простудишься", но и без этого совет г. Брюсова, обращенный, очевидно, к особе, страдающей малокровием, есть самое осмысленное произведение всей символической литературы, не только русской, но и иностранной...".

И вновь, я надеюсь, что возможные читатели не будут ко мне в претензии за столь щедрое цитирование. Причем не только те из них, кому по душе юмор хорошего вкуса, но и разделяющие с Владимиром Соловьевым его нелюбовь к подобного рода поэтическим изыскам...

Возвращаясь же вновь к заявленной теме, я опять проникаюсь уверенностью в том, что человек, обладающий таким здоровым чувством юмора, так легко и естественно ориентирующийся в этических и эстетических категориях, как Владимир Сергеевич Соловьев, и в своих философских и религиозных трудах, в работах, посвященных своим мистическим прозрениям, был так же искренен и правдив...

Александра ШУМИХИНА

Гуси-лебеди

Летят утки, летят утки
И два гуся...
Народная песня

Мы живем себе обыденно, и живем. Что-то по инерции проживается, что-то вчера определилось. Представляем себе ближайший день. В принципе, события в нем так и происходят. Поправки в них — привычны, дополнения — обычны. Нормально. Летят себе дни косяками, и летят. Летят утки...

Мы думаем себе в жизни, и думаем. Что-то думаем по инерции, что-то вчера обдумали. О том, что рядом, думаем из того, что представляем. В принципе, это оправдывается. Новые мысли — логичны, дополняют старые — привычно. Нормально. Летят себе мысли косяками, и летят. Летят утки...

Опа! И два гуся!..

Утки: "Ничего себе! — Что это было? — Да ничего не было. — Кажется, те два гуся пролетели! — Или два лебедя? — Нет, все-таки гуся... — А уже пролетели! — Так и мы уже пролетели..."

Полет уток продолжается по инерции.

* * *

Я гость на одной юбилейной презентации. Пришел с радостью, с желанием поздравить. Официальная часть понравилась — было интересно. Когда она закончилась, я тепло поздравил юбиляра. А потом... Короче, я вынужден был сорваться. Даже сока не успел выпить (а для шампанского — я за рулем), ни перекусить (а хотелось). Именинник — человек, которым дорожу. Он огорчился. Неловко было уходить. Но у меня всегда есть дежурная причина, чтобы внезапно уйти или где-нибудь отсутствовать...

Ну и денек! Все — с ног на голову. А так здорово начинался... Вдруг я еле успел остановить машину и отбежать к кустам. И меня тут же вывернуло наизнанку.

Ничего себе!

Пот выступил — как из ведра окатило. Сильно и противно задрожали коленки.

Что это было?

Голова давно вся седая, и вдруг — такой... жуткий испуг! Неужели только от... Меня снова мучительно стало выворачивать. Охватила такая слабость, что за ветки ухватился.

Нда-а-а...

Через пару минут стало легче. Мокрое лицо и спину приятно охолодил порыв летнего ветерка. Спасибо, ветер, за ласку (тьфу, чуть слезы благодарные не брызнули!). Перед собой стало неловко. Я вернулся к машине, отсиделся, выпил воды и поехал. Приступов тошноты больше не было. Только в голове больно бухало: "Не может этого быть. Не может...". Я криво усмехнулся. Этой усмешкой окончательно обесценилось то, что еще час назад могло согреть душу. Все вокруг сразу стало казаться подозрительным фарсом. Даже погода раздражала. Чистота неба давила, лучезарность солнца была неуместной. В голове продолжало тикать: "Не может этого быть...". Машинально взглянул на часы. А через час такая желанная встреча!.. Нет, и ее к черту. Никого видеть не могу, ничего не хочу. А куда я сейчас, собственно, еду?..

И поехал на автосервис. Сегодня утром я там уже был. У меня новая машина. И для своих мастеров я "отмечался" — привез ящик пива. Приглашали вечером присоединиться. Я еще пошутил: приеду, если с машиной будет что-то не так. Сейчас Башня увидел меня издали и удивленно замер. Я гаркнул сквозь шум: "Ты нужен мне. Мне! Не машине". Он подошел. Я спросил: "Время найдется?". Он не ответил. Посмотрел мне в лицо и буркнул: "Стой тут". Я стоял. Он кому-то что-то сказал. Машину мою отогнали с дороги в угол площадки. Мне было все равно, я стоял. Потом Башня взял меня двумя пальцами за рукав, и мы пошли к нему домой. Недалеко, один квартал — и вглубь внутреннего двора.

Не знаю, почему пришло в голову именно к Башне притащиться. Было ощущение, что с этим — больше некуда. А Башня — просто "знакомый мастер". Я ему просто "постоянный клиент". Никогда вне мастерской мы с ним не встречались, да и дел других вместе не имели. Один раз я педиатра знакомого к нему привозил. У него ребенок болел. Разве это "дело"?

Я долго про него ничего не знал, кроме того, что Башня — это его фамилия, но с ударением на букву "я". А правильно или по имени его никто не зовет. Сначала я удивлялся. Потом, как и другие, понял, почему про него "так вернее", хотя он не только не высокий, но и не стройный. Просто слова его почему-то всегда вес имели. И высоту. Точнее, Башня говорил, а его слушали. Еще я был уверен, что он намного младше меня. Оказалось, заметно старше.

Мы пришли к нему домой. Жилье у него с семьей скромное, приспособленное, но вполне достойное. И какое-то особенное жилье. Все носило отпечаток с удовольствием приложенных рук. Дома сейчас никого, кроме нас, не было. Башня очень быстро помылся, предложил пиво или... Я наотрез отказался (день белый еще, да и организм на это сразу поморщился). Тогда он соорудил себе чай, мне кофе. Сел и вопросительно посмотрел прямо в глаза своими васильковыми очами. Так сказала однажды про его глаза какая-то клиентка, и было это — просто в яблочко. Я вздохнул и сказал:

— Меня полчаса назад внезапно наизнанку вывернуло. На ровном месте. Целиком и полностью, — живописал я. — Так напугался — думал, скончаюсь...

— Не сомневаешься, что не травануся? — сообразил Башня (ну да, он же не врач, а пришел я — к нему).

— Не сомневаюсь.

Башня просто кивнул и уютно отхлебнул своего чая.

— Понимаешь, я кое-что услышал, — начал я.

И вдруг подумал, что нагружаю человека полной ерундой. Но добавил:

— Это не для моих ушей говорилось.

Башня, не поднимая глаз, кивнул опять.

— Ха! Хм! Мало, что не для моих ушей, — со смешком повторил я, — но и не обо мне. Еще и чепуха, злорадность какая-то пустяковая. А меня так скрутило... — тут голос мой сам вдруг съехал в жалобный регистр. — Но почему страшно? — и дальше я уже почти прошептал: — Жуть эта — откуда, а? Что это было?

Башня подобрал под себя локти и как будто стал всматриваться мне то в один, то в другой глаз по очереди. Было не то чтобы неудобно или неловко. Тревожно было. Да. Беспокойство. Башня спросил:

— А что ты слышал? Это рассказывать можно?

Я слегка задумался о том, как начать. Тогда он добавил:

— Учти. Только не дави на себя, понял?

Я кивнул. Но как говорить, если он никакого представления не имеет, о ком и о чем речь? А может, это как раз и хорошо? Очевидная непредвзятость. Ладно, а как можно "ерунду рассказывать"? Вот так я и рассказывал. Долго, путано и невнятно. Примерно так.

Был я сейчас на официальной юбилейной презентации. Там было много знакомых и небезразличных мне людей. Считай, одна компания. Вообще много было народу. И я там случайно услышал, как один человек по-

чем зря поливает другому их общего близкого друга. И моего, кстати, тоже. Как раз виновника этой презентации. Второй — молча слушает, а в глазах — такое удовольствие! Мне бы тут выйти из "укрытия"... Но я не смог. Растерялся от их "доброты". Не допускал этого, ушам не верил. Не может быть! За что они так? Невероятно! Я подумал, постоял немного и смылся. Очень с ними ладить со всеми хотел. Решил, не мое дело, без меня разберутся. А по дороге подумал: "Верный признак — переступят при случае!". И мне вдруг так гадко стало... Еле до каких-то кустов дотянул... Только, знаешь, Башня, не из-за них это было. И не из-за себя. Тут что-то другое было, я точно знаю. Но не знаю — что...

Я с ожиданием смотрел на Башню. Он (спасибо ему!) молчал все время, пока я говорил. Ни разу не перебил, не поторопил, не усмехнулся, не лез с расспросами. Он просто участливо смотрел своими фиолетовыми очами — и все. Сейчас он вздохнул и встал, чтобы кофе горячего подлить. А я пытался унять мелкую тотальную дрожь, которая снова стала бить меня изнутри во время "исповеди". Башня вернулся, сел и сказал:

— Ты увидел цену своему будущему выбору, Дым.

Дым — это я. Меня так еще в школе стали звать. Был у меня тогда длинный период зависания на этом слове. Я всюду его запихивал. Устал в дым, увлекся, разобиделся, опоздал, объелся, разозлился, обрадовался. Все в дым. Почти везде подходит, можете проверить. Какая-то "всепроникающая субстанция".

Я обдумывал то, что выдал мне Башня. Цена выбора — звучит сильно. Переспросил:

— Выбор чего, Башня?

— Честно или приятно.

— ?!

Что тут скажешь... Я прикинул. Например, сегодня на мероприятии было хорошо. Но после того, что услышал, стало неприятно. Я отстранился ("смылся" — все-таки перебор, надеюсь). Уйти казалось приятнее. Это уж точно. А как честно?.. Да какая разница! Все равно, как я решу, так и будет. Только "без учета разницы" я пока решать не умею! Хочу, не хочу, а она для меня значение имеет. До "приятия мира", как у далай-ламы, мне далеко... Ну, и как дальше на этих людей смотреть? Да ясно, как. Притворяться, конечно. Внешне это — дело привычное. А себя — не обмануть, недоверие (если не сказать отвращение) тут уже есть, а это всегда чувствуется. И в ответ, между прочим, "автоматически генери-

руется" то же самое. Как же — очень приятно! А Башня посмотрел на меня и добавил:

— Честь — она сама ценность. Приятно — только стоимость чего-то. Само оно еще не ценность.

Отсюда — азбучный вывод, который я и назвал:

— "Честно" с "приятно" может не совпадать, — я усмехнулся, — как арбуз в букваре с буквой "А".

— Честь в жизни мощнее очень многих в ней вещей, Дым, — изрек Башня.

Ну и все. Эту тему я закрыл. И так уже — "критическая" глубина для применения смысла. Я не стал это усугублять. Зачем грузить Башню своими сырыми мыслями? Да и у меня уже отлегло. Я нашел, за что зацепиться, и успокоился. Ехал домой и весело думал: "Как раз — все может быть! Честно, но неприятно. Приятно, но нечестно. Нечестно и неприятно. Честно и приятно. Всего четыре варианта! Не так уж и много". Это воодушевляло. Я чувствовал себя внутренне богатым, тонким, умным и готовым на выбор чести...

Знаете, что? Думаете, я что-то понял? Ни черта подобного!

Во-первых, как всегда, я забыл, что все относительно. Очень и... очень-очень. Объективно, субъективно... Не перебором вариантов это определяют, не линейкой меряют.

Во-вторых, я не понял того, что Башня сказал обо мне лично. А он, как потом оказалось, в лоб назвал то, что со мной произойдет: "Ты увидел цену своему будущему выбору". Вот оно: увидел цену будущему.

Но Башня был неточен. Я эту цену не увидел. Организмом учуял, который этому тогда еще сопротивлялся. Увидел бы — насторожился. А так — неотвратимость перемен учуял, а изменений для себя как пожара испугался. Кстати, так бывает, когда близко к черте подойдешь. Переступить — не переступить.

Так Башня меня предупредил. А я...

А я вдруг стал везде носиться с этим "честно или приятно". Примерял четыре варианта на все и вся. И сам себя на старости лет в лужи сажал. Ну, почти на старости (когда тебе уже сорок). Польза, правда, была. Какое-то время я гораздо больше задумывался. И думал гораздо глубже как раз о том, о чем действительно стоит думать. Но недолго.

Конечно, тех вариантов всего четыре. А сколько вариантов будет, если учитывать, например, кому и что будет "честно" от тебя? Или к тебе? Да еще вместе с тем, кому и почему "приятно"? Вот. Это уже так не пересчитаешь! И великий Вычислитель просто сдался.

Короче, надоела мне эта маята — выяснять, где там сейчас "честно" или где "приятно". Бегать, искать, куда делось то или другое. Все равно мало кого реально заботит, чтобы честно было для всех — по-божески, а приятно — по-человечески. Пупок надорвешь! Нет. Хватит. Надо быть проще. Прежде всего, должно быть честно и приятно — мне.

Вот тогда я и стал сползать (незаметно для себя) в то самое настоящее, от которого меня когда-то стошнило, как от будущего.

Это я уже теперь знаю, как все начиналось. А тогда... Сначала, когда что-то было "не то", я часто себе напоминал:

— Спокойно! Мое "честно и приятно" — при мне, а я хочу только добра.

И поразился — как все просто! Этим себе оправдывается все! Ну, почти все. И я внутри заметно рассупонился. На месте деликатности, поиск которой "утомлял", бывало, не только меня, все чаще появлялось к этому безразличие. А от этого крепла уже равнодушная (ясно — не к себе) уверенность. Ну, не без сопротивления крепла, но дальше было уже легко. Я просто привык. Откликался — как пионер:

— Мое "честно и приятно" при мне? — Всегда при мне!

И покатилось. Уверенность постепенно превращалась,... уверенность превращалась,... превращается уверенность... Ну да, налицо "техническая неисправность" — "накачанная" самонадеянность. Уверенность по качеству тоже разная бывает...

Конечно, ничего хитрого. Кто не знает, что наглый напор — отличный инструмент! Широкого профиля применения. Опасность в том, что среда вокруг, где этот инструмент — уже сам ценность, всегда к нам очень близко. "Площадь опоры" у него очень сильная — у себя "мое" пододвинуть всем нелегко. И "не моему" там может просто места не оказаться.

Вот и я уже смелее выбирал себе и "честно", и "приятно". Реже замечал, когда это кому-то вредило. Меньше по этому поводу переживал. И были близкие люди, которые за это от меня отдалялись. Зато где-то меня сильнее зауважали, стали льстить и опекать. Например, те, кого я когда-то невольно подслушал. Теперь они для меня были и приятны, и чест-

ны (а ко мне так и было!). Но вот для хозяина той юбилейной презентации... Знаете, вот его уже мы вместе действительно "переступили".

И меня не стошнило.

Да я и не помнил уже о том приступе отвращения у себя. Башню тоже не видел (машина новая). Теперь удивляюсь. Странно, а что — сам я не мог "вспомнить"? Но ведь оправдывать тот "шаг" и приличный вид ему придавать приходилось очень не слабо! Только вот поверить в этот вид ни мы, ни он — уже не смогли.

Переступили. С отчаянья он даже на "мораль" тут намекал. Понятно, мы возмутились и ни о чем тогда не жалели (это теперь я знаю, почему). А, ерунда! Все проходит и все забывается. Проверено. Но пришлось убедиться еще в одном, что ничуть не меньше проверено.

Все проходит, но "ничего не проходит бесследно".

Вдруг в необычном месте я натыкаюсь на Башню. А не видел его уже пару лет... Если бы увидел раньше, чем он меня, то успел бы сбежать. И конечно, сбежал бы. Почему? Потому что, когда увидел, было ощущение, как будто меня уже в угол загнали. Понятно, Башня тут ни при чем. Просто некоторым вещам есть объективная цена, а она неплохо чувствуется. Я об этом забыл. Появление Башни об этом напоминало.

Когда, узнав меня, первыми радостно просияли фиолетовые очи Башни, у меня внутри неприязненно екнуло. А деваться было уже некуда. Но откликнуться оказалось нетрудно (он-то ничего не знает!). В конце концов, я вполне искренне обрадовался и пригласил его с супругой к себе в гости. Я снимал здесь для отдыха загородный дом.

Вечером мы уютно расположились на террасе за столом. Природа вокруг наслаждала все чувства разом. Это, кстати, не надоедает никогда. И никогда не мешает. Жены нам с Башней тоже не мешали. Скорее наоборот — вдохновляли. Пара их "вдохновенных" реплик осталась в записи на видеокамеру.

Вот фрагменты записи.

Крупный план (на камеру снимала моя жена). Ало-бирюзовый чистый закат, его отражение в реке. Над деревьями противоположного берега горячим золотом резко бликуют купола храма. На глади воды появилась обыкновенная весельная лодка с одиноким гребцом.

Помню, двигалась лодка очень медленно. Гребец на удивление неторопливо работал веслами. Потом монотонно зазвонили колокола. И гребец приноровил свои взмахи к их ударам. Но почему-то упорно казалось, что все наоборот. Как будто на его неслышные всплески отвечает могучий звон небесный (представляете, какая красота?!). Это совпадение сразу объединяло весь мир с гребцом и гребца со всем миром. И каждый из нас ощутил себя тем гребцом. Заметно и реально.

То, что мы видели, спровоцировало наши реплики (они и сопровождают видеозапись). Тут почти неважно, где — чьи:

— Посмотрите внимательно на гребца!

— Что с ним?

— Ничего, смотрите и слушайте...

— На весла, на весла смотрите...

— Он опускает их, а потом звонит колокол... Вот опять! Слышите?

— На чудо похоже!

— Как будто к небу обращается...

— Молчаливая молитва — и тут же отклик...

— Молитва?

— Полная искренность...

— Это всегда вызывает отклик.

— А по-моему, полная искренность — это исповедь...

— Исповедь — это поиск объективности. Совесть чувств.

— Красиво сказано — совесть чувств... Кто сказал?

— Никто, я сказал.

— А это что?

— Где?

— Ну, совесть чувств.

— Это когда о том, что чувствуешь, думаешь не без оценки, но остаешься над ней.

— Все стараются быть объективными. Но "на все воля твоя".

— Да-а-а... Мы можем только стараться, но волю нам знать не дано.

— Дано чувствовать.

Потом камера разворачивается, на записи поплыли новые планы. Аккуратный луг. На нем пасутся две стреноженные лошади. Неподалеку от них дремлет черно-белая собака. Камера наезжает на них с приближением (жена всегда внимательно живность снимает). Появилась дорога. Колодец, тропинка. Крыша нашего дома, под которой уйма ласточкиных гнезд (сейчас там тихо). Терраса, стол, я и Башня. Слышно, как я спрашиваю:

— Дано чувствовать? Ну, и насколько это в нашей воле?

— Настолько, насколько ты сам объективности хочешь.

(Конец записи на видеокамеру.)

Помню, вокруг стола потом началась веселая суета. И, наконец, жена вынесла гвоздь программы — горячее блюдо.

Она торжественно произнесла: "Судак по-монастырски".

Я добавил: "Аминь". (Все расхохотались и подыграли.)

Жена Башни: "О! Прямо по теме! Вы что, готовились?".

Башня смеялся: "Ага. А лодочника Дым утром нанял".

Я подхватил: "Конечно. Вместе со звонарем".

Судак "улетел" мгновенно. Солнце опустилось к самому горизонту. И купола на том берегу стали светиться в другом "режиме освещения" — мягко и тепло. Лодки уже не видно. Всем захотелось спуститься к реке. Там возле небольших мостков лодочник как раз и привязывал свою лодку. Мы подошли ближе, он повернулся к нам лицом.

Это был тот, кого я "переступил за компанию".

Невероятно! Сначала — Башня, теперь здесь — он. Мелькнуло: какая мне "воля твоя" ниспосылается? Но я очень быстро от этого отмахнулся (помните, откликался — как пионер?).

Итак, мы поздоровались и отрекомендовались. Моя жена пригласила его к столу. Но Лодочник (назову его так) помотал головой:

— Спасибо. Я не один, меня тут ждут недалеко...

И словно в подтверждение его слов у него зазвонил мобильник. Он слегка отстранился, ответил на звонок. А нам в сожалении пожал плечами. Я был умиротворен и щедрым жестом еще раз пригласил его к себе. И всех, кто его ждет. Собрался даже вместе с ним пойти и привести сюда... Лодочник посмотрел мне в глаза и сказал:

— Пойдем, — повернулся и стал идти.

А я не сдвинулся с места. Лодочник оглянулся. Тогда я сказал:

— Мы всех ждем.

— Спасибо. Не сомневайся, я всем передам. До свиданья.

Ясно, никто не придет (а я и не хотел — опасался). Но настроение у меня безнадежно испортилось (на притворстве и поймался!). Я вдруг разозлился на Башню: стоит тут, все видит, и мне стыдно... Тьфу! А что, если

"не видит", это уже не стыдно?.. И злость перекинулась на самого себя. Ты, Дым, добра всем хочешь? А как? А вот так. Хочешь всем добра — отдельно, а делаешь добро — всем отдельно. Не дальше своего "приятно". (По долгу — не в счет, пожарники не на пожаре — тоже разные люди.)

Мы прошлись немного и вернулись на террасу. Снова сели за стол. Башня сочувственно наблюдал за мной. Я спросил его:

— Знаешь, кто это?

— Не я один знаю, Дым.

Хотите — верьте, хотите — нет, а тут я вдруг сильно испугался. Внезапно я увидел, насколько резко съежилось мое "честно и приятно" (по сравнению с тем, например, каким оно раньше было). Башня посмотрел мне в лицо. И потом выразительно спросил у своей супруги:

— Еще не замерзла?

Моя жена понятливо предложила перейти всем в дом. А я распорядился принести нам с Башней что-нибудь, приодеться. Мы с ним пока остаемся на террасе.

Быстро спустился туман, сумерки заставили зажечь над столом лампу. Стало уютнее. То, что попадало в наш круг света, казалось своим и близким. Остальное было где-то "там", лишь смутно угадывалось, но "не доставало". Это успокаивало. Я еще подумал, снаружи — как внутри (или наоборот?). А женщины "угадали" принести нам электрочайник, чай, кофе и тактично ушли.

— Переживаешь? — спросил Башня.

— Да ерунда это! Мелочи жизни. Ты "имел кого-то в виду", потом — тебя. У всех по сто раз в году...

— А вот это уже — не ерунда! — перебил Башня.

— Что — уже не ерунда?

— А то. Представь, если с возрастом это для нас все чаще будет становиться "мелочью жизни". И все для большего числа людей, — и добавил: — Радует, что ты, например, хоть сейчас — явно разволновался...

— Не понял! — в голосе у меня было предупреждение.

— Дым! Потребительское отношение к человеку — не мелочь. Лучше тебе в это поверить! Если уж давать по морде или "иметь в виду", — то именно за это!

— Башня! — гаркнул я и разозлился. — Не читай мораль!

А он вдруг неудержимо и заразительно расхохотался. Я не утерпел и тоже усмехнулся, но с укоризной в глазах. Он улыбнулся значительно мягче:

— У тебя лицо, как будто ты муху проглотил.

— От слова "мораль", — буркнул я и картинно сплюнул.

Ну, потом мы еще долго с ним на той террасе разговаривали. И я уже стал догадываться, как после великого Вычислителя я вдруг великим Аналитиком заделался.

А знаете, что я анализировал? Печки, яблони, реки и берега. Не дальше. А оценивал их по пирожкам, яблокам, молоку и киселям.

Ну да, старая сказка "Гуси-лебеди". Там сестрица на "благородное дело" побежала — братца спасать. Кстати, свою ошибку исправляла. Сама не доглядела — вот гуси-лебеди брата и выманили. Ну, а по дороге ей — то печка с пирожками навязывалась, то яблоня. Была и речка молочная с кисельными берегами.

Нет, не подумайте, что я "бежал мимо" этого. Все нормально. Просили — помогал. Помогали — благодарил. Ну, редко бывало, что не помогал (а просили). Иногда сам брал (а не благодарил). Ну, как все. Сами знаете, любые пирожки черствеют. Случается у яблони ветки ломать, когда по ним за яблоками вверх лезешь. Или ветки сами вдруг под ногой подламываются. А потом странно, чего я так жадно в карманы напихивал? Эти яблоки?.. Кисель — и тот приедается. Видите? Намеки прямые — ничего хитрого. Вот оно — "потребительское отношение к человеку".

Короче, вы уже знаете, что мне все-таки надоело за своим "братцем" бегать и присматривать, где там "честно или приятно". "Прежде всего, должно быть честно и приятно — мне, а я хочу всем добра".

Вот так я взял, оказывается, своего братца за шкирку и посадил на короткий поводок.

Нетрудно догадаться, кто этот "братец". Трудно, когда он "всем добра" хочет не так, как я хочу... Между прочим, Башня в тот вечер загнал-таки меня в угол. Капитально! Спросил ненавистное мне — "за что" это Лодочнику?

Знаете, я себе на этот вопрос так и не смог тогда внятно ответить. Ну, не за то, в самом деле, что Лодочник на "мораль" намекал! Я Башне, конечно, этот вариант выдал, когда он меня к стенке припер. Он до слез, искренне хохотал и дразнился. Хрипел дурашливо: "Муха! Мух-ха! Мух-рхр-ха!" и отплевывался. Смачно и брезгливо. Я уже хотел обидеться, а он сказал:

— Дым! Видел, как надо плевать?

— На мораль?!

— На вранье-е-е! — и регочет надо мной. — За "базар" над моралью! Чудак ты, Дым! Хороший понт, конечно, дороже денег. Но это хорошо, пока он не дороже чести.

Понт?.. Вот это да! Фью-ю-ю! Ну, Лодочника тут тоже есть за что в зубах потаскать. Но "мораль" он не передергивал. Он ее видел. "За это" и поплатился. Зато я не видел, за какой чертой очутился. Понт ценил пока больше, чем стыда за него боялся.

Опа!

Вот что мимо пролетало! Постоянно маячило то впереди, то сзади. Задевало, жгло и мучило. Обыкновенный стыд. И был он потому, что понт перед Лодочником я изображал там, где без Лодочника у меня его могло и не быть. Отсюда мораль: от стыда я упорно отгонял от себя ту самую "мораль".

Как сто пудов с плеч упало! Я облегченно вздохнул и сказал:

— Знаешь, Башня, мне неприятно с Лодочником пересекаться. Неприятно, потому что стыдно перед ним. И я завис на этом "неприятно". А не было бы стыдно — откуда бы "неприятно" взялось? Такие дела... И не только у меня.

— А знаешь, Дым, — заметил Башня. — Ты упустил момент, когда мог один все дело спасти. Для всех. И тогда еще очень легко.

— Когда?

— Когда первый раз случайно "базар" услышал.

— Выйти из "укрытия"?

— Тогда всем это было еще неловко. И не было бы потом "круговой поруки", которая эту бодягу накачала...

— "Я убью тебя-я-я, Лллодочни-и-ик", — прохрипел я с досады.

— А так, — рассмеялся Башня, — на "подмоченное" дело и тебя прихватили.

— Не такой уж я кровожадный, Башня. Так получилось...

Фиолетовые очи Башни посмотрели мне в глаза с сожалением. Он покачал головой:

— Кончай, Дым, себя обманывать. Ты сегодня упустил точно такой момент. И уже вполне сознательно. И много тебе радости от этого?

— Не такой точно момент, Башня. Теперь это уже совсем не легко.

— Честно или легко, Дым? Просто выбор. Признаешь ошибку реально — появятся реальные силы ее исправить, не раньше.

— А может, я не считаю это своей ошибкой...

— Считаешь. Просто не хочешь это показывать.

— Это почему?! — я снова повысил голос.

— "Стыд", Дым. Сам сказал. Душа бы его не ощущала.

Я растерялся. Мы помолчали. Если честно, то до этого момента я и себе не хотел "этого показывать". Ну, вот. Шаг вперед есть — себе уже "показал". Тут вопрос у меня сам напросился:

— И что теперь?

— Теперь поступай, — легко сказал Башня и выделил: — неформально, понял? И пока ты можешь это сделать — считай, что еще не ошибся. Просто думал долго.

Вот теперь я сижу и думаю, а не пора ли взяться за ремонт своей "технической неисправности"... Помните ее? "Накачанная" самонадеянность.

Ну да. С понтом "мораль".

* * *

Летят утки в свои края. Летят гуси-лебеди в другие края. Скорость лета у всех разная, разные у всех крылья. Общее одно: они — птицы. И когда они в небо поднимаются, это очень красиво! Дух захватывает...



Курган

Под плоскостью равнины — тишина.
Возможно, там гроба, возможно, руды,
иные механизмы бытия:
кроты, личинки, зерна на восходе
и мусор времени, берцовый артефакт,
зуб плуга, кровь и марля пехотинца
и ворсом повраставшая трава;
курган курганом, шишка горизонта

и пуля глазу; дальше лес сопит
и пальцами вращает, и тропинкой
ведет в болота, где томится газ,
и где коряги вам напоминают
музей Чюрлениса; вокруг лежит Литва
и смотрит в карту неба, но созвездья,
как точки населенных пунктов, стерты,
поскольку здесь дожди, сезон дождей.
Курган похож, когда глядеть с другого,
на расстояньи, — он похож на прыщ,
и если паровым катком наехать,
то кажется — как из жерла вулкана
чумная лава — из его нутра
пальнет загнившей и лежалой жизнью:
все эти предки, листья, поколенья
мышей-полевок, воинов грудастых:
вот польский череп с тощей бородой,
межреберье тевтонское, татарский
ошметок кожи, волоса не знавший,
да что-нибудь еще, да то да се...
Могильник, анонимная структура
напластований. Проходящий мимо,
такой как я, за надобностью в лес
по ягоды-грибы, с литовской дамой,
с домашней брынзой, местным коньяком
и настроеньем маньериста в тундре, —
остановись на миг да и подумай:
какой зело курган. И прочь поди.

* * *

Неважно видеть дождь, важнее — слышать.
Поворотясь спиною иль виском
к мерцанию стекла; стекает дом
фасадом на асфальт, стекают крыши,
и небеса, как фольга подо льдом,
и кровь идет по венам тише.

Неважно видеть дождь, важнее — слышать,
снимая со зрачка всю эту пыль
стремящейся воды, автомобиль,
что рассекая лужу, воду лижет,
сворачивая отраженья иль
разбрасывая — дальше или ближе.

Пасхальный вечер, и стоят хлеба,
залитые как бы фонарным светом.
Глазурь отковырни, а там — судьба
изюмом, что таится в тесте этом.

* * *

Бесцветней серого, невзрачней голубого
и мерзче розового, словом — сразу три
в холодном небе; вот тебе забава,
друг Левитан, возьми и повтори.
В подветренных кустах шуршат листвою
эолы и собаки этих мест,
отряд ОМОНа, схожий с татарвою,
дает круги с зигзагами окрест.
Ученья в парке... А у нас тут пьянка,
и мы их видим, а они нас нет;
профессор, защитившись, хуторянку
наплясывает, выпивши вполне.
Двадцатилетней давности студенты
пируют с аспирантками; зима
им молодость ссужает под проценты
и с ними заодно пьяна сама.

Методология

1

О vis-à-vis плетение словес...
Твой византийский ум, чтоб разогнаться,
сперва дает круги, как мелкий бес,
притом, что ни коньяк, ни ассигнации
его не будоражат так, как суть
тропы в лесу: то мхи, то буреломы,
сычи, потемки, и в ветвях, чуть-чуть
в ознобе, — звезды... Далеко от дома,
где отпечатнан шаг, — уйти, и где
деваться было некуда; далече
от ранних, в замороженной воде
рассудка, мыслей о себе калечных.
Хошь — водку пей, а надо — "план" кури;
кто ясно мыслит — ясно излагает.
Что мне тебя журить, сама жури,
а мы посмотрим, конфидентка дорогая.

2

Как в Арктике, в мозгу кочуют льдины,
бисквиты холода, трубят то кит, то нерпа,
и иней покрывает, как седины,
брады флажки расставивших там пионеров.
Другой се способ ощущения в потоке
холодных вод — себя; и хмурым ледоколом
сознанье движется туда, где не сороки,
а льды трещат; пингвины ходят в школу
на близплывущий айсберг; всяческие гаги
биеньем крыл и криком оглушают
тупеющих во льдах от счастья и отваги...
Все вмерзло, флаг застыл, и радость не большая.

3

Налево — сволочи, направо — педерасты,
чуть позади — просты и добры люди,
а впереди чуть-чуть — жрецы инакой касты,
что жрут кита на золоченом блюде.
И я одна никто, ни там, ни этам,
и у меня все отняли, но я
назло себе, эстетам и поэтам,
а заодно и ближних сих гноя
угрюмостью сугубой, депрессивной,
я тоже докажу, что я, что я...
Но рукоблудие и блудомыслье сильно
влияют, так что, правды не тая,
я — снедь, которую не гложет даже рыба;
притом, имея груди и изгибы,
я даже не приманка мужику,
таких боятся, как "кукареку"
боится бес, обходит стороной...
Зачем же вы не возитесь со мной!

4

Вот способы свести с ума себя
и близких, напугать собой округу,
испортить нервы, их же теребя
без устали и толку, как дерюгу.
Дерет обои кошка, ей видней,
ей, может быть, не нравится орнамент,
иль чует мышь в подполье, там, на дне,
а может быть, и ниже, где фундамент.
Но то — идеи ради, мыши той...
А здесь несет паленым по-старинке
и русской безнадегой, вышито
не гладью, а крестом, как думочка в глубинке.
Коль научилась есть, и спать, и ныть, —
научишься, хотя и понемногу,

и думать, чтоб со всякой стороны
был доступ и к себе, и к Богу.
Через второе — к первому, а нет —
не разбазарь, что дадено от века.
И кто талантлив — снял с себя запрет,
как костыли отбросивший калека.

* * *

В озаренный ливнем сумрак того квартала,
где картаво стучалась вода в водостоках,
в хромой коридор балконов, арок, порталов,
в тупик перспективы без запада и востока, —
сюда третьего дня, как с перепою, зашла
зима, опробовав крыши, ступени, капоты:
легла, не подтаивая, припорошила шлак
последней листвы, затуманила потом
потекшие стекла (в них прохожий сочился);
далекое тра-ла-ла церкви в тумане —
как мир больших величин, разъятый на числа,
а лучше — как мелочь или ключи в кармане.
Осень качнулась и спряталась в разные щели,
щели законопатили, сменили походку,
и гардероб, и сны; перестроились еле-еле
и начали заново, делая вид, что в охотку.
Декабрь похож на витрины больших магазинов:
шубы на буратинах, в стразах унты и яркий,
как бессмертие, фон подсветки: сине-
лиловый — ей-Богу, от мертвых живым подарки.

Отрывок

Бессонница. Светает. И Гомер
стоит на полке; ничего не помню
я из Гомера: долгие периоды,
гекзаметры — что греческий орнамент
на портиках и вазах, он зовется
"бегущею волной", он усыпляет вас.

Светает долго, соответствий нет
меж циферблатом и оттенками небес,
и если стрелки говорят вам "пять",
то тон небес — что ввечеру, что утром;
и плавно превращаешься в крота
или шахтера, что — одно и то же,
и колобродишь недрами жилища,
повсюду натыкаясь на себя и
ничего, кроме себя, не обнаружив
и не добыв, — прелестнейший досуг,
не говоря — стиль жизни; только это
отнюдь не стиль, поскольку у меня
нет никакого стиля, это уж, скорее,
как бы в предбаннике таможенном сидишь,
и цербер в лацканах сверлит тебя и сумку,
хотя вся контрабанда в голове,
где и Гомер с бессонницей... Светает,
но нехотя и медленно, как будто
испортился небесный реостат
иль ангелы, не выспавшись, зевают,
мол, торопиться некуда, и так,
само собою, рассветет; и девы
абстрактные, в сорочках до пупа,
идут журчать, не попадая в тапки,
средь кафелей улыбчиво слепых,
и наступая на котов несчастных; молодой
отец с отекшими безумными очами,
под мышкою зажав ребенка, варит
как магма поднимающийся кофе,
крича жене: "Подъем, пора кормить!".
Но, слыша что-то ватное в ответ,
он сам бы это рад, дабы не сталось
истерик с этой — хоть куда — красивой
и наглой мамой; кофе убегает.
О, эпос затянувшегося утра.
О, запахи пилюль у стариков.
О, невротические у студенток за-
держки из-за сессий и другого,

что делает поверхностным их сон,
поскольку снится то, что наяву
бывает ими редко достижимо;
но вот во сне начав и сжавши бедра, —
восторга взрыв сливается со звоном
будильника, усиливая сладость,
и, Боже мой, как жаль, что в институт!
Декабрьское утро, без Гомера.
Бессоница, укладываясь спать,
мне говорит: "До скорого свиданья";
ни выселить ее, ни надурить.
Под мышкой без дитяти, без младой
и наглой мамы и жены (все это
уже случилось и стекло в водопровод печали),
помешивая ложкой магму кофе,
шиплю и заклинаю — закипай! —
и солнышко, слепое, как Гомер,
нашаривает подоконник, стену
и седину на бороде моей.
В который раз сбегает мерзкий юркий кофе.



Одесса

Это — шум ниспадающих вод,
Тополя и каштаны.
Это — неба бездонного свод
Над 10-й Фонтана.

Это — юности брызжущий сок,
Душный запах акаций
И горячий июльский песок
Всех шестнадцати станций.

Это — жизни бесценная соль.
Это — солнце и ветер!
И фантазия Грина — Ассоль,
И рыбацкие сети.

След ступни па ступенях времен...
Список улиц, как табель:
Де-Рибас, Ришелье, Ланжерон,
И Катаев, и Бабель...

Кто продолжит — не жизнь ли сама! —
Этот список неполный?
Так намыли все эти дома
Черноморские волны.

Время шло. В золотой ракушняк
Превращались ракушки.
Это — пушка, и это — маяк,
Маяковский и Пушкин.

* * *

Вечерние купания на плитах...
Об этом я мечтала целый год.
Об этих пирсах, волнами облитых,
О вечном шуме этих вечных вод.

Сдружиться с одиночеством пока мне
Не пишут, и ответов я не шлю.
И растянувшись на горячем камне,
Лениво грызть арахис иль кешью.

Не отвечать, не спрашивать, не спорить,
Не говорить, не думать, не писать,
А только слушать, слушать, слушать море
И бромом его йодистым дышать.

Кому-нибудь дороже Костомукша?
А я без этих пляжей не смогу.
— Но почему? — ты спросишь. — Потому что
Я родилась на этом берегу.

* * *

Что я делаю в жизни? Пишу. Сочиняю стихи.
Не тщеславия для. И не ради насущного хлеба.
Я пишу потому, что растут на земле лопухи,
Птицы песни поют, и высоко июньское небо.

Я пишу потому, что шумит черноморский прибой,
Ветер бьет в паруса, и пронзительно плачут бакланы.
Я пишу потому, что звенят тополя надо мной,
Навевая мечты про какие-то дальние страны...

Я люблю ЭТОТ МИР! Я люблю, несмотря ни на что,
Эту жизнь и людей, хоть и плачу от них, и болею.
Я пишу потому — пусть меня не читает никто! —
Что причастна и я к тишине Царскосельской аллеи.

И еще потому, что разбужена взмахом весла
Чья-то новая жизнь, а в лесу подрастают опята.
Я пишу потому, что есть осень, зима и весна,
Потому что есть лето, июнь есть и день его пятый.

* * *

Пью по зернышку я каждый слог
Южной речи гранатовый сок.
Он и сладкий, и кислый, и терпкий,
Вслух учу назубок, на пятерку
Этот русский-не-русский язык.
Он звучит точно так, как возник, —
Вольно! О сей язык без цепей!
В нем полынная горечь степей,
Нестерпимая соль в нем морская,
Солнце, ветер и пыль вековая.
Пью и пью этот темный, густой
Южной речи волшебный настой.



Угадай мелодию птицы

Угадай мелодию песни
Той, которой не знает Валдис,
И в цветущей весной черешне
Угадай мелодию вальса.

Угадай мелодию марша
Волн, бегущих взлететь на скалы,
И мелодию рук, что машут
Уходящему в ночь составу.

Угадай мелодию ветра
И с трех нот мелодию весел,
Угадай мелодию лета
И дождя, бредущего в осень.

Угадай мелодию птицы,
Что летит, отбившись от стаи,
И звезды, которой светиться
Только до рассвета осталось.

И когда ты все угадаешь,
Чтобы жизнь мелькнула недаром,
Даже если слов ты не знаешь,
Выходи на сцену с гитарой.

Песенка о прошедшем лете

Давай попрощаемся с летом.
Давай попрощаемся с морем.
Нет в этом особого горя,
Но песенка спета.

Летят легкокрылые стаи
Туда, где теплее планета,
Курлычут они, пролетая,
Но песенка спета.

Нас ждут и дожди, и метели.
Нас ждут феврали и апрели.
Нас ждет еще новое лето,
Но песенка спета.

Давай попрощаемся с морем
И в волны забросим монету,
Чтоб только и было нам горя,
Что песенка спета.

Купол над морем

Бархатный пляж как роскошное ложе,
В кварце горячем тонет нога.
Речи чужие, а море все то же,
Разные лишь берега.

Купол над морем — хрупкая чаша,
Как на опорах — на берегах.
Чья это чаша? Наша ли, ваша?
Общая крыша для рыб и для птах.

Где-то, в далекой отсюда Лузановке
К морю приду, как в языческий храм:
Купол Собора — чаша та самая,
Лишь уходящая к тем берегам.

Сошел со склонов день

Сошел со склонов день и стаял понемногу,
И всходит Млечный путь, как вечная дорога.

Давайте не грустить о том, что не успели, —
Нет радости большой своей достигнуть цели.

Нам Небом не дано судьбу переиначить,
И отличать не нам успех от неудачи.

Сумеем тем, что есть, счастливо утешаться
И круг друзей беречь как высшее богатство.

И если есть в душе хоть в чем-нибудь сомненье,
Припомним, что венец мы божьего творенья.

И лунный всплеск волны, и соловья сонаты
Окажутся важней чинов и постулатов.

Пока горит свеча, пока вино в бокалах,
У нас есть целый мир — а это так немало!..

Песня художника

Я рисую — так случилось — я рисую,
А что будет за картина — мне неясно,
И рисуя, я рискую, я рискую,
Что растрачу свои краски понапрасну.

Мне каноны рисованья неизвестны,
И не знаю я, кто водит моей кистью:
Я рисую, как слагает птица песню, —
От меня совсем не многое зависит.

Я рисую, я играю, я рифмую
Золотые орхидеи и рассветы,
И проснувшись в ночь беззвездную, глухую,
Верю я, что мир не так уж беспросветен.

Я роняю акварели так небрежно,
Словно листья на асфальт осенний ветер,
Но проступят — только утро лишь забрезжит —
Небывалые созвездья и соцветья.

Я рисую, и рукою водит Случай.
Не нужны мне ваших первенств ваши пальмы
Нарисую — может, хуже, может, лучше,
Но, простите за нескромность, — гениально.

Самостійність

Заборона плакати. Смішно!
А я плачу просто від сонця,
А я плачу просто від вітру,
Що збиває в очі волосся.

Заборона думати просто.
Заборона просто любити.
Замінити б слово на постріл
І нарешті панцир пробити.

Заборона бігти щодуху
І сміятись несамовито.
Заборона вірити в духів,
Бо усе можливе відкрито.

Може, я така — неможлива?
Й неможливого вимагаю?
Відтепер чого б не схотіла —
Я собі сама дозволяю!

* * *

Вщухла злива. Сонце ріже очі.
О, калейдоскоп нестерпних днів!
Зник, як Кітеж, мій самотній острів;
Не причалиш ти до берегів.

Все так має бути, м у с и т ь бути.
Марна справа — втримувать любов.
Бийте, дзвони! розривайтесь, сурми!
День новий Месією прийшов.

Стіни

Тебе немає в житті моїм.
Опіки — згадки.
На стіни дертися? шкода стін —
мною нажахані:

очі дірявлять їх щодоби,
але у білому
не відчитати, чому й куди.
Осточортіло все!

Сльози і крики... — стискання скронь
від безпорадності.
Стіни, розсуньтесь! Йду напролом
з вітром брататися.

Рефлексійне

Власноруч збудовані
Замки в наших головах,
Винесено вверх прапори.

Хто звитяжець, голубе?
Хто з нас, переможений,
Вилетить сьогодні із гри?

Ми — мішені мічені.
Смерть усіх розвінчує.
Спробуй оминути її...

Коли зорі падають,
Боже, що загадувать?!
Мужність дай, благаю, мені...

Перевертень

Розпланую день на кавалки
підберу ключ до криптексу
стану кращою
і прийнятнішою
сміливіше в люстро дивитимусь
а як ніч
насуватиметься
на машини в пасьянсі розкидані
виходитиму
непоміченою
невпізнана ніким, співатиму
наслухаючи свою тінь...

Нічне

коли ти лягаєш спати
у дім прокрадається Ніч —
Вовчиця
нечутно входить
до кімнати
стає над тобою
і уважно
придивляється

від в'язкої тиші
просишся болісно в сон
прикликаєш чорну безодню
падаєш

зовсім поряд
мірне
хрускотіння —
то Вовчиця-Ніч гризе
твої кості

Не безнадійно

Думала, стану для тебе дотиком,
ніжним дотиком, раннім дотиком
сонця, стану для тебе дзеркалом,
в якім погляд живе щоденно твій.
Думала, буду своєю піснею
заколисувать, заколисувать
твої кроки, і з одержимістю
готувать на сніданок грінки нам.

Криза

Ця доба — із роззявленим ротом жаба —
пожирає мене. Стримуюсь,
від незносної муки щоб не закричати,
захлинувшись сльозами-римами.

І щезає світло, уже неприродне,
ввівши очі мої в облуду,
що прозріння завтра прийде зі сходом
сонця —
та завтра не буде.

Так уже було

Не жалій мене. Виклик кидаю
самоті.
Абстраговане місто віями
відсікти.

Атрофовані смисли ніби
під трафарет.
То мистецтво, напевно, — думати
наперед.

Не остання й не перша в сумнівах,
так чи ні —
І безпристрасно доля вибір
дає мені...

Фантастичне

Ти мій?
чекаю лиш на слово,
неначе жертва — на заклання.
Сьогодні знов чуттєва повінь
усі валитиме паркани.

І врешті ти, шалений вихор,
сліпуче вогнище — світило,
звільниш мене від мого тіла
назавжди.
Стане зовсім тихо...

І я пройдуся у цій тиші
невпізнаванно — безтілесна.
А навздогін шепочуть весни:
"Він — твій.
Ти не людина більше..."



Юрий ДИКИЙ

На перекрестке двух эпох

Неюбилейные размышления к 90-летию заслуженного деятеля искусств Украины профессора В.П. Повзуна – ректора Одесской консерватории им. А.В. Неждановой (1962-1968 гг.)

"Каждого творящего неизменно ожидает разочарование – даже Бога!"
Антон Рубинштейн

Трудности зарождения и становления отечественного профессионального музыкального образования нагромождались не столько вокруг государственного финансирования этой художественной отрасли, сколько внутри непримиримых противоречий среди крупнейших музыкантов и представителей художественной интеллигенции царской России. Несмотря на то, что А.Г. Рубинштейн спустя 25 лет после открытия Петербургской консерватории считал, будто главный вопрос "заключается в том, чтоб консерватории были приняты в правительственные руки", на самом деле – *главными были более глубинные и принципиальные проблемы*. Противоречия целей и задач проектируемых консерваторий, адаптируемых в русло европейской музыкальной культуры, как полагал Рубинштейн, отрицались ведущими представителями "могучей кучки", предлагавшими в качестве основного очага в музыкальном профессиональном образовании и просвещении России "народные школы" полулюбительского, полупрофессионального толка.

Язвительные реплики М. Мусоргского на программную статью А. Рубинштейна "О музыке в России" (1861) – якобы "*прерогативы ограниченности Рубинштейна – слава и деньги, и количество, а не качество. О, Океан, о, лужа!*" – были пространно подкреплены статьей В. Стасова "Консерватории в России", клеймящей Рубинштейна как иностранца, не имеющего "*ничего общего ни с нашей народностью, ни с нашим искусством*".[1]

На протяжении полутора веков мы отмечаем проигрыш гениальных "кучкистов" М. Мусоргского и М. Балакирева, как и критического авторитета В. Стасова в оппонировании *рубинштейновской системе* музыкального образования. Их проигрыш стал очевиден к концу 60-х и началу 70-х гг., то есть с первых шагов деятельности уже двух столичных консер-

[1] А.Г. Рубинштейн часто повторял: "Грустна моя судьба, нигде меня не признают своим. На родине я – жид, в Германии – русский, в Англии – Herr Rubinstein, – везде чужой".

ваторий, воплощавших качественно новый курс национальных высших музыкальных учебных заведений на фундаменте европейской профессиональной традиции. Справедливость направлений деятельности молодых консерваторий поддержали два знаменитых "кучкиста" — А. Бородин и Н. Римский-Корсаков. Ц. Кюи, непримиримый противник рубинштейновского проекта, вскоре был вынужден признать тот факт, что "мертвящий дух рутины гораздо более развит в иностранных консерваториях, чем в наших". Последней точкой в острейшей полемике стало согласие Н.А. Римского-Корсакова в 1871 году стать профессором Петербургской консерватории, по сей день носящей его имя.

Стремительность расцвета имманентной музыкальной культуры европейской профессиональной традиции поистине изумляет. На фоне развития других видов искусств только за один XIX век она обновилась от искрящейся венской классики Моцарта до грандиозных построений симфонических полотен и оперных спектаклей М. Мусоргского, Р. Вагнера, Р. Штрауса и Г. Малера. Музыкальная литература во всех жанрах качественно и количественно настолько освежилась и пополнилась, что ее освоение стало немыслимым без системной педагогики. Без тщательно выверенной и организованной профессиональной преподавательской среды, отвечающей художественным устремлениям демократически пополнившейся широкой слушательской аудитории концертных залов и театров, дальнейшее развитие музыкальной культуры было уже невозможно. Кардинально изменившиеся условия восприятия музыкальных произведений, их масштаб и сложность, обусловили новые запросы в музыкально-информационном поле искусства. В недалеком прошлом относительно короткая и часто прикладная жизнь большинства музыкальных опусов стала нуждаться в интерпретационно-творческом обновлении и переосмыслении, рождая новые художественные открытия (хотя бы на примере воскрешенного наследия И.С. Баха). Все очевидней проявлялась необходимость всеевропейской профессионализации и специализации музыкального образования в его существенной отличительной специфике консерваторий от универсальных общеуниверситетских традиций.

Рубинштейновский эксперимент и состоял в необходимости творческого переосмысления уже накопившегося опыта работы европейских консерваторий, в частности, Германии. Воцарившейся лейпцигской рутине была противопоставлена модель листовской педагогики в Веймаре, где Рубинштейн провел не один год, совершенствуя вовсе не только свое ис-

полнительское мастерство у Ф. Листа. Именно там Рубинштейн наблюдал и открыл на уникальном листовском примере: главный наиважнейший принцип высшего образования — роль творческой силы Учителя. Впоследствии, пригласив знаменитых Теодора Лешетицкого и Генрика Венявского наряду с другими ведущими европейскими музыкантами в качестве профессоров открывшейся Петербургской консерватории, Рубинштейн опирался на педагогическое искусство выдающихся практиков. Основу воспитательной (а не узко обучающей) функции — не циркуляры и программы, диссертации и лекционная болтовня — составили блестящие исполнительские школы молодого вуза, предопределившие отечественному образованию мировую славу на столетия вперед. Далеко не случайно К.Д. Ушинский, в Гейдельберге писавший начальные части своего программного труда — "Человек как предмет воспитания. Попытка педагогической антропологии", — в дальнейшем также критически оценивал немецкую систему образования, которая "*учит, но не воспитывает*". Рубинштейновские последователи в XX веке — Ф. Бузони, А. Зилоти, С. Рахманинов, А. Скрябин, а далее Г. Нейгауз, В. Софроницкий, К. Игумнов, М. Юдина — непримиримо следовали курсу творчества вопреки "*законодательной педагогике*", "*прокурорским методикам*" и "*правилам*" в искусстве.

Кто же был в рубинштейновском понимании главным действующим лицом консерваторского образования?

"*Неспроста исполнитель, великий исполнитель совершил это дело,* — утверждает наш современник, известнейший профессор Санкт-Петербургской консерватории Л. Гаккель в статье "Масштаб Рубинштейна". — *Образование в любой области есть передача традиций из рук в руки, но музыкальное образование — ввиду несравненной органичности самого музыкального искусства — предполагает встречу всех традиций, всех эпох, всех культур, творивших музыку. А исполнитель более всех музыкантов является "человеком встречи", его дело — воскрешение прошлого, возвращение ушедших, сохранение следа или "связей из серебра" (красивые слова из Ветхого Завета), идущих из века в век и из поколения в поколение. Идти по этому следу — повседневное занятие художника-исполнителя, и это же — повседневное наполнение образовательной деятельности в музыке.*

Исполнительство, великое исполнительство невозможно без духовной и житейской дисциплины, без высоких уровней труда, и как раз великий исполнитель должен был сотворить систему образования, основанную на волевых добровольных усилиях учителя и ученика...".

Подтверждением сказанному служат и другие воплощенные цели великого консерваторского основателя — "*консерватории в России создали из своих воспитанников и воспитанниц целый новый слой русских граждан и гражданок, носящих звание свободный художник (в области музыки)...*" — с гордостью писал А.Г. Рубинштейн в своих "Автобиографических рассказах", проявляя общественное чутье не только по отношению к социодинамике культуры, а и ощущая поступь смены эпох.

"*Моя жизнь оттого и представляет некоторый интерес, что совмещает в себе две эпохи — до и после 48 года*", — определял А. Рубинштейн романтический перекресток бурных перемен.

Почти за полувековой период после основания Петербургской консерватории до конца своих дней А.Г. Рубинштейн не покорялся мертвящему духу зарубежного и отечественного "академизма" в худших своих проявлениях, вынудивших первый и второй уходы из вуза его основателя. "*Не сошелся во мнении...*", "*Хотел добиться большей зрелости и самостоятельности учеников...*" — такова самая разнообразная тематика рубинштейновских разочарований, наполняющих и сегодняшний день "процветающего и неумирающего академизма", карьеризма и снобизма.

Можно лишь сожалеть, что *такие важные противоречия становления и развития художественного образования, как исторический опыт для современности*, исчезли с горизонта интересов административного ресурса во всех его звеньях и функциях управления культурой в целом. Симптоматика тому — административные *симуляции*: вузовской демократии, законотворчества, реформирования, и якобы сохранение традиций, прикрываемые декларациями мнимых успехов и якобы состоявшейся сегодня "европейской интеграцией" национального образования.

Парадигма противоречий, периодически заявлявшая о себе на перекрестках эпох, порождая "взлеты и падения" как инструментальных жанров и школ, так и музыкальных образовательных систем, составляла пульсацию музыкального искусства и в XX веке. Музыкальные историки и публицисты нечасто упоминают условия и особенности появления других отечественных консерваторий (после Петербургской и Московской), практически спустя полстолетия. Весьма продолжительное время понадобилось столицам империи для фундаментальной подготовки квалифицированных педагогических кадров и необходимого уровня учащихся. Понадобилось оно и для эволюционного развития новых сегментов музыкальной культуры, соответствующих эстетическим потребностям широ-

кой аудитории таких крупных городов, как Киев, Одесса и Саратов, где были в 1913 году открыты консерватории. Инспекции представителей Императорского русского Музыкального общества (ИРМО), среди которых особую роль играл С.В. Рахманинов, тщательно и объективно изучали и сопоставляли пожелания местных музыкальных деятелей с имеющимися там творческими возможностями, так как исключались малейший протекционизм и кампанейщина, столь характерные впоследствии для последней четверти XX века в СССР.[2]

Юбилейные торжества по факту открытия консерваторий и пафос самих праздников зачастую отправляют в тень сложнейшую работу первых ректоров, бравших на себя трудности первоначального "сотворения" коллектива. Переписка В.В. Пухальского перед открытием Киевской консерватории с многими известными музыкантами свидетельствует об обоснованной его обеспокоенности качественным составом будущей профессуры, отнюдь не имевшейся в наличии, несмотря на его более чем двадцатилетнюю работу директором Киевского музыкального училища.

Такая же ситуация сложилась и в Одессе. Достаточно привести рецензии на первый выпуск Одесской консерватории, весьма редко упоминаемые искусствоведами:

"*Местное музыкальное училище, переименованное в консерваторию, фактически осталось тем же средним очагом музыкального образования, каким оно было до переименования.* (...) *Нужны основные реформы, которые сделали бы консерваторию достойной своего названия — института высшего музыкального образования, где кончающие получают звание "свободного художника".* (...) *В лице г. Малишевского консерватория несомненно имеет очень хорошего администратора и педагога по теоретическим вопросам музыки, и он старается делать все возможное, дабы поставить консерваторию на должную высоту*", — писал Михаил Арнольдов в статье "Одесская консерватория. Первый выпуск" ("Театр и кино", № 17, с. 9).

Другой рецензент, под псевдонимом "Садко", в своей рецензии отмечает, что "*не входя в подробный разбор методов преподавания и оценки общего уровня... еще рано говорить, имея в виду первый и немногочисленный выпуск*" ("Одесский листок", № 107).

[2] Непродуманный рост числа музыкально-педагогических факультетов при многочисленных педагогических вузах, университетах и институтах культуры, а потому и усредненный их кадровый состав с сомнительным научно-остепененным потенциалом, породили мутационные процессы музыкального образования с их необратимыми последствиями, о чем неоднократно высказывались выдающиеся музыканты-практики современности.

Да и сам первый ректор — Витольд Малишевский — на торжественном акте первого выпуска консерватории сказал в своей речи :

"*Пусть первый выпуск незначителен по числу, пусть, может быть, найдутся лица, которые признают этот выпуск незначительным в художественном отношении, но все же нельзя не признать, что Одесская консерватория стала на правильный путь, по которому, хочется думать, пойдет русское искусство. Ныне Одесская консерватория будет сеять искусство независимо от других центров*" ("Одесский листок", № 126).

Это и было воплощено в полувековой период деятельности консерватории, до юбилейного 1963 года, в величественных "взлетах" ее питомцев — Д. Ойстраха и Э. Гилельса, Г. Олейниченко и Я. Зака, Д. Загрецкого и М. Гришко, Л. Гинзбург и А. Кривчени, всех и не перечислишь. Ректором Одесской консерватории на перекрестке двух эпох XX века (до и после 1963 года) был *Василий Петрович Повзун*.

Превосходный исполнитель-кларнетист, учившийся в Одесской консерватории в довоенный период, солист симфонических оркестров Одессы и Кишинева, В.П. Повзун в свои 26 лет приглашается на преподавательскую работу в вуз и Кишиневскую филармонию. Выступая в ответственейших концертах (в 1946 году удостоился участия в "тезоименитском концерте" в Москве ко дню рождения Сталина), проявляя педагогический и организаторский талант, молодой музыкант в 1951 году приглашается на должность проректора Кишиневской консерватории. Спустя два года становится ее ректором. Руководя подготовкой музыкальных кадров Молдавии, среди которых немало выдающихся музыкальных деятелей республики, в том числе народная артистка СССР Мария Биешу, молодой ректор выводит консерваторию на орбиту ведущих музыкальных вузов страны.

Не теряя связей с родной Одесской консерваторией, В.П. Повзун инициативно сотрудничает с ее ведущей профессурой, регулярно приглашая в качестве председателей Государственной экзаменационной комиссии О.Н. Благовидову, К.К. Пигрова, М.М. Старкову, С.Д. Орфеева, Е.И. Дублянскую, неумолимо следуя развитию традиций знаменитых исполнительских школ, что не могло остаться незамеченным среди этих маститых мэтров музыкальной педагогики.

Музыкальная Одесса, как и вся страна в послевоенный период, залечивала раны, а консерватория очутилась на сложном перепутье своего второго рождения. Я.И. Зак в 1946 году говорил А.В. Вицинскому:

"*Теперь уже не то. Нет теперь в Одесской консерватории ни Тюнеева...*



Фронтовик – сержант Василий Повзун 1945

ни Столярского, ни Рейнгбальд. (...) *Смерть вырвала этих ведущих педагогов, а ведь они заставляли бродить музыкальные соки Одессы на протяжении ряда лет*".

Но именно в эти годы усилиями ректоров К.Ф. Данькевича, а затем С.Д. Орфеева Одесская консерватория пополняется яркими молодыми педагогами-исполнителями Л. Гинзбург и С. Могилевской (учениками Г.Г. Нейгауза), Г.И. Лейзеровичем (класс К.Н. Игумнова), О. Благовидовой и рядом других своих прежних выпускников после их столичного совершенствования. Этот процесс нового становления продолжился в 50-е и 60-е годы, а старшее поколение профессуры неотвратимо стало осознавать необходимость обновления ректората.

В 1961 году В.П. Повзун приглашается С.Д. Орфеевым в Одесскую консерваторию на должность проректора, а накануне ее 50-летнего юбилея он становится ректором.

Чем же характерен этот период полувековой деятельности вуза, в котором сплетаются триумфальные всплески славы ее питомцев с трагическими и темными страницами репрессий, преследований, самоубийств, не говоря уже о противоречиях периода войны и оккупации? Сколько судеб драматически всколыхнули своим сюжетом покрывало эпохи, старательно расправленное властной идеологией и недремлющей цензурой, хотя бы на примере семьи Рихтеров?

Слабая оттепель 60-х своим дуновением только обострила все противоречия прошлого для нового ректора, принявшего на себя бремя ответственности за минувшее для открывающегося будущего. И хотя Я.И. Зак уже в журнале "Советская музыка" (1963, № 11) писал в совершенно иной, мажорной тональности (в противовес сказанному в 1946 г. – статья называется "Полвека – искусству"): "*...Хочется совсем не в порядке юбилея и с полной убежденностью сказать: "У Одесской консерватории великолепное сегодня". К сожалению, печать недостаточно внимательно фиксирует поступь ее творческих побед.* (...) *Консерватория верна своим традициям преданности искусству, она остается примером для других вузов.*

Именно поэтому можно смело предсказать ей большое будущее".

Между тем несуразности и несоответствия условий, в которых трудился коллектив, были очевидными. С одной стороны — действительно выдающиеся результаты выпускников и их воспитателей, с другой — старинное обветшалое здание, непригодный инструментарий, допотопное общежитие, бедность учебных кабинетов.

"Великолепное сегодня", несмотря на комплименты выдающихся музыкантов, на самом деле становилось "минувшим вчера", а колокольный перезвон 50-летнего юбилея консерватории вовсе не убирал с горизонта вуза проблемы и трудности, в которых тот пребывал.



Артист В.П. Повзун — на концерте в Москве (1946), на дне рождения Сталина

В.П. Повзун, придя из благоприятных республиканских условий в обстановку областной подчиненности, остро стал ощущать негативную тектонику смещения престижности вуза в регионе. Качество выпускаемых музыкантов, их уникальность в единицах, уже не могли конкурировать с вузами, насчитывающими десятки тысяч студентов, ни по финансированию, ни по масштабам перспектив, отодвигая консерваторию на задворки культурных интересов местного и республиканского начальства.[3] Подчинив себе составление учебных планов и программ, осмелевшие министерские "деятели" быстро освоили "методики": кадровых перетасовок, присуждения почетных и ученых званий, оставляя на минимальном уровне профессорско-доцентский состав, "принаряжавшийся" приставками *и. о.* (исполняющих обязанности).

И все же юбилейный приезд в Одессу ее прославленных выпускников, встречи и воспоминания, блестящий концерт в Театре оперы и балета, всколыхнувший всю страну, поздравления со всех концов света вопреки вышесказанному поддержали неформальный статус знаменитого в мире вуза на перекрестке постсталинской оттепели. Это и определило програм-

[3] Особого разговора заслуживает тема ревности и реакции киевских чиновников к традиционным связям музыкантов Одессы со своей московской диаспорой.



Отчетный доклад ректора В.П. Повзуна на торжественном вечере, посвященном 50-летию консерватории, в оперном театре (1963)

му дальнейшей деятельности нового ректора, перешагнувшего полувековую черту консерваторской истории.

Приезд в 1963 году в *alma mater* Д. Ойстраха, а позднее Э. Гилельса, как и многих других выдающихся выпускников, заметно обострили проблемы неустроенности — отсутствия оборудованных классов и необходимого инструментария, технических средств. Послевоенная, на первых порах оправданная нищета условий предельно обнажилась в обновленных 60-х, и В.П. Повзуну довелось немало приложить усилий в министерских кабинетах Киева и местного начальства, чтобы следующий этап начался с обустройства своего дома, строительства нового корпуса и общежития консерватории. С приходом энергичного руководителя, уже имевшего десятилетний опыт ректорства, многое, достойное возрождения и в сегодняшние дни, стало меняться. Демократические веяния руководства были особенно заметны — введены регулярные открытые заседания Ученого совета вуза и получен доступ к документальной информации деятельности ректората. Открылись двери для прослушивания вступительных экзаменов, абитуриенты рекомендовались к поступлению после прослушивания всеми членами кафедр, приоткрывая панораму их распределе-



Ректор В.П. Повзун
и проректор Д.С. Загрецкий

ния по классам преподавателей. Как не вспомнить содействие ректора поездкам пианистов на концерты Святослава Рихтера в Кишинев в эти годы? При страшнейшем дефиците билетов — ни один одессит не остался вне стен зала филармонии благодаря авторитету В.П. Повзуна. Помощником ректора становится выдающийся хормейстер проректор Д.С. Загрецкий (в те времена один вместо нынешних трех).

В оперную студию приглашается главный дирижер оперы народный артист Украины Н.Д. Покровский, пополнивший ряды консерваторской профессуры. В консерватории открывается композиторское отделение, создаются новые кафедры — народных инструментов, камерного ансамбля, иностранных языков. В Большой зал заказывается в Германии орган. Талантливые студенты получают возможность работать по индивидуальному плану подготовки, а концертная практика педагогов исполнительских кафедр обретает равноправие в оплачиваемых часах, наряду с научной работой. Консерватория становится головным учреждением в Одессе по укреплению международных связей с Францией в Обществе "СССР — Франция", первым председателем которого был И. Эренбург.

Вспоминая свои студенческие годы, невольно удивляешься этому свежему бризу реальных демократических перемен (без деклараций и нынешнего шоуменства). Студенческое братство воспитывалось и укреплялось резонансными концертами классов выдающихся профессоров, блестящими выступлениями хора. Условия отдыха студентов и преподавателей в студенческом спортивно-оздоровительном лагере (ныне растворившемся в земельных разборках) были постоянной заботой ректора, добившегося его переноса из палаточно-коммунального уголка в Отраде на большой земельный участок в Черноморке.



Д.Ф. Ойстрах в кабинете ректора
Сидят: справа налево — В.П. Повзун, В.И. Шип, В.Н. Луговенко

Почти с полувековой дистанции современности отчетливо видна панорама профессионально-личностных качеств коллектива и его руководителя и оценивается в реальных, памятных деяниях, увы, многие из которых (если не сказать — главные) сегодня почти на грани вымирания в нынешней "свободе" — повсеместной утрате доверия, моральных и профессиональных качеств.

90-летие В.П. Повзуна, ушедшего с ректорской должности по болезни в 1968 году, ныне заслуженного деятеля искусств Украины, профессора, Почетного доктора Молдавской академии музыки и искусств, ознаменовано его живым дыханием, громадной когортой учеников, среди которых такие превосходные музыканты, как заслуженный артист Украины В. Томащук (по праву "золотой кларнет" Одессы), профессор Молдавской музыкальной академии Е. Вербецкий. А главное, В.П. Повзун воплотил мечту своего отца (игравшего на кларнете, смастерившего сыну гитару и балалайку). Став известным музыкантом, он взрастил семью ярких разносторонних музыкантов-личностей, воплощающих его чаяния. Есть кем и чем гордиться отцу и деду — сыновьями Анатолием (ныне профессором Мадридской консерватории), Николаем (преподавателем Одесского музыкального училища им. К.Ф. Данькевича, членом правления Миссии Д. Ойст-



Э.Г. Гилельс в alma mater. 1963

раха и С. Рихтера) и его супругой Людмилой (кандидатом искусствоведения академии, опытным педагогом и концертмейстером), и внуком Максимом, всей своей замечательной талантливой семьей, пожелать которой от души следует "многая лета". Ибо их вклад в отечественную музыкальную культуру неоценим — самоотверженным сохранением высочайшего духовного наследия, завещанного его основателями.

"Я в музыку порой иду, как в океан,
Пленительный, опасный,
— поэтически размышлял Шарль Бодлер, —
Чтоб устремить ладью свою сквозь морок и туман
К звезде своей неясной".

Противоречия и перекрестки эпох, забвения и возрождения, извечные столкновения добра и зла не растворяют *этос музыки*, ибо строй ее космического и божественного логоса наполняет душу человека во все переменчивые времена, возвышая его деяния.

Роман БРОДАВКО

Моя прекрасная леди

Признаюсь: вынес в заглавие название мюзикла, в котором впервые увидел в главной роли Людмилу Сатосову. Со школьных лет сохраняю воспоминание о прелестной Элизе Дулитл в ее исполнении — в героиню Сатосовой нельзя было не влюбиться.

Есть актеры, которые своим творчеством определяют высшую точку в системе координат сценического мастерства. В том, что народная артистка Украины Л.И. Сатосова принадлежала к их числу, сомневаться не приходится.



Глория
("Цирк зажигает огни")

Веселая залихватская песенка "Ах, Самара-городок...". Ее пели в начале XX века, когда город на Волге только начинал бурно развиваться. В конце тридцатых Куйбышев — это уже крупный индустриальный центр, столица авиастроения. Здесь в семье бухгалтеров родилась девочка, которую назвали Люсей. Отец по вечерам играл на баяне, а дочь пела. С раннего детства она исполняла песни из музыкальных кинофильмов, песни, услышанные по радио, за что в школе заслужила прозвище Люська-артистка. Жили бедно, но весело, — до начала 41-го, когда умер отец. Ей не было тогда и пятнадцати.

А потом — война. Учащиеся 8-9-х классов с утра работали на авиазаводе, а учились в третью смену. Трудились много и продуктивно, потому что верили в Победу, как могли, приближали ее. После смены ребят кормили — в голодное время это было очень важно.

Люська-артистка сначала училась в 81-й школе, но в конце 41-го эту школу расформировали. Из Москвы в Куйбышев переводили предприятия, НИИ, правительственные учреждения, театры. Помещение их школы занял Большой театр. В другой школе, куда Люсю перевели, вместе с куйбышевскими ребятами училось много москвичей, среди них дочь Сталина Светлана Аллилуева. Учились до позднего вечера, а ранним утром — снова на завод.

Работая в цехе, Люся Сатосова часто пела. На нее, красивую, озорную,

обратил внимание Андрей Туполев, гениальный главный конструктор. По сути, он стал ее "крестным отцом" в искусстве. При Большом театре была вокальная студия. Туполев настоял, чтобы девчушку-девятиклассницу — он называл ее "белобрыской" — там прослушали.

Сначала Люся воспротивилась — в первую очередь, потому что ей нечего было надеть. Не в рабочей же одежде идти на прослушивание! К счастью, в то время на авиазавод пришли американские посылки, и Людмилу как могли экипировали. До недавнего времени Сатосова с любовью вспоминала директора завода Илью Эммануиловича Брука, лично проследившего, чтобы абитуриентка выглядела достойно.

Сатосова предстала перед комиссией, в составе которой были "звезды" Большого: Козловский, Барсова, Шумская...

— Что будешь петь? — спросил у Сатосовой Иван Козловский.

— "Соловья" Алябьева.

— А ноты ты знаешь?

— Нет. Я выучила "Соловья" по радио.

В студию Людмилу Сатосову приняли, несмотря на то, что к тому времени она даже не окончила среднюю школу.

Через некоторое время Большой театр вернулся в столицу. А базой студии стал Куйбышевский театр, где шли оперы, балеты и оперетты. Обучение было поставлено серьезно. Людмиле повезло: со студийцами занимались выдающиеся педагоги. Достаточно назвать Бориса Петровича Тамарина, который начинал еще в немом кино. Он обучал Сатосову актерскому мастерству. Распевалась Людмила всегда на оперных ариях. На выпускном экзамене спела Розину в "Севильском цирюльнике" Россини. На работу Сатосова принята как стажер оперы и оперетты. Правда, стажером была очень недолго: перевели в солисты.

В 44-м в Куйбышев приехал В.П. Соловьев-Седой, привез оперетту "Верный друг".

— Мне нужна обаятельная девочка на роль Маруси-агронома, — сказал Василий Павлович директору театра и тут же получил исполнительницу главной роли — Людмилу Сатосову.

Композитор был счастлив:

— Это именно то, что мне нужно!

После этой встречи они с Сатосовой дружили многие годы.

Во второй половине сороковых годов молодая солистка с успехом пела Серполетту в "Корневильских колоколах", Жюстину Фавар, мадмуазель Нитуш... Переиграла всех субреток в венских опереттах. В Куйбышеве ее



Тося
("Белая акация")

ценили, любили. Но настал момент, когда театр стал отказываться от опереточного репертуара, возвращая классический статус театра оперы и балета. Сатосову пригласили на прослушивание в Свердловскую оперетту, одну из лучших в стране.

Это было в 1951 году. Было договорено, что Людмила Ивановна исполнит сцену и дуэт из музыкальной комедии О. Фельцмана "Шумит Средиземное море". Ее партнером должен был стать молодой солист, который только приехал в свердловский театр. До прослушивания они даже не встречались. А когда вышли на подмостки, исполнили сцену так, будто играли ее много раз. Так судьба свела Людмилу Сатосову с Виктором Эгиным, который вскоре стал ее мужем. Вместе они прожили свыше 50 лет.

— Свердловскую оперетту в то время называли "дворянским театром" — вспоминала Людмила Ивановна. — У нас работали актерами и концертмейстерами представители известных аристократических родов. Они учили нас хорошим манерам, искусству носить костюм. Это была великолепная школа, уроки которой мы запомнили на всю жизнь.

Свердловский театр много гастролировал по стране. В гастрольной орбите обязательно были Москва, Ленинград, Сочи. В Москве в середине пятидесятых Сатосову и Эгина заметил главный режиссер Одесского театра музыкальной комедии Изакин Гриншпун и пригласил в свой театр. Правда, предложение переехать в Одессу они приняли значительно позднее.

Решение созрело в 1960-м. Приехав в ноябре из заснеженного Свердловска, они окунулись в теплую южную осень. Но тепло было не только на улицах города. Столь же приятным был прием, оказанный молодым актерам в театре.

Блестящим дебютом Людмилы Сатосовой в Одессе стала роль Виолетты в оперетте "Фиалка Монмартра". Яркая внешность, прекрасный голос, великолепная пластика, безграничное сценическое обаяние пленили взыскательную одесскую публику. Стоило ей спеть "Карамболину" в спектакле или в концертах, — зал тотчас же взрывался овациями.

Бесспорной удачей Сатосовой стала роль Любаши в "Севастопольском вальсе". Но ее подлинный триумф — Элиза в "Моей прекрасной леди" в постановке С. Штейна. Партнерами Людмилы Ивановны в этом спектакле были В. Применко (Хиггинс), В. Эгин (Пикиринг) и М. Водяной (Дулитл). Процесс превращения золушки в принцессу в исполнении Л. Сатосовой привлекал выверенностью психологического рисунка роли. Она была правдива во всем: в растерянности, отчаянии, гневе, нежности... Органичны были ее речевые интонации и пластика. Музыкальные номера возникали как продолжение разговора: она легко переходила от слова к музыке. В такую Элизу нельзя было не влюбиться.



Элиза
("Моя прекрасная леди")

Успех, безусловно, — дитя таланта. Но талант остается вещью в себе, если он не умножен на кропотливый ежедневный труд. Людмила Сатосова всю жизнь была большой труженицей и очень ответственным человеком. Служа театру, она никогда не жалела ни сил, ни времени, всегда работала с максимальной самоотдачей.

Большой отрезок творческой жизни Л. Сатосовой связан с деятельностью Матвея Ошеровского, режиссера, который поднял престиж Одесской музкомедии на недосягаемую высоту. Людмила Ивановна играла во всех его постановках. "Цветок Миссисипи", "Мой бедный брат", "На рассвете", "Четверо с улицы Жанны", "У родного причала"... Это не просто спектакли, а страницы ее биографии. Но наиболее яркие из них, на мой взгляд, две: Ханума — в одноименной музыкальной комедии Г. Канчели, и Альдонса — в "Человеке из Ламанчи". В Хануме-Сатосовой завораживали искрометный юмор, природный ум, житейская мудрость. Она не играла — жила в этом образе, буквально с первых минут своего появления на сцене завоевав сердца зрителей.

Сегодня трудно объяснить, почему не прижился на одесской сцене великолепный мюзикл "Человек из Ламанчи". Прекрасная режиссура М. Ошеровского, яркая, образная сценография М. Ивницкого, блестящий

актерский ансамбль: С. Крупник (Дон Кихот), М. Водяной (Санчо), Л. Сатосова (Альдонса)... Образы, созданные мастерами, надолго остались в памяти.

Актерская индивидуальность Л. Сатосовой была настолько привлекательна, что практически всегда оборачивалась гарантией успеха спектакля в целом. Это понял (и не ошибся) ленинградский режиссер Александр Белинский, поставивший на Сатосову "Королеву чардаша" И. Кальмана: именно Цецилия, а не Сильва была подлинной героиней этого спектакля.

С благодарностью вспоминала Людмила Ивановна работу с режиссером Эдуардом Митницким. Она с успехом сыграла Юлию в мюзикле В. Ильина "Поздняя серенада". В "Скрипаче на крыше" Митницкий поручил Сатосовой небольшую роль свахи. Сначала актриса недоумевала: что здесь играть? "Почитайте Шолом-Алейхема!" — сказал ей режиссер и посоветовал, на какие рассказы особо обратить внимание. И Людмила Ивановна нашла ключ к роли. Три эпизода с ее участием неизменно вызывали живую реакцию зала, она всегда уходила со сцены под аплодисменты.

В 80-е годы главным режиссером Одесской музкомедии стал Юлий Гриншпун. Он осуществил постановку первой оперетты И. Дунаевского "Женихи" с Сатосовой в главной роли. И хотя сценическая жизнь спектакля была недолгой, успех Людмилы Ивановны был полным.

Следующая глава творческой жизни Л. Сатосовой — это муниципальный театр "Ришелье", который создали Ю. Гришпун, Г. Голубенко и В. Хаит. Людмила Ивановна играла здесь во всех спектаклях: от первого ("Тихо! Ша! Мы едем в США") до последних ("Блеск и нищета Молдаванки" и "Таланты и полковники"). Роли писались непосредственно на нее, и она исполняла их ярко, темпераментно, азартно.

К сожалению, век театра "Ришелье" оказался недолгим. После того как он прекратил свое существование, Сатосова, к счастью, оказалась востребованной в Русской драме. И здесь она доказала универсальность своего таланта: проработав почти полвека в музыкальном театре, проявила себя как незаурядная драматическая актриса. Графиня де Бревиль в "Дилижансе из Руана", Герцогиня в спектакле "Странный этот мсье Жак", императрица Екатерина II в "Амурных баталиях времен князя Потемкина", Хавронья в мюзикле "Вий"... Эти работы получили высокое признание у поклонников ее таланта.

"Осень жизни, как и осень года, надо благодарно принимать", — поет героиня фильма "Служебный роман". "Осень" Людмилы Сатосовой в Русском драматическом театре не была пасмурной. Это было скорее "бабье ле-

то" — с его ласковым солнцем, прозрачным синим небом и золотой листвой. Казалось, что до заморозков еще далеко... Безусловно, лучшей работой актрисы последних лет была роль Светланы Васильевны в спектакле А. Галина "Аккомпаниатор", где ее партнерами были Евгения Дембская, Семен Крупник и Геннадий Скарга. Это спектакль о том, как пожилые люди отчаянно сопротивляются одиночеству. Играя незащищенность человека в преклонном возрасте, так легко мелодраматизировать ситуацию или попросту вызывать жалость. Героиня Сатосовой была беззащитной, но в ее характере появлялись сила, воля, любовь к жизни. И еще: огромное человеческое обаяние, которое не может оставить зрителя равнодушным.

В "Аккомпаниаторе" зимой 2008 года она в последний раз вышла на сцену. Потом были долгие месяцы болезни. До последнего часа Людмилу Ивановну не покидала надежда, что она преодолеет недуг и возвратится в театр. Не получилось... 22 декабря ее не стало.

В последний путь Людмилу Сатосову провожало множество людей. Отдавали последнюю дань не только прекрасной актрисе, но и чудесному человеку, которого искренне любили все — от мала до велика.

Людмила Ивановна не знала, что такое зависть, всегда была готова морально поддержать, поделиться опытом. Она была на редкость скромной, сердечной, по-настоящему доброй. Ее с нежностью называли Люсей, Люсенькой и ровесники, и молодые актеры, для которых она была примером беззаветного служения Театру.

Жизнь продолжается. Рождаются новые спектакли, выходят на сцену новые исполнители. Так было, так есть и так будет. Но нет сомнения, что в истории театральной Одессы народная артистка Украины Людмила Ивановна Сатосова — навсегда.



Валентин МАКСИМЕНКО

Балетный век любимицы Одессы

ВЕК. В этом нет преувеличения: она действительно отметила столетие — факт уникальный в истории балета.

ЛЮБИМИЦА Одессы. И в этом тоже нет преувеличения: в тридцатые — начале пятидесятых годов минувшего столетия в нашем городе не было более любимой балерины — гастроли де-факто примы Большого театра Марины Семеновой проходили триумфально. Даже в те годы, когда танцовщица завершала свою исполнительскую деятельность. Она неизменно приносила с собой Праздник. Ее ждали, и она никогда не обманывала ожидания. Прошло более полувека после прощальных спектаклей Семеновой, но память об искусстве Балерины остается драгоценной "памятью сердца" для всех, кто имел счастье видеть ее.

Впервые она выступила в Одессе в тридцатые годы. Первая и лучшая ученица великого балетного педагога Агриппины Вагановой, Семенова успела покорить Ленинград (1925-1930 годы, проведенные в Кировском театре), Москву (в Большом театре она танцевала с 1930 года до окончания исполнительской карьеры в начале пятидесятых) и даже... в 1935-м Париж, что казалось в то время невероятным. Она первой из советских балерин выступила в столице Франции в знаменитом театре Гранд-опера. "Эксцельсиор" так откликнулся на приезд Семеновой: "Эта балерина является гордостью Советской России. Она прибыла к нам, сопровождаемая самой громкой славой. Ее репутация абсолютно заслужена. Париж с энтузиазмом отдал должное этой замечательной артистке".

Семенова танцевала здесь со знаменитым танцовщиком и балетмейстером, фаворитом С.П. Дягилева Сержем Лифарем (к слову, по происхождению украинцем, который эмигрировал в 1923 году и "вернулся" в Киев уже после кончины... международным балетным конкурсом его имени). Позднее Сергей Михайлович Лифарь вспоминал: "После того как божественная Спесивцева покинула парижскую оперу, я понял, что необходимо создавать новую французскую Жизель, но в моем распоряжении не было ни одной балерины, способной не только с блеском, а даже просто грамотно справиться с этой ролью". Лифарь обратился к А.Я. Вагановой, та рекомендовала ему Марину Семенову, которая в конце 1935 года приехала в Париж вместе с мужем дипломатом Львом Караханом. Уже во время репетиций Семенова покорила профессионалов-коллег, зрителей, прессу.

Обратила на себя внимание тем, что непривычно для "этуалей" отказалась от рекламы: "Зачем заранее говорить обо мне? Посмотрите сначала, как я станцую спектакль". Ее принимали восторженно. И публика. И пресса. Это вызвало ревнивую реакцию балетного премьера, привыкшего к первенству со времени встречи со своим всемогущим покровителем. В мемуарах он напишет о "полном провале" Семеновой в Париже.

"Доказательств" у него два. Первое: в сцене сумасшествия Жизели, бросающейся к матери, Семенова-Жизель воскликнула: "Мама!". Второе. Марина Тимофеевна согласилась принять участие в благотворительном гала-концерте, сбор от которого поступал в пенсионную кассу персонала Гранд-опера. Она выбрала для исполнения вариацию из "Баядерки". "Когда наступил вечер гала, я с ужасом увидел, что Семенова выходит на сцену в собственном костюме, который привезла из СССР... Она танцевала блестяще (! — **В. М.**), но тщетно: французское око не воспринимало старомодную мишуру. Это был полный провал". Увы, мягко говоря, премьер был несправедлив.

Вот фрагменты парижских отзывов 1935 года.

"Ее имя рядом с именами Павловой и Спесивцевой" ("Попюлер"). "Гром аплодисментов... Аплодировали все, противники (в основном, эмигранты. — **В. М.**) и друзья. Было очевидно: Париж признал Семенову!" ("Ла пти паризьен"). Вот такой "полный провал".

Еще несколько откликов на выступления Семеновой в Париже. "Ее танец безупречен". "Сцена безумия (именно она! — **В. М.**) — шедевр" ("Ля трибюн де ля данс"). "Казалось невозможным так счастливо соединить искусство пантомимы с гением танца". "Ее искусство интернационально, ее поэзия универсальна. Она несет прекрасную мечту всему миру" ("Фам").

Известный художник Михаил Ларионов сказал, что по технике Семенова "не уступает Павловой. Игра Семеновой была шедевром... Балерина исключительно музыкальна, ее танец всегда в абсолютной гармонии с музыкой. Не все поняли ее. Речь идет о конфликте между двумя тенденциями: академическом классицизмом (он имеет в виду классику. — **В. М.**) и классицизмом новым, реалистическим... Исполнение Лифаря продиктовано академическим классицизмом, который можно определить как школьный. Что же касается Семеновой, то она воплощает новые хореографические тенденции".

Можно было бы привести еще немало свидетельств высокого признания искусства Балерины в Париже... Но вернемся к Лифарю. Он говорит о своем бисировании, но забывает сказать о бисировании Семеновой первой же вариации "Жизели" и настойчивых требованиях публики повторить другие фрагменты, что балерине сделать попросту не дали.

Всего Семенова станцевала в Париже три "Жизели", приняла участие в четырех программах, включавших отрывки из "Лебединого озера" и "Спящей красавицы", "Шопениану", Вариацию из "Баядерки", "Лезгинку" Долидзе.

Справедливости ради нужно сказать, что у Лифаря можно найти кроме утверждений о "полном провале" и признание Балерины: "Если классический танец — основа искусства Семеновой, и техника не имеет от нее секретов, то все же наибольшая оригинальность этой молодой женщины — огромная драматическая насыщенность, которой наполнена каждая ее роль" ("Комедиа"). Подлинный профессионал не может не оценить профессионализм коллеги, несмотря на ревность и прочие привходящие обстоятельства. И тем не менее, тогда в Париже между артистами возникла размолвка. (Лишь 43 года спустя в Ленинграде на приеме в честь Сергея Михайловича балетмейстер Лифарь и прославленный педагог Семенова обнялись и расцеловались — то было "запоздалое, но счастливое примирение".)

Вот такая Балерина стала желанным, любимым гастролером Одесского театра оперы и балета. В силу естественной (возрастной) причины я не мог видеть Марину Тимофеевну до войны, но во время работы над книгой по двухвековой истории Городского театра я познакомился с одним из старейших театралов Одессы кандидатом А.В. Хомутовым, который восторженно вспоминал семеновские спектакли тридцатых годов. "Обычно это были "Лебединое" и "Спящая", где она танцевала со своими московскими партнерами. 10 мая 1941 года Марина Тимофеевна выступила на нашей сцене в "Эсмеральде" (она очень любила этот балет, но в Большом театре она исполнила любимую партию лишь... два раза. — **В. М.**). Феба танцевал одесский премьер В. Лесневский. Отличный партнер, он очень понравился требовательной Семеновой. Она сказала, что с удовольствием работала бы с ним и в Москве... После окончания "Эсмеральды" на сцену хлынул цветочный дождь — красные пионы и от зрителей, и от... участников представления. Цветы сплошь покрыли планшет сцены... Зрелище незабываемое... Позднее мне подумалось: может быть, люди интуитивно предчувствовали, что это последняя встреча с прекрасной балериной перед долгой разлукой".

Марина Тимофеевна приедет в Одессу через семь лет. С конца сороковых и до начала пятидесятых она будет приезжать в наш город ежесезонно. Нередко — не один раз в течение одного сезона. Часто по требованию публики гастроли продлевались. Она танцевала в балетах Чайковского, в "Раймонде" и в любимой "Эсмеральде". В ее искусстве органично сливались высокая классика истинно балеринского танца и драматическое мастерство подлинной актрисы.

Семенова была удивительной артисткой. Нетанцевальная сцена шествия на казнь Эсмеральды — вроде бы простой проход, но исполненный пластического совершенства, он производил глубочайшее впечатление. В глазах у многих стояли слезы... Овации, крики "браво", море цветов...

Семенову трогательно любили зрители. Помню, как однажды откладывалось начало спектакля с ее участием. Зрителям объявили, что самолет из Москвы задерживается. Никто не ушел, никто не выразил неудовольствия — все терпеливо ждали около часа. Я прогуливался в фойе партера и вдруг увидел своего кумира: Семенову привезли к главному входу. Она, "как мимолетное видение", пролетела мимо меня по направлению к кулисам. Эта, в сущности, мелочь осталась со мной навсегда...

На последней в Одессе семеновской "Спящей красавице" я испытал потрясение и впервые в жизни позволил себе (впрочем, не раздумывая) ворваться за кулисы. Наша богиня была предельно уставшей, она грузно опиралась на партнера, стараясь восстановить дыхание. Потом кивком головы разрешила режиссеру, ведущему спектакль, открыть занавес, и буквально выпорхнула к зрителям, продолжавшим вызывать ее... Сама грация, элегантность и очарование.

В самом конце за закрытым занавесом она поблагодарила кордебалет... Это было трогательно.

Пройдут годы. Я случайно познакомлюсь с артисткой балета нашего театра Тамарой Александровной Авалиани, женой ректора гидрометеорологического института Кобуса. Имя Авалиани было хорошо знакомо театралам: на афишах (вплоть до начала восьмидесятых годов) указывались не только имена исполнителей всех "первых сюжетов", но и артистов кордебалета, перечень которых неизменно начинался этой балериной: Авалиани, Беленькая и т. д.

Узнал, что она была знакома с Мариной Тимофеевной, принимала ее у себя на даче. Вот несколько бытовых наблюдений одесской танцовщицы. Тамара Александровна удивилась, когда увидела, что Марина Тимофеевна с удовольствием и много ест, во всяком случае, явно больше, чем может себе позволить балерина. Вскоре все прозаически разъяснилось: Марина Тимофеевна тайком освободилась от съеденного, почти раблезиански объяснив, что и удовольствие получила, и минимальный вред принесла организму...

По воспоминанию Тамары Александровны, после одного из последних спектаклей Семенова извинилась перед его участницами: "Извините, девочки. Запорола диагональ — танцевала на нужник в переносном и прямом смысле". Оказалось, что она строит дачу, а на туалет денег не хватило...

С этой дачей связан еще один эпизод. Когда Марина Тимофеевна была в отъезде, дача загорелась. На вокзале Семенова с тревогой спросила у встречавших: "Что случилось?". Они мялись, отнекивались. Семенова строго потребовала ответить на свой вопрос. Услышав правду, сказала: "Слава Богу, что дача горела! А то я уже подумала, что с кем-то из родных случилось несчастье".

Она была прямым и резким человеком. О людях судила не по регалиям, а "по гамбургскому счету". Ее побаивались, но уважали. К ее мнению неизменно прислушивались.

Почти никого не пощадившая на страницах своей книги "Я, Майя..." Плисецкая пишет: "На вопрос, кто из балерин на вершине балетного Олимпа, я всю жизнь отвечаю — Семенова, Уланова, Шелест". Семенова на первом месте, хотя некоторые награды она получила очень поздно, а иные и вовсе не нашли ее. Так, народной Союза она стала в 67 лет, спустя около четверти века, после того как покинула сцену. Высшей премии в СССР — Ленинской — не была удостоена... Ее соученица по вагановскому классу Г.С. Уланова, "великая молчальница", получила все мыслимые награды. Балерин пытались "стравливать". Вспоминает Майя Михайловна: "Кто-то перечислял природные изъяны Галины Сергеевны (опускаю их перечень. — **В. М.**). И вдруг Семенова, сама судья злющая и уничижительная, но иногда справедливая, отпарировала: "Галька легкая, а это тоже техника".

Действительно, воздушность танца Улановой была уникальной. Одесситы могли судить об этом по ее единственному спектаклю в нашем театре в 1949 году (это был "Бахчисарайский фонтан"). А сравнивать Уланову у нас было с кем: почти все знаменитые балерины того времени выступали на одесской сцене. Вспомню только для примера высококлассных "техничек" Лепешинскую (Ольга Васильевна могла легко делать не только 32 знаменитых фуэте, но и — на репетиции — 64!), Дудинскую (у этой воспитанницы Вагановой, по признанию самой Агриппины Яковлевны, была самая высокая из всех ее учениц танцевальная техника).

...Майя Плисецкая страдала из-за того, что ее долго не выпускали на гастроли, как теперь сказали бы, "в дальнее зарубежье", ощущая свою ущербность. Марина Тимофеевна однажды так ободрила ее: "Терпи, девка, мне хуже было. Под домашним арестом сидеть дома пострашнее. Танцевать не давали". Дело в том, что как "изменник Родины" в 1937 году был расстрелян ее муж, тогда посол СССР в Анкаре Лев Карахан. Эта трагедия отозвалась и на всей дальнейшей жизни Балерины, и на ее творчестве. У нее было мало спектаклей, почти не было премьер, достойных таланта,

новых ролей. Так, Золушку она станцевала в третьем составе (после Улановой и Лепешинской). Но автор музыки С.С. Прокофьев, увидев Семенову в своем балете, сказал: "Вот такой я слышал Золушку!". Сочиняя музыку, Сергей Сергеевич представлял себе семеновскую героиню! Оценка тем более значимая, что композитор был удовлетворен ее предшественницами.

И еще: Семенову очень мало, непростительно мало снимали. По сути, ее искусство осталось не зафиксированным в движении. Остались фотографии — остановленные мгновения, но и их число невелико... Тем важнее свидетельства современников.

Плисецкая писала: "У Семеновой был гипноз присутствия на сцене. Когда она выходила, никого больше не существовало... Она была крепостной, но с царственной статью... Танцевала ослепительно... У нее бывали волшебные спектакли, я их застала".

Я старался не пропускать одесские выступления Семеновой, с радостью отдавая себя в "сладкий плен" великой Балерины. Не мог тогда точно сформулировать ощущения, но, вспоминая спектакли Марины Тимофеевны, соглашаюсь с Майей Михайловной в оценке сценического бытия Семеновой (хотя с некоторыми оценками характера Марины Тимофеевны Майей Плисецкой мне трудно согласиться). И еще хочется сделать небольшое уточнение. Да, появляясь на сцене, Марина Тимофеевна приковывала к себе внимание, но в лучах ее таланта не меркли другие исполнители. Так, в "Эсмеральде", например, достойно именитой коллеги выглядели Екатерина Русинова в роли Флер де Лис (в этом году Екатерина Александровна должна отметить 90-летие), Алла Рындина — Диана, Николай Егоров — Актеон, Анатолий Данченко — Пьер Гренгуар, и другие артисты нашей балетной труппы.

Плисецкая о Семеновой: "Вот бы кому сыграть Екатерину Великую". Не случилось. Как и многое другое. Но символично, что последней партией Марины Тимофеевны в Большом театре стала Царица бала в "Медном всаднике" Глиэра. Неважно, что роль была не центральная. Семенова всегда оставалась Царицей, в любой роли, в любом спектакле. Одна из статей о ней точно называлась "Царица балета".

Оставив сцену, Марина Тимофеевна, естественно, сосредоточилась на педагогической деятельности. Среди ее учениц Лепешинская (в самом конце минувшего года Ольга Васильевна ушла из жизни; наверное, нужно упомянуть концерты этой выдающейся балерины в Одессе в 1950-м году), Плисецкая, Карельская, Кондратьева, Бессмертнова, Сорокина, Адырхаева (Светлана Дзантемировна два сезона танцевала в Одессе, оставив яркое

впечатление), Тимофеева, Павлова, Семеняка, Степаненко и многие другие, в числе которых одесситка Наталья Барышева, которая, будучи ведущей балериной одесского театра, прошла у великой Балерины Школу высшего мастерства, заново сделав с нею основные классические партии.

Свою педагогическую деятельность Семенова завершила уже в новом столетии. Среди ее последних учеников, между прочим, был один из "королей танца" Николай Цискаридзе.

Недооцененная официально, Марина Семенова в сознании многих профессионалов и почитателей балета всегда оставалась "балериной и педагогом номер один". Ее чтили, к ней стремились... 1985 год. Представление членов жюри Международного московского конкурса артистов балета. При упоминании имени Семеновой зал разразился продолжительной бурной овацией, восторженными криками "браво". Фактически это был вызов, протест против умолчания и недооценки творчества, деятельности Балерины.

Какой мы помним Семенову? Свободное владение классическим танцем, органичное обновление традиций, полнокровная жизнь тела и духа, тесное единение со зрителями.

В 2008-м году исполнилось *сто* лет великой Семеновой. Большой театр провел фестиваль в честь Балерины, которая — в силу понятных причин — не смогла присутствовать на спектаклях ("Лебединое озеро", "Раймонда", "Баядерка") и концерте "Семенова-гала". В ее честь танцевали лучшие солисты Большого и Мариинки. Почитатели балета счастливы, что она дожила до такого Праздника танца. В этом есть высшая справедливость. Хочется надеяться, что Марина Тимофеевна видела по телевидению приношения ее Таланту и Личности.

Журнал "Музыкальная жизнь" в дни юбилея писал: "Если бы Микеланджело ваял образ Терпсихоры XX века, то, думается, именно Семенова стала бы его моделью". Трудно не согласиться. Счастлив, что видел ее, повелительницу сердец, что ее искусство формировало критерии восприятия Танца. И наконец, небольшое уточнение: она была любимицей Одессы. И навсегда останется ею в восприятии всех, кто имел счастье видеть ее. И останется ею — имя Семеновой вписано в историю культурной Одессы.

Как и в историю мирового балета.



Феликс КОХРИХТ

Сергей Князев
Он между нами жил…



Сразу же после кончины Сергея моя Князевиана пополнилась двумя единицами хранения. Вербальной и живописной.

И текст, и картина свидетельствуют о незаурядном творческом потенциале. Их разделяют тридцать лет.

Князев только-только перешагнул свой пятидесятилетний рубеж...

Я был на Сережиной свадьбе в 1984 году. Вскоре у него родились дети. Их нынче пятеро.

Я приступал к этим заметкам трижды.

Признаюсь, они даются мне нелегко.

Друзья и коллеги знают, что обычно пишу споро — профессия, однако.

А про Сережу начинаю уже в четвертый раз и чувствую, что лучше бы я выговорился на поминках или в два последующих вечера с теми, кто, как и я, ищет облегчения в стакане и беседе... Почему же мне так трудно найти нужные слова?

Может быть, потому, что они обязательно должны быть правдивыми.
Не хватает смелости и совести.
Я говорю о себе.
Теперь о том, с чего я начал.

О картине



Тридцать лет назад Сережа, часто бывавший в нашей квартире на Успенской угол Заславского, подарил нам Семейный портрет в интерьере.

Он изобразил нас среди... Вернее, в Среде, а она в конце 70-х минувшего века заменяла (замещала?) нам Страну.

На большом полотне — Татьяна и я на фоне работ из нашего собрания: с кошками Глазастиком и Агафьей, собачкой Аяврикoм и Фикусом. Вот такой сюжет. Картина маслом.

В нашей тесноватой квартире, в то время завешанной картинами от потолка до пола, преобладали работы как признанных мастеров — Межберга, Островского, Дульфана, Егорова, Соколова, — так и тех, кого "искусствоведы в штатском" тогда называли "абстракционистами", а Сергей Князев спустя тридцать лет нарек Вторым одесским авангардом.

Ануфриев, Стрельников, Хрущ, Ястреб, Маринюк, Басанец, Сычев, затем Рахманин, Макоев... Позднее — Ройтбурд, Рябченко, Лыков, Лисовский...

В последние годы жизни Князев писал о них с почтением и любопытством, не включая и себя в Контекст, как бы не замечая, что и сам он — неотъемлемая и важная часть Одесского Нового Искусства.

Что без него оно неполно.

Впрочем, может быть, Сережа и знал о себе все, знал свою Цену, но в силу редкой деликатности и совестливости гнал от себя то, что считал и гордыней, и суетой сует...

Он был верующим человеком, но отнюдь не ортодоксом и ханжой.

Далеко не все из нас — тех, кто полагает себя деятелем либо собирателем Одесского Авангарда — первого, второго, третьего... (Третьего — не дано?!) Далеко не все сумели сполна и вовремя определить и оценить

место Сергея Князева в ряду тех, кто создавал Одесское Новое Искусство и кто его осмысливал и определял...

...Так вот — о Картине. Она была написана в любимой тогда Сережиной манере русского кубизма, но вовсе не являлась стилизацией, а содержала и новации (линейная композиция сочеталась с ощутимой глубиной второго плана), и удивляла тщательностью письма — вовсе не характерной для тогдашней художественной молодежи. По габаритам холст не вписывался в интерьер, да и нам в ту пору жанр семейного портрета не внушал особого почтения... Через несколько лет при очередной перевеске работ мы решили: пусть эта картина год-другой поживет в другом — более просторном доме у наших друзей...

Признаюсь. Вскоре я позабыл о ней, о нашей молодости, о наших первых кошках, о Сереже и его щедром подарке... Не забыл, а позабыл...

Неужели потребовалось...

Сегодня картина Сергея Князева — перед моими глазами, вновь в нашем собрании.

Он вернулся к нам и, быть может, поймет и простит нас.

Татьяна, которая всегда любила и ценила Сережу, в последние месяцы виделась с ним чаще, чем за прошедшие годы, — он бывал у нас на новой квартире, написал статьи для каталога выставки работ из коллекций Ф. Кохрихта и А. Дымчука, мы общались на выставках. Так вот, она поразила меня вчера, когда Слава Выродов переслал нам материалы с сайта с горькими откликами на смерть Князева...

Таня всмотрелась в его фото и сказала: "Разве Сережа носил бороду?".

Она запомнила его двадцатилетним — таким, каким он весной 1979 года втащил на пятый этаж картину, переливающуюся яркими красками.

Эти краски удивительным образом не потускнели и не посыпались за тридцать лет, холст не обвис, а ведь далеко не все работы тех лет выдержали испытание временем — и в прямом, и в переносном смысле...

О тексте

Долгая и славная жизнь предстоит, я уверен, не только картинам Князева, но и текстам, в которых реализовался его творческий потенциал. Друзьям Сергея необходимо срочно и тщательно собрать его вербальное наследие — и увидевшее свет, и содержащееся в рукописях, записках, рабочих тетрадях, вспомнить и зафиксировать беседы с ним в разные годы.

Историкам современного искусства, критикам, литературоведам еще предстоит осмыслить его наследие и дать ему оценку.

Уже сегодня ясно, что Сергей Князев — в числе самых самобытных, самых талантливых и ярких личностей Второго одесского авангарда.

Еще одно тому свидетельство — статья Сергея в каталоге недавней киевской выставки Александра Ройтбурда "2x3. Музейный формат". Она посвящена работе, героем которой является Пушкин. Разумеется, не хрестоматийное "Наше Все", а проекция лукавого и изощренного Ройтбурда на жизнь и творчество поэта.

Этот каталог Шура целую ночь вез из Киева в Одессу — он поспел к похоронам Сергея, которого он полагает своим чуть ли не единственным другом в нашем общем городе.

Думаю, многие из нас в эти дни его поймут...

Я ищу предшественников художника Князева в истории одесского изобразительного искусства. Прямых не нахожу, но можно было бы полагать ими Егорова и Ацманчука, которые сразу же определили в мальчике будущего мастера и собеседника...

Зато вижу истоки его литературного творчества у молодого Олеши и старика Катаева. Оба земляка в соответствующие времена более всего ценили не сюжет, не композицию, а Игру. Можно назвать ее — Игрой в Бисер (знаю, что Сережа был поклонником Гессе), но можно — и в Дребезги Алмазного венца...

Завершу эти заметки фрагментом текста из последней статьи Сергея Князева:

"ДЛЯ ПУШКИНА НЕ БЫЛО НЕДОСТУПНОГО, И ВСЕ, ЧЕГО ОН КАСАЛСЯ, ПОСЛЕ НЕЛЬЗЯ УЖЕ БЫЛО СДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ. СЮДА ЖЕ ОТНОСИТСЯ И ЕГО СМЕРТЬ, НЕРАЗГАДАННАЯ И ВЕЛИКАЯ, ОЧЕНЬ ПОХОЖАЯ НА ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ".

9 февраля 2009
Одесса

Людмила ЛИСЕНКО

"Надо прислушиваться, вспоминать, любить..."



Стриманою мовою академічного мистецтвознавства про скульптора Євгена Лелеченка не розповісти. Коли він дізнався, що я маю створити про нього якийсь текст, він щиросердно попросив: "Пожалуйста, что-то очень доброе и веселое!..". І тому я не стільки збирала матеріали і перечитувала сторінки вже написаного про нього, скільки шукала певного душевного стану, аби хоча б уявно опинитися у вигадливому, романтичному, бурлескному світі карнавальних, святкових, фантастичних героїв Євгена Лелеченка. І розповісти про нього вирішила за його ж допомогою. Адже багато чого мені пощастило почути від цього доброго чародійника підчас наших коротких-довгих сердечних зустрічей у Києві та Одесі, в його майстерні, що виглядає як справжній музей раритетів.

Спочатку трохи класичних рядків біографії. Народився 27 липня 1946 року у Норильську у родині гірничого інженера, політув'язненого. Цього факту біографії ніколи не експлуатував. Навпаки. "Детство у меня было чудесное. От советской власти получали сплошные блага. По лендлизу в Норильск шли поставки жратвы, одежды. В городе был драматический театр, где несколько сезонов играл Иннокентий Смоктуновский. Я пропадал в театре, часто бывал за кулисами (папа был влюблен в актрису театра). Я видел северное сияние — бегущие с неба струйки светящихся сталактитов. Видел белых медведей (мы отправились на них смотреть за город, переполошив всех родителей). К двенадцати годам были прочитаны Фенимор Купер, Джек Лондон, Жюль Верн, Мопассан (не понимал, но — глотал). До сих пор не могу заснуть без 20-30 страниц печатного текста. До сих пор не могу расстаться с кипами журналов "Звезда Востока", "Новый мир", "Знание — си-







ла". Здесь мы читали Солженицына, Булгакова, Пастернака...

Лет с шести начал стрелять. Отец поощрял это. Купил мне позже мелкокалиберное ружье. И я на расстоянии 150 метров "расстреливал" изоляторы электропроводов (знаю — это плохо). С годами в моем доме в Одессе собралась целая антикварная коллекция всякого разного оружия.

В Одессу вернулись в 1959 году, после реабилитации. Меня родители послали первым. Сами приехали на следующий год — отцу оставался год до пенсии. С 15-ти лет пошел работать на завод имени Январского восстания. Занимался металлом, был токарем, электриком, автосварщиком. Мог без чертежа выточить любую деталь. Работа меня устраивала, не нравилось только быть привязанным к месту. И снова судьба сделала решительный поворот. Я серьезно заболел туберкулезом, и меня отправили на лечение в Крым. Появилась масса свободного времени. Я встретился с уникальным человеком. Имени его не помню, а фамилия — Чиликов. Он был диспетчером в аэропорту, а свободное время отдавал искусству. Он стал родоначальником "Поляны сказок" в Ялте и моим первым наставником. Я начал резать в дереве и таскать свои скульптуры на Поляну. В 1973 году собралась целая экспозиция из 30 скульптур. Это была моя первая непрофессиональная, но все-таки выставка. Ни о какой учебе я тогда и не помышлял. Творчеством занимался для души, украшал свой дом,

делал подарки для друзей. И вдруг — опять случай. Какая-то импрвизированная выставка в педагогическом институте, для которой понадобилась скульптура. На меня обратила внимание преподаватель начертательной геометрии Хренникова (имени опять не помню). Мои работы чем-то напомнили ей любимого скульптора Мештровича. Она стала активно настаивать: "Тебе необходимо учиться. Главное — сдать специальность. Остальное — я беру на себя!"



Батько був не дуже задоволений вибором сина. Він бачив його конструктором або архітектором. Хоча "в семье не без урода" — дядько Петро, білогвардієць і ярий націоналіст, добре малював.



Наступні чотири роки життя (з 1975 по 1979) Євген Лелеченко провів на художньо-графічному факультеті Одеського педагогічного інституту, навчався по класу професора живопису П. Злочевського та В. Гегамяна. В інститутських стінах він отримав професійні знання. А головне — загальну культуру спілкування митця зі світом. Вчителями по скульптурі вважає Манцу, Бранкузі і Мештровича. Романтичну фігурку "Юнги", який у захваті дивиться в небеса, так і не вдалося захистити у якості дипломної роботи. Автор відправив її на виставку до Москви, і вона не встигла вчасно повернутися додому. Терміново ліпилася інша скульптура. Як напише пізніше, у 1999 році, Яків Качур: "Это уже готовый символ города, вровень с Дюком: в Лузановку когда-то на фронт трамвай ходил — там такие же юнги сражались. Вот будут теперь делать аквапарк где-то там — поставьте там "Юнгу" (нажаль, і досі не поставили... — **Л. Л.**)



В інституті зустрів свою подругу життя — Ольгу Іл'їну, яка подарувала йому доньку Євдокію і радість сімейного життя. Донька складає цього року іспити до художньо-промислового інституту в Харкові. Старший син Дмитро закінчив скульп-







турний факультет Національної академії образотворчого мистецтва і архітектури у Києві. Діти все зробили вчасно.

Наступні роки були заповнені численними роботами на ідеологічне замовлення. Євген Миколайович, смачно затягуючись люлькою, до високих імен своїх вчителів додає ще і повний склад скульптурної ради, яка допускала роботи до монументальної реалізації. Творча активність художника значно підвищилася за років перебудови і незалежності. Його парадоксальне мислення, невичерпне чуття гумору, неймовірна свобода у вирішенні будь-якої образності, ювелірна майстерність і винахідливість в роботі з традиційними і нетрадиційними скульптурними матеріалами магнетично притягували око підготовленого і масового глядача. Лелеченко починав з романтичних образів композицій "Політ", "Кінець легенди", "Вознесіння", "Київська псалтир", "Хоронитель", в яких відбивалося томління за високим, духовним, сокровенним. Його скульптурні герої устрімлені до небес і наче мріють відірватися від земного тяжіння. Не випадково автор публікації про першу персональну виставку Євгена Лелеченка в Одеському художньому музеї у 1988 році Євген Голубовський передав свої відчуття від неї у єдиному слові — "політ". А художня, у ті часи ще підконтрольна критика вигадливо назвала автора "прихильником реалістичного символізму" (?!).

Душі прекрасні поривання у наступні роки незалежної державності змінилися на інтонації карнавального сміху, епатажні прийоми авангардного мислення з використанням дюшанівської ідеї "реді-мейд", дадаїстського колажу, образів міського фольклору, обігруван-

ням літературних і художніх цитат з творчості видатних діячів світової культури. Скульптор з Одеси з легкістю й артистичним смаком відтворює всесвітньо відомі образи Босха, Данте, Шагала, Мюнхгаузена, Юккера, Лоліти, рибачки Соні, які утворюють віртуальне та ймовірне саме у контексті сучасної постмодерної і постнекласичної доби братерство. Задиркувата гра з об'єктами, мобілями, інсталяціями не відволікає автора від традиційної гуманістичної програми мистецтва. Його скульптурні фантазії завжди зігріті присутністю людини, любов'ю до навколишнього світу, який він талановито змінює на краще.



На заключення — знову слово автору. Такі собі примітки на полях, для кращого порозуміння. Ми обрали кілька найвиразніших історій автора, який насправді є кращим коментатором своєї творчості, і влучних спостережень журналістів і мистецтвознавців.



Перший сюжет присвячується роботі, що була виконана у Бухарі на симпозіумі з каменю і отримала першу премію: "Юккер — заходь!".

Работы Юккера я впервые увидел на выставке в Москве перед отъездом в Бухару. В симпозиумной работе решил выразить свой восторг и благодарность. Эта идея пробивания ровной поверхности гвоздем не давала покоя. Она же аукнулась и в работе "Резус-конфликт" 1999 года, посвященной сыну. В Бухаре в ход пошли штыри от прядильной машины, забитые в тело камня. А еще на его поверхности есть отпечаток ноги и руки. Это и знак авторства, и след первопроходца, открывателя нового языка в искусстве.



У цьому ж році Лелеченко приймав участь у IX міжнародній Дантівській бієнале з бронзи у Центрі Данте в Равенні несподіваною компо-



зицією "Плямиста і витка рись". Гнучка фігура видатного автора "Божественої комедії" злита знаком безкінечності з тілом звіра.

Когда я начал размышлять по поводу участия в дантовском симпозиуме, я подумал, что моя скульптура обязательно должна быть связана с текстом "Божественной комедии". Начал читать наугад и столкнулся со строкой, посвященной рыси как олицетворению страстей. Образ сложился мгновенно.

Про портрет "Дядько Ілля" (1995), який став власністю Музею сучасного мистецтва у Києві.

Илья Михайлович Елуашвили учился в Одесском художественном училище. С 1983 года до конца советской власти я арендовал у него мастерскую. Он был удивительным, тонким, ранимым человеком. Он был с опущенными крыльями. Я зарядил его. Он даже поступил в Союз художников. Но все равно не задержался на этом свете. Ушел добровольно... Я увидел его голову в каменном ядре. Я его в море нашел. Илье не нравился "стреляющий" инкрустированный глаз. Но портрет получился очень похожим.

Мистецтвознавець Людмила Сауленко у статті 1996 року про персональну виставку Євгена Лелеченка в Одеському музеї західного та східного мистецтва дуже влучно використала рядок поета Давида Самойлова для визначення сутності творчості скульптора: "Смесь небес и балагана...".

"К феномену Евгения Лелеченко применимо французское определение "бриколаж" — употребление подручных материалов, соединение случайных элементов. А очевидная ирония свидетельствует об осмысленности этого приема, его принципиальной последовательности. У автора и вправду все идет в дело: и благородный мрамор, и старые ключи, и строчка одесской песни, и обломок античного мифа".

— У меня есть полный набор труб духового оркестра. Парень уезжал на ПМЖ и подарил свою коллекцию. Есть клаксоны от старих автомобилей, напоминающие маленькие горны. У меня есть ключ, который складывается пополам. Я люблю собирать и разбирать свои работы. Так, композиция "Письма из 46-го" собрана из бюстика Сталина, найденного где-то

на чердаке. Это был приз по гранатометанию какого-то ПТУ. Этот бюст я посадил на пьедестал, приклеил к нему марки того времени и добавил настоящие гранаты. Когда "Письма" отработали свое, я их разобрал. Гранаты висят в мастерской, бюст Сталина стоит в саду у цветочной клумбы. То же произошло и с "Молитвой", преобразившейся в "Крестовоздвижение", а "Прогулка" стала "Бегством из рая". Я ее всячески украсил. У меня ее купил Александр Леонидович Коробчинский. У него большая коллекция моих работ.



Яков Качур: "Евгений врет, как захаровско-горинский Мюнхгаузен: веря в свое наивное и красивое вранье. А вранье... сбывается. Потому что Лелеченко в него верит. Что вообще такое искусство? — да просто-напросто красивый обман. И взрослый дядька с хитрыми глазами ребенка блестяще, обаятельно дурачит нас и себя... Но — как блестяще и как обаятельно!.. Смотрите. Это — для вас, для нас всех".

— Я — любитель, а любитель — от любви.

— Мне всегда хочется, чтобы вам было немножко смешно.

— Я — где-то пересмешник. Пушкин тоже был пересмешник.

— Художник — это актер. Но тут важно амплуа. Мне больше импонирует рыжий клоун, который может сыграть и неумелого канатоходца, и трусливого укротителя, и неуклюжего акробата. Никто не видит его шишек, синяков и ссадин (уже один инфаркт пережил...) А зрителю — весело! Я хочу быть рыжим!

— Скульптура для меня — это игра, как и жизнь. Игра веселая: то я над ней смеюсь, то она надо мной подтрунивает.

— Глину не люблю. Еще в институте какой-то весельчак бросил в бак с глиной разбитую лампочку... Пластилин не люблю. Он, как женщина гуляющая, поддается легко, да уж больно... руки пачкает!

1 квітня 1997 року в день одеської Гуморини на подвір'ї арт-літкафе було відкрито міні-пам'ятник рибачці Соні, улюбленій героїні популярної пісні (бронза, мармур, граніт, емаль). Після його загадкового зникнення Лелеченко у 2000 р. зробив нову версію, яку було знову викрадено. Цей вже тепер не існуючий пам'ятник відразу полюбився всім.

Яков Качур: "Ну нет сегодня на улицах Одессы работ одесского скульптора Лелеченко, нет!.. Была "Соня" — и ту сперли..."

Зате у Чанчуні (Китай) залишилося три роботи Лелеченка з мармуру та металу: "Любов на велосипеді", "Життя художника", "Акваріум". Їх автор отримав гран-прі симпозіуму.

— "Любовь на велосипеде" — шуточная, почти что конная. Легкая, ни на что не претендующая. Они (то есть китайцы. — **Л. Л.**) *и назвали ее "Влюбленные на велосипеде", и позволили мне, несчастному, довести до уровня монумента. Кто здесь мне позволил бы отлить ее в бронзе, пятиметровую?! Где и когда так еще разрешат пошутить? На белом пьедестале в бронзе, сияющей, как золото, на фоне совершенно итальянского голубого неба.*

— Хочется все успеть и сказать свое слово. Я мечтал, что в 1991 году уйдут эти серьезные люди, а они просеялись и остались. Опять они ходят серьезные и нами руководят. И не хотят веселиться. Времена не выбирают. Мы живем в замечательное время. Детям, внукам много рассказывать будем. Одессу надо чувствовать, в ней нужно родиться, здесь нужно иметь корни. Жду, что придет новое поколение — наше, одесское. Бог с ней, с рыночной экономикой! Наши дети впитают дух Бабеля, Багрицкого, Олеши, Паустовского и обязательно что-то сдвинут к лучшему...

Одеські скульптори — майстри ліричної фантазії, карнавального сміху, середземноморської язичницької розкутості. Для Євгена Лелеченка важко знайти компанію в нашому скульптурному товаристві. Але виходячи з того, що він все вище і вище підносить над землею свої персонажі і об'єкти ("Четвертий вершник" стає флюгером), будемо вважати його безнадійним романтиком, хоча і з префіксом "пост"), який може створити позитив навіть з індустріального сміття!

"*Скульптура — це гра, як і життя. Тому це так легко. І я граю, отже — живу*". Євген Лелеченко. Мистецтво скульптури XX ст. С 257.

Владимир НАУМЕЦ

О друзьях и о себе



Вот они, художники 60-70-х, 80-90-х и далее годов.

Кто-то вошел в контекст.

Кто-то попал в обойму.

Кто-то занял свою нишу.

Но Буддой не стал.

А некоторые, отсиживаясь в пивной или подвале, удостаивались высшей точки зрения и ясности осознания окружающей действительности.

Но эти быстро ушли. Вверх или вбок.

Только одиночки иногда возвращались, но с испорченным западным мировоззрением.

Кто вернулся к морю Черному, тот отбелил сознание.

И возродился из пены морской, как Венера и 33 богатыря в одном лице.

И Одесса вздохнула, как принимающая Сынов Блудных.

И одела их в порфиру и виссон.

И перстни на пальцы.

Остальным — она разделила царство.

АНУФРИЕВ:

Цыган-Конокрад, он же
Дон Жуан — сердцеед
умножающий потомство
по материкам в молодости
и потоки Ангелов
в зрелости

БАСАНЕЦ:

Неповторимое и неуловимое
обличье
то тающее, то выплывающее
из тумана
геометрической формой
осознания окружающего мира

ВОЛОШИНОВ:

Аналитический исследователь цвета
передвижения парусов
по поверхности моря
и расставления маяков
в зависимости от облаков

СТРЕЛЬНИКОВ:

Серьезность кусок дерева полирует
взглядом со всех точек зрения
и окрашивает чувством цвета

СЫЧЁВ:

Сычом надувшись на всех и себя
тонко исследовал реальность
сквозь грани ужасающе невозможного
стакана преломления

РАХМАНИН:

Когда чердачил — писал иначе
потом на даче — холст часто плачет
из щели глаза бельканто скачет

МАРИНЮК:

Умножая трепет
пятна живописи на
трепет линии рисунка
замариновал
трепет жизни

НАУМЕЦ:

Выпрыгнув из подвала
в Европу
вляпался глубже
и теперь
отбеливается Черным морем

ХРУЩ:

Без красок,
но со связкой ключевой
он открывал многие замки,
души и тайники
осознания происходящего
беспредела
стараясь не заполнять
анкеты

ЯСТРЕБ:

Символ как флюгер направления
верного
стоит на башне
где внизу
вся семья художников за бокалом
выясняет направление

КО-КО-КО-КО
ЦЫП-ЦЫП-ЦЫП
КО-КО-КО
ЦЫПКО

На странице 233 — рисунок Владимира Наумца,
групповой портрет художников-нонконформистов 60-70-х гг.

Вера САВЧЕНКО

Paroles, paroles, paroles...
или Слово в абстрактной живописи Светланы Юсим

Пожалуй, разговор о живописи С. Юсим, известной одесской художницы, будет неполным без упоминаний об искусстве слова и музыки. Поэтичность натуры и природная музыкальность, глубокое знание литературы и широкая эрудиция сформировали оригинальный взгляд, индивидуальную манеру, которые наделяют искусство С. Юсим творческой неповторимостью. Взмах руки, наносящей линию на холсте или листе бумаги, да еще магия красочных пятен и их непредсказуемых сочетаний вошли в ее жизнь с детства, одновременно с обостренной чуткостью к гармониям звуков, ритмическим узорам слов. Возможно, поэтому сейчас в ее творческом мире цветовые гаммы так тесно и органично переплетены с графическими словесными арабесками... Эта оригинальная особенность своеобразно выделяет живопись Светланы Юсим в контексте развития нефигуративизма — и ближайшего, прежде всего, того, что представлен сегодня участниками объединения "Мамай", и максимально широкого, того, что протекает в русле отечественных и мировых тенденций абстракционизма.

Виртуальная обусловленность существования современного человека, его вовлеченность в вихрь информационных потоков нередко находит свое выражение в "клиповой", фрагментарной стилистике постмодерна — и этот образ нас уже не удивляет, воспринимается как должное. Однако в поэтике абстрактного искусства органично передать пронизанность человеческого сознания множественностью культурных контекстов — весьма непростая задача, которую художественно решает Светлана Юсим.

Безусловно, образ этой культурной полифонии в живописи художницы воссоздается во многом благодаря вербальному слою, часто возникающему на ее полотнах. Интересно наблюдать, как в этой ситуации, в новом синтезе сближается "аристократическая", элитарная абстракция, какой она до сих пор остается для большинства зрителей, с современным граффити — в определенном смысле искусством "улицы" и "забора".

Paroles, paroles, paroles... Так музыкальным рефреном кружатся в танце нашей эмоциональной памяти, как будто немного медитативные повторения чарующего голоса Далиды. У Юсим слова словно "шлифуются" в русле разных языковых потоков. С другой стороны, они возникают в оригинальных визуально-пространственных проекциях, прежде всего, выделяясь самобытной графической или живописной (то есть с усиленной ко-

лористической доминантой) подачей. Иногда слова создают нюансную фоновую оркестровку к цвето-пластическому действу, которое главенствует в композиции. Однако порой их звучание становится подчеркнуто содержательным, и тогда оно во многом направляет и символически углубляет художественный смысл произведения ("Speranzo", "Entre").

Конечно, привлечение вербальных элементов в живописи не является непосредственным открытием художницы. Вспомним про иероглифические письмена, объединенные с росписями в Древнем Египте, дальневосточную каллиграфию, уже упоминавшееся граффити, известное еще со времен античности, или эксперименты с буквами и текстовыми элементами, которыми интересовались абстракционисты.

Переплавляя весь этот опыт в своем творческом тигле, С. Юсим выходит на неповторимо личностное художественное отображение проблемы неразделимости и одновременной автономии двух констант человеческого постижения мира — слова и визуального образа. Подсознательные визии слова, "всплывающие" в работах художницы, питаются ее проникновенно чувственным, авторски субъективным переживанием знаков, букв, слов. Это не отчужденные от человека "слепки" социального бытия, косвенные "свидетельства" времени и пространства, как это было у кубистов, дадаистов или русских конструктивистов. Это также не абстрагированные до формул-знаков, существующие во вневременном измерении буквы, которые появляются на полотнах нашего современника Владимира Цюпко. Характер вербальных фрагментов на полотнах Юсим принципиально другой — он подчеркнуто экзистенциален, в нем ощущается именно ее индивидуальный опыт, пережитые именно ею ценности и чувства. Это отражается и внешне — в открыто явленной манере рукописного письма, и концептуально — в смыслах, которые могут быть эксплицированы из слов или строк, вспоминаемых или воображаемых художницей.

По форме такие включения речи в живописную канву весьма разноплановы. Иногда слова, создающие ритмическое чередование строк, согласно меткому наблюдению искусствоведа О. Савицкой, как будто прошивают ткань холста. Чаще всего — в спонтанном потоке они словно взрывом выносятся на поверхность, смешиваясь с пятнами краски, ее сгустками, или наоборот, затираниями. Иногда слова возникают как эзотерические тексты человека, медитативно схватывающего услышанные только им таинственные высказывания. Порой на полотне можно увидеть исполненный символических смыслов мерцающий "след" поэтических строчек, к примеру, из любимого автором Генриха Гейне. Слова выныривают и од-

новременно теряются в наплывах краски — в непроизвольных, спонтанных соединениях вертикалей подтеков и основы или же под воздействием решительных ударов кисти — так в бурной динамике движения облаков вспыхивают солнечные проблески. Такое чувствование слова и отражение коллизий его пребывания в наслоениях памяти и воображения напоминает хайдегерианские прозрения о Языке, "через человека" и "человеком" приходящие к нам из глубин Бытия.

Светлана Юсим дает слову пропуск в "святая святых" абстракционизма — область "чистой формы". Именно слову, а не только знакам или буквам, с присущей ему, по определению, семантической весомостью. Это относится как к вербальному контексту, так и к единичному слову, что так или иначе влияет на целостный художественный смысл произведения. Иногда размеренный ритм повторения одного и того же слова (например, "*contemporary*"), его симметричные, как в зеркале, отображения в плоскости холста включаются в некую магию ритуала, сообщающую живописному произведению знак сакральной причастности ("Автограф чувства", 1998). Это нетипично и не характерно ни для известных одесских мастеров абстрактного искусства, ни шире — для отечественных художников, ни в целом — для современных тенденций нефигуративизма.

Однако хочется позволить себе одно сопоставление, а именно с Анной Старицкой, выдающейся фигурой в пантеоне абстракционистов XX столетия, хотя еще недостаточно хорошо известной у нас, на ее исторической родине. Старицкая также глубоко и даже на метафизическом уровне ощущала художественную необходимость введения вербального текста в плоть живописного полотна. Основание для этого сравнения дают два момента.

Во-первых, то, что непосредственно касается отношений слова и живописного пространства. Почему сейчас идет речь о Старицкой, а не о Браке, Пикассо, Грисе, Ларионове или Гончаровой; даже не о В. Цюпко, с которым нередко сопоставляют творчество С. Юсим, и на чьих полотнах также живут буквы или части слов (иногда цельнооформленные слова, но, по сути, в значении их фрагментов)? Потому что в отличие от других упомянутых или неназванных здесь авторов, у Старицкой и Юсим именно слово в его поэтическом статусе становится существенной частью произведения. Для других — это знаки, буквы в предельно абстрагированном значении, даже слова как знаки — указатели на что-либо из окружающего бытового или социального контекста, то есть реализованные в своей коммуникативной функции. У Старицкой и Юсим мы видим слово, которое, прежде всего, отмечено образной, символической сущностью. Интересно

наблюдать параллелизм творческих исканий, созвучие в общем понимании отношений слова и живописи, которое возникает между двумя художницами. И потому, несмотря на разделенность этих явлений во времени, здесь неуместно говорить про прямое заимствование или даже влияние одного живописца на другого. О произведениях А. Старицкой мы узнали, после того как С. Юсим написала многие свои полотна[1], исходя из собственной поэтики. А еще и потому, что, очевидно, развивается все это на основе не совпадающих материалов, техник и, соответственно, связано с решением различных художественных задач — оформлением книг у Старицкой и станковой живописью у Юсим.

Другой важный момент сближения — отмеченность произведений обеих художниц характерной женственностью. Но не той женственностью, которая ассоциируется со слащавой сентиментальностью или, скажем, образом умелой хозяйки и хранительницы домашнего очага. Нет — это женственность авторской манеры, отличающейся от мужской, возможно, большей проявленностью чувственного начала, большим доверием к нему и, в конце концов, к самой себе.

Так, глубоко по-своему, оригинально переживая понимание своего бытия в мире звуков и слов, музыки и смысла, с художественной убедительностью, талантом и артистизмом Светлана Юсим увлекает зрителя в царство вечной тайны искусства, попыток осознания человеком себя и окружающего мира.

[1] В Русском музее в Санкт-Петербурге прошла большая выставка памяти А. Старицкой, и на основе этого события в 2000 году издан основательно подготовленный иллюстрированный альбом.

Евгений ОЛЕНИН

Художник и город

Двойное предисловие

1.

Редко приходится дважды писать предисловие к одной статье. Но так получилось, что этот текст был актуальным двадцать лет назад, в 1989 году, и остается, увы, актуальным и сегодня, в 2009-м.

Как, впрочем, и все архитектурные проекты, концептуальные разработки, публицистические статьи Евгения Оленина, который три десятка лет был "возмутителем спокойствия" в нашем городе. Был. Потому что 20 февраля 2008 года, в 64 года, не выдержало сердце.

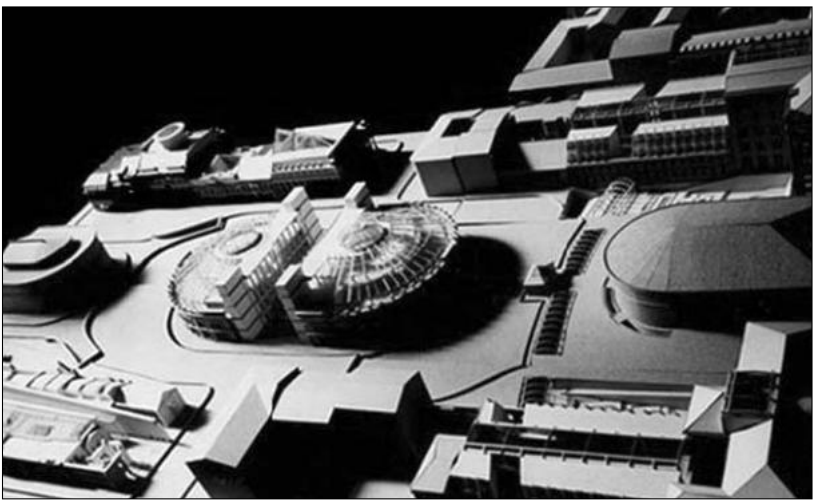
В этом году, в дни, когда отмечается год со дня смерти Евгения Оленина, в Одесском историко-краеведческом музее открыта выставка его проектов. Нереализованных. Ставших уже музейными, частью нашей истории. Так что и это второе предисловие к жизни и предисловие к тексту, которые, как и все прочие, как и все проекты, еще будут пробуждать и подсказывать.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
2009

2.

Говорят, газета, а значит, и газетная статья, стареют на следующий день. Но недавно одно центральное издание перепечатало опубликованную в нем же десять лет назад статью. Провело такой эксперимент, поскольку проблема оказалась нерешенной, и выводы не устарели. Нет, мы не собираемся второй раз перепечатывать одну и ту же статью. Но ситуация с этой публикацией в чем-то похожа. Два года назад предложил художник Евгений Ильич Оленин нам статью о роли художника в городе, о необходимости консолидации деятельности творческих союзов перед лицом такой комплексной программы, как художественный облик города. Статья была интересной, но в то время шла полемика вокруг проекта Дерибасовской, страсти были накалены и, думается, статья не была бы прочтена, вернее, ее бы рассматривали лишь как очередной удар рапирой в сторону бывшего руководства ГлавАПУ, а не читали бы по существу. Те бои давно утихли. А проблемы остались.

Недавно автор статьи Е.И. Оленин напомнил, что в архиве редакции должны храниться его неопубликованные заметки. Перечитывая их сегодня, понимаешь, что актуальными, даже злободневными они остаются. Честно говоря, это печально. В дни революционных перемен в сознании роль художника в обществе всегда вырастает. Художника — не столько как живописца или скульптора, сколько как вообще творца. В нашем городе это



незаметно. Может, это служит подтверждением того, что перестроечные процессы у нас проходят медленно... Проблема "художник и город" не замыкается на вопросах бытия Союза художников или Союза архитекторов. В последние месяцы кинорежиссер С. Говорухин в ряде статей и интервью упорно ставит под сомнение дальнейшее существование фестиваля "Золотой Дюк". Не хотелось бы с ним согласиться. Но все же понимаешь, что для проведения такого кинофестиваля, зрелищного, развлекательного, яркого, но одновременно "очеловеченного", нужны не только кинотеатры, не только фильмы и даже зрительское жюри, но и личность – личность, которая могла бы собрать, объединить разных кинодеятелей гуманной идеей: фестиваль необходим во имя помощи, возрождения города, а не город как площадка для фестиваля. Найдется ли личность на этот раз?

Пример полярный: в студийном театральном движении в Одессе личности есть – это Аркадий Словесник. И театр он создал интереснейший. Помогает ли город коллективу? Нет. Не нашел даже денег отправить театр на гастроли в Японию.

А впрочем, обсуждая сейчас жизнь наших творческих союзов, не только Союза театральных деятелей, хоть разговор возник в связи с письмом его членов и вокруг него, давайте прочтем эту статью Е. Оленина – и еще раз вернемся к вопросу о консолидации творческих сил, о духовной атмосфере в нашем городе.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
1989



Давно замечено: стоит выйти в незнакомом городе на привокзальную площадь, пройти несколько шагов по прилегающим к ней улицам, оглядеться по сторонам, чтобы понять — дремлет или активно действует здесь художественная интеллигенция. Если первым вашим впечатлением будет захламленность и оформительский хаос, если в глаза вам бросятся равнодушные пыльные газоны, безжизненные стандартные скверы, грязные тротуары, если вы обнаружите торопливую эклектичность в соединении прошлого и сиюминутного, значит, художники тут не в чести, либо их мнение игнорируется теми, кто отвечает за благоустройство и внешний облик города, сохранность исторической среды, градостроительную политику. Такова, на мой взгляд, и Одесса, хотя, судя по газетным публикациям и нескончаемым дискуссиям в кулуарах творческих союзов, безразличных среди нас не сыскать.



Связь между падением уровня городской материальной культу-



Проект летнего театра Филармонии в Городском саду

ры и полным устранением либо самоустранением художников города от участия в ее судьбе отчетливо проявляется решительно во всем — от затухания органичной для Юга, весьма колоритной и духовно щедрой, пропитанной теплым чувством коллективизма жизни дворов, превратившихся ныне в филиалы городской свалки, до зияющих неосмысленной пустотой полупустырей между новостройками жилмассива Котовского.

Да, мы бурно спорим, поминаем с пиететом доставшееся нам по счастью культурное наследие — великолепные, в историко-культурном отношении просто бесценные кварталы, чьи фасады заставляют дивиться и фантазии прекрасных зодчих, и мастерству каменщиков и скульпторов, и ясности планировочного мышления, а тем временем уникальные постройки эти давно стали фоном для нелепейших киосков и ларьков, плохой рекламы, безобразных витрин и уличной мебели. Но ведь за это несут ответственность не только многочисленные торги-заказчики, но, прежде всего, художники всех рангов и цеховых пристрастий, которые своим соглашательством, беспринципностью или безучастностью открыли шлюзы для такого вот ведомственного произвола. Все художники — от самого Главного до студента художественно-графического факультета местного педина! И уж конечно, главные художники творческо-производственных комбинатов и предприятий культуры, превратившиеся в решении профессиональных вопросов в послушных исполнителей воли всякого руководства. Последнее же, не располагая, естественно, необходимыми знаниями, методом "тыка" разбрасывает на подведомственной ему территории не только овощные павильоны и цветочные рынки, но и стенды, и полотнища наглядной агитации, которые, будучи часто выполнены вопреки профессионализму и логике, без учета психологии восприятия, никого не агитируют — люди просто не усваивают их смысла, видят лишь однообразные цветовые пятна.

Все, имеющее даже самую незначительную материальную ценность, принадлежащее частному лицу или государству, охраняется законом. Украденный кошелек, похищенная из музея картина, вынесенный с завода гвоздь, спиленная в парке в ночь накануне Нового года елка — все это не-

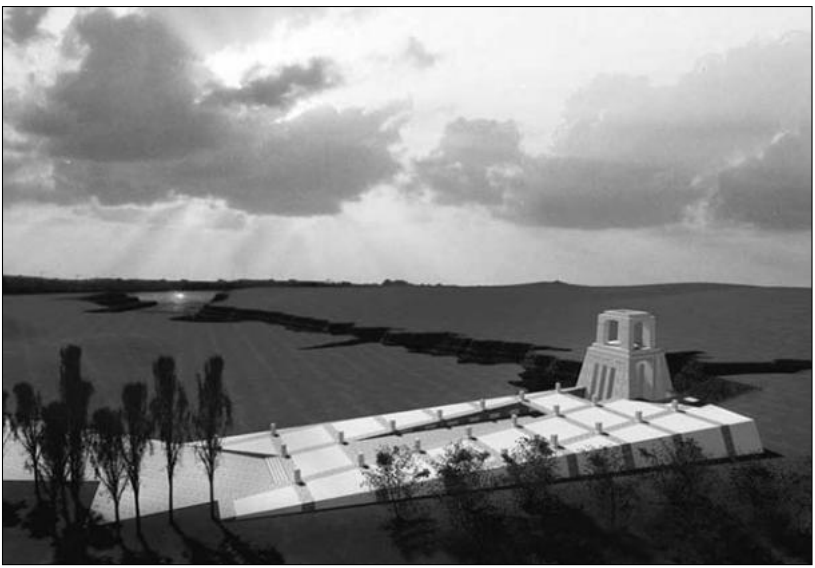
минуемо влечет за собой уголовную ответственность. Зато уничтожение охраняемых законом исторических кварталов, варварское выламывание старинных решеток (кстати, отнюдь не лишенных материальной ценности) остается безнаказанным. Никому из нас еще не приходило в голову, что Союз художников или архитекторов давно могли бы (и не раз, и не два) подать в суд на ведомственные организации, включая, естественно, и ГлавАПУ, занимавшееся на территории Одессы самым элементарным членовредительством. Почему же не приходило? Отчего мы не сделали этого до сих пор? Может быть, потому что каждый из рискованных шагов этих ведомственных организаций, представляющих собой, как иногда кажется, чуть ли не государство в государстве, настолько равнодушны они к критическим замечаниям в свой адрес, потому что каждый поступок свой тайно, чтобы не успело возмутиться общественное мнение, обставляется бесконечным числом словесных обоснований, тоннами проектной документации. За этим бумажным брустверо они неуязвимы или кажутся себе неуязвимыми, это уж как посмотреть. Но что такое эта документация? Давайте разберемся в этом.



Памятный знак в Прохоровском сквере

Все, что окружает нас — от здания до пуговицы, кто-то вообразил себе, нарисовал, рассчитал, воплотил в реальность. И оттого, как все это было сделано, насколько вдохновенно трудилась творческая и исполнительская мысль на каждом из этапов рождения на свет художественно-проектной идеи, зависит конечный итог, качество, так сказать, существования предметного мира — радующего нас, предназначенного для полного удовлетворения потребностей человека, внушающего ему уважение целесообразностью, фундаментальностью замыслов, возвышающего личность благородством форм; или безобразное, оскорбительное для наших чувств, унижающее интеллект, разрушительно воздействующее на веками формировавшееся согласие между духом и материей, нами и средою нашего обитания.

Хорошо известно, что выдающиеся памятники архитектуры, истории, материальной культуры вообще создавались по чрезвычайно скупой до-



Проект мемориала по увековечению памяти жертв Холокоста "Дорога смерти"

кументации. Разрезы. Фасады. Детали. Поэтапные планы... Всего несколько листов. Образное видение старых мастеров не нуждалось в сколько-нибудь сложных регламентирующих каждую мелочь чертежах, хотя строили они и выдающиеся в инженерном смысле сооружения, наподобие Исаакиевского собора или Потемкинской лестницы. Кстати, "строили" они в полном смысле этого слова, так как являлись единственными и непосредственными руководителями строительства. Всего два-три высокопрофессионально исполненных художественных листа раскрывали образную суть и смысл решения иногда грандиозной художественной идеи. Сегодня же десятки (а порою и сотни) не связанных друг с другом ни общими устремлениями, ни творческой заинтересованностью, ни, простите, талантом конструкторов и чертежников выдают тонны весьма серьезных чертежей, выявляющих собой средний или даже менее чем средний уровень профессионального мышления.

Трудно человеку, даже обладающему некоторым образным видением (а тем более администратору, отвечающему за реализацию такого проекта), разглядеть в этой кипе чертежей физиономию будущей постройки. Когда же все это воплощается в жизнь, все мы, независимо от профессиональной

нашей принадлежности, начинаем понимать, какова цена такой методологии проектирования. Перед нами — серость, безликость, торжество антихудожественности. В итоге проектно-бюрократической деятельности нынешнего времени чертежник, сметчик и конструктор заслонили талант художника. Взяв на вооружение усредненное мышление безликих авторов, десятки проектных "контор" проектируют серую же безликую жизнь.



Проект мемориала по увековечению памяти жертв Холокоста "Дорога смерти"

Примеров тому в Одессе сколько угодно. Стандартизированные безликие кварталы новых районов, которые, не успев состариться, морально себя изживают, огромные серые камни бетонных зданий вроде гостиницы "Черное море" или жилого дома возле Успенского собора на ул. Советской Армии, разрушающие архитектурно-историческую целостность улиц; руины Пересыпи и Молдаванки, дорогостоящий обелиск на площади 10 Апреля, дискредитирующий уровнем решения художественно-социальной задачи высокую гражданскую идею!

По-разному складываются взаимоотношения художника с действительностью. Однако взаимное отчуждение друг от друга художников и города, наших творческих союзов от проблем, которые должны ими решаться, и привели нас к сегодняшнему положению вещей. Неудивительно, что поисками исчезнувших с крыш флюгеров занялся журналист, а не художники, которых этот факт должен был насторожить куда раньше. И неудивительно, что флюгеры и по сей день валяются на чердаке злополучного дома — архитектурное руководство города к газетным уколам нечувствительно. Что ж, процесс отчуждения, о котором я рассказываю, обоюден. "Средний" уровень, получивший распространение в нашем городе, заинтересован в том, чтобы не замечать попыток изменить ситуацию в лучшую сторону и, соответственно, против граждан-



Предложения по реабилитации Всемирного торгового центра в Нью-Йорке

ской активизации жизни творческих союзов. Если это произойдет, безликости всяческого рода придется потесниться. В связи с этим не могу не вспомнить своего учителя, ленинградского архитектора Л.С. Катонина, человека высочайшей профессиональной и личной культуры, который, возглавляя одну из мастерских ГлавАПУ, с особым удовольствием разъезжал раз в неделю по поручению Ленсовета по городу и ревностно "сбивал" всякие наросты в виде случайных киосков, дурной рекламы и т. п. Об этом он рассказывал с огромным удовлетворением.

Но что же могут в этих условиях творческие союзы? Ведь помощи их никто не ждет. Более того, нам ясно дают понять, что в ней нет никакой необходимости. Ответ один. Творческие союзы обязаны вмешаться в жизнь города по собственной инициативе. В том числе и в свою собственную судьбу. Отсутствие современного выставочного комплекса, служебных помещений и надлежащих творческих мастерских у выдающейся когорты одесских художников едва ли способствует сближению города и художников, творческому росту сил.

Художественные концепции 60-х годов, выдвинувшие в градостроительстве и архитектуре на первый план инженерное мышление и конструирование, сегодня стали несостоятельны. Безраздельное торжество функционализма типовой геометризированности ведет неизбежно к нивелированию личности. Ценностные наши ориентации изменились. Общество, требующее высвобождения и творческой реализации свойств, которые мы называем теперь совокупно личностным фактором, возвращает нас на новом качественном уровне к яркой образной индивидуализации любого проекта, любой художественной идеи.

Время ждет от нас не спорадических решений, не конвульсивных попыток, а комплексных программ, основанных на долгосрочных прогнозах развития города вообще и отдельных его районов — новых и старых, исторически сложившихся. Программы эти должны основываться не только на традиционных представлениях о благоустройстве, но являть собой новый уровень художественного осмысления сущего применительно к нуждам миллионного современного города. Проектироваться должны не просто отдельные объекты, здания, магазины, парки и дома культуры, а вся городская среда, во всем ее объеме.

Так мы подошли, в частности, к решению проблемы регенерации исторического центра города. Однако эта художественно-проектная программа, более широко известная как проект реконструкции Дерибасовской, сегодня категорически отвергается, реализация ее тормозится. Это пример бесплодной пока попытки прямого воздействия художественной мысли на жизнь города. И все-таки делать это нужно вновь и вновь. Мы же, увы, заняты зачастую другим...

...Мы не умеем объединяться, отстаивая принципы, которые кажутся нам верными.

Мы не умеем защищать друг друга перед нажимом бюрократизма и демагогии. Мы то и дело пасуем перед чванной категоричностью и ханжеством непрофессиональности, поэтому, наверное, спокойно приняли "Потемкинскую деревню" на Пушкинской, потому даем разрушать на наших глазах Пролетарский и уже Приморский бульвары, потому бестрепетно наблюдаем за агонией всей городской материальной культуры, потому не требуем к ответу тех, кто в этой разрухе повинен.

Ведь отвечать пришлось бы и нам. Ведь нет извинений социальной пассивности тем, кто профессией своей назначен идти в авангарде культуры.

1987 год

На репродукциях — ряд проектов архитектора Евгения Оленина

Сочинительница из Одессы

Черное море — теплое. Зимой не замерзает. Только очень редко, в самую холодную зиму, образуется лед у берега. И то ненадолго.

Нина Гернет (1899-1982) родилась и все детство провела в Одессе, и до двенадцати лет не видела замерзшего моря. А на тринадцатую зиму ударил такой мороз, что море замерзло.

"Как это? — удивилась Нина. — Наверное, стоят волны ледяные, на них залезать можно и съезжать, как с горки".

Это она написала потом, в рассказе. Может быть, тогда она так и не думала, а сочинила, когда писала рассказ!

Нина Гернет всегда отличалась богатой фантазией. В детстве любила по вечерам рассказывать соседским ребятам сказки, которые сочиняла тут же, на ходу, и старалась, чтобы было пострашнее. До того, что слушатели начинали визжать от страха.

В Одессе было гимнастическое общество "Сокол", по примеру чешского "Сокола" — по той же методике и с оригинальной терминологией. Участники должны были называть друг друга "братья" и "сестры". И в произведениях той поры (1916-1922 гг.) широко использованы сокольские темы и терминология.

И потом всю жизнь сочиняла. Стихи, пьесы, рассказы. Многие ее рассказы и повести печатались в разных журналах, а также издавались отдельными книгами.

Особенно прославилась Нина Гернет своими пьесами-сказками для театра кукол. Ее пьесы до сих пор идут во всем мире. Это "Волшебная лампа Аладдина", "Царевна-лягушка", "Русалочка", "Принтипрам", "Пятак и Пятачок", "Полянка", "Гусенок" и много других.

В 30-е годы Нина Гернет заведовала редакцией детского журнала "Чиж". Замечательный был журнал! И для этого журнала она однажды написала рассказ "Пешком по морю" — о том, как в детстве ходила по замерзшему морю.

Почти в каждом номере "Чижа" печатались приключения девочки Маши, которая все время попадала в какие-то трудные положения и всегда из них выпутывалась очень остроумно и забавно. Ее так и прозвали — "Умная Маша". Детям очень понравилась Умная Маша, и они даже писали ей письма, рассказывали о своих радостях и заботах и спрашивали совета. Но вот беда: читатели-то были дошкольники и младшие школьники, которые еще не все умели писать как следует. Тем более — письмо в редакцию. А потом надо ждать два-три месяца, пока в "Чиже" напечатают ответ. За это время забудешь, о чем спрашивал.

И вот Нина Гернет придумала: разрешить детям звонить в редакцию по телефону — в определенный час, с 11 до 12-ти часов. Телефон всегда в редакции загружен, очень много переговоров. Но на это время все деловые разговоры прекращались: "Извините, звоните, пожалуйста, после 12-ти часов, сейчас читатели "Чижа" разговаривают со своим журна-

лом, с Умной Машей". Вся редакция была наготове, чтобы находить ответы на самые неожиданные, иногда очень трудные вопросы:

"Где водятся крокодилы?", "Каракатица — это зверь или рыба? Она кусается?", "У нас есть скворец в живом уголке, можно научить его говорить?", "Как кричит еж?", "Я придумала игрушку. Пусть такую сделают!", "Мы с Изей поспорили. Кто из нас прав?"

Хорошо известное ныне стихотворение Хармса "Из дома вышел человек" было написано, конечно же, без всякой задней мысли. Впервые оно было напечатано в мартовском номере "Чижа" за 1937 год. Нина Гернет вспоминала:

"Детям стихи принесли много радости, а автору (и редакции) — большие неприятности. Кто-то из начальства увидел строки:

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез.

И начальство вдруг возмутилось: "В советской стране человек исчезнуть не может!" (напомним, год был 37-й. — **Э. Г.**). И нам долго нельзя было печатать стихов, подписанных Д.И. Хармсом".

Нина Владимировна умолчала, что не только исчезло имя Хармса из журнала, но с той поры исчезла вся редакция "Чижа", и сама она была снята с заведования редакцией — следующий номер был подписан другими именами... Вместе с тем исчез и дух веселого творчества.

Но связи с "Чижом" не прервались: нельзя же оставить детей совсем без веселых выдумок! Особенно ее любимых малышей. И вот в подцензурном, верноподданном "Чиже" появляется крохотное, незаметное добавление — "Красная Шапочка".

Читатель "Чижа" должен был вынуть средние листы, сложить вчетверо, разрезать и сшить листки — и получал маленький журнальчик в 16 страничек, сделанный своими руками. А в нем были картинки для разглядывания, задачи, загадки, стихи, задания на сочинение рассказов по картинке, — словом, с этим журнальчиком еще надо было работать, а не просто читать.

Этот вкладной листок для самых маленьких был тогда — с 1938 по 1941 год — истинным наследником прежнего блестящего "Чижа". Именно эта, полуподпольная редакция дала возможность собраться вместе уцелевшим выдумщикам и изобретателям. Здесь они отводили душу. Тут (и, очевидно, только тут) между ними опять возникала былая творческая атмосфера — вещь неосязаемая, неопределимая, но совершенно необходимая для совместного творчества настоящих мастеров.

И в этой "Красной Шапочке" Нина Гернет тоже была главной заводилой, выдумщицей.

Уже после переезда в Ленинград, в 1930-е годы, ею были написаны лучшие одесские рассказы: уже упомянутый "Пешком по морю", "Неизвестная в белом", "Силуэты про-

шлого (Одесса, 1918 год)", "20-й год, Одесса" (о знаменитом одесском "Коллективе поэтов", в котором она также участвовала), и автобиографическая повесть "Дети с Княжеской" — ибо на Княжеской улице в доме 12 прошли ее детство и юность.

К столетию писательницы в одесской газете "Слово" был напечатан очерк В. Нетребского "Дети с Княжеской и другие". А в 2009 году — к 110-летию — о замечательной одесситке вспоминает альманах "Дерибасовская — Ришельевская".

Эрик ГЕРНЕТ*

Нина ГЕРНЕТ

Неизвестная в белом

В ставнях длинная щель. Перерезана пополам железной задвижкой. А снаружи напирает солнце, хочет разорвать ставни, хлынуть в комнату, залить ее до потолка! Но задвижка держит. Солнце только просачивается в щель, льется с высоты на пол светлой струей. Как сумасшедшие, толкутся в золотом потоке мельчайшие козявки. Знают, что их теперь видно, — радуются, крутятся, выкомаривают — себя не помнят.

Нинка обводит комнату еще сонным взглядом. Все знакомое. Все, как всегда.

Птицы уже орут, как недорезанные. Такие маленькие существа, а крик ужасный.

Нинка схватила платье — и ахнула. На боку — пятно. Огромное помидорное пятно. Ну, конечно, Вовка оставил недоеденный помидор на табуретке. А Нинка не заметила, бросила платье. Попадет от мамы.

Мама все разрешает — всюду лазить, играть с мальчишками, даже возиться в глине — но только в платье, которое не жалко. А вчера платье "не жалко" прямо с порога было отобрано и брошено в стирку. И выдано вот это, белое: "Можешь ты хотя бы один день походить в цивильном и не замазюкать?" — спросила мама. Нинка пообещала. И вот тебе на!

Она сокрушенно щелкнула языком. Накинула платье, посмотрела. Э, чепуха, если прижать локтем — почти не видно.

Жучка негромко гавкает под самым окном. Нинка распахнула ставни. Воздух, холодный, душистый, ворвался в комнату. Нинка вылезла в окно.

Завизжала в истерике Жучка, кидаясь на Нинку. Каждое утро сходит с ума от радости. Она уже поднадоела Нинке своими истериками, но оби-

* Автор статьи — Эрик Михайлович Гернет, сын писательницы Нины Гернет.

шлого (Одесса, 1918 год)", "20-й год, Одесса" (о знаменитом одесском "Коллективе поэтов", в котором она также участвовала), и автобиографическая повесть "Дети с Княжеской" — ибо на Княжеской улице в доме 12 прошли ее детство и юность.

К столетию писательницы в одесской газете "Слово" был напечатан очерк В. Нетребского "Дети с Княжеской и другие". А в 2009 году — к 110-летию — о замечательной одесситке вспоминает альманах "Дерибасовская — Ришельевская".

Эрик ГЕРНЕТ*

Нина ГЕРНЕТ

Неизвестная в белом

В ставнях длинная щель. Перерезана пополам железной задвижкой. А снаружи напирает солнце, хочет разорвать ставни, хлынуть в комнату, залить ее до потолка! Но задвижка держит. Солнце только просачивается в щель, льется с высоты на пол светлой струей. Как сумасшедшие, толкутся в золотом потоке мельчайшие козявки. Знают, что их теперь видно, — радуются, крутятся, выкомаривают — себя не помнят.

Нинка обводит комнату еще сонным взглядом. Все знакомое. Все, как всегда.

Птицы уже орут, как недорезанные. Такие маленькие существа, а крик ужасный.

Нинка схватила платье — и ахнула. На боку — пятно. Огромное помидорное пятно. Ну, конечно, Вовка оставил недоеденный помидор на табуретке. А Нинка не заметила, бросила платье. Попадет от мамы.

Мама все разрешает — всюду лазить, играть с мальчишками, даже возиться в глине — но только в платье, которое не жалко. А вчера платье "не жалко" прямо с порога было отобрано и брошено в стирку. И выдано вот это, белое: "Можешь ты хотя бы один день походить в цивильном и не замазюкать?" — спросила мама. Нинка пообещала. И вот тебе на!

Она сокрушенно щелкнула языком. Накинула платье, посмотрела. Э, чепуха, если прижать локтем — почти не видно.

Жучка негромко гавкает под самым окном. Нинка распахнула ставни. Воздух, холодный, душистый, ворвался в комнату. Нинка вылезла в окно.

Завизжала в истерике Жучка, кидаясь на Нинку. Каждое утро сходит с ума от радости. Она уже поднадоела Нинке своими истериками, но оби-

* Автор статьи — Эрик Михайлович Гернет, сын писательницы Нины Гернет.



Нина Гернет. 1909 г.

жать ее неудобно — она же от всего сердца! И Нинка из одной вежливости разыгрывает каждое утро нежную, трогательную встречу.

Потом она сбегает к морю.

Море лежит перед Нинкой, блестящее, неподвижное, будто политое маслом, — такая тишина бывает только ранним утром. Солнечная тропинка, переливаясь, тянется к горизонту. Вокруг нее лежит на воде легкая дымка. Особенное, соленое дыхание моря.

Сегодня сильный отлив. Зеленые бородатые камни высунули головы из воды. Нинка отправляется в рейс за "драгоценностями".

Она медленно шлепает по воде у самого берега, нагнув голову, и старательно смотрит под ноги. И вдруг, как хищная птица, кидается, хватает.

— Сапфир, — замирая, бормочет Нинка и прикладывает к глазу осколок голубоватого стекла. Ничего не видно. Море обтерло стекло, сделало его матовым. — Чистой голубой воды сапфир, — с удовлетворением шепчет Нинка и прячет найденную драгоценность в карман. Для начала неплохо.

А вот это... это не каждый день увидишь. Вот это — случай! Над берегом, в ста шагах впереди, сидит художник. Соломенная шляпа, острая бородка — это Нилус, художник очень знаменитый. Вероятно, он тут гостит у кого-то. Перед ним стоит мольберт — художник рисует.

Нинка впивается глазами в художника. Она напустила на себя вид "молодая девушка на утренней прогулке" и пошла к художнику, небрежно покачиваясь. Она любовалась окрестностями; смотрела на облака, заслонив ладонью глаза, а когда подошла близко — "задышала полной грудью".

"Юная леди шла медленно, дышала полной грудью и, казалось, не замечала устремленных на нее восторженных взглядов".

Художник не обращал внимания. Нинке стало досадно. Она прошла мимо, деликатно нюхая пыльный лиловый бессмертник. Потом круто повернула и стала подкрадываться к художнику со спины. От юной леди ничего не осталось. "Молодая индианка скользила, как горный дух. Ни один камешек не шевельнулся под ее легкой стопой".

Нинка увидела такое, что дух у нее замер. Художник рисовал их собственный, Нинкиной дачи берег, их собственную некрашеную купальню и уже начал лесенку, ведущую в воду.

Нинка прижала руки к груди. Сердце колотилось. Она тихонько выбралась из кустов и по тропинке галопом понеслась обратно.

— Только бы успеть... Только бы успеть...

Задыхаясь, остановилась Нинка на лесенке купальни. Мысли прыгали в лихорадке.

"Руку небрежно на перила. Задумчивое лицо... Проклятое пятно! Миленький, хороший, нарисуй! Не шевелиться. А то они не могут нарисовать. Я буду как каменная. Нарисуй же, нарисуй, нарисуй! Ветер треплет непокорные золотые волосы..."

Но ветру нечего было делать с Нинкиными волосами — все, что можно, было растрепано раньше.

Локтю было больно на жестких перилах. Вытянутая шея ныла. Рука вдавила в бедро проклятое помидорное пятно. Возле носа страшно чесалось. Но Нинка не смела поднять руку. Она знала, что даже моргать нельзя, — "а то они не могут нарисовать".

"Она стояла во всем белом и в глубоком раздумьи смотрела на беспредельный простор синего моря".

Когда стоять стало совсем невмоготу, Нинка сорвалась с места и, спотыкаясь от страха и надежды, понеслась к художнику. Камни гремели под ее ногами — ей теперь было все равно.

Совершилось! На лесенке купальни виднелась крошечная белая фигурка. Правда, художник не нарисовал выражения "глубокого раздумья" на лице, потому что и лица-то настоящего не было. Но это была она, Нинка, "во всем белом".

Раздавленная своим величием, Нинка возвращалась домой. Пережитое волнение разбило ее. Она еле передвигала ноги.

"Портрет девушки... Кисти знаменитого художника... Кто она? Кто эта девушка в белом?"

Нинка горько усмехнулась. Она — "неизвестная".

Из дома вышла мама в цветастом пеньюаре. Глаза ее округлились от ужаса:

— В чем у тебя платье? Это же свиньи, а не дети!

— Было незаметно. В уменьшенном виде, — снисходительно обронила Нинка и прошествовала к своему окну.

1920-й год, Одесса

1920-й год. Голодный, нищий. Солнечное лето. Садовую улицу пересекала за почтамтом улица Петра Великого — она же бывшая Витте, бывшая Дворянская. Как она называлась в 1920-м году, — не помню. Только на ней, между Садовой и Нежинской, была квартира, вернее, темноватая комната, где собирался "Коллектив поэтов". Кто мне сказал об этом, — не помню, вернее всего, Оля Улицкая, моя подруга, которая тоже писала стихи.

Мы пришли. Никто не обратил на нас особого внимания. Много было разных людей. Сидели и слушали стихи. Выступал кто хотел. Только после, во время других собраний, я узнала, что там были большие поэты и писатели. Знай мы с Олей это заранее, может, мы бы не так смело заявились со своими стишками, а может, и совсем бы не решились... Как бы то ни было, не то в первый, не то во второй раз я впервые в жизни обнародовала свое литературное произведение. До сих пор помню его наизусть, хотя много юношеских стихов забыла и потеряла.

Рожок привычно нежит слух.
Встречаю утро у колодца,
Покамест заспанный пастух
За стадом на луга плетется.

И радостно снопы возить
Под бесконечно синим небом,
И лошадей из рук кормить
Посоленным душистым хлебом.

А на жнивах, в палящий зной,
Над нивой ласково склониться;
Томясь под ношей золотой,
Передохнуть остановиться...

Когда ж в трудах угаснет день,
И на крыльце сидим без дела —
Тогда благословенна лень
И нега ноющего тела!

Вечерним солнцем воздух пьян
Над покосившейся калиткой,
И сливок розовых стакан
Небесным кажется напитком!

Первой реакцией, не успела я кончить, был вздох из дальнего угла и тоскливая фраза:

— Так он и есть небесный...

Это был 20-й год. Голодный. Может, потому и я про сливки писала.

Похвалили, в общем. Потом я прочитала стихи, посвященные Ахматовой, — тогда она и Блок были любимыми поэтами. Мы ловили каждую строчку, повторяли и заучивали. До сих пор я помню наизусть массу стихов из "Белой стаи", "Подорожника". Кажется, первую строфу я забыла (не помню даже, была ли она), а конец помню.

Сестра, я знаю, ты в цепях,
У Понедельника в подвалах.
Рыдаю я в моих стихах,
А ты — и плакать перестала.

Какую ж муку приняла,
Какою цепью грудь сдавила,
Чтоб даже плакать не могла,
Чтоб даже песни позабыла?

Сейчас мне это стихотворение кажется не только слабым, но и нахальным: лезть в сестры — к кому! Но судьи мои на это не обратили внимания. Им понравился образ жестокого Понедельника. Так что ободрили, погладили по головке. И стала я ходить на эти собрания. А когда кто-то предложил привести в порядок эту комнату (она, видимо, была ничья, бесхозная, из брошенной квартиры) — мы с такой охотой пришли с тряпками и метлами, как, верно, ни на какой субботник не ходят. Наша комната!

Собирались по вторникам. И слушала я разговоры о неопушкинианской школе, которая тогда владела поэтами. А какие поэты приходили и читали!

Олеша. Спокойный, медлительный, немногословный. Ужасно жалко, что не запомнила больше его стихов. Но ведь ничего не записывалось, все, что помню, — оставалось в памяти с одного чтения — много ли могло уцелеть за столько лет? Олеша читал:

Двадцатый век, как низко пал ты!
Изнеможен, теряя дух,
Бредешь от Жлобина до Балты
И от Борщей до Попелюх...

А выходил Багрицкий — в штормовке, в солдатских обмотках, худой, нервный, — и торопливо, светлым, задыхающимся голосом читал:

И белой яхты легкий крен,
И тихий образ милой Джен...

Или:

Каждый день туда приходит
Королевский конный рейтар.
Перья сокола на шляпе,
И в раструбах сапоги.
Требует он кружку пива,
С талера не просит сдачи
И глядит, глядит на Марту,
Да покручивает ус...
Марта, Марта! Нужно ль плакать,
Если Дидель свищет птицей,
Если Дидель бродит в поле
И смеется невзначай...

А самая убежденная представительница неопушкинианской школы, молодая Зинаида Шишова, читала с подпеванием:

Я знаю — времена бывали —
Счастливейшие из времен, —
И у источника видали
Нежнейших девушек и жен.
И пахли в час перед полуднем
Соленой влагою морей
Покорные высоким будням
Ладони царских дочерей...

Худой высокий Ильф обыкновенно садился на низкий подоконник, за спинами всех. Медленно, отчетливо произносил он странные, ни на какие другие не похожие стихи, которые нравились мне именно этой странностью формы и поэтических образов:

...Комнату моей жизни
Я оклеил мыслями о ней...

Или:

А мы, в костюме Адама до грехопадения,
Прикрыв неприличие шевиотовой эманацией...

Сохранились ли где-нибудь, у кого-нибудь из его тогдашних товарищей эти стихи? А я больше ничего не помню.

Марк Тарловский. Впечатление чего-то лохматого, громкого, задорного. И вот какие стихи:

Бриллиант, сверкающий в небе,
Бриллиант чистейшей воды!
Безмерно великолепен
Прожектор ночной звезды!
Он так лучезарно светел,
Что будто бы видит глаз,
Как лижет огненный ветер
Поверхность бурлящих масс.
Что, если взорвавшись разом,
Он брызнет миллионом брызг?
Такой космический казус
Для всех нас чертовский риск!
На землю свалится брызга
В три солнца величиной!
Она не услышит писка
И нашего крика: "Стой!"
Мы скопищем ярких капель
Ворвемся в поток огня.
Я буду гореть, как факел,
И все увидят меня!

И вот еще:

Полумесяц поднялся сонно
И достиг макушки небес.
Он казался куском лимона,
Что от чаю слегка облез.
Он увидел большую церковь,
И, боясь провалиться вниз,
Встал над самым церковным верхом,
На конец его опершись.
Это было для церкви срамом,
Это ей принесло ущерб:

Разве можно над русским храмом
Водружать мусульманский серп?
Нет, христиане! Мы всем народом
Ощетиним винтовок лес,
И пойдем крестовым походом
На султана ночных небес!

Однажды, уже вечером (сидели до темноты, света не было — разве коптилка) явился мальчик. По-моему, было ему 12-13 лет. Громко и уверенно начал что-то читать, не помню что — неинтересное для меня, видно. Кончил. Все помолчали. Потом кто-то из старших спросил его: как он относится к Пушкину? Точного ответа мальчика не помню, но смысл был такой, что Пушкин кончился и нам не указ. Все молчали. И вдруг из темного угла, от окна, где сидел Ильф, раздался спокойный, ровный голос:

— Пошел вон.

Мальчик был Семен Кирсанов. Он не пошел вон, а стал таким же участником сборищ, как и мы все.

Помню аристократического, выдержанного Георгия Шенгели, который вел литературные споры. Читал ли он стихи, и какие — не могу припомнить. Бывал и Андрей Соболь. Длинноволосый Миних. Сосюра, читавший длинные украинские поэмы или баллады...

Кажется, по инициативе этого же "Коллектива поэтов" было организовано кафе поэтов. Не то возле какого-то иллюзиона "Урания", не то оно само называлось "Урания"...

Помню, что это была терраса, что единственное угощение было — жестяные миски с черным не то желудевым, не то житным кофе, и, кажется, к мискам давались столовые ложки. В глубине террасы была небольшая эстрада, и вот там выступали поэты для всей публики, и даже происходили литературные диспуты.

Помню, Олеша произнес эпиграмму:

Не будем говорить о свиньях,
Когда стихи читает Миних.

Разъяренный Миних тут же вихрем ворвался на эстраду и выкрикнул:

Когда ж читать начнет Олеша —
О свиньях будем говорить!

Чем кончилось — не знаю, шум поднялся со всех сторон.

И был у нас гимн — "Четвертый пэон":

Четвертый пэон — это форма стиха,
А всякая масса без формы плоха,
А так как стихов у нас масса,
То форма нужна ей, как мясо.
Вперед, товарищи!
И без формальности
Оформим форму мы без платформ.
Вперед, товарищи! До идеальности
Нас доведет лишь строгость форм!
— — — — -
— — — -
— — -



Автор "Гаврилиады"

Роман "12 стульев". Глава 31 – "Автор Гаврилиады": "...Никифор Ляпис, молодой человек с бараньей прической и неустрашимым взглядом. ... В Доме народов он был своим человеком и знал кратчайшие пути к оазисам, где брызжут светлые ключи гонорара под широколиственной сенью ведомственных журналов. ... Прежде всего Никифор Ляпис пошел в буфет... Потом Ляпис неторопливо стал обходить свои владения...

– Да, кстати, Ляпис, почему вы Трубецкой?".

Именно с таким вопросом: "Да, кстати, Сиркес, почему вы Колычев?" – могли обратиться Ильф и Петров к своему земляку. Для всех, знающих или угадывающих прототипа Ляписа-Трубецкого, Осип Колычев связан с ним навечно.

Что сегодня читатель помнит о Колычеве? Автор песен для Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии, автор песен-хитов 1920-х "Мы молодая гвардия рабочих и крестьян", "Несокрушимая и легендарная".

Часть архива поэта хранится в Одесском литературном музее. И много неожиданного и любопытного можно найти в этих старых рукописях.

Осип Яковлевич Сиркес (1904-1973), сын одесского журналиста Сиркеса (Фауста), можно сказать, потомственный литератор. Родился в Одессе.

Отец, Яков Осипович Сиркес (ум. в 1922?), не только писал статьи, но и был автором нескольких книг. Первая вышла еще в 1892 г. "Аргентинский отклик. Сборник статей и стихотворение по поводу колонизации Аргентины. Издатели М. Поляновский и Я. Сиркес". Позднее выходит в его переводе книга "Знаменитый еврейский шут Гершко из Остропо̀ля". Есть у Я. Сиркеса книга рассказов "Одесские трущобы – из жизни обитателей одесских трущоб и вертепов" 1903 г., в том же году выходит и сборник шутливых стихотворений "Смех и фантазия". Похоже, после рождения сына в 1904 было уже не до книг.

Первые литературные произведения Осипа написаны, в прямом смысле, на обороте отцовских рукописей. С одной стороны – четкий уверенный почерк Якова Сиркеса – статья-некролог врачу и общественному деятелю Герману Адлеру. С другой – мелко и неразборчиво записан трагический монолог, придуманный сыном. В статье Фауста нет ни начала, ни конца, а Колычев (тогда еще Сиркес) заканчивает так: "Я жить еще хочу, но только б не уснуть, Уйдите ж наконец, мятежные терзанья, Не мучьте без конца измученную грудь. (Тихо плачет). Занавес".

Что ж, революция, гражданская война, бумаги недостает. И если отец пером зарабатывает семье на жизнь, то сын к этому перу только примеряется.

О том, как он попал в круг молодых одесских поэтов:

"1921 год.

Голодный, но счастливый и солнечный год моей юности.

Слишком много выстрадано для моих семнадцати лет. Смена десятков властей и правительств. Бомбардировки, потрясающие стены нашего дома на Кузнечной, и пули, свистевшие в кронах акаций...

Бои — на улицах. Расстрелы, налеты.

Но вот установилась Советская власть.

...

В эти дни я самозабвенно был влюблен в поэта Надсона. Мало сказать, влюблен. Я боготворил этого длинноволосого юношу с чахоточным лицом, с мечтательными еврейскими глазами...

Я сразу впитал в себя на всю жизнь афористическое пятистрочие этого поэта, которое еще в раннем детстве прочитал мне мой отец. Написанные в конце прошлого века, мне кажутся и сейчас эти строки очень точными и взвешенными.

В них — предчувствие нового расцвета русской поэзии.

Ищите новые пути!
Стал тесен мир. Его оковы
Непобедимы и суровы.
Где ж вечным розам расцвести?
Ищите новые пути!
...

Однажды я вышел на улицу погулять, семнадцатилетний юноша с наивной шевелюрой, с наивным представлением о поэзии и ее задачах, влюбленный в Семена Надсона — и более ни в кого, а вернулся — обогащенный целым миром поэзии, внезапно повзрослевший и посвященный во все богатство звучаний современного стиха.

Произошло это в течение часа — и вот как это произошло.

Беспечно шатаясь по Тираспольской улице, я увидел впереди себя энергично шагающего низкорослого мальчика, держащего перед глазами раскрытую книгу каких-то стихов и громко читающего их вслух посреди многолюдной улицы.

Я поравнялся и заглянул в глаза мальчику. Он с любопытством ответил мне взглядом черных озорных глазок и тут же представился:

— Семен Кирсамов. (Тогда фамилия поэта звучала еще так, с буквой "м" вместо "н".)

Назвался и я.

Мы обменялись крепким рукопожатием (вначале автор написал — "взглянули друг другу в глаза". — **А. Я.**), и оба почувствовали, что эта встреча предрешена, что она — на долгие годы.

Книжка, которую читал С. Кирсанов, была сборником Владимира Нарбута "Огненный столп" (ошибка автора, "Огненный столп" (Петроград, 1921) название книги Н. Гумилева, книга В. Нарбута "В огненных столбах" вышла в Одессе в 1920 г. – **А. Я.**).

О многом в этот день мы рассказали друг другу, во многом признались, и прежде всего – в желании стать поэтами, по возможности, великими".

И все же, почему такой псевдоним – Колычев? Чтобы с отцом не путали? А может потому, что был в XVIII веке такой боярин Осип Андреевич Колычев. Красивое имя, высокая честь! Так появился в русской литературе поэт и переводчик Осип Колычев.

Колычев перебирается в Москву в 1928 году. Думается, его неутомимость и побудила Ильфа и Петрова создать образ автора "Гаврилиады", но пока он попал в очень приличную компанию.

Из письма Колычева матери: "Дорогая мама, со вчерашнего дня я живу в Ленинграде. Со мной – Кирсанов. Его затея, его деньги. Пробуду здесь несколько дней. И если улыбнется аванец, поедем дальше в Кронштадт, в Царск[ое] село и в Архангельск. До сих пор у меня не было возможности отправить тебе и Любе одолженных денег. Из первых же более или менее крупных получек – немедленно же вышлю. Здоровье мое обычное. Подъем на 5-ый этаж – по-прежнему задание суровое, сопряженное с большими трудностями. В высшей степени полезен для сердца (я это ясно чувствую) свежий зимний воздух. Самочувствие – вполне приличное. Я продал стихи в Новый мир, в Октябрь, в Ниву ("Красная Нива". – **А. Я.**), в Ленинградскую Смену, попробую сегодня почву Звезды. Ленинград – великолепен. По приезде в Москву напишу отдельное письмо... Целую Ося".

Колычев становится поэтом-песенником. Его стихи положены на музыку братьями Покрасс, А. Александровым, В. Мурадели, Р. Глиером, М. Табачниковым.

Он переводил с идиш. В 1935 г. в Гослитиздате вышла книга "Из еврейских поэтов. Сборник стихов" в авторизованном переводе О. Колычева. В нее входили стихи И. Фефера, Д. Гофштейна, П. Маркиша. В предисловии Колычев объяснял свою задачу: "представить круг поэтов одного десятилетия (1920-1930), поднявших на большую высоту стиховую культуру своего языка". Позднее книга попала в список запрещенных.

Колычев в советские годы был благополучным автором, книги выходили, песни звучали по радио и со сцены в исполнении Краснознаменного ансамбля. Он общался и со старыми одесскими друзьями, независимо от их рангов.

Из письма Л. Утесова: "Дорогой друг! Я сердечно благодарю Вас за книжку Ваших стихов. Я искренне люблю Вас – поэта. Хотел позвонить Вам, да не знаю Вашего телефона".

Из письма Бориса Бобовича 28 декабря 1971 г. "Страшно жалел, что не сумел побывать на Вашей, как мне говорили, очень интересной выставке".

Из письма И. Сельвинского: "В больнице видел Ваши этюды, кажется в "Юности".

Очень за Вас обрадовался. Просто не ожидал, что Вы – такой живописец. Но, конечно, живописец-поэт в Вас, слава богу, гораздо сильнее".

О том, что не был забыт, свидетельствует то, что известнейший пародист Александр Иванов почтил его пародией. В ней есть такие строки:

Стиляжьи штиблеты модерна
Порой не подтянешь никак.
Но служит спокойно и верно
Разношенный ямба башмак.

Что ж, ямб не такой уж плохой ритм. Да и отличать его от хорея Осип Яковлевич умел.

Одна из последних публикаций стихотворений Колычева состоялась уже в 1997 году. Альманах "Охотничьи просторы" перепечатывает стихи о природе. Воспоминания же публиковались, и не в полном объеме, почти полвека назад.

Всецело доверять Колычеву (как, впрочем, и любому другому мемуаристу) не стоит. Он ошибается в датах, порой – в названиях книг, но очень много верных, метких характеристик, малоизвестных фактов.

Между прочим, в нашем альманахе "Дерибасовская – Ришельевская", в 29 номере, были опубликованы стихи "Потоки" ("На перекрестке Степовой..."). В журнале "Силуэты" 1923 г. имя автора указано как "М. Тарасенко". Подпись вроде бы указывает на Марусю Тарасенко, невесту Ильфа, но чересчур уж лихие строчки для юной девушки. А у Колычева читаем: "В тех же "Силуэтах" были опубликованы написанные мной совместно с С. Гехтом шутливые стихи о потоковцах". Цитирует он по памяти не вполне точно, но все же авторство стихов не вызывает сомнений. Одной, пусть и маленькой тайной в литературной жизни Одессы двадцатых стало меньше.

Алена ЯВОРСКАЯ

Осип КОЛЫЧЕВ

Рождение "Потоков Октября"

В Одессе в 1922 году при клубе "Январских мастерских" был создан литературный кружок "Потоки Октября". Раньше старые кадровики и молодежь наугад без руководства знакомились с художественной литературой. Теперь появилось руководство в лице милейшего Лагутинского, учителя словесности.

В журнале "Шквал" (1924 г., № 5) напечатаны были любопытные заметки первых организаторов кружка, И. Чернова и А. Баршта, "Как создавались "Потоки Октября":

Очень за Вас обрадовался. Просто не ожидал, что Вы – такой живописец. Но, конечно, живописец-поэт в Вас, слава богу, гораздо сильнее".

О том, что не был забыт, свидетельствует то, что известнейший пародист Александр Иванов почтил его пародией. В ней есть такие строки:

Стиляжьи штиблеты модерна
Порой не подтянешь никак.
Но служит спокойно и верно
Разношенный ямба башмак.

Что ж, ямб не такой уж плохой ритм. Да и отличать его от хорея Осип Яковлевич умел.

Одна из последних публикаций стихотворений Колычева состоялась уже в 1997 году. Альманах "Охотничьи просторы" перепечатывает стихи о природе. Воспоминания же публиковались, и не в полном объеме, почти полвека назад.

Всецело доверять Колычеву (как, впрочем, и любому другому мемуаристу) не стоит. Он ошибается в датах, порой – в названиях книг, но очень много верных, метких характеристик, малоизвестных фактов.

Между прочим, в нашем альманахе "Дерибасовская – Ришельевская", в 29 номере, были опубликованы стихи "Потоки" ("На перекрестке Степовой..."). В журнале "Силуэты" 1923 г. имя автора указано как "М. Тарасенко". Подпись вроде бы указывает на Марусю Тарасенко, невесту Ильфа, но чересчур уж лихие строчки для юной девушки. А у Колычева читаем: "В тех же "Силуэтах" были опубликованы написанные мной совместно с С. Гехтом шутливые стихи о потоковцах". Цитирует он по памяти не вполне точно, но все же авторство стихов не вызывает сомнений. Одной, пусть и маленькой тайной в литературной жизни Одессы двадцатых стало меньше.

Алена ЯВОРСКАЯ

Осип КОЛЫЧЕВ

Рождение "Потоков Октября"

В Одессе в 1922 году при клубе "Январских мастерских" был создан литературный кружок "Потоки Октября". Раньше старые кадровики и молодежь наугад без руководства знакомились с художественной литературой. Теперь появилось руководство в лице милейшего Лагутинского, учителя словесности.

В журнале "Шквал" (1924 г., № 5) напечатаны были любопытные заметки первых организаторов кружка, И. Чернова и А. Баршта, "Как создавались "Потоки Октября":

"— Почему вы не создаете литкружок?

— Да как его создавать? Фабрики писателей еще нет, слыхал я.

— Но вы ведь пишете!

— Пишу.

— Вот и прекрасно. Я... тоже пишу.

— Вы?

— Да.

— Тогда давайте, сорганизуемся.

Разговаривали в 1921 году зав. клубом им. т. Ленина — т. Чернов и т. Резников.

Заговорщики подали руки и разошлись. Родился родник пролетарских писателей Одессы".

Багрицкого не приглашали. Он сам пришел.

По его почину пришли и мы, его товарищи, прозаики и поэты: И. Ильф, И. Микитенко, Т. Тэсс, Л. Славин, С. Гехт, С. Бондарин, С. Кирсанов, С. Олендер, Д. Бродский.

Багрицкому доставало особое удовлетворение: на нетронутой почве художественного восприятия прививать благородные правильные вкусы.

Он вливал в нас, в своих слушателей, драгоценное вино чужой поэзии.

Виноделы знают о существовании "винного камня". Им покрывается внутренняя сторона бочонка после долгого хранения в нем вина. С "винным камнем" я сравнил бы эстетический вкус, который вырабатывается в человеке с годами от знакомства с сокровищницей поэзии и культуры, и который Багрицкий умел вырабатывать в каждом из нас.

Обаяние личности Багрицкого заставляло ему верить. Рабочие, пробовавшие себя в литературе, начинали писать грамотно.

Рабочий И. Яковенко, терпевший на литературном поприще поражение за поражением, прочел на каком-то очередном заседании кружка совсем недурные стихи.

Звезда в стеклянном колпаке!
Ты светишь ровно, не мерцая,
Не там, где светят вдалеке
Другие звезды, умирая.

...Звезда в стеклянном колпаке!
Ты с неба пленницей попалась!
О, в чьей мозолистой руке
Впервые ты затрепыхалась!

Читал Яковенко балладу об электрической лампочке, которая только-только начинала робко вспыхивать по вечерам над возрождавшейся после разрухи Одессой. И в этом — было знамение эпохи! Рабочий Одессы воспевал возрождение города.

Эдуард Георгиевич насторожился. В зале заседания установилась деловая тишина. Я напряженно следил за Багрицким, имевшим обыкновение, слушая стихи, косить куда-то в сторону серые мечтательные глаза, хрипло откашливаться и нервно ломать длинные с заметным увечьем пальцы. (Два пальца левой руки еще в дни юности были прострелены при неосторожном обращении с револьвером.)

— Настоящие, настоящие стихи! — закричал он, ошарашивая поздравлением смутившегося автора. — Значит, наша работа не прошла даром! Я счастлив!

Конечно, эти стихи рабочего поэта отнюдь не были поэтическим перлом. Багрицкого взволновал тот бесспорный факт, что рабочий поэт стал мыслить метафорами.

Так росла связь Багрицкого с рабочим коллективом Одессы. Рабочие-кружковцы, или "потоковцы", как их называли, запросто навещали поэта-птицелова. В каждый свой визит к нему на Дальницкую я обнаруживал новых знакомцев.

Разговоры велись уже не только на литературные темы. Багрицкий присматривался к быту рабочих, прислушивался к их языку, обогащая свой словесный багаж. Если же у посетителя вдобавок ко всему прочему оказывалась страсть к птицам или рыбам, интерес Багрицкого к такому товарищу увеличивался вдвое.

Союз их упрочивался надолго. Знакомство превращалось в закадычную дружбу. Багрицкий многих своих приятелей — в том числе и меня — приохотил к разведению рыбок в аквариумах. К покупке певчих птиц, к голубеводству.

Из крохотных гонораров за стихи, печатавшиеся в "Известиях" и в "Моряке", две трети предназначались для жизни и немедленно передавались жене Лидии Густавовне, а треть шла на птиц, клетки, корм.

Я написал "немедленно передавались". Да, во избежание соблазна все деньги истратить на птиц...

..."Потоки Октября" — одна из самых воплощенных страниц в литературной летописи Одессы. Организация крепла с каждым собранием. Здесь, помню, читал Багрицкий своего "Летучего Голландца" с посвящением — очень характерным для того времени.

...Пусть нашей мудростью объятый,
Решит внимающий Совет,
Нужна ли пролетариату
Моя поэма — или нет?

Дело в том, что поэма "Летучий Голландец" была рождена воображением заядлого романтика, она была пропитана солью бушпритов и разорванных бурями парусов, она пахла морским йодом и пометом бакланов.

Совет принял решение все же в пользу поэмы. И совершенно справедливо.

Деление писателей на "пролетарских" и на "попутчиков" перекочевало из Москвы в Одессу.

Багрицкий и молодые писатели, пришедшие в "Потоки Октября", расценивались как революционные попутчики. Пролетарским же массивом организации были Н. Матьяш, А. Баршт, И. Чернов, избранный председателем кружка.

Несомненно, что Н. Матьяш, автор "Коровиных детей", опубликованных в отчетном сборнике "Потоков Октября", в 1924 году обладал талантом жанриста-рассказчика. Я недавно перечел его "Коровиных детей". Это талантливо и хлестко, это тоже следует переиздать.

Колоритен был Аркадий Баршт, человек, страдающий пролеткультовской близорукостью, но глубоко взволнованный судьбами советской литературы.

Любопытны были читатели-активисты кружка, например, Костров.

Он крепко подружился с Багрицким.

Кстати, о Кострове. Он умер в 1961 году, прожив сорок лет после первого знакомства с Багрицким, оставившего в душе рабочего неизгладимый след. Настолько неизгладимый, что в последние годы своей жизни Костров добивался присвоения имени Багрицкого одной из улиц в районе Ближних Мельниц в Одессе, где сам проживал.

Маленький, но поучительный факт!

Процитирую заметку из "Силуэтов" № 2, 1922/23 гг.

"...Вокруг "Потоков" сгруппировалась целая плеяда молодых писателей и поэтов. Хотя кружок называется — и не без основания — пролетарским, он построен не на началах специфического "пролеткультовского" сектантства, по которому "пролетарские писатели" обязательно должны быть из природных пролетариев. В составе "потоковцев" кроме рабочих имеются и так называемые советские разночинцы.

...В настоящем номере нашего журнала помещены три произведения, принадлежащие перу членов кружка "Потоки": "Цветаев" Анатолия Резникова, "Тысяча и одна ночь" — Льва Славина, и поэма Сергея Бондарина "Наливное яблоко". В каждом из этих произведений свой особый подход к революционной действительности".

В тех же "Силуэтах" были опубликованы написанные мной совместно с С. Гехтом шутливые стихи о потоковцах.

Запомнились отдельные строки.

...Встает Чернов, как таковой,
За ним жена, как таковая...

Или

О поэтическая Тэсс,
Краса одесских поэтесс,
Скорее обретайте мужа.

Некоторые строчки следует объяснить. Любимым выражением Чернова, всегда председательствовавшего на кружке совместно с женой, было это пресловутое "как таковой". Оно и вошло в пародию. Бабель, услышав эти стихи, багровел от длительного неудержимого хохота.

В "Потоки Октября", вернее, к Багрицкому, приходили новые люди. Пришел Алексей Югов. Прочел поэму о Леонардо да Винчи, о рождении самолета. Он служил в это время сторожем в одесском морге и учился на медицинском факультете.

Он говорил каким-то загробным голосом (ночные бдения в морге!), глаза вспыхивали острым лихорадочным блеском, но стихи понравились.

И мудрым взором увидал да Винчи
Тщету порыва и безумной смерти,
Покуда винт огромный не привинчен
И сила странная винта не вертит.

К нам пришел молодой с блестящей смолью волос, с детски-застенчивой улыбкой Николай Иванович Харджиев, ныне известный литературовед, ученый.

Принес свои первые поэмы Иван Микитенко, смуглый восторженный парубок. Тогда он писал еще на русском языке.

А вот — ветераны нашего одесского поэтического землячества:

Сергей Бондарин, в те дни писавший эпические циклы ("Среди миров и присно и во веки есть фаворийского сиянья круг"), мечтательный влюбленный в землю и звезды паренек ("И в лиственной разноголосой спальне Я изучал напевы петухов"), любивший, слушая чужие стихи, высоко задирать голову и впиваться глазами в небо.

Семен Гехт, уроженец Молдаванки и торжественно воспевший это обстоятельство в колоритных стихах ("В чрево матери птица меня занесла, В некий день я рожден на углу Госпитальной"), по тем временам и по своему возрасту познавший причудливость и полнокровие жизни полнее, чем мы, его сверстники ("Мы помним эти перебежки По бесконечным кучугурам"), вечно — в бегу, сутулый, картавый, с трудно смываемой печатью одесских интонаций и одесского жаргона на языке его талантливой прозы.

Давид Бродский, добродушнейший толстяк, колоссального веса, в вечной солдатской шинели, волочащейся по плодородной одесской земле, поэт, знавший назубок всю русскую поэзию и даже прозу, свободно читавший наизусть "Деревню" Бунина и тем поразивший однажды, уже потом в Москве, А. Фадеева.

Лев Славин, всегда немного хмурый, но такой же восторженный, как все остальные "потоковцы", рьяно собирающий материалы для своих будущих ярких книг об Одессе, для романа "Наследник" и пьесы "Интервенция".

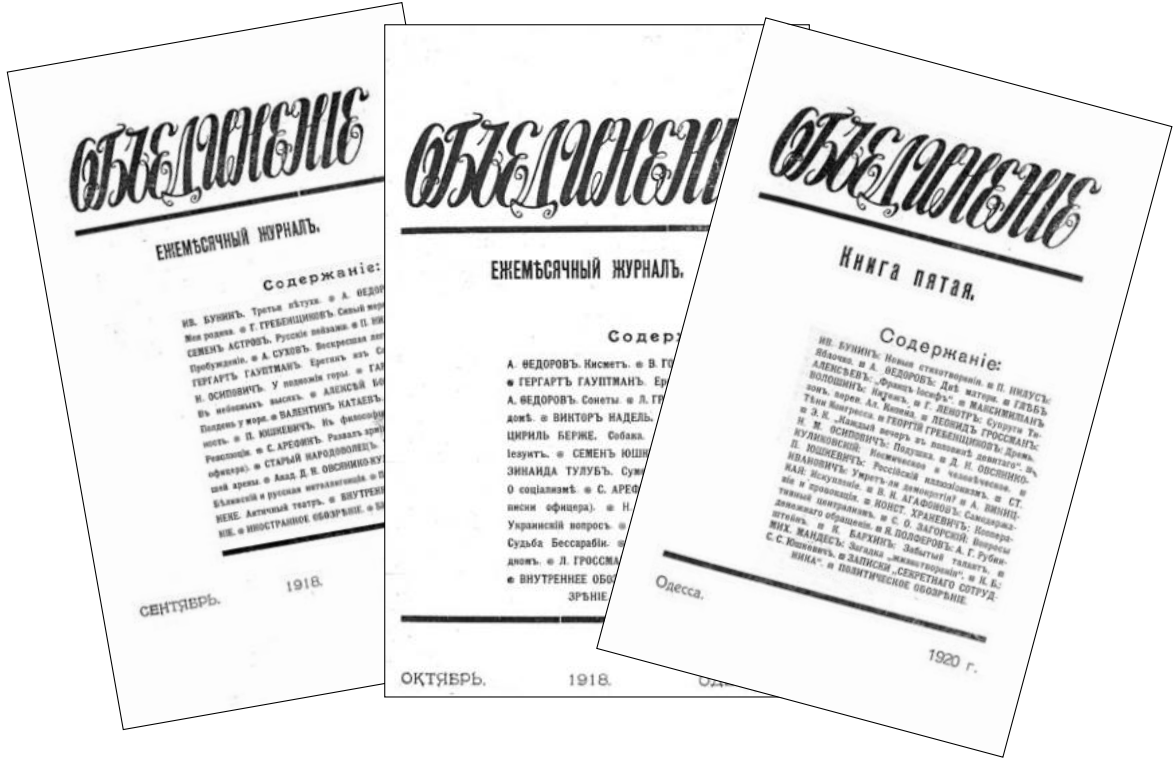
Семен Олендер, влюбленный по уши в больную балерину, бродивший так же, как все мы, по бульвару, оглушенный июльским солнцем Одессы, писавший свежие, не стершиеся стихи ("Далось мне в руки, не артачась, Насмешливое насекомое"), сын одесского часовщика, так и назвавший свою первую книгу "Часовщик", с первых дней совершеннолетия поклявшийся бросить свою жизнь под ноги лирической музе.

Георгий Захаров, щеголявший в те дни голубой студенческой фуражкой, энтузиаст своей Преображенской улицы, одесский представитель имажинизма, с заговорщицким шепотом цитировавший Велимира Хлебникова: "Как это здорово! Послушай: "Согнав улыбку, точно хлам, Лик, разделивший пополам".

Евгений Павличенко, насквозь пропитанный интонациями Слободки; Рафаил Брусиловский, даровитый новеллист, жизнерадостный и незлобивый, создавший свой собственный жаргон (увидев красивую женщину, он многозначительно восклицал "Барби", что означало высшую оценку).

Ах, как крепко мы были слиты и спаяны в те дни! О каждом из нас я мог бы написать целую книгу, проложив ее своею любовью и нежностью, как прокладывают тонкой звенящей папиросной бумагой цветные репродукции в альбомах живописи...

Мое сердце и поныне полно любовью к вам, суровые и нежные, будничные и легендарные 20-е годы!


ОБЪЕДИНЕНІЕ
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.
Содержаніе:
СЕНТЯБРЬ. 1918.
ОБЪЕДИНЕНІЕ
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.
ОКТЯБРЬ. 1918.
ОБЪЕДИНЕНІЕ
Книга пятая.
Содержаніе:
Одесса.
1920 г.

"Сынам твоим лишь нужно единенье..."

Современники считали, что эти строки Байрона импонировали редакторам Науму Осиповичу и Павлу Юшкевичу, задумавшим свой ежемесячный литературный, научный и политический журнал "Объединение" (1918-1920). За три года удалось выпустить лишь пять номеров в промежутках отсутствия в Одессе большевиков. "Возникший в смутное время, когда российская государственность оказалась разгромленной, журнал видит задачу момента в сохранении целостности созданной народами России общей культуры, соединении истинно прогрессивных элементов", – писалось в редакционной программе.

Поразительно, но переживая ужасы войны, смены властей, тяготы быта, авторы журнала не несли своим читателям пессимизма, наоборот, "общий мотив произведений – вера в светлые начала человеческой личности", – отмечали рецензенты.

И это подтверждается в мемуарной литературе. Например, художник и поэт Евгений Окс так вспоминает Одессу 19-го года и свое окружение: "...Это были в большинстве худые юноши, одетые в потертые, военного времени френчи и пиджаки... Если ботинки рвались, над человеком нависала катастрофа, ибо все пределы починки и ремонта были давно превзойдены. Вся "проза" жизни давно уже превратилась в угрозу существования. Это касалось всего. Раньше всего – продовольствия, затем – топлива, потом – одежды, обуви, белья, мыла, освещения и т. д... И вот, несмотря на все это, у всех нас было прекрасное настроение и масса интереса ко всему происходящему... Мы голодали, но были веселы, пьянели от любой еды, но еще более – от стихов, от репродукций картин, от хорошей книги, от предчувствия близкой любви...".

В "Объединении" печатались авторы разных поколений. Произведения зрелых известных мастеров И. Бунина, П. Нилуса, С. Юшкевича, А. Федорова, М. Волошина соседствовали со стихами юных поэтов В. Катаева и А. Адалис, уже сумевших привлечь к себе внимание собратьев по перу.

Публицистика Н. Осиповича, П. Юшкевича, Д. Овсянико-Куликовского стремилась представить рациональную организацию политической и общественной жизни, трезво понимая обреченность большевистской идеи. Авторы также надеялись на эмоциональное влияние известных, активно читаемых тогда авторов – Э. Ростана, Э. Верхарна, Г. Гауптмана, Р. Тагора.

Мы предлагаем вашему вниманию рассказ П. Нилуса "Яблочко", опубликованный в журнале в 1920 г., когда автор уже эмигрировал из страны. Много одаренный художник и литератор Петр Александрович Нилус (1869-1943) был высоко оценен И. Буниным, А. Дерибасом и другими современниками, отмечавшими в его литературном творчестве "тонкий художественный вкус, интеллигентность, спокойную мудрость, идущую от школы Чехова. От его рассказов, – писалось в рецензии, – веет настоящим талантом, несколько неусовершенствованным, но все же очаровательным...".

Татьяна ЩУРОВА



Валентин Катаев. 1916 г.

Прозрачность.

Коснуться рукъ твоихъ не смѣю,
А ты любима и близка.
Въ водѣ, какъ золотыя змѣи,
Скользятъ огни Кассіопеи
И проплываютъ облака.
Коснуться берега не смѣетъ,
Журча, послушная волна,
Какъ море, сердце пламенѣетъ,
И въ сердцѣ ты отражена.

Валентинъ Катаевъ.

Полдень у моря.

Полдень дремлетъ въ алмазныхъ горячихъ лучахъ.
По кустамъ и деревьямъ жемчужная пыль
Золотится и таетъ на сонныхъ листахъ,
У обрыва застылъ посѣрѣвшій ковыль.

Вдоль по берегу лодки небрежно стоятъ,
Пестрой краской играя, кругомъ — ни души...
Море дышетъ лѣниво... и въ сонной тиши,
Издалека несясь, звуки пѣсни дрожатъ...

Алексѣй Борисовъ.



Аделина Адалис

* * *

Разрѣзавъ розовый арбузъ
И хлѣбъ, сквознѣе губки темной,
Я подымаю кубокъ скромный
За девять благосклонныхъ музъ.
Ахъ, долги лѣтнія дороги
И тяжело любить свой кровъ,
Пока въ одеждѣ пастуховъ
Кочуютъ изгнанные боги!
Увы, изгнанники, — для васъ
Лишь я дерзаю въ полдень дымный
Слагать ямбическіе гимны,
Надъ пищей скудною склонясь!
Вы далеко... но знаю я,
Что дѣти, отроки и жены
Внимаютъ пѣснямъ въ полдень сонный
И долго помнятъ затая,
Что станутъ дѣти — міръ имъ новъ, —
Хмѣлѣя встрѣчею возможной,
Смотрѣть пытливо и тревожно
Въ глаза бродячихъ чабановъ;
Что станутъ дѣвушки рукой,
Пропахшей гарью и навозомъ,
Подкладывать голоднымъ козамъ
Цвѣты изъ рощи заревой!
Когда жъ нальется виноградъ
И загоритъ, какъ лучъ осенній,
Немало странныхъ приключеній
Нашъ край убогій озарятъ:
Веселье, страшное инымъ,
И шумъ, неслыханный дотолѣ,
Подыметъ молодежь на волѣ
Надъ виноградомъ золотымъ!..
Но въ праздникъ сѣва и даровъ
Да превратится праздникъ сбора,
Да уродятся дѣти скоро
Не въ матерей и не въ отцовъ, —
Стройнѣй, чѣмъ яростный анисъ,
И гибче нѣжной повилики,
Внимательны и яснолики,
Кудрявые, какъ Діонисъ!

Аделина Адалисъ



П.А. Нилус
Рисунок Л.О. Пастернака

„Яблочко“.

— Это вы, Федотъ Николаевичъ? — услышалъ Бакановъ въ телефонной трубкѣ фистулу Васюкевича.

— Я. Ну, разсказывай, что наварилъ, напекъ.

— Такъ, кое что...

— Ну, ну?

— Филей самолично зажарилъ, какъ вы любите, — со шпикомъ и чесночкомъ. Жена приготовила паштетъ изъ куриной печеночки, на гусиномъ салѣ... Помните, вы ужинали у насъ — хвалили?

У Бакланова брызнула слюна во рту.

— Ливерная колбаса къ селедкѣ. А селедка — прямо масло! Десять рублей далъ... Слышите, гдѣ-то ухнуло? Какъ будто изъ пушки...

— Нѣтъ, это бомбу взорвало. Вотъ, сукины сыны!

— Такъ сейчасъ, Гриша, и выходи, поѣздъ уходитъ черезъ часъ, пожалуй, опоздаемъ...

Капитанъ Баклановъ пригласилъ къ себѣ на дачу Васюкевича, буфетчика съ парохода, на которомъ они плавали много лѣтъ, отдохнуть отъ большевиковъ, обысковъ, налетовъ...

Баклановъ одѣлся, хотѣлъ проститься съ женой, но она только сердито покосилась на него и не отвѣтила.

— Да перестань фасонъ держать, ничего не будетъ со мной до самой смерти.

— Возьми, спрячь часы...

Баклановъ вышелъ во дворъ и увидѣлъ, что отъ воротъ быстро, неуклюже, по утиному, шла блѣдная толстая женщина; на ея плечи сползала съ головы шаль.

— Не ходите на улицу — матросы идутъ! — крикнула она.

Баклановъ не обратилъ на нее вниманія.

Онъ былъ высокъ, широкоплечъ, съ большой черной, крашенной бородой, крѣпкимъ прямымъ, небольшимъ носомъ, выпуклыми блестящими глазами. Онъ былъ въ драповомъ форменномъ пальто и англійскомъ каскетѣ.

У воротъ толпились испуганные жильцы, прохожіе, забѣжавшіе съ улицы, подомовая охрана.

Чиновникъ съ огромными усами пялилъ круглые глаза и разсказывалъ о томъ, что за угломъ солдаты грабили лавку на глазахъ милиціи.

Баклановъ на минуту остановился, послушалъ и вышелъ на улицу.

Гдѣ-то защелкали выстрѣлы, и прохожіе начали бросаться въ первые попавшіеся дворы; но успокоившись, оглядываясь, они продолжали свой путь.

Была сѣрая вѣтренная погода безснѣжной южной зимы, чувствовалось солнце за порозовѣвшими облаками, обложившими западъ.

Васюкевичъ, румяный, толстый, коротенькій, чисто выбритый, въ короткой шубкѣ, поджидалъ Бакланова у подъѣзда своего дома. Онъ курилъ трубочку, держа въ обѣихъ рукахъ корзины съ провизіей. Около него стояла его жена въ старой тальмѣ на мѣху и говорила:

— И выдумали люди въ такое время ѣхать! Обдираютъ, на людяхъ снимаютъ сапоги, а они съ провизіей, въ хорошихъ польтахъ...

— Оттого и ѣдемъ, что у васъ тутъ скверно, — сказалъ Баклановъ и взялъ у Васюкевича корзину, — засядемъ на дачѣ и зазимуемъ, правда, Гриша?

— А гдѣ-же вашъ товаръ? — сказалъ Васюкевичъ.

— На хуторѣ — тамъ у меня всего много.

— Можетъ ни кола, ни двора не осталось отъ вашего хутора, — тараторила жена Васюкевича. — Я буду радая, если отымутъ у васъ страву и вь дуракахъ вернетесь...

Баклановъ и Васюкевичъ ѣхали на извозчикѣ, Васюкевичъ чувствовалъ себя скверно, хотѣлось вернуться... Гдѣ-то трещали пулеметы.

— Ну-жъ и времена! — сказалъ Васюкевичъ, сплевывая.

— Перемелется — мука будетъ, — сказалъ Баклановъ. Всюду, по дорогѣ къ вокзалу, среди загаженныхъ навозомъ мостовыхъ, неметенныхъ панелей, толпились у воротъ или шли взволнованные люди, проѣзжали на грузовикахъ вооруженные красноармейцы, матросы съ винтовками, револьверами на готовѣ, съ такимъ видомъ, какъ-бы каждую минуту ждали нападенія. На перекресткахъ стояли вооруженные, посинѣвшіе отъ холода подростки — мастеровые, солдаты. Кое-гдѣ были на спѣхъ сложены баррикады, поставлены пулеметы, орудія.

Лучше всѣхъ чувствовали себя на улицѣ извозчики, женщины, молодыя дѣвушки и студенты.

У перрона тянулся безконечный поѣздъ, переполненный солдатами, ихъ вещами; многіе устраивались на крышахъ вагоновъ; на платформѣ толпились и лежали на сундукахъ, мѣшкахъ солдаты, среди грязи, сора. Окна поѣзда были перебиты, черезъ нихъ подавались вещи, пролѣзали пассажиры.

Знакомый начальникъ станціи разрѣшилъ Бакланову и Васюкевичу ѣхать въ служебномъ вагонѣ, въ который они едва протиснулись.

— Я хозяинъ, — сказалъ Баклановъ, — не могу видѣть безпорядка. Ваша взяла — очень хорошо! Но зачѣмъ-же все обгаживать, ломать? Ваша взяла — держись, зубами держись — такъ нѣтъ-же! — Баклановъ крѣпко выругался. — Вѣдь, тебѣ-же, сукину сыну, достанется, никому другому...

Вагонъ дернуло, и поѣздъ медленно тронулся. Стало душно, задымились папиросы. Пассажиры, размѣстившіеся на диванахъ, вещахъ, столѣ, стоявшемъ посреди служебнаго ва-

гона, крѣпко держались за свои мѣста, боясь, что ихъ займутъ другіе, тѣ, которые стояли въ проходахъ вплотную, дышали другъ другу въ лицо, курили, громко разговаривали, ссорились. Быстро наступили сумерки, огня не было, только отъ времени до времени вспыхивали спички, красные огоньки папиросъ. Отъ сотрясеній спустилось испорченное окно, и сразу въ вагонѣ облегчился воздухъ, стало прохладно, и было слышно, какъ въ поѣздѣ орали пѣсни, не смотря на шумъ колесъ, лязгъ рельсовъ.

— Будто разбойничій поѣздъ! — сказалъ Васюкевичъ, стоявшій у окна.

— Скоро всѣ мы будемъ разбойниками, — сказалъ Бакановъ, — если мы будемъ сидѣть овцами, то и насъ ограбятъ навѣрнякъ... Лучше мы сами обдеремъ разбойниковъ...

Васюкевичъ засмѣялся, набилъ трубочку, закурилъ; но тревога за будущее не покидала его. Онъ вспомнилъ, что спряталъ въ боченокъ съ масломъ двѣсти золотыхъ и, по глупости, сказалъ объ этомъ женѣ; деньги лежали въ государственномъ банкѣ — это было тоже опасно.

Бакановъ вначалѣ былъ спокоенъ, но и его огорчало многое; жена не захотѣла проститься — это пугало. Правда, она была увѣрена, что онъ на дачу ѣдетъ не съ Васюкевичемъ, а съ Матрешей, своей любовницей, какъ это бывало уже не разъ, но и Матреша наканунѣ подняла скандалъ, не хотѣла его отпускать.

— Глупыя бабы, не понимаютъ нашего мужчинскаго дѣла, — сказалъ Бакановъ, — мнѣ просто не въ терпежъ стало дома сидѣть.

Васюкевичъ подумалъ, что бабы правы, но ничего не отвѣтилъ.

Въ шестомъ часу, Бакановъ и Васюкевичъ сошли на станціи; было такъ тѣсно въ проходѣ, что Васюкевичъ едва не остался въ поѣздѣ.

Была уже ночь, дулъ сильный вѣтеръ. Начальникъ станціи, небольшого роста, сухой, жиловатый человѣкъ, съ рѣшительнымъ взглядомъ, слушалъ, какъ Васюкевичъ разсказывалъ о городскихъ новостяхъ и, когда узналъ о томъ, что на "Алмазѣ" разстрѣливаютъ и топятъ офицеровъ, скрипнулъ зубами, и его смуглое лицо съ болѣзненно блестѣвшими глазами сдѣлалось страшнымъ.

— Клянусь Богомъ, — сказалъ начальникъ, — если не убью десяти разбойниковъ, спокойно не умру! Съ тѣхъ поръ, какъ замучили Сашу и умерла жена, и я сталъ звѣремъ — уже четыре на совѣсти... Мнѣ теперь все равно... — и онъ, трясясь отъ негодованія, разсказалъ, какъ убили его сына, какъ отъ горя умерла жена...

Они стояли у свѣтящагося окна телеграфной комнаты; Бакановъ смотрѣлъ, въ глубоко сидящіе, ненавидящіе глаза начальника похожіе на маслины, съ желтоватыми бѣлками, окруженными темно-коричневыми кругами, и думалъ, что онъ говоритъ правду — такой человѣкъ могъ убить.

— Зачѣмъ вы пріѣхали? — сказалъ начальникъ, помолчавъ.

— Отдохнуть, — сказалъ Васюкевичъ, сплевывая. — Хорошъ отдыхъ, матери его чортъ! Останемся на станціи...

— Идемъ, Василій Ивановичъ, ко мнѣ ужинать, — сказалъ Бакановъ.

Начальникъ, давно жившій впроголодь, согласился:

— Такъ вотъ что: обождите меня, вотъ у той будки, что за семафоромъ. Я васъ догоню.

Баклановъ взялъ корзину у Васюкевича и пошелъ платформой, потомъ вдоль путей. Вдали горѣлъ зеленый огонекъ. Вѣтеръ былъ попутный, Баклановъ шелъ быстро, Васюкевичъ отставалъ отъ него и каждый разъ вздрагивалъ, когда то здѣсь, то тамъ раздавались выстрѣлы. Въ телеграфныхъ столбахъ гремѣли оркестрами проволоки, какъ-бы неся съ собой жуткую тревогу, охватившую міръ.

Васюкевичъ со страхомъ вспоминалъ то, что говорилъ начальникъ, и не вѣрилъ ему.

Луна то глубоко пряталась за облаками, то зловѣщимъ окомъ выглядывала, и тогда налетавшіе на нее прозрачныя облака окрашивались оранжевыми дугами.

Сзади кто-то быстро шелъ, Васюкевичъ оглянулся, увидѣлъ солдата и заоралъ:

— Федотъ Николаевичъ, Федотъ Николаевичъ!

Баклановъ остановился и вынулъ револьверъ.

— Это я! — крикнулъ начальникъ.

Онъ теперь былъ съ бородой, въ солдатской шинели и съ винтовкой за плечами.

— Вотъ какъ я охочусь за ними! — сказалъ.

— Какъ-же такъ убивать зря? — пробормоталъ Васюкевичъ, все не вѣря начальнику.

Они свернули отъ сторожки, у которой былъ переѣздъ, и пошли по плотно наѣзженной дорогѣ, среди жнивьевъ, мѣстами запорошенныхъ снѣгомъ.

Вдали темнѣли сады, сухо обозначались кровли домиковъ, среди которыхъ возвышалась двухэтажная дача Бакланова съ башенкой. Ряды плотныхъ тучъ, оставляя просвѣтъ надъ садами, казалось, медленно тянули на себѣ, слѣва на право, горы облаковъ, и вся эта живая громада двигалась надъ горизонтомъ.

Теперь вѣтеръ дулъ въ лѣвую щеку. Васюкевичъ поднялъ воротникъ, смотрѣлъ на спины Бакланова и начальника, которые шли невдалекѣ отъ него, и думалъ о тѣхъ счастливцахъ, которые не только сами не боятся, но страшны другимъ.

Баклановъ разсказывалъ начальнику о суднѣ, на которомъ плавалъ, къ которому привыкъ, какъ къ своему дому. Оно теперь стояло въ порту съ испорченной машиной, въ грязи, ржавчинѣ.

— Подумайте — прямо какъ бы выгнали! Я для нихъ буржуй, — говорилъ Баклановъ, прижимая къ узкому воротнику щеку; бороду его трепалъ вѣтеръ, относя вправо. — Что теперь дѣлать? Уѣхать въ Америку, Англію, какъ другіе, — не могу. Жаль дочерей, внуковъ...

Онъ сбивчиво объяснялъ, что хотя все и разваливается и всюду была одна обида, безпорядокъ, непонятное чувство новой жизни оживляетъ, молодитъ его сердце...

— Видите свѣтъ? — сказалъ начальникъ. — Вотъ тутъ каждый вечеръ идетъ пьянство. Вашъ Степка — первый запѣвало.

Они подошли къ небольшому домику, дрожавшему отъ дикой пѣсни, уханья, топота.

— "Яблочко" поютъ! — сказалъ Васюкевичъ. — Теперь ужъ мерселезы ни одна собака не воетъ.

Они подошли къ окну. Все синѣло въ дыму, изъ-за грязныхъ стеколъ мелькали красныя, потныя лица. Взявшись за плечи, парни и дѣвки кружили вокругъ стола и отчетливо слышалось за окномъ каждое слово:

Эхъ, яблочко, ты видомъ кругленько,
Ой, мамочка, жить стало трудненько!..

Пѣсня въ своемъ порывистомъ ритмѣ наростала и падала, казалась то грустной, то страшной, то безудержно веселой, плясовой.

— Это я понимаю! — сказалъ Баклановъ, глядя черезъ окно, почуявъ вдругъ близость къ тому народу, изъ котораго вышелъ, почуявъ радость разгула, сладость забвенія пьянаго сердца, не боявшагося завтрашняго дня, за веселый мигъ готоваго отдать все.

— Идемъ, идемъ! — шепнулъ Васюкевичъ. — Еще выйдутъ — пропали мы.

Залаяла собака, подхватила другая. Они осторожно вышли за ограду деревяннаго домика.

— Плохо намъ будетъ... — сказалъ Васюкевичъ.

— Да поди ты къ черту со своимъ карканьемъ! — сказалъ Баклановъ съ досадою.

Они подошли къ дачѣ, съ башенкой, оканчивавшейся мачтой съ реями и вымпеломъ. Калитка была открыта, вѣтеръ гулялъ по вершинамъ молодыхъ тополей, окружавшихъ дачу.

— Вы подождите у террасы, — сказалъ Баклановъ и пошелъ къ домику, въ которомъ слабо свѣтилось окно.

Марья, жена садовника, широкая коренастая баба, шла за Баклановымъ и жаловалась на мужа:

— Женщина я неопытная, не особенно умная, всѣ у насъ тутъ митингуютъ, я ничего не понимаю... Говорю: иди печи топить — хозяинъ пріѣзжаетъ, а онъ ругается. Сама печи истопила, помыла полы...

Когда они вошли въ домъ, на нихъ пахнуло теплой сыростью. Пахло известью, мышинымъ пометомъ, тюфяками, набитыми морской травой. Они вошли въ столовую, за ними отъ свѣчи двигались огромныя тѣни по полу, пустымъ бѣлымъ стѣнамъ.

— Гдѣ царскій портретъ? — сказалъ Баклановъ.

— Не знаю, баринъ, не знаю... Степка не впускалъ — дали ему и мнѣ по шеѣ... забрали вино, выкололи царю глаза.

— Ну, будетъ онъ мнѣ помнить Кузьину мать! — Иди ставить самоваръ, да смотри мнѣ... и ты хороша!

Баклановъ, ругаясь, взялъ свѣчу, вошелъ въ спальню, осмотрѣлъ постели, прошелъ въ кухню, а оттуда въ кладовую.

— Все вино забрали, — сказалъ онъ, возвращаясь, — отчего вы не раздѣваетесь?

— Да, можетъ, прійдется идти обратно, — сказалъ Васюкевичъ, сидѣвшій въ шапкѣ у стола.

— Обратно никуда мы не пойдемъ... И набью-же я морду Степкѣ!

Васюкевичъ удивился, что Баклановъ и ругался и угрожалъ какъ-то спокойно, безъ злости.

— Я какъ-бы зналъ, захватилъ таки бутылку, — сказалъ онъ.

— Мо-ло-децъ! — сказалъ Баклановъ, досталъ посуду, ножей, вилокъ.

Васюкевичъ принялся выкладывать на холодныя тарелки провизію, и они начали закусывать.

— Я этихъ паршивцевъ понимаю, — говорилъ Баклановъ, оживляясь отъ водки. — Мнѣ одинъ турокъ разсказывалъ сказку про чорта, который цѣлый годъ ѣздилъ на спинѣ арапа... Арапъ терпѣлъ, терпѣлъ и все думалъ: какъ-бы избавиться отъ анафемы и перехитрилъ таки чорта — самъ забрался къ нему на загривокъ и чуть не заѣздилъ до смерти.

— Мы, интеллегенція, — сказалъ Васюкевичъ, — похитрѣе будемъ мужика, не долго имъ прійдется куражиться.

— "Эхъ, яблочко, куды котишься? На "Алмазъ" попадешь, не воротишься..." — неожиданно запѣлъ Баклановъ басомъ.

Васюкевичъ широко раскрылъ голубые глаза и плюнулъ.

— Какъ вамъ не совѣстно, Федотъ Николаевичъ, пѣть эту гадость, — сказалъ онъ, по южному произнося "га". — Какъ-же такъ, обкладовали ихъ матерными словами, а теперь хвалите?

— Что-жъ, молодцы! — Терпѣли, терпѣли, да и взялись за умъ. Попировали мы на своемъ вѣку — и шабашъ! Пора пришла арапу пановать. Насъ всѣхъ помеломъ разгонять, перевѣшаютъ на фонаряхъ — что-жъ, можетъ такъ и нужно. Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно все развалить и начать строить съизнова...

— Кто-то идетъ, ей Богу, идетъ! — сказалъ Васюкевичъ, прислушиваясь, блѣднѣя.

Начальникъ положилъ возлѣ себя винтовку, Баклановъ опустилъ руку въ карманъ, въ которомъ былъ револьверъ.

Вошелъ Степанъ въ солдатской шинели и папахѣ. У него лицо было красно, глаза мутны. Онъ угрюмо молчалъ.

— Шапку скинь, невѣжа! — Кто тебя, свинью, лечилъ на лиманѣ, кто три года жену съ дѣтьми кормилъ? И за все, вмѣсто благодарности, воровать?

— Я что? Развѣ я хотѣлъ? — сказалъ Степанъ, снимая папаху.

— Пошелъ вонъ, выспись!

— Я не собака...

— Что-о-о! Вонъ!

— Ради Христа, поругайте его еще! — завыла Марья, входя съ кипящимъ самоваромъ. У нея подъ глазомъ былъ свѣжій синякъ. — Связался здѣсь съ грабителями, научили его пить, гулять съ дѣвками...

Марья поставила самоваръ на столъ и, проходя мимо Степана, неожиданно ткнула его кулакомъ въ лицо. Степанъ пошатнулся, вышелъ за Марьей, и тотчасъ изъ передней вырвался неистовый визгъ.

— Своя рука — владыка, — сказалъ Баклановъ, — а все-таки безъ вина не могу...

Онъ пошелъ въ кладовку и вернулся съ потайнымъ фонарикомъ, корзиной и сказалъ:

— Посидите, я сейчасъ... — и вышелъ.

— Хорошо еще, что Федотъ Николаевичъ не билъ Степку, — сказалъ Васюкевичъ.

— Да, — сказалъ начальникъ. — Только вы не бойтесь, насъ не тронутъ. Бакланова здѣсь боятся, тяжелъ на руку.

Васюкевичъ обрадовался — онъ понялъ, что и начальникъ волнуется также, какъ и Баклановъ.

— Зачѣмъ вы сидите при бородѣ? — сказалъ онъ ухмыляясь, закуривая.

— Вы уѣдете, а я останусь, пойдутъ говорить всякую чепуху...

— Боится, — подумалъ Васюкевичъ,— такіе же и они, какъ мы, грѣшные...

Баклановъ вышелъ, глубоко вздохнулъ морознымъ воздухомъ. Къ нему подбѣжала сука, похожая на волка, лизнула руку, заскулила.

Шумѣло въ тополяхъ, въ чистомъ небѣ — тучъ уже не было — ущербленная луна стояла еще высоко надъ горизонтомъ. Баклановъ осмотрѣлъ съ гордостью свой крѣпкій домъ. Потомъ пошелъ дорогой, усыпанной гравіемъ, среди невысокихъ фруктовыхъ деревьевъ, посаженныхъ имъ вмѣстѣ съ женой, и съ нѣжностью подумалъ о красавицахъ дочеряхъ, о внучатахъ, бѣгавшихъ прошлымъ лѣтомъ по дорожкамъ сада. Вспомнилась Матреша, которая такъ страстно не хотѣла, чтобы онъ ѣхалъ на дачу, и стало на минуту страшно; но все прошло, уступая довольству пьянаго благополучія.

— Хорошо! — сказалъ Баклановъ, глядя на знакомыя звѣзды, дрожавшія среди шевелившихся вѣтокъ деревьевъ и казавшіяся на берегу другими, чѣмъ въ морѣ. Весной онъ собственноручно обмазалъ стволы яблонь и грушъ известкой, никогда не обращалъ на нихъ вниманія и удивлялся почему они кажутся теперь такими красивыми среди полумрака, почему деревья, домъ кажутся живыми и близкими, такими же какъ дочки, Матреша. Въ октябрѣ онъ пріѣзжалъ сюда съ ней, они закопали деньги въ цинковомъ запаянномъ ящикѣ, спрятали вино въ колодцѣ водомѣра...

Баклановъ отсчиталъ отъ крана водопровода, въ глубь аллеи, двѣнадцать шаговъ, да одиннадцать отъ того мѣста вправо, нащупалъ деревяную крышку люка, пріоткрылъ стѣнку потайного фонаря, присѣлъ на корточки, финскимъ ножемъ приподнялъ крышку и началъ вынимать бутылки въ соломенныхъ чехлахъ и безъ чехловъ. Потомъ присыпалъ люкъ землей, листьями и пошелъ въ домъ, испытывая чувство хозяина, готовящаго гостямъ неожиданно хорошее угощеніе.

Начался пиръ.

Баклановъ и хвалилъ и ругалъ большевиковъ, его пьяное сердце то возмущалось безпо-

ряд-комъ, то наливалось смутной радостной надеждой. Чудилась Матреша, нѣжная и ласковая, ея ог-ромные цыганскіе глаза, и никогда еще жизнь не представлялась ему дороже и краше. Опять вспомнились дочки, и онъ началъ разсказывать о томъ, что ихъ мужья пропапи безъ вѣсти.

— Онѣ въ меня — у нихъ такая же распутная костка — уже нашли себѣ мужей и такихъ молодцовъ, что просто чудо! — А хозяйки какія!

Хотѣлось разсказать о Матрешѣ, но было неловко — начальникъ засматривался на нее, Васюкевичъ открыто завидовалъ ему и позволялъ себѣ дѣлать непристойныя замѣчанія на ея счетъ. Подступила радость къ сердцу. Баклановъ блеснулъ глазами, всталъ.

— "Эй, яблочко, куды котишься"? — запѣлъ онъ, поднялъ высоко руки надъ головой и пошелъ плясать, притоптывая: — "На "Алмазъ" попадешь — не воротишься"!

— Гриша, за мной! Хорошо, хорошо! — выкрикивалъ онъ.

Васюкевичъ всталъ, засмѣялся и началъ выкидывать ногами, пѣть, поймалъ плечо Баклапова, и они начали кружить вокругъ стола.

Отъ того, что они давно не веселились, громко не смѣялись, разгорѣлась кровь и пришелъ восторгъ, чаще всего освѣщающій бѣдную жизнь людей черезъ вино.

Начальникъ сидѣлъ молча, холодный, злой — его не бралъ хмѣль.

— Хорошо! — выкрикивалъ Баклановъ.

Васюкевичъ началъ было казачка и съ хохотомъ повалился на полъ, безъ видимаго желанія подняться.

Начальникъ, услышавъ за окномъ шумъ, вздрогнулъ, повернулся къ окну. За ставнями отъ тупого удара со звономъ посыпались стекла.

— Отвори! — раздался грубый взволнованный голосъ. — Телеграмма! — выкрикнулъ другой и расхохотался.

Входную дверь начали рубить топоромъ, стекла въ столовой разсыпались въ дребезги.

— Идемъ на верхъ, — сказалъ Баклановъ твердо, но измѣнившимся голосомъ, — оттуда мы ихъ по одиночкѣ спустимъ!

Они быстро поднялись по скрипучей деревянной лѣстницѣ; пролетъ ея былъ слабо освѣщенъ заходившей луной. Внизу орали, хохотали, и весь домъ, казалось, наполнился криками, шумомъ и звономъ.

Баклановъ и начальникъ превратились въ автоматовъ и дѣйствовали согласно, безъ словъ. Они открыли ставни въ большой комнатѣ второго этажа, придвинули къ открытой двери, выходившей на лѣстницу, комодъ, навалили на него стульевъ, тюфяковъ и замерли въ ожиданіи, приготовивъ оружіе.

Васюкевичъ стоялъ съ табуретомъ въ рукѣ. Страхъ у него прошелъ, смѣнившись злобой, жаждой мести за себя, за начальника и особенно за то, что въ самую сладкую минуту былъ прерванъ ужинъ.

Шумъ тяжелыхъ шаговъ, голоса приближались.

— Стрѣлять по очереди. Я первый. — сказалъ начальникъ и крѣпко сжалъ зубы.

Степанъ поднимался съ винтовкой, за нимъ — въ бараньей шапкѣ неуклюжій парень; сзади его показалась голова солдата...

— Сволочь, буржуи! — ревѣли внизу.

Начальникъ скрипнулъ зубами, нацѣлился — брызнулъ огонь изъ ствола, рѣзко щелкулъ выстрѣлъ, и Степанъ повалился навзничь, увлекая за собою по лѣстницѣ парня.

Голоса внизу загалдѣли, заорали.

Началась ссора, и скоро шумъ, голоса, ругань, начали затихать.

Прошла томительная минута.

— Я пойду внизъ, — сказалъ Васюкевичъ, тамъ я поставилъ подъ стулъ бутылку — такъ скучно ждать смерти...

— Обожди немного, — сказалъ сердито Баклановъ.

Васюкевичъ закурилъ, крѣпко выругался и началъ безпечно спускаться внизъ. Когда онъ былъ на послѣднемъ маршѣ, хлопнулъ, словно бичъ, выстрѣлъ, и онъ грузно свалился.

Баклановъ и начальникъ переглянулись. Во дворѣ выла собака. Было такъ тихо, что они слышали какъ колотились ихъ сердца.

— Я осмотрю съ крыши дворъ, — сказалъ начальникъ и по узкой лѣсенкѣ прошелъ на чердакъ, вылѣзъ черезъ слуховое окно на скользкую, холодную черепичную крышу и притаился за невысокимъ фронтономъ.

Внизу прошелъ солдатъ, оглядываясь на окна.

Начальникъ подождалъ нѣсколько минутъ, сомнѣваясь, что оставленъ лишь одинъ человѣкъ, и вернулся черезъ слуховое окно обратно.

— Оставили часового, — сказалъ онъ, — а гдѣ-же другой, который стрѣлялъ въ вашего пріятеля?

— Внизу никого нѣтъ, я туда спускался. Гришу, бѣднягу, ахнули на повалъ, сказалъ тихо Баклановъ.

Они условились вылѣзть вмѣстѣ на крышу и, обойдя ее, сойтись, на случай бѣгства, въ тѣневой ея части, къ которой примыкалъ навѣсъ веранды.

Морозило. Багровая огромная луна стояла надъ горизонтомъ, распуская на окрестность, далеко видимую съ крыши, свѣтящійся красноватый тюль, шумѣли, пригибаясь, вершины молодыхъ тополей, похожихъ на метлы; выла собака у сторожки Степана... Ни смущенія, ни тревоги не было въ природѣ, точно все, что совершалось на тысячи верстъ въ округѣ, было естественно и нужно.

Изслѣдовавъ крышу ползкомъ, Баклановъ и начальникъ встрѣтились на ендовѣ, крытой желѣзомъ.

Начальникъ сказалъ шепотомъ:

— Вотъ дурачье, поставили одного сторожить...

— Куда-же дѣлся второй?

— Ушелъ, должно быть, только не думаю, — сказалъ начальникъ и залегъ вмѣстѣ съ Баклановымъ за фронтономъ, въ ожиданіи караульнаго, нацѣливаясь на разные предметы.

Когда въ сумракѣ тѣни, тянувшейся отъ дома, появился солдатъ, безпечно переваливавшійся на кривыхъ ногахъ, — вспыхнулъ языкъ пламени, раздался сухой выстрѣлъ и часовой, зашатавшись, упалъ. Къ нему изъ за дома бросился другой, съ винтовкой на готовѣ. Онъ съ безпокойствомъ оглядывался, держась у стѣны.



Бакановъ выстрѣлилъ и промахнулся. Тотчасъ выстрѣлилъ и солдатъ и почти одновременно, выронивъ изъ рукъ винтовку, упалъ отъ пули начальника и началъ стонать.

Лаяли, выли собаки, въ остромъ морозномъ воздухѣ звонко раздавались шаги, голоса приближавшихся людей.

Бакановъ и начальникъ быстро перелѣзли черезъ фронтонъ, сошли на деревянную крышу террасы и спустились по ея столбамъ на землю, путаясь въ виноградныхъ лозахъ.

Они опрометью бросились въ садъ, пробрались до стараго подгнившаго забора, свалили его и скрылись въ чащѣ.

Постояли, послушали, осмотрѣлись.

У дачи Бакланова орали, ссорились, щелкали выстрѣлы и четко трещалъ пулеметъ, точно кто туго по рѣшеткѣ проводилъ палкой.

Они вышли изъ чащи, направились къ дорогѣ, и, услышавъ голоса, бросились въ холодную канаву,

Мимо нихъ торопливо пробѣжало нѣсколько человѣкъ.

— Идемъ, что-ли? — сказалъ Бакановъ.

— Пусть сядетъ луна, — сказалъ начальникъ, — ждать недолго...

Бакановъ шумно вздохнулъ и сказалъ:

— Пропала дача, спалятъ! Хоть-бы капля водки для куражу...

— Трехъ уложилъ, — сказалъ начальникъ, помолчавъ, — еще трехъ и шабашъ! — Онъ



скрипнулъ зубами. — Что они сдѣлали со мной! Сдержу слово — и себѣ пулю въ ротъ, такъ жить, съ такимъ багажемъ, нельзя — я не разбойникъ.

Потемнѣло, но еще были видны, среди красноватаго зарева луны, прутья дерезы, тонкія вѣтви акацій.

Луна закатилась, и на ея мѣстѣ остался кровавый слѣдъ, точно гдѣ-то далеко былъ пожаръ.

— Идемъ, — сказалъ Баклановъ, вставая.

Они шли молча по промерзшему жнивью, ровному какъ столъ. Чѣмъ дольше они шли, оцѣпенѣніе чувствъ проходило, они стали замѣчать вѣтеръ, дувшій теперь прямо въ лицо, звѣзды сіявшія по всему небосводу, острые огоньки на станціи. Баклановъ все озирался на свою дачу.

— Тамъ въ канавѣ, въ кустахъ я видѣлъ пустое гнѣздо — такой теперь и мой домъ, — сказалъ начальникъ. — Птицы улетѣли и прилетятъ весною, а у меня никого не осталось...

Когда они подходили къ станціи, Баклановъ увидѣлъ пламя подъ своей дачей въ клубѣ сѣрокрасноватаго дыма.

Онъ остановился, снялъ каскетъ, перекрестился и сказалъ:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ... Слава Богу, хоть живы остались. Жалко Гришу... Повеселился таки предъ концомъ...

Начальникъ спряталъ Бакланова въ сарай, гдѣ стоялъ пожарный насосъ и лѣстницы, принесъ ему два тюка изъ брошеннаго на станціи казеннаго сѣна, солдатскую шинель, шапку и бутылку водки.

Баклановъ разрѣзалъ проволоку на тюкахъ, распустилъ душистое сѣно, выпилъ самогона, укрылся шинелью. Сразу стало тепло, спокойно. Долго ему мерещилось, что онъ похожъ на собаку, нашедшую неожиданно пріютъ, потомъ онъ тяжело заснулъ. Проснулся онъ въ леденящемъ страхѣ, — теперь ему событія ночи представлялись до того страшными, что онъ, холодѣя, дрожалъ всѣмъ тѣломъ; болѣло сердце.

На разсвѣтѣ пришелъ начальникъ:

— Федотъ Николаевичъ, давайте-ка я срѣжу вамъ бороду. На вокзалѣ шатаются мужики, ищутъ...

— Ахъ, сукины сыны...

Начальникъ срѣзалъ великолѣпную бороду Бакланова, подстригъ усы.

— Ну, теперь и дѣти васъ не узнаютъ, — сказалъ онъ дыша въ лицо Бакланова перегаромъ водки. — Какъ только получится повѣстка, я приду, а вы переодѣвайтесь сейчасъ, не забудьте шапку надѣть. — Живите, Федотъ Николаевичъ, поминайте меня — мнѣ уже жизни нѣтъ, человѣкъ я рѣшенный...

— Богъ съ вами! Я знаю, что такое обида, но что-же дѣлать? — Всѣ мы должны, видно, пострадать.

Они крѣпко поцѣловались. Баклановъ уѣхалъ въ городъ на паровозѣ — поѣздъ былъ переполненъ и снаружи и внутри.

На вокзалѣ у него отняли деньги, хотѣли арестовать, такъ какъ у него не было документа, но онъ пришелъ въ дикую ярость, доказывая, что его обокрали...

Онъ шелъ съ вокзала, испытывая неимовѣрную радость жизни.

П. Нилусъ.



Феликс КОХРИХТ

Лед и пламень



Разумеется, пушкинская антитеза: "вода и камень, лед и пламень" относится к бывшим друзьям, а затем врагам — Онегину и Ленскому, но я вспомнил эту емкую и исчерпывающую характеристику в национальном парке Лас-Каньядос на острове Тенерифе — самом большом в Канарском архипелаге, принадлежащем Испании.

Эти края у большинства из нас ассоциируются, прежде всего, с легкомысленной песенкой о райском уголке, где царит вечное лето, где в безоблачном небе порхают сладкоголосые канарейки и говорящие попугаи, где синее море и белый пароход...

Все обстоит так, да не так. Действительно, первые европейские мореплаватели нарекли Канарские острова Раем на Земле, но здешний климат напоминает, скорее, свежую и теплую весну, чем жаркое иссушающее лето, а это, согласитесь, куда полезнее для здоровья. Канарейки действительно водятся, но лишь на одном из островков, а завезенными со всего мира попугаями славится замечательный Лори-парк, где имеются также и другие редкие и забавные звери, рыбы и птицы.

Что до синего моря, то Канары расположены в Атлантическом океане, который в этих широтах нередко штормит, и купаться на островах можно лишь на специально оборудованных пляжах, — в основном, на южном побережье Тенерифе. В переводе с языка гуанчей — древних обитателей Канар — это означает "Снежная гора". Не правда ли, звучит неожиданно для острова, лежащего всего в трехстах километрах от знойного африканского Марокко?

На самом деле снежной горой является вулкан Тейде, чья вершина видна и с суши, и с океана. Нынче высота пика составляет 3717 метров,



но ранее он был повнушительнее. Я не случайно ввожу временной фактор: каждое извержение меняет конфигурацию вершины, а испанцы ревностно следят чуть ли не за каждым сантиметром. Тейде — самая высокая гора королевства и является национальной гордостью. Охраняют вершину, на мой взгляд, слишком уж тщательно. Когда мы, преодолев три с половиной километра в вагончике фуникулера, вознамерились преодолеть пешком оставшиеся двести с небольшим метров, нас остановил охранник. Оказалось, что на пик могут взобраться лишь те, кто получил специальное разрешение в испанском посольстве при оформлении визы... А все из-за того, что туристы тайком берут на память один-два камешка с самой вершины, и за год, как полагает администрация, она теряет в высоте до метра...

Пришлось нам довольствоваться панорамой, открывающейся со смотровой площадки. Поеживаясь от ветра и холода (перепад температуры с подножьем горы составлял градусов 30), мы видели (или угадывали) длинные валы океанского прибоя, склоны, покрытые особой канарской сосной, пальмовые рощи, далекие отели... Под нами неслись облака, над нами — бездонное небо Атлантики... А под ногами неслышно и пока

неосязаемо клокотала магма, терпеливо и настойчиво ищущая выхода... Рано или позже она его найдет, и тогда появятся новые кратеры, новые долины, покрытые лавой (остывшей магмой) и вулканическим пеплом.

Все это мы увидели, спустившись с вершины Тейде на плоскогорье, поражающее своими не земными, а скорее лунными ландшафтами. Именно здесь, наконец, я осознал, что Канарский архипелаг имеет вулканическое происхождение, и лед здесь действительно соседствует с пламенем — это не блистательная поэтическая метафора, а геофизическая реальность.

Есть версия, что нынешние острова — вершины гор, возвышавшихся над Атлантидой, уничтоженной тысячелетия назад гигантским катаклизмом. Мне довелось побывать и в других местах, где, по гипотезам ученых — от Платона до Хейердала, — могла находиться древнейшая могучая сверхцивилизация. Я убедился: многое говорит в пользу Крита, острова Санторин, но ведь Платон полагал, что Атлантида располагалась в океане за Геркулесовыми столбами — Гибралтарским проливом... Там, где нынешние Канары.

Долина, окаймленная невысокими горами, — центральная часть Национального заповедника. Извержения вулкана, ветер, время превратили скалы и холмы в причудливые объекты, словно сошедшие со страниц древних преданий о Стране троллей и демонов, или же с кадров из самых крутых блокбастеров на космическую тему. Достаточно сказать, что режиссер Лукас снимал здесь свои "Звездные войны".

...По крутому серпантину спускаемся к побережью, где уже стоит под парами катамаран. на котором мы выйдем из порта Лос-Кристианос и возьмем курс на остров Гомера, в водах которого прижилось несколько семей китов-пилотов, которые сопутствовали кораблям древних мореплавателей — финикийцев и эллинов, провожали в далекое плавание каравеллы Колумба.

Вода и камень — это тоже про Канарские острова.

Фото автора и Татьяны Вербицкой



Михаил БИНОВ

"Зингерталь, мой цыпочка, сыграй ты мне на скрипочка"

Напрасно дотошный читатель будет искать адрес этого кинотеатра (иллюзиона) в справочниках дореволюционной Одессы. Местонахождение иллюзиона под замысловатым названием "Биоскоп Реалитэ" мы находим в романе В.П. Катаева "Хуторок в степи". Итак, "...на Ришельевской, недалеко от Александровского участка" (здание с каланчой на этой улице. — **М. Б.**), а владелицей "Биоскоп Реалитэ" была вдова греческого подданного мадам Валиадис, "женщина предприимчивая и с большим воображением. Вполне возможно, что мадам была родственницей того Валиадиса, который описан в бессмертном романе И. Ильфа и Е. Петрова "Золотой теленок", того самого Валиадиса, который, как и его друзья, обломки коммерческого Черноморска (читай Одессы. — **М. Б.**), носил белый пикейный жилет и соломенную шляпу канотье. Все эти старики собирались под стенами столовой № 68, открытой на месте знаменитого в Одессе кафе-кондитерской Фанкони (в романе "Флорида". — **М. Б.**) на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц. Старики мечтали о том счастливом дне, когда Черноморск будет снова объявлен "вольным городом". Пока же они горячо обсуждали вопросы "высокой политики"... Помните, читатель, как Остап Бендер спросил у 90-летнего зицпредседателя Фунта, положил бы Валиадис палец в рот французскому министру Аристиду Бриану, на что Фунт твердо ответил: "Ни за что!". Правда, авторы "Золотого теленка" так и не уточнили, почему же все-таки Валиадис не положил бы палец в рот Бриану: то ли потому, что знаменитый французский политик как ни как 11 раз занимал пост премьер-министра и 17 раз — министра иностранных дел, то ли потому, что Бриан со своим проектом пан-Европы больше всего утешал и пленил пикейных жилетов, и о нем они неизменно говорили: "Бриан! Вот это голова!".

Когда я уже написал все, что можно было о Валиадисе из "Золотого теленка", меня не оставляла мысль, что о Валиадисе я читал еще в одном литературном произведении, а именно — о владельце бакалейной лавки в Одессе, описанном в повести украинского писателя Ивана Микитенко "Уркаганы". Вполне мог бы похвастать, что об этом Валиадисе, тоже греке, я узнал даже больше, чем И. Ильф и Е. Петров о "своем" Валиадисе.

Конечно же, это шутка, авторам "Золотого теленка" вовсе не обяза-

тельно было, например, описывать внешность владельца бакалейной лавки... Дело в том, что друг детства Катаева, старейший краевед Одессы Евгений Ермилович Запорожченко, проживавший до самой своей кончины в Отраде, на улице Уютной, 7, так описал мне внешность Валиадиса, бакалейная лавка которого тоже находилась в Отраде, на улице Белинского: "Был Валиадис маленького роста, с короткими усиками и круглыми, словно сливы, черными глазами на полном лице". Так что владелица иллюзиона мадам Валиадис вполне могла бы быть родственницей и владельца бакалейной лавки. Конечно, без этих обширных литературных экскурсов и домыслов можно было бы и свободно обойтись, если бы... читаем у Катаева: "Она (мадам Валиадис. — **М. Б.**) наняла известного куплетиста Зингерталя, с тем чтобы он выступал перед каждым сеансом, и "любимец публики" Зингерталь стал петь "свои" неизменные куплеты — такие, как "Солдаты, солдаты по улицам идут", "Целуй меня, Мотька, еще раз, еще много, много раз", "Одесситка — вот она какая" и особенно популярные "Зингерталь, мой цыпочка, сыграй ты мне на скрипочка".

Но однажды мадам предложила Зингерталю обновить свой репертуар чем-нибудь политическим и подняла цены на билеты. После этого Зингерталь стал петь совершенно новые куплеты под названием "Галстуки, галстучки". В них были такие строчки: "У нашего премьера ужасная манера — на шею людям галстуки цеплять". Это был прозрачный намек на печально известные столыпинские виселицы. Реакция властей была мгновенной. Зингерталь в 24 часа "вылетал из города", мадам Валиадис разорилась на взятки полиции, а кинотеатр "Биоскоп Реалитэ" бесследно исчез...

Уже после войны, встретив Льва Марковича Зингерталя, я спросил его: "Лев Маркович, когда и как вы познакомились с Катаевым?". Как истый одессит он ответил вопросом на вопрос: "А кто вам сказал, что я был знаком с Катаевым? Просто у него гениальная память!".

Свой творческий путь Зингерталь начал очень рано в бродячем циркебалагане, где двенадцатилетним мальчиком участвовал в клоунаде. А затем начинается долгая кочевая, полная невзгод жизнь куплетиста, целиком и полностью зависящая от воли его хозяев.

По-разному рекламировали Л.М. Зингерталя афиши, но чаще всего его называли "известным еврейским салонным комиком"...

По-своему уже после февральской революции использовали Зингерталя и других куплетистов большевики. Были организованы их выступления в кинотеатрах города, а сбор от выступлений артистов шел в пользу союза металлистов, который оказывал денежную помощь бастующим рабочим.

Зингерталь выступал тогда на подмостках иллюзиона "Люкс" в Треугольном переулке (ныне улица Утесова). Дело иногда доходило до курьезов. Так, куплетист Павел Троицкий, например, пел куплеты, в которых были слова: "Останутся товарищи и больше ничего!". Но откровенный антисоветский характер куплетов не смущал большевиков — им нужны были деньги.

В Одессе было немало актеров, которые, по выражению Утесова, "имели свое лицо". Безусловно, и Зингерталь имел свой неповторимый стиль, свою "маску".

В 30-е годы среди других уже блистали на эстраде братья Набатовы — Илья, он писал и исполнял куплеты на международные темы, и Леонид, который подбирал и сочинял музыку к тексту. В пору моего детства, я хорошо помню, что приезжая в Одессу, Набатовы часто останавливались у Зингерталя в нашем доме на улице Софиевской, 30. Их пребывание особенно запомнилось мне, потому что они угощали сына Зингерталя Рику шоколадными конфетами, а он, если проигрывал нам, своим товарищам, в популярной до войны игре "в киные" (оловянную биту бросали на такую же, лежащую на земле, затем измеряли расстояние между ними большим и указательным пальцами), иногда расплачивался не киноленточками, а половинкой, а то и четвертушкой конфеты... Никто не запрещал нам играть "в киные", но мы почему-то скрывались от посторонних глаз на заднем (втором) дворе дома среди дощатых сараев, в которых жильцы хранили топливо на зиму — уголь и дрова...

Пройдут годы, и выйдет книга И. Набатова "Заметки эстрадного сатирика". В ней автор немало строк посвятил своему другу куплетисту Зингерталю: "На сцене всегда серьезный, даже грустный, на минорный мотив и с самым унылым видом Зингерталь пел, например, куплеты:

Я гигиену вполне изучил,
Пьянства себе не позволю никак,
Я от излишеств себя отучил,
И потому я такой здоровяк.

Здесь делалась пауза, во время которой зритель мог сопоставить слова куплета с тщедушным обликом артиста. Далее шел такой нелепый припев:

Я умываюсь, купаюсь и сплю
Три раза в день,
Высшего сорта сигары курю
Три раза в день,
И комплименты жене говорю
Три раза в день.

В этих куплетах Зингерталь пытался изображать скучного и ограниченного неудачника, очень довольного самим собой. Набатов вспоминает, что в Самарканде он однажды выступал в дуэте с Зингерталем, который исполнял первые строчки частушки на русском языке, а Набатов заканчивал их двустишием на узбекском. Успех был колоссальным.

После войны Лев Маркович Зингерталь работал билетером в Летнем саду Одесской филармонии.

Беседую о Зингертале с конферансье Одесской филармонии народным артистом Украины Михаилом Бакальчуком:

— Помню, что "дядя Лева", как мы его называли, Зингерталь с женой летом жил в Горсаду в маленькой комнате за сценой. В этой комнате побывали многие звезды эстрады. Так, например, приезжая на гастроли в Одессу, бывал в гостях у Зингерталя Леонид Осипович Утесов. Однажды я встретил у него знаменитого конферансье Михаила Наумовича Гаркави. Лев Маркович и его жена Надежда Моисеевна радушно встречали гостей. А слава о фаршированной рыбе, приготовленной Надеждой Моисеевной "по-одесски", распространялась далеко за пределами Одессы...

Одессу часто и вполне справедливо называли "фабрикой эстрады". Наряду с В. Коралли, Г. Красавиным, П. Троицким и другими талантливыми эстрадными артистами Лев Маркович Зингерталь был замечательным мастером этой "фабрики".



Новейшие ленчики

* * *

Давно нам разобраться надо,
В чем состоит эстрады цель,
И где кончается эстрада
И начинается бордель ...

* * *

О случае смешном вам рассказать
Хотел бы. Хохотал, что было сил.
Я к банкомату подошел, чтоб деньги снять,
А он... до вторника десятку попросил...

* * *

Михал Михалыч Козаков
Прекрасно знает силу слов.
Поведал нам он и себе:
Сказавши "А", не будьте "Б"...

* * *

Прошу вас, для вашей же пользы
Не спорить и не возражать:
Зачем напиваться и ползать?
Ведь лучше курить и летать...

* * *

Ветер свободы повеет,
Будем смеяться и петь,
Если любви власть сумеет
К власти любовь одолеть...

* * *

Хохочешь ты, разинув рот,
Не видишь связь причин и следствий.
Ведь хорошо смеется тот
Лишь, кто смеется без последствий...

* * *

Как до сознанья женщин донести,
Мужчин — солдат, студентов и матросов,
Что секс — не шутка (Господи, прости!),
Не развлеченье, а общенья способ...

* * *

Через невзгоды и ненастья
Преодолел ты трудный путь.
Тебе рукой подать до счастья,
Но руки вымыть не забудь...

* * *

Чистюли все и замарашки
Копят деньгу без лишних слов,
А ты, родившийся в рубашке,
Так и остался без штанов...

* * *

Терпел, перед судьбой не гнулся
И сохранить лицо старался,
Но о свободе заикнулся,
Да так заикой и остался...

* * *

Я всем привычной фразой удивлен
(Иль стопку мне принять на опохмелку?):
Как может тот, кто совести лишен,
Вдруг с совестью вступить своею в сделку?..

* * *

Не знаю, право, плох я иль хорош,
Но точно знаю, чувствую подспудно,
Что там, где постоянно ты живешь,
Особенно порядочным быть трудно...

* * *

Обдумывая жизнь, я к выводу пришел
(И умолчать я не могу об этом):

Не усекли, что суп тобой пролит на стол?
Переверни тарелку с винегретом...

* * *

Останется пусть мой совет меж нами
(Но в жизни можешь пользоваться им):
Ты вещи называй своими именами,
Но не подписывайся именем своим...

* * *

Мудрец подчас судить берется, и осел
О том, что происходит в нашем крае.
Одна статистика, быть может, знает все,
А вот статистику не все, конечно, знают...

* * *

Навіщо нам та хибна Рада,
Якийсь товариш або пан?
А щоб була народна влада —
Цього не вирішить майдан...

* * *

В моих глазах Жванецкий страшно вырос,
Простую истину сумевши углядеть:
Чтоб плесень получить, хотя бы сырость
Необходимо, братцы, вам иметь...

* * *

Диплом, что в институте вам вручили, —
Свидетельство затраченных усилий
На то, чтоб все, сумели убедиться:
У вас была возможность научиться...

* * *

Варианты течения нашей болезни
Известны, и будут такими, хоть тресни!
И туберкулез (что по-гречески "фтизис")
Ответит достойно на грянувший кризис...

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Почти по Гоголю

В небольшой библиотеке. На столе с табличкой "К 200-летию Н.В. Гоголя" Библиотекарь раскладывает книги Гоголя.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Так... "Ревизор" здесь, "Мертвые души" имеются, "Вечера на хуторе близ Диканьки" тут, "Нос" на месте... "Вий"... Что-то я забыл... Что-то забыл...

Входит прилично одетый простоватый Мужчина.

МУЖЧИНА. Это библиотека?

БИБЛИОТЕКАРЬ. Да. А что, разве это сразу не видно?

МУЖЧИНА. Хм... Послушайте, я — нормальный человек, а не какой-то там... Ну, в смысле, откуда мне знать, как выглядит библиотека?

БИБЛИОТЕКАРЬ. М-да... Я понял. А зачем же вы тогда сюда пришли?

МУЖЧИНА. Тут такое дело. Я с соседом все время ругаюсь. Так этот... (*Неслышно шевелит губами, ругаясь.*) этот Иван Иванович на меня во все стороны бумаги пишет... Писатель!.. Участковому пишет, в домоуправление пишет...

БИБЛИОТЕКАРЬ (*перебивает*). Погодите! Вы сказали, соседа Иваном Ивановичем зовут?

МУЖЧИНА. Ну...

БИБЛИОТЕКАРЬ. А вас, случайно, не Иваном Никифоровичем?

МУЖЧИНА. Ну да...

БИБЛИОТЕКАРЬ. Ха! Как же я мог забыть!.. (*Отбегает к стеллажу.*) Вот! (*Приносит и кладет на стол книгу "Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем".*)

МУЖЧИНА. Опа... Так значит, мне правду сказали, что он про меня уже целую книгу накатал...

БИБЛИОТЕКАРЬ. Что вы! Это не он! (*Тычет пальцем в фамилию автора.*) Это Гоголь! Ха-ха! Это же надо, какое совпадение! Один сосед — Иван Иванович, другой — Иван Никифорович, и тоже поссорились!

МУЖЧИНА (*разглядывая книги на столе, мрачно*). Совпадение, говорите?.. Что-то у вас тут слишком много совпадений!

БИБЛИОТЕКАРЬ. Что вы имеете в виду?

МУЖЧИНА. Вот! (*Тычет пальцем в книгу "Ревизор".*) Третий сосед

на нашей лестничной клетке — ревизор!.. Хотя нет. Тут на самом деле все не так уж совпадает.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Почему не так уж?

МУЖЧИНА. Так он же на самом деле никакой не ревизор, а какая-то мелкая сошка. Регистратором работает. Ха-ха! А все в доме думают, что он ревизор, представляете?.. (*Библиотекарь, открыв рот, тихонько оседает на стул.*) Что это с вами?..

БИБЛИОТЕКАРЬ. Не может быть... Это просто мистика какая-то... Скажите, а четвертого соседа у вас на лестничной клетке нет?

МУЖЧИНА. Как вам сказать... Вроде есть. Но мы его вообще-то не видим. У него, кстати, фамилия смешная. Ха-ха! Из трех букв.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Ой... Нет. Неужели... Вий?!

МУЖЧИНА. Нет, не Вий.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Нет? (*Облегченно.*) Фу-у...

МУЖЧИНА. Нет. Его фамилия Нос.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Нос?! Ой... (*Берется за сердце.*)

МУЖЧИНА. Вы расстроились, что не Вий? Не расстраивайтесь, Вий у нас живет этажом выше...

БИБЛИОТЕКАРЬ. Ой-ёй-ёй...

МУЖЧИНА. Я лучше пойду.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Нет-нет, я очень прошу, задержитесь! Всего несколько вопросов! Кстати, а на какой улице ваш дом?

МУЖЧИНА. На улице Украинской.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Так-так-так... Все сходится!

МУЖЧИНА. Не понял. Так этот Гоголь что, не русский писатель, а украинский?

БИБЛИОТЕКАРЬ. Ну, как вам сказать. Он и русский, и украинский. Он наш общий.

МУЖЧИНА. Понимаю. То есть это как раз тот случай, когда, как сейчас часто пишут: "Русские и украинские ученые спорят, кому принадлежит...".

БИБЛИОТЕКАРЬ (*перебивает*). Нет. Русские и украинские ***ученые*** по таким вопросам никогда не спорят. Спорят как раз ***неученые***. Неученые, недальновидные, недружелюбные и неумные.

МУЖЧИНА. Это ужас!

БИБЛИОТЕКАРЬ. Хуже... А мы все это терпим. Слушайте, все эти совпадения — это же неспроста. Надо срочно перечитать всего Гоголя!

МУЖЧИНА. С чего это вдруг?

БИБЛИОТЕКАРЬ. Ну, как вам объяснить... Это даже стыдно — в наше время забыть о Гоголе!

МУЖЧИНА. Да ладно... В наше время уже давно ничего не стыдно. У меня вот мамаше 80. Так она тоже жалуется, что я про нее забываю, — не каждый год получается приехать.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Далеко живет, да?

МУЖЧИНА. Да вообще!.. На другом конце города!.. А вы говорите — Гоголь. Так это мамаше моей — 80, а Гоголю вашему уже все 200. Понятное дело — начинаем понемногу забывать... Ну, я пойду уже. Дела у меня.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Простите, еще секундочку! А Чичикова у вас в доме случайно нет?

МУЖЧИНА. А черт его знает...

БИБЛИОТЕКАРЬ. Или Ноздрева?

МУЖЧИНА. А черт его знает...

БИБЛИОТЕКАРЬ. Манилова? Коробочки? Плюшкина?

МУЖЧИНА. Черт их знает... Сейчас люди в доме так часто меняются, всех не углядишь. Я ж говорю — черт их знает... И то не всегда! Черт — это фамилия нашего участкового...

БИБЛИОТЕКАРЬ. И черт у вас есть? Не может быть... Чур меня! Чур! Чур!

МУЖЧИНА. Так... Ну все, мне уже точно пора. Вы уж тут сами как-то разбирайтесь!

Мужчина идет к двери, Библиотекарь бросается за ним.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Погодите! Еще секундочку.

Мужчина останавливается перед стендом у двери. Там висит портрет Гоголя, сверху табличка "К 200-летию великого шутника".

МУЖЧИНА. О! Мой сосед! Он-то что здесь делает?

БИБЛИОТЕКАРЬ (*обомлев*)**.** К... К... Какой сосед?

МУЖЧИНА. С первого этажа. Николай. Представляете, все еще на тройке ездит. Ха-ха!

БИБЛИОТЕКАРЬ (*совершенно обалдев*)**.** На какой тройке?.. На ***русской*** тройке?! (*Декламирует.*) "Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал?"

МУЖЧИНА. Итальянцы ее выдумали. У него "Лада", тройка.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Неважно... И его Николаем зовут?! Не может быть!

МУЖЧИНА. Ну как не может? Я вот сюда шел и с ним поздоровался. Он, как всегда, в лыжной шапочке с бумбончиком возился возле дома со своей старенькой тройкой.

БИБЛИОТЕКАРЬ (*замирает у портрета*). Не может быть... С каким еще бумбончиком?.. Не может этого быть... (*Мужчина пока исчезает за дверями. Через секунду Библиотекарь спохватывается.*) Стойте! Стойте, я с вами!

Библиотекарь торопливо напяливает пальто, выскакивает за дверь, слышен его голос: "Где вы? Где вы?". Через пару секунд он возвращается.

БИБЛИОТЕКАРЬ (*себе*). Исчез куда-то... Исчез... Но как это все может быть?.. А-а! Понял! Это просто мне кто-то на первое апреля шуточку пристроил! Конечно! Разыграли первого апреля, как раз в день рождения Гоголя. Ну, погоди! Найду я этого шутника... Я этому шутнику...

Библиотекарь поворачивается к портрету и замирает — с портрета на него смотрит улыбающийся Гоголь в лыжной шапочке с бумбончиком.



Унесли с собой Одессу...



Петр НИЛУС
Письма из эмиграции
Одесса, Optimum, 2008

Эта мысль не покидает при чтении замечательной книги, только что вышедшей в Одессе в издательстве "Optimum", — "Петр Нилус. Письма из эмиграции".

Имя художника Петра Александровича Нилуса хорошо знакомо одесситам, для которых история города, его культура — не пустой звук. Один из самых пленительных мастеров южнорусской школы, работы которого не только драгоценное украшение нашего Художественного музея, но и других музеев и частных собраний далеко за пределами Одессы, Петр Нилус повторил судьбу многих деятелей русской культуры. В конце 1919 года художник навсегда покидает родной город.

В книге собраны письма П.А. Нилуса, написанные с 1920 по 1937 год самым близким друзьям, художникам Евгению Осиповичу Буковецкому в Одессу и Борису Исааковичу Эгизу в Константинополь, а потом в Вильно.

Горький хлеб скитаний — София, Белград, Загреб, с 1924 года — Париж. Мытарства, неустроенность, болезни, безденежье... Утрата друзей... Один из самых тяжелых ударов — смерть писателя Семена Юшкевича...

И упорный труд — акварели, картины, написанные маслом, портреты, пейзажи, натюрморты. Хорошие отклики в прессе. Радость от продажи той или иной работы — можно прожить, протянуть еще месяц, еще два.

В письмах — многочисленные наблюдения, отклики, размышления о художественной жизни Парижа. Может быть, некоторые оценки художников, ставших для современного читателя и зрителя классиками, могут вызвать удивление, а то и несогласие, но, в чем-то не соглашаясь, все же нельзя спорить через десятилетия с живым свидетелем. Тем более интересно наблюдать, как сам Петр Нилус, все глубже постигая художественные реалии, многое пересматривает в своих оценках и взглядах.

И все-таки лейтмотив писем — тоска по Одессе, по оставшимся там друзьям. В первую очередь, это письма, направленные по адресу "Княже-

ская (Баранова), 27", в тот знаменитый дом Евгения Буковецкого, в котором часто до эмиграции жил Иван Бунин, где жил и сам автор писем.

С волнением и тревогой расспрашивает П.А. Нилус своего адресата об А.М. Де-Рибасе, об А.А. Кипене, П.Г. Волокидине, А.Н. Стилиануди и других друзьях. Каждая весточка из Одессы, даже самая печальная, ему дорога, для него она — спасительная нить, связывающая с родным городом...

И еще одно наблюдение — способность в самых невероятных условиях сохранить честь и достоинство, урок, который дорогого стоит.

Остается поблагодарить всех тех, стараниями которых появилась эта книга писем и не уступающих им по важности комментариев, прежде всего, В.А. Абрамова, О.М. Барковскую, Л.А. Еремину, Н.С. Полищук и других — архивистов, краеведов, коллекционеров...

Всем им — читательская признательность и благодарность.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

"О, сколько нам открытий чудных..."



Благоухающий пепел:
По страницам старой одесской периодики (Сборник)
Составитель Т.В. ЩУРОВА
Одесса, ВМВ, 2009

Эта строка из А.С. Пушкина стала общеизвестной благодаря телепередаче С.П. Капицы "Очевидное — невероятное". И сейчас, читая книгу Татьяны Щуровой "Благоухающий пепел", я не раз мысленно возвращался к этой фразе поэта.

Одесские журналы двадцатого века, а их было великое множество, до сих пор оставались известными лишь по названиям (да и то не все!), а их содержание лишь иногда становилось предметом исследований специалистов. Давно назрела необходимость вернуть лучшее из того, что было востребовано предыдущими поколениями, современному читателю. Задачу сформулировать легко, а выполнить ее очень трудно.

Представьте себе, что значит прочитать один за одним тысячи номеров одесских журналов, чтобы выбрать жемчужные зерна. Труд адский. Но

ская (Баранова), 27", в тот знаменитый дом Евгения Буковецкого, в котором часто до эмиграции жил Иван Бунин, где жил и сам автор писем.

С волнением и тревогой расспрашивает П.А. Нилус своего адресата об А.М. Де-Рибасе, об А.А. Кипене, П.Г. Волокидине, А.Н. Стилиануди и других друзьях. Каждая весточка из Одессы, даже самая печальная, ему дорога, для него она — спасительная нить, связывающая с родным городом...

И еще одно наблюдение — способность в самых невероятных условиях сохранить честь и достоинство, урок, который дорогого стоит.

Остается поблагодарить всех тех, стараниями которых появилась эта книга писем и не уступающих им по важности комментариев, прежде всего, В.А. Абрамова, О.М. Барковскую, Л.А. Еремину, Н.С. Полищук и других — архивистов, краеведов, коллекционеров...

Всем им — читательская признательность и благодарность.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

"О, сколько нам открытий чудных..."



Благоухающий пепел:
По страницам старой одесской периодики (Сборник)
Составитель Т.В. ЩУРОВА
Одесса, ВМВ, 2009

Эта строка из А.С. Пушкина стала общеизвестной благодаря телепередаче С.П. Капицы "Очевидное — невероятное". И сейчас, читая книгу Татьяны Щуровой "Благоухающий пепел", я не раз мысленно возвращался к этой фразе поэта.

Одесские журналы двадцатого века, а их было великое множество, до сих пор оставались известными лишь по названиям (да и то не все!), а их содержание лишь иногда становилось предметом исследований специалистов. Давно назрела необходимость вернуть лучшее из того, что было востребовано предыдущими поколениями, современному читателю. Задачу сформулировать легко, а выполнить ее очень трудно.

Представьте себе, что значит прочитать один за одним тысячи номеров одесских журналов, чтобы выбрать жемчужные зерна. Труд адский. Но

именно его предприняла заведующая отделом искусств научной библиотеки имени М. Горького Татьяна Васильевна Щурова.

Нет, это не безликая антология. Это авторская книга. И в этом убеждаешься, начиная читать, от иронически ностальгического названия "Благоухающий пепел" до подбора статей, стихов, рисунков.

Татьяна Щурова — театровед, и ее увлеченность театром, его историей, естественно, заметна в этой книге. Любитель стихов найдет свое, ведь в книге возникает замечательный венок поэтических имен — от Саши Черного (в начале XX века) до никому сегодня не известных стихов известного прозаика Сергея Бондарина, знаменитой журналистки Татьяны Тэсс (в начале тридцатых годов прошлого столетия). Тонкое ощущение прелести графики определило иллюстративный ряд, куда вошли рисунки полузабытых, но прекрасных художников — С. Фазини, С. Олесевича, И. Мексина, имена которых, к счастью, в наши дни возвращаются из небытия...

А быть может, главное — даже не эти изюминки. А то, что на полвека, начиная с 1894 года, когда праздновалось 100-летие Одессы, и вышел "Одесский юмористический альманах", — до 1933 года, когда был закрыт журнал "Шквал", мы окунаемся в атмосферу нашего города, ощущаем, как менялся его юмор, какие проблемы стояли перед одесситами, какими виделись смены режимов после февральской революции, что произошло с городом, который к 1924 году уже не только не был "третьей столицей", но становился заурядным областным центром.

И все же повторю. Множество открытий чудных приготовила для читателей Татьяна Щурова. Читатели убедятся, что и 115 лет назад журналисты допускали ошибки, называя не Гомера, а Одиссея великим слепым. Они узнают подробности пребывания в Одессе Макса Линдера и Федора Шаляпина, прочтут первые рассказы Ефима Зозули, Петра Пильского, Валентина Катаева, в которых уже очевидна их безусловная талантливость...

Как хотелось бы, чтобы этот том стал первой книгой в серии публикаций. Во-первых, еще можно открыть для читателей десятки забытых журналов. Во-вторых, естественными были бы тематические выпуски: поэзия на страницах одесских журналов (кто и когда соберет стихи А. Соколовского и Л. Гроссмана, П. Сторицына и А. Кранцфельда?), графика на страницах журналов, юмор, хоть, признаемся, злободневные для современников шутки стареют быстрее всего...

Открытое окно в мир одесских журналов показывает, как много еще можно оттуда черпать.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Марк Соколянский открывает новые грани творчества Гоголя



Марк СОКОЛЯНСКИЙ
Гоголь: грани творчества
Одесса, Астропринт, 2009

Одесское издательство "Астропринт" коллекционным тиражом в три сотни экземпляров (мало, но по нынешним временам и это хорошо) выпустило новую книгу Марка Георгиевича Соколянского "Гоголь: грани творчества", предназначенную для литературоведов, студентов филологических факультетов и всех, кто всерьез интересуется гоголевским творческим наследием. Книга состоит из очерков — либо уже опубликованных в современных научных изданиях, либо готовящихся к публикации. Автор, известный одесский литературовед, ряд последних лет проживает в немецком городе Любеке, и вполне понятно, почему первый очерк сборника заостряет внимание на малоизвестном эпизоде пребывания классика в этом городе. Гоголь, без преувеличения, одна из наиболее загадочных фигур русской литературы, и до сих пор некоторые житейские или медицинские подробности его биографии так и остались непроясненными.

В отличие от многих отечественных исследователей, в глаза не видавших Любека, Марк Георгиевич воспользовался возможностью пройти маршрутами Николая Васильевича и установить, что тот пробыл в городе никак не считанные дни, как можно было ошибочно судить из "Авторской исповеди". Документальные подтверждения своим догадкам Соколянский отыскал в местной краеведческой литературе, никогда на русский язык не переводившейся.

Гоголь вольно обращался не только с датами собственной биографии, ведь был он, в первую очередь, художником слова, любил преувеличения, создающие впечатляющий эффект (чего стоит, например, якобы "двадца-

типудовый" вес Тараса Бульбы, если помнить, что в каждом пуде шестнадцать килограммов). От этого не менее интересно читаются очерки "Историзм повести "Тарас Бульба" и "Об историзме "Мертвых душ".

Очерк "Мертвые души" как роман большой дороги" исследует претворение традиции европейского романа, идущей от Сервантеса, — ведь сегодняшние споры в духе времени о том, русский ли, украинский ли писатель Гоголь, попросту мелки, это фигура заметная в масштабах Европы, вокруг нее нужно не копья ломать, а объединиться да примириться...

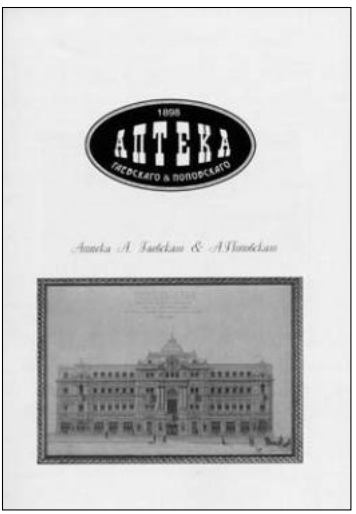
"Все Европой дышит, веет" в не особенно популярном произведении Гоголя, отрывке "Рим", которому посвящен очерк "Хоть поздно, но вступленье есть...". Для литературоведа нет различия в степени популярности исследуемого материала. Соколянский так же тщательно исследует "Рим", как и в последнем очерке своей книги рассуждает "О гоголевских традициях в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова". Романы "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок", будучи вершинами сатирической прозы двадцатого века, остаются бестселлерами и сегодня.

Гоголь действительно был любимым писателем Ильфа и Петрова — не случайно в театре "Колумб" ("Двенадцать стульев") ставят именно "Женитьбу"; по жанру оба знаменитых романа являются "романами большой дороги", как и "Мертвые души" ("птица-тройка" в духе времени сменилась "автопробегом по бездорожью и разгильдяйству"). К массе прототипов Остапа Бендера следует причислить и литературный, то есть Хлестакова... Подпольный миллионер Корейко шлет привет скупщику мертвых душ Чичикову, даже головной убор у них общий — бекеша... Голубой воришка Альхен, как и Артемий Филиппович Земляника, грабит богоугодные заведения. А умению сочинять "говорящие", комично-выразительные фамилии своих персонажей Ильф и Петров учились, конечно же, у Гоголя, нарекавшего героев Коробочкой, Неуважай-Корыто, Держимордой, Яичницей, Ляпкиным-Тяпкиным и так далее.

Нет сомнений, книга "Гоголь: грани творчества" найдет в Одессе своего читателя, окажется востребованной. Приятно также сообщить, что автор, Марк Соколянский, планирует приезд в родной город к началу апреля, когда состоятся торжества, посвященные двухсотлетнему юбилею Николая Васильевича.

Мария ГУДЫМА

Аптечная книжка



Адресный список врачей в Одессе на 1913 год
Репринтное издание
с предисловием и вступлением
Одесса, Optimum, 2008, 130 с.

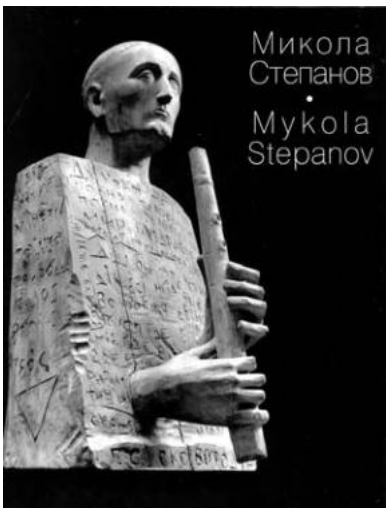
Чудесный подарок сделала одесситам Аптека Гаевского к 130-летию своего основания и к 110-летию пребывания в доме Руссова. На средства директора аптеки Нели Иосифовны Калестру выпущено репринтное издание ретроспективного реестра одесских врачей и лечебных учреждений по специализациям. Замечательно, что оригинал этой редкой книжки 95 лет назад выпущен самой аптекой А. Гаевского и А. Поповского, которая не только занималась изготовлением и реализацией фармацевтической продукции, но и просветительской деятельностью в сфере медицины, санитарии, гигиены, пропаганды здорового образа жизни.

Книга выпущена издательством "Optimum" поистине роскошно — в цвете, на плотной тонированной бумаге, снабжена уникальными снимками, запечатлевшими самого основателя Антона Эразмовича Гаевского, здание аптеки в начале прошлого столетия, прежних провизоров за конторкой и проч. Издание сопровождается написанным Олегом Губарем очерком истории знаменитой фармации, начиная с 1878 года, когда молодой энергичный Гаевский основал свой первый аптекарский магазин по улице Тираспольской, № 16.

Таким образом, мы имеем и замечательный сувенир и, по сути, превосходный исторический первоисточник, который пригодится профессиональным исследователям прошлого Одессы.

Антон УХОВ

Николай Степанов



Николай Степанов
Скульптура. Живопись. Графика
Киев, ред. журнала "Образотворче мистецтво", 2008

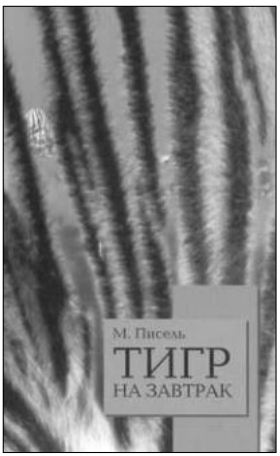
Альбомом-монографией об одесском скульпторе Николае Степанове (1937-2003) редакция журнала "Образотворче мистецтво" завершила серию из двадцати книг, задуманную редактором журнала Николаем Маричевским (к сожалению, ушедшим уже из жизни, не увидевшим полную реализацию своего замысла) как двадцать книг о лучших мастерах Украины конца XX столетия. В эту серию и включил Н. Маричевский двух художников Одессы — Виктора Маринюка, Николая Степанова; можно, правда, сказать, трех, так как Андрей Антонюк, живущий в Николаеве, корнями принадлежит к одесской живописной школе.

Итак, книга двадцатая — "Николай Степанов". Здесь эссе о скульпторе, написанное искусствоведом Ольгой Савицкой, в течение многих лет обращавшейся к работам скульптора, много общавшейся с ним, поддерживавшей мастера в его исканиях. Составители опубликовали и тексты из рукописного наследия Н. Степанова, а он был поэтом и художественным критиком.

Но конечно же, основа альбома — репродукции. И здесь Степанов представлен лучшими своими скульптурными работами — в дереве, мраморе, бронзе, как монументальными, так и камерными, а также живописью и графикой. И становится понятно, что Николай Степанов действительно выдающийся скульптор, чье имя не потеряется среди мастеров XX века.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Одессит из Катманду



Мишель ПИСЕЛЬ
Тигр на завтрак
Москва, Терра – Книжный клуб, 2007

Лисаневич Борис Николаевич родился 4 октября 1905 года в семье дворянина Николая Александровича Лисаневича, известного южнороссийского конезаводчика. Борис уже учился в юнкерском училище в Одессе, когда началась революция. Семья покинула город, добралась до Варшавы, но тут пришло известие, что в Одессу вернулись белые, и Лисаневичи вернулись домой. Вскоре пропал отец, старший брат Георгий присоединился к белогвардейцам и отправился в гущу событий, второй — Михаил — погиб, когда эсминец, на котором он служил офицером, наткнулся на немецкую мину. Сам Борис, пятнадцатилетний боец "Специального эскадрона по защите арьергарда", был ранен во время военного рейда где-то между Одессой и Туапсе. Мария Александровна Лисаневич с двумя сыновьями, Александром и Борисом, вновь решила покинуть Одессу и попытаться перебраться в Румынию, но не успела, — в Одессу вошли красные. Впоследствии Александру все же удалось бежать из города на рыбацкой шаланде; в разбушевавшемся море его подобрал корабль союзников. Он добрался до Стамбула, а потом — и до Франции (в 1928 году к нему присоединилась Мария Александровна).

Бориса спасла родственница — Вера Гамсахурдия, балетмейстер труппы одесского театра, выдав ему документ, удостоверявший членство в труппе. Это, в общем, не было фикцией — Борис в действительности учился в хореографической школе. Хорошо сложенный, выносливый и артистичный Борис вскоре уже исполнял заметные партии в спектаклях труппы. С помощью дальних родственников Борис заключил контракт на работу в парижском театре "Альгамбра". Один из служащих московского "Комитета по зарубежным гастролям", когда-то игравший на скачках, узнав в нем сына Николая Александровича, выправил нужные для получения заграничного паспорта бумаги. И Борис оказался в Париже.

Лисаневич отработал контракт в театре "Альгамбра", проехал с гастролями 65 немецких городов, танцевал в "Романтическом русском театре" Бориса Романова, будущего балетмейстера нью-йоркской "Метрополитен-опера", и, наконец, был принят в труппу "Русского балета", где работал с феноменальной отдачей и фантастическим успехом вплоть до смерти маэстро в 1929 году. Он знал множество балетных партий и подменял любого заболевшего артиста, прекрасно играл на фортепьяно, ставил хореографические миниатюры, а когда дягилевский балет прекратил существование, стал, чтобы зарабатывать на жизнь, уличным фотографом.

В 1933 году Лисаневич прибыл в Бомбей. Отработав поставленные Борисом номера в концертном зале знаменитой гостиницы "Тадж-Махал" (шесть месяцев аншлага!), он вслед за Индией покорил Бирму, Китай, Бали, Яву, Вьетнам и Цейлон. Англоязычная пресса Британской империи публиковала восторженные отклики, и телеграфные рецензии опережали график его передвижений. Лисаневич принял экзотический Восток безоговорочно и, впитывая его полной грудью, насыщал хореографию и музыкальное сопровождение новыми элементами. Шли недели, месяцы, годы. Он получил письмо от матери, которая просила сына встретиться с неким Джоном Уолфордом, директором судоходной компании. В разговорах с новым знакомым возникла идея создания элитарного клуба, и поддерживаемый мощными спонсорами, Борис с головой окунулся в новую затею.

Так в 1936-м в Калькутте возник клуб "300". Название перекликалось с прославленным лондонским клубом "400". Поскольку цифра указывала на число постоянных членов, калькуттский клуб как бы сохранял второе место, но, уменьшив число членов, претендовал на большую эксклюзивность. Клуб разместился в приобретенном Борисом мраморном особняке, известном под именем "Причуда Филиппа". Вскоре элитная публика со всех концов мира устремилась в Калькутту, чтобы не краснеть, услышав: "Как, вы еще не были в клубе "300"?!". Во время второй мировой войны клуб стал местом встречи американских и английских летчиков, летавших через "Горбушку", как тогда называли Гималаи.

Вскоре Лисаневич оказался нужен непальскому двору. Приближалась официальная церемония интронизации сына Трибхувана, Махендры, а кто еще мог организовать и провести мероприятие на суперуровне, тем более что ожидались именитые гости из многих уголков земного шара? Борис был нужен всюду как главный эксперт по западному этикету. Апофеозом роскошных торжеств, наряду со сложными многоходовыми риту-

алами самой интронизации, согласованной с астрологами в соответствии с индусской традицией, должны были стать банкеты.

Не меньших усилий потребовалось от Бориса и в 1961 году во время визита английской королевы Елизаветы и принца Филиппа. Махендра пригласил гостей на охоту.

В дальнейшем Лисаневич накрывал столы для Ворошилова и Чжоу Эньлая, Джавахарлала Неру, Айюб Хана и Индиры Ганди, принца Ахито и космической пары Терешкова — Николаев, когда после бракосочетания они заглянули на пару медовых дней в Непал. С 1956 года — момента установления дипломатических отношений между Непалом и Советским Союзом — Борис неизменно дружил с сотрудниками советского посольства. В середине 1970-х он вместе с навещавшим его князем Владимиром Голицыным до хрипоты отстаивал правоту Солженицына в идеологическом споре с тогдашним советским послом Камо Бабиевичем Удумяном.

Борис еще при жизни стал человеком-легендой. Неистовый фантазер, но умевший воплощать в жизнь свои замыслы, отчаянный, никогда не перекладывавший на других ответственность, этот человек оставил о себе исключительно добрую память. Как-то на вопрос французского этнографа "Что для вас представляет ценность?" Лисаневич ответил: "В общем-то, жизнь — это игра. Имеет значение только одно — сколько людей ты сделал счастливыми".

Борис умер 20 октября 1985 года и похоронен среди вековых деодаров на безлюдном кладбище английского посольства в Катманду; ключ от кладбищенской калитки хранится у дежурного по посольству.

О нем написали книги французский путешественник Мишель Писель ("Тигр на завтрак"), китайская писательница Хан Сюин ("Горы остаются молодыми") и английский художник Десмонд Дойч ("Мой Катманду"). Жан-Поль Бельмондо снял о нем фильм. Ему дарили свои фотографии с автографами Елизавета II и король Непала Махендра. С ним дружили Агата Кристи, Франсуаза Саган, принц Карлос и многие другие выдающиеся люди мира.

Вплоть до недавнего времени о Борисе Лисаневиче в России ничего не знали. Через одесских альпинистов, побывавших в Катманду, о нем стало известно в его родном городе. Материал о нем опубликовали в журнале "Одесса" ("Одессит из Катманду"), а потом на страницах "Новых Известий" ("Одесса-мама и ее непальский сын"). Недавно на русский язык была переведена и издана в Москве книга Мишеля Писеля "Тигр на завтрак".

Давно пришло время в нашем городе увековечить память Бориса Лисаневича.

Аркадий КРЕЙМЕР

Михаил Векслер



Михаил ВЕКСЛЕР
Руки прекрасные порывы
Москва, Зебра, 2008

Одесский читатель давно уже оценил парадоксальный юмор Михаила Векслера. Теперь очередь пришла узнать и российскому читателю.

Говорят, что краткость — сестра таланта. Применительно к стихам Михаила Векслера можно сказать, что краткость умножает его талант, чем короче, тем точнее отзывается автор на события нашей повседневности.

Вот несколько примеров:

* * *

"А теперь — крестный ход.
Коммунисты — вперед!"

Тост

"Когда б ни состоялся вынос —
За то, чтоб мы вас, а не вы нас!"

* * *

"Не отвернусь от нищего — как другу
Всегда пожму протянутую руку".

Такие книги, как эта, нет смысла читать в один присест, ее можно растянуть на год, благо страниц в ней 380, каждый день открывая наугад стихотворение, и к гадалке можно не ходить — все для тебя написано, только учись осмысливать предсказание. К примеру, для всех вас (для меня?) на день сегодняшний:

Если "да",
То когда?

Спасибо, Михаил Емельянович, за еще один вечный вопрос, на который вместе с "Кто виноват?" и "Что делать?" подтолкнула нас русская литература.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Олег ГУБАРЬ
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 6

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК
Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение 15

Дмитрий УРСУ
Одесские годы Йосифа Клаузнера 34

Василий БЕЛЯЕВ
Конец банды "Черная кошка" 59

ПРОЗА

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ
"У меня живет паук по имени Исаак…" 89

Александра ИЛЬФ
"Только блеск и только сиянье…" 96

Игорь БОЖКО
Избранные главы из романов 114

Александр ДОРОШЕНКО
Моя невероятная страна 120

Валерий ХАИТ
Юмор и непознанное 153

Александра ШУМИХИНА
Гуси-лебеди 163

ПОЭЗИЯ

Валерий СУХАРЕВ
Курган 177

Анна НАХИМЧУК
Одесса 184

Владимир ТУСНОЛОБОВ
Угадай мелодию птицы 187

Светлана ВАСИЛЬЧЕНКО
Самостійність 190

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Юрий ДИКИЙ
На перекрестке двух эпох 196

Роман БРОДАВКО
Моя прекрасная леди 208

Валентин МАКСИМЕНКО
Балетный век любимицы Одессы 214

Феликс КОХРИХТ
Сергей Князев. Он между нами жил… 221

Людмила ЛИСЕНКО
"Надо прислушиваться, вспоминать, любить…" 225

Владимир НАУМЕЦ
О друзьях и о себе 233

Вера САВЧЕНКО
Paroles, paroles, paroles… 237

Евгений ОЛЕНИН
Художник и город 241

ПУБЛИКАЦИИ

Сочинительница из Одессы 251
Нина ГЕРНЕТ
Неизвестная в белом 253
Публикация Эрика ГЕРНЕТА

Автор "Гаврилиады" 262
Осип КОЛЫЧЕВ
Рождение "Потоков Октября" 265

Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Сынам твоим лишь нужно единенье" 273

ПУТЕШЕСТВИЕ

Феликс КОХРИХТ
Лед и пламень 289

АХ, ОДЕССА

Михаил БИНОВ
"Зингерталь, мой цыпочка, сыграй ты мне на скрипочка" 293

Леонид АВЕРБУХ
Новейшие ленчики 297

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 300

ИЗДАНО...

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Унесли с собой Одессу... 305

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
"О, сколько нам открытий чудных..." 306

Мария ГУДЫМА
Марк Соколянский открывает новые грани творчества Гоголя 308

Антон УХОВ
Аптечная книжка 310

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Николай Степанов 311

Аркадий КРЕЙМЕР
Одессит из Катманду 312

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Михаил Векслер 315



Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 36

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 36

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать XX.XX.2009.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"